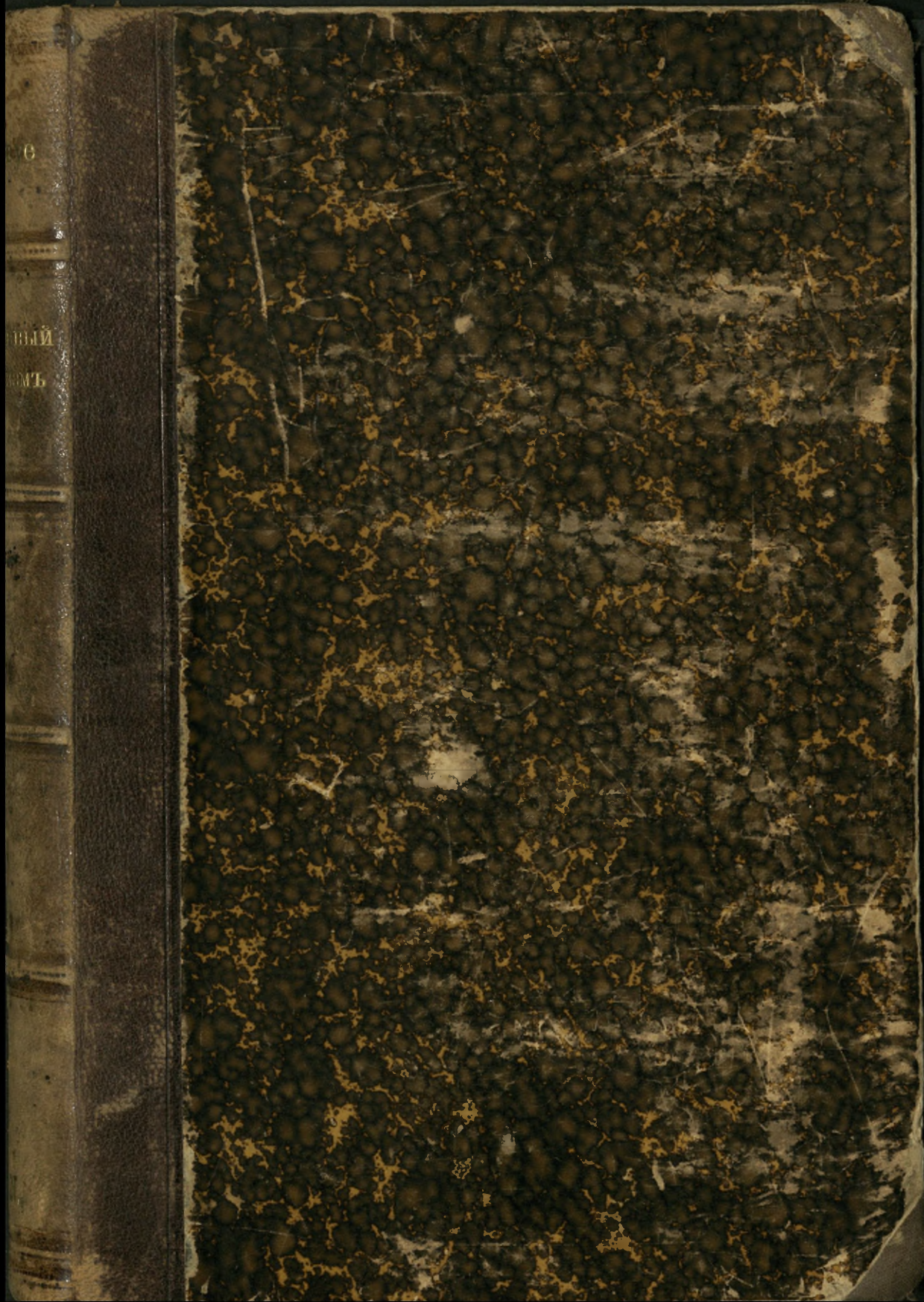

R G B WH GR BL C M Y K

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Colour Chart #13

Blue

Cyan

Green

Yellow

Red

Magenta

White

3/Color

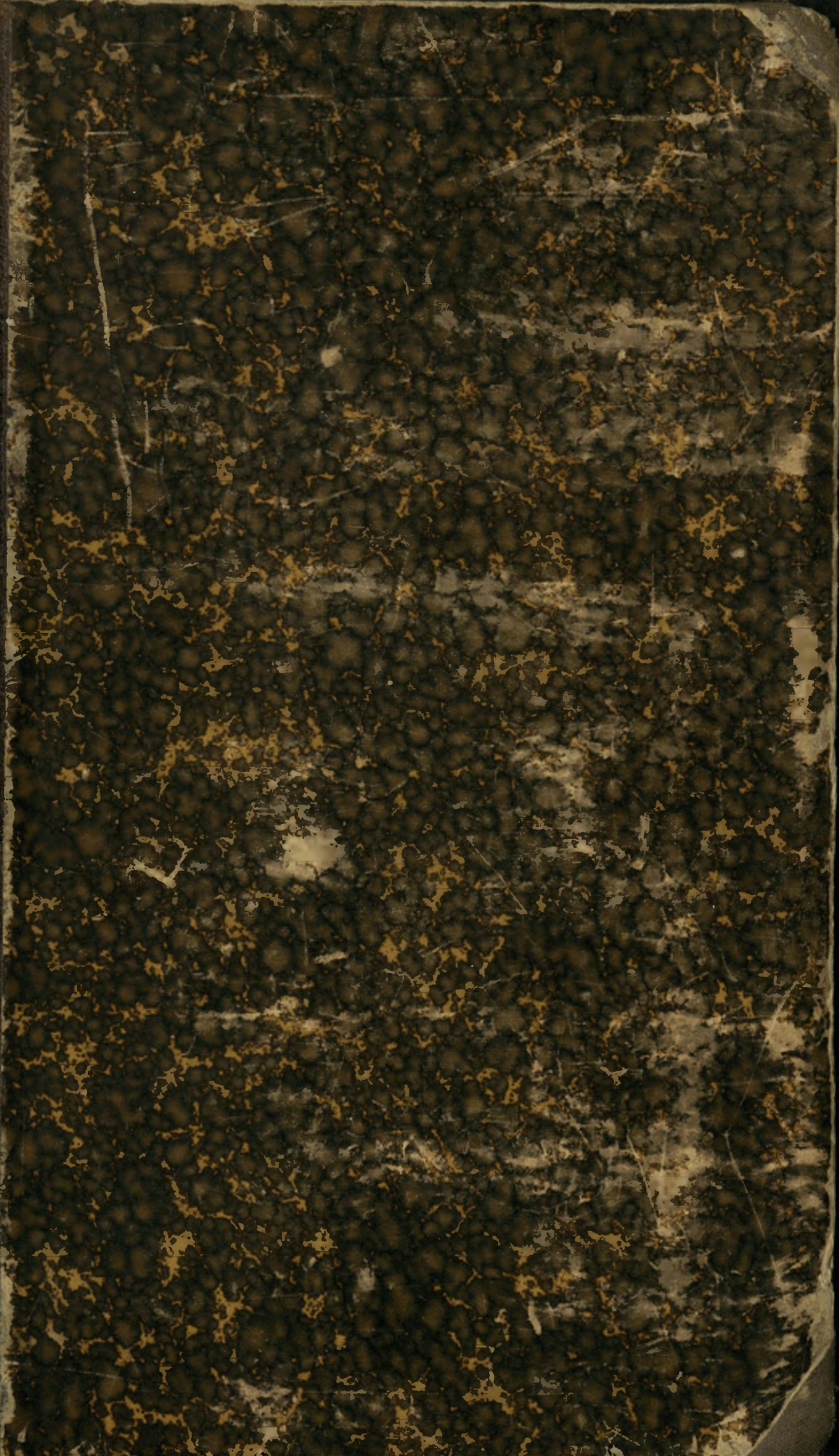
Black

Inches
Centimetres
1 2 3 4 5 6 7 8
1 2 3 4 5 6 7 8

6

ВІД
ВІД

1.00 (1000)

Petersburg. Petersburg. 1883.

100 (200)

СОВРЕМЕННЫЙ
СОЦІАЛИЗМЪ

СОЧИНЕНІЕ

ЭМИЛЯ ДЕ ЛАВЕЛЕ.

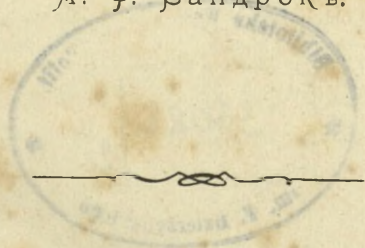
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

М. А. Антоновича.

ИЗДАНИЕ

А. Ф. Зандрокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1882.

Российская Империя 1888

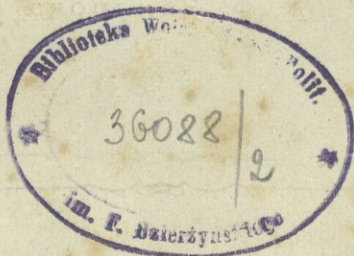
КОРРЕКТИВЫ

КОЛЛЕКЦИЯ

СМЕРЬ ДАВНО

(687)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА I. Современный социализмъ и новыя стремленія къ политической экономіи.	1— 36
ГЛАВА II. Современный социализмъ въ Германіи	37—189
ГЛАВА III. Величіе и упадокъ интернаціонали.	190—241
ГЛАВА IV. Всемирный союзъ демократіи и апостолъ всемірнаго разрушенія	242—289
ГЛАВА V. Отношенія политической экономіи къ морали, праву, политикѣ и исторіи	290—336
ГЛАВА VI. Роскошь и ея отношенія къ морали, праву и политической экономіи.	337—385

OF FABRIC

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

6. Prussia, 1800

ГЛАВА I.

Современный социализмъ и новыя стремленія въ политической экономіи.

Политическая экономія, которую я охотно назвалъ бы ортодоксальною, т.-е. эта наука въ томъ видѣ, какъ ее понимали и излагали отцы ея, Адамъ Смитъ, Ж. Б. Сэй и ихъ послѣдователи, казалась окончательно установившеюся. Подобно римской церкви, она имѣла свое *credo*, свой *символь вѣры*. Нѣкоторыя истины ея казались такъ прочно установленными, такъ неопровержимо доказанными, что ихъ принимали какъ догматы. Тѣ, которые сомнѣвались въ нихъ, считались еретиками, заблужденія которыхъ объяснялись только однимъ ихъ невѣжествомъ. Правда, эти экономическія истины уже въ то время, когда онѣ были формулированы, встрѣтили живыя возраженія. Съ самаго начала и до нашихъ дней на нихъ нападали нѣкоторые религіозные писатели, обвинявшіе ихъ въ матеріализмѣ и безнравственности; а разныя социалистическія секты упрекали ихъ въ томъ, что они безжалостно жертвуютъ правами обездоленнаго класса людей въ пользу привилегій богатыхъ; но экономисты легко справлялись съ этими двумя группами своихъ противниковъ, которые, повинуваясь внушенію только своихъ чувствъ, не вдавались въ изслѣдованіе затрогиваемыхъ ими вопросовъ. Въ настоящее же время экономическіе догматы встрѣчаютъ противниковъ болѣе опасныхъ. Въ Германіи—это цѣлая

школа профессоровъ политической экономіи, называемыхъ по этому Katheder-Socialisten, т.-е. «соціалистами кафедръ». Въ Англии этими противниками являются экономисты, опирающіеся на исторію и право и прекрасно знающіе факты, констатированные наблюденіемъ и статистикой, каковы напр. Клиффорд Лесли и Торнтонъ; въ Италіи — это группа извѣстныхъ писателей, каковы: Люццатти, Форти, Лампетрико, Кузумано, А. Морелли, Коньетти де Мартисъ, которые высказали свои воззрѣнія на бывшемъ конгрессѣ въ Миланѣ и органомъ которыхъ служить Giornale degli Economisti. Въ Даніи держится того же направленія превосходный экономическій сборникъ Nationoekonomisk Tidsskrift, который издають А. Петерсеня, Фредериксенъ, Фальбе, Ганзенъ, В. Шарлингъ. Итакъ вотъ неоспоримый фактъ: на этотъ разъ дѣло заключается въ очень серьезномъ научномъ движеніи, которое заслуживаетъ внимательнаго изученія. Сначала мы попробуемъ изложить происхождение и характеръ новыхъ стремленій въ политической экономіи; потомъ изучимъ сочиненія нѣкоторыхъ авторовъ, которые наилучшимъ образомъ выражаютъ различные оттѣнки этого движенія, а также и сочиненія тѣхъ соціалистовъ, которые поставили своей задачей борьбу.

Новая политическая экономія иначе чѣмъ старая понимаетъ основаніе, методъ, назначеніе и выводы науки. Исходный пунктъ у соціалистовъ кафедръ совершенно иной чѣмъ у ортодоксальныхъ экономистовъ, которые извѣстны у нихъ подъ именемъ Манчестерской школы, потому что дѣйствительно эта школа, проповѣдующая свободный обмѣнъ, или свободу торговли, изложила съ наибольшою логичностью догматы стараго символа вѣры. Посмотримъ, какъ сами новые экономисты указываютъ тѣ пункты, въ которыхъ они расходятся съ общепринятою доктриной *).

*) Мы здѣсь будемъ слѣдовать главнымъ образомъ: *Adolf Held*, Ueber den gegenwärtigen Principienstreit in der Nationaloconomie.—*Gustaw Schönberg*, Die Volkswirtschaftslehre, *Gustaw-Schmoller*, Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft, *Contzen*,—Die Aufgabe der Volks-

Преемники Адама Смита, Рикардо, Маккологъ, Ж. Б. Сэй и вся школа называемая англійскою, слѣдовали дедуктивному методу. Они исходили изъ извѣстныхъ взглядовъ на человѣка и природу и отсюда выводили свои заключенія. Росси точно характеризуетъ этотъ методъ, говоря: «Политическая экономія, разсматриваемая въ томъ, что есть въ ней общаго, скорѣе наука теоріи, чѣмъ наука наблюденія *). Она имѣетъ цѣлью осмысленно познать отношенія, вытекающія изъ природы вещей... Она отыскиваетъ законы, основываясь на общихъ и постоянныхъ фактахъ человѣческой природы».

Въ этой системѣ, человѣкъ разсматривается какъ существо всегда и всюду преслѣдующее свой частный интересъ. Движимый этимъ мотивомъ, который хорошъ самъ по себѣ, потому что онъ есть принципъ самосохраненія, человѣкъ отыскиваетъ то, что ему полезно, и никто не можетъ въ этомъ случаѣ распознать его пользу лучше его самого. Поэтому, если онъ можетъ дѣйствовать свободно, какъ онъ хочетъ, то онъ достигнетъ того благополучія, котораго ему возможно достигнуть. До настоящаго времени государство ставило препятствія полному расширенію экономическихъ силъ; но уничтожьте эти препятствія, и тогда всѣ люди свободно станутъ искать благосостоянія и въ мірѣ водворится истинный порядокъ. Всеобщая и неограниченная конкуренція доставитъ каждому индивидууму то положеніе, которое ему наиболѣе соотвѣтствуетъ и дастъ ему справедливое вознагражденіе за труды. — Точно также, какъ говоритъ Монтескье, только «конкуренція дѣлаетъ вѣрную оцѣнку товарамъ». Она — безошибочный регуляторъ промышленнаго міра. Она нѣчто вродѣ закона провидѣнія, который въ запутанныя отношенія людей соединенныхъ въ общество, вноситъ порядокъ и справедливость. Если бы государство воздерживалось отъ вмѣшательства въ сдѣлки людей и предоставило полную свободу собственности, капиталу, труду, обмѣну и призванію, то тогда

wirtschaftslehre, — *Wagner*, *Die Sociale Frage*, — *L. Luzzati*, *Die nationaloekonomischen Schulen Italiens und ihre Controversen*.

*) *Cours d'economie politique*, deuxième leçon, année 1836.

производство богатства достигло бы наивысшаго предѣла, общее благосостояніе такимъ образомъ сдѣлалось бы наивозможно высокимъ. Законодателю нѣтъ надобности заниматься распредѣленіемъ богатства; распредѣленіе сдѣлается само собой, сообразно съ законами природы и свободными сдѣлками. Фраза, произнесенная Гурнэ еще въ прошломъ столѣтіи, резюмируетъ все ученіе такъ: *laissez faire, laissez passer*. При этой теоріи, задачи, относящіяся къ управленію обществами, очень упрощаются. Государственному человѣку остается только сложить руки. Міръ идетъ къ своей цѣли самъ собою. Это оптимизмъ Лейбница и Гегеля перенесенный въ политику. Опираясь на эту философскую доктрину, экономисты высказываютъ нѣкоторые общіе принципы, примѣнимые, какъ абсолютная истина, во всѣ времена и ко всѣмъ народамъ.

Политическая экономія была существенно космополитична. Она не принимала въ расчетъ раздѣленія людей на отдѣльныя націи, интересы которыхъ вслѣдствіе этого могли быть различны, и не думала о необходимостяхъ или особенныхъ условіяхъ, происходящихъ отъ историческихъ различій государствъ. Она видѣла только одно: благосостояніе всего человѣчества, рассматривая его какъ одну большую семью, совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ всякая отвлеченная наука и всякая религія, въ особенности христіанская.

Изложивъ такимъ образомъ доктрины стараго ученія, новѣйшіе экономисты подвергаютъ его критическому разбору. Они обвиняютъ его въ томъ, что оно рассматриваетъ вещи только съ одной стороны. Безъ сомнѣнія, говорятъ они, человѣкъ преслѣдуетъ свой личный интересъ; но вѣдь не одинъ только этотъ интересъ дѣйствуетъ на его душу и управляетъ его поступками. Наряду съ эгоизмомъ, есть чувство коллективности, *Gemeinsinn*, чувство общежитія, которое выражается образованіемъ семьи, общины и государства. Человѣкъ не похожъ на животное, которому нужно только удовлетвореніе своихъ естественныхъ потребностей; онъ существо моральное, которое умѣетъ повиноваться своему долгу, и которое, подчиняясь вну-

шеніямъ религіи или філософіи, жертвуетъ часто своимъ благосостояніемъ и даже своею жизнію во имя родины, чловѣколюбія, правды, Бога. Поэтому ошибочно основывать рядъ выводовъ на томъ афоризмѣ, что чловѣкъ дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ одного побужденія—личнаго интереса. «Тѣ общіе и постоянные факты чловѣческой природы», изъ которыхъ Росси хочетъ вывести экономическіе законы, суть только воображаемыя фикціи.

Въ различныхъ странахъ, въ разныя эпохи, люди повиновались побудительнымъ мотивамъ, которые были неодинаковы вслѣдствіе того, что люди имѣли различныя понятія о благосостояніи, правѣ, нравственности, справедливости. Дикарь находитъ средства для своего существованія въ охотѣ, а въ случаѣ нужды, убиваетъ и себѣ подобныхъ; древніе граждане обращали другихъ людей въ рабство, чтобы жить плодами ихъ трудовъ; а чловѣкъ новѣйшихъ временъ оплачиваетъ ихъ трудъ въ его пользу рабочей платой.

Такъ какъ люди на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи имѣютъ неодинаковыя требованія, различныя побужденія, иные способы производства, распредѣленія и потребленія богатства, то вслѣдствіе этого экономическія задачи не допускаютъ общихъ и апріорныхъ рѣшеній, какихъ требовали отъ науки и какія она слишкомъ часто отваживалась давать. Такимъ образомъ, слѣдуетъ всегда обсуждать вопросы относительно какой нибудь извѣстной данной страны, а также опираться въ этомъ случаѣ на статистику и исторію. Это то и есть историческій и «реалистическій методъ», какъ выражаются соціалисты каедры, т.-е. основанный на фактахъ *). Въ настоящее время и въ политикѣ также уже не ищутъ идеальной конституціи,

*) Хотя во Франціи и не возникла новая экономическая школа, какъ въ Германіи, Англійи и Италіи, но многіе писатели слѣдуютъ историческому и реальному методу съ такою надежною эрудиціей и такимъ богатствомъ свѣдѣній, что выше ихъ мы не видимъ ничего въ другихъ странахъ; намъ достаточно указать на труды Леонсъ де Лаверня, Рейбода, Воловскаго, Виктора Вонне, Поля Леруа-Болье.

подходящей къ абстрактному человѣку, но ищутъ формы правленія, которая ближе подходитъ къ традиціямъ, просвѣщенію, темпераменту и нуждамъ той или другой страны.

Соціалисты каеэдры считаютъ заблужденіемъ утверждать, какъ это дѣлалъ Бастіа въ своихъ *Harmonies économiques*, что общій порядокъ вытекаетъ изъ свободной игры личныхъ эгоизмовъ, и что достаточно уничтожить всѣ препятствія, чтобы каждый пользовался благосостояніемъ, соразмѣрно своимъ трудамъ. Эгоизмъ доводитъ людей до несправедливости и хищенія; его слѣдуетъ обуздывать и не давать ему свободнаго простора: прежде всего это обязанность нравственности, а затѣмъ—государства, какъ органа правосудія.

Правда, если бы люди были совершенны и ничего не желали бы кромѣ добра, тогда достаточно было бы одной свободы, чтобы утвердить царство порядка; но среди людей, какъ они есть теперь, разнузданные интересы приводятъ къ антагонизму, а не къ гармоніи. Капиталистъ промышленникъ желаетъ пониженія рабочей платы, рабочій желаетъ напротивъ увеличенія ея. Собственникъ земли усиливается возвысить арендную плату, а фермеръ—уменьшить ее. Повсюду торжествуетъ болѣе сильный или болѣе ловкій; и въ схваткѣ борющихся эгоизмовъ никто не заботится объ исполненіи предписаній нравственности и справедливости. Такъ въ Англии, гдѣ всѣ препятствія были уничтожены и гдѣ царствуетъ полнѣйшая промышленная свобода, борьба классовъ, антагонизмъ между хозяевами и рабочими представляются въ самомъ остромъ и грозномъ видѣ. И въ этой то странѣ *laissez faire* по преимуществу, съ нѣкотораго времени чаще всего требуется вмѣшательство государства, чтобы обуздать злоупотребленія сильныхъ и защитить слабыхъ. Прежде тамъ обезоруживали власть, а теперь ей каждый день даютъ новыя функціи. Не доказываетъ ли это, что экономическая доктрина абсолютной свободы не даетъ полнаго рѣшенія задачи.

Новые экономисты не раздѣляютъ того страха къ государству, какой высказывали ихъ предшественники, называвшіе его то язвой, то необходимымъ зломъ. Для нихъ, напротивъ,

государство, представляя единство націи, есть органъ высшаго права, орудіе правосудія. Такъ какъ государство вытекаетъ изъ жизненныхъ силъ и интеллектуальныхъ стремленій страны, то его долгъ—благопріятствовать развитію ихъ во всѣхъ направле-ніяхъ. Исторія доказываетъ, что оно было могущественнымъ агентомъ цивилизаціи и прогреса. Свобода личности должна быть уважаема и даже возбуждаема, но ее слѣдуетъ подчинять правиламъ нравственности и справедливости; и эти правила, которыя становятся все болѣе и болѣе точными, по мѣрѣ того какъ возвышаются идеи добра и справедливости, государство должно сдѣлать обязательными для всѣхъ.

Свобода промышленности вещь превосходная. Свободный обмѣнъ, свобода труда и договоровъ чрезвычайно способствовали увеличенію производства богатствъ. Нужно уничтожить всѣ препятствія къ свободѣ, если онѣ еще существуютъ; но государству принадлежитъ право вмѣшательства въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается, что частный интересъ идетъ въ разрѣзъ съ гуманными и просвѣтительными задачами политической экономіи, притѣсняя и угнетаая нисшіе классы. Итакъ, государство имѣетъ двойное назначеніе: прежде всего поддерживать свободу въ границахъ начертанныхъ правомъ и нравственностью и, во вторыхъ, оказываетъ содѣйствіе вездѣ, гдѣ цѣль, т.-е. соціальныи прогрессъ, можетъ быть лучше достигнута другимъ образомъ, чѣмъ индивидуальными усиліями, такъ напр. въ дѣлахъ улучшенія путей сообщенія, пристаней, развитія просвѣщенія, наукъ, искусствъ и разныхъ другихъ общепользныхъ предметовъ.

Вмѣшательство государства не должно быть всегда отвергаемо, какъ того хотятъ крайніе экономисты, но и не всегда допускаемо, какъ того требуютъ нѣкоторые социалисты; каждый случай долженъ быть изслѣдованъ отдѣльно, сообразуясь съ потребностями, какія нужно удовлетворять и съ ресурсами частной инициативы. Однакожь было бы ошибочно думать, что роль государства умалется по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Правда, роль эта въ настоящее время не та, какъ была во времена

патріархальнаго, или деспотическаго режима, но она непрерывно расширяется по мѣрѣ того, какъ открываются новые пути человѣческой дѣятельности и очищается представленіе о томъ, что справедливо и несправедливо. Это мнѣніе было высказано очень энергично также и во Франціи Дюпономъ-Витомъ, въ его книгѣ *l'individu et l'Etat*.

Соціалисты каѳедры упрекають ортодоксальныхъ экономистовъ еще за то, что они слишкомъ исключительно ограничиваются вопросами, касающимися производства богатствъ, и пренебрегаютъ вопросами, касающимися распредѣленія и потребленія. Они утверждаютъ, что экономисты названной школы разсматриваютъ человѣка какъ производительную силу, недостаточно заботясь о его назначеніи и обязанностяхъ, какъ существа нравственнаго и разумнаго. По ихъ мнѣнію, благодаря удивительнымъ открытіямъ науки въ приложеніи къ промышленности, послѣдняя дала бы уже достаточно продуктовъ, если бы трудъ былъ правильно примѣняемъ и, если бы человѣческія усилія не растрчивались на удовлетвореніе ложныхъ и даже порочныхъ потребностей; величайшая задача нашего времени, этотъ, такъ называемый, соціальный вопросъ есть собственно вопросъ распредѣленія.

Рабочій классъ желаетъ улучшенія своей участи и полученія большей доли продуктовъ, созданныхъ совокупною дѣятельностью труда и капитала. Въ какихъ границахъ и при какихъ условіяхъ это возможно? Вотъ что необходимо изслѣдовать. Въ виду тѣхъ золь, которые волнуютъ соціальное общество и угрожаютъ ему, представляются три системы: первая проповѣдуетъ возвращеніе къ прошлому и возстановленіе стараго режима; вторая есть соціализмъ, который добивается радикальнаго измѣненія соціальнаго порядка; наконецъ третья система, ортодоксальная экономія, утверждаетъ, что все придетъ въ порядокъ посредствомъ свободы и по дѣйствию естественныхъ законовъ. По мнѣнію соціалистовъ каѳедры, ни одна изъ этихъ трехъ системъ не разрѣшаетъ затрудненій, волнующихъ настоящую эпоху. Возвратъ къ прошлому невозможенъ; не менѣе того

невозможно рѣзкое и общее измѣненіе общества; а ссылаться на свободу, значить отдѣливаться словами, потому что здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ права, гражданскаго закона и соціальной организаціи. Распредѣленіе дѣлается не только въ силу договоровъ, которые очевидно должны быть свободны, но главнымъ образомъ въ силу гражданскихъ законовъ и нравственныхъ чувствъ, вліяніе которыхъ должно быть оцѣнено и должна быть обсуждена ихъ справедливость.

Неправильно разсматривать экономическія задачи отдѣльно; онѣ тѣсно связываются съ психологіей, религіей, моралью, правомъ, правами и исторіей. Нужно принимать во вниманіе всѣ эти элементы, а не довольствоваться однообразной и поверхностной формулой *laissez faire*. Антагонизмъ классовъ, лежавшій во всѣ времена въ основѣ политическихъ революцій, въ настоящее время снова является съ характеромъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ когда либо. Онъ повидимому угрожаетъ опасностью будущности цивилизаціи. Не слѣдуетъ отрицать зла, а напротивъ, нужно лучше изучить его во всѣхъ его видахъ и стараться излечить его постепенными и раціональными реформами. И въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ обращаться за внушеніями къ нравственности, къ чувству справедливости и христіанскому милосердію.

Братко сказать, въ то время какъ старые экономисты, выходя изъ извѣстныхъ абстрактныхъ принциповъ, воображали, будто они пришли путемъ дедуктивнаго метода къ заключеніямъ положительно доказаннымъ и повсюду примѣнимымъ, социалисты каедры, опираясь на знаніе фактовъ прошедшаго и настоящаго, выводятъ методомъ индуктивнымъ и историческимъ относительныя рѣшенія, которыя должны видоизмѣняться сообразно съ положеніемъ того общества, къ которому ихъ хотятъ примѣнять.

Первые, убѣжденные что естественный законъ, управляющій физическими явленіями, долженъ управлять также и человѣческими обществами, воображаютъ, что какъ только будутъ уничтожены всѣ искусственныя преграды, то изъ свобод-

наго полета призваній возникнетъ гармонія интересовъ, а изъ полного освобожденія индивидуумовъ возникнетъ наилучшая соціальная организація и наибольшее благосостояніе. Вторые думаютъ напротивъ, что на экономической почвѣ, также какъ и между животными, въ борьбѣ за существованіе и при столкновеніи эгоизмовъ, болѣе сильный подавляетъ или эксплуатируетъ болѣе слабого, если только государство, органъ правосудія, не вмѣшивается для того, чтобы заставить давать каждому то, что ему слѣдуетъ законно. Они прибавляютъ, что государство должно способствовать прогресу цивилизаціи. Наконецъ, вовсе не раздѣляя взглядовъ ортодоксальныхъ экономистовъ, что достаточно одной неограниченной свободы, чтобы положить конецъ соціальной борьбѣ,—они, напротивъ, доказываютъ, что необходимъ рядъ реформъ и улучшеній, внушенныхъ чувствомъ справедливости, если желаютъ избѣжать гражданскихъ распрей, влекущихъ за собою деспотизмъ.—Въ Германіи въ особенности развилась новая школа. И причина этого та, что здѣсь политическая экономія была причислена къ разряду наукъ «камеральныхъ», т.-е. такихъ, которыя имѣли предметомъ государство. Ее здѣсь никогда не разработывали какъ отдѣльную отрасль, управляемую спеціальными законами. Даже ортодоксальные послѣдователи англійской школы, какъ Рау, никогда не упускали изъ виду тѣсныхъ узъ, связывающихъ ее съ другими соціальными науками, особенно съ политикою, и они охотно ссылались на факты и исторію. Какъ только идеи Смита и его послѣдователей начали распространяться въ Германіи, онѣ нашли тамъ критиковъ, въ профессорахъ Людеръ и графъ Соденъ, которые считали важнымъ не одно только увеличеніе богатства, но и общій прогрессъ цивилизаціи. Потомъ явились Листъ, Штейнъ, Рошеръ, Книсъ, Гильдебрантъ, и въ настоящее время ихъ легіонъ: Нассе, Шмоллеръ, Гельдъ, Контценъ, Шефле, Вагнеръ, Кюнъ, Шель, Замтеръ, Шенбергъ, Гиртъ, Бемертъ, Брентано.

Попробуемъ выдѣлить, что есть вѣрнаго въ этихъ взглядахъ новой школы. Прежде всего, несомнѣнно, что еще не выработано яснаго опредѣленія ни основанія, характера и границъ по-

литической экономіи, ни ея отношеній къ другимъ наукамъ того же порядка. «Хотя экономисту и приходится краснѣть за науку, говоритъ Росси, однако онъ долженъ сознаться, что первый изъ вопросовъ, еще требующихъ разрѣшенія, таковъ: что такое политическая экономія, какой ея предметъ и объемъ, и каковы ея границы?» Это замѣчаніе очень основательно, потому что даже въ *Лексиконѣ политической экономіи*, С. Кокеленъ, взявшій на себя трудъ установить объ ней точное понятіе, не могъ разъяснить, есть-ли она искусство или наука. Онъ хочеть сдѣлать ее наукой, и опредѣляетъ ее вмѣстѣ съ Дестуттъ-Траси такъ, что эта наука есть «собраніе истинъ, вытекающихъ изъ изслѣдованія какого нибудь предмета». Онъ повторяетъ отъ себя слова Росси: «Наука не имѣетъ цѣли. Лишь только мы займемся примѣненіемъ, какое можно сдѣлать изъ нея, тотчасъ впадаемъ въ искусство. Всякая наука есть не что иное, какъ овладѣніе истиной»; и Кокеленъ прибавляетъ: «Наблюдать и описывать реальныя явленія, вотъ наука; она не совѣтуетъ, не предписываетъ и вовсе не управляетъ». Однако, принявъ такое опредѣленіе, Кокеленъ приходитъ въ сильное затрудненіе, въ чемъ и самъ сознается. Даже *Лексиконъ* въ которомъ онъ пишетъ, содержитъ множество статей и наиболѣе важныхъ, которыя не довольствуются наблюденіемъ и описаніемъ, но напротивъ, совѣтуютъ, предписываютъ или осуждаютъ то или другое учрежденіе, тотъ или другой законъ, и требуютъ ихъ уничтоженія. Такимъ образомъ, въ этихъ статьяхъ, политическая экономія оказывается вовсе не наукой, а искусствомъ. Онъ признаетъ, что она вмѣстѣ то и другое, но когда онъ хочеть провести черту разграниченія, то приходитъ къ такому странному признанію въ своемъ безсиліи: «Не попробуемъ ли мы теперь сдѣлать болѣе точное разграниченіе между наукой и искусствомъ, давъ имъ различныя названія? Нѣтъ, намъ достаточно указать различіе между ними; время и болѣе разумное пониманіе предметовъ сдѣлають остальное».

Сомнѣнія и неясности, встрѣчаемыя въ большинствѣ случаевъ у авторовъ, при опредѣленіи предмета политической эконо-

номіи, происходятъ вслѣдствіе того, что ее хотѣли сдѣлать то наукою наблюденія, какъ естественная исторія, то наукою точною, какъ математика, и еще вслѣдствіе того, что желали найти въ ней точные, непреложные законы, какъ тѣ физическіе законы, которые управляютъ физической вселенной. Постараемся разяснить эти два пункта; такъ какъ они имѣютъ фундаментальное значеніе, то изъ разбора ихъ выяснится настоящій характеръ политической экономіи.

Вообще различаютъ три категоріи наукъ: науки точныя, науки естественныя и науки моральныя и политическія. Науки точныя называются такъ потому, что основываясь на абстрактныхъ данныхъ, каковы числа, линіи, точки и геометрическія фигуры, онѣ правильно умозаключая, приводятъ къ исполнѣ строгимъ и неоспоримымъ заключеніямъ, таковы: ариеметика, алгебра, геометрія. Науки естественныя наблюдаютъ и описываютъ явленія физическаго міра, стараясь открыть управляющіе ими законы, таковы: астрономія, физика, ботаника и физиологія. Науки моральныя и политическія занимаются идеями, дѣяніями человѣка и произведеніями его воли—учрежденіями, законами, культомъ, это: философія, мораль, право и политика. Къ какой же категоріи слѣдуетъ причислить политическую экономію?

Нѣкоторые писатели, и между прочими Дю Мениль Мариньи во Франціи, Варла въ Швейцаріи и Джевонсъ въ Англіи, пытались разрѣшить нѣкоторыя экономическія задачи, выразивши ихъ въ алгебраическихъ формулахъ *) Я не думаю, чтобы такимъ образомъ они достаточно выяснили трудные пункты, къ которымъ они примѣнили этотъ методъ. Экономическія явленія подвержены множеству различныхъ и измѣнчивыхъ вліяній,

*) *Warlas* напечаталъ въ 1831 году свой трудъ, озаглавленный: *О природѣ богатства и о происхожденіи цѣнности*, гдѣ онъ пытается доказать въ главѣ XVIII, „что политическая экономія наука математическая.“ См. *Stanley Jevons*, *Theory of political economy*, 1871. *Warlas*, *Элементы чистой политической экономіи*, 1874. *Курно* напечаталъ въ 1830 свои „Исслѣдованія о математическихъ началахъ теоріи богатства“.

которыя невозможно выразить цифрами; онѣ не поддаются такимъ строгимъ выводамъ, какіе дѣлаются въ математикѣ. Рассматриваемыя данныя, т.-е. человѣческія потребности, цѣнность предметовъ, богатство, не имѣютъ ничего постояннаго и неизмѣненія въ нихъ зависятъ отъ общественнаго мнѣнія, отъ моды, отъ обычаевъ, отъ климата и отъ безчисленнаго множества разныхъ обстоятельствъ, которыя невозможно ввести въ алгебраическое уравненіе. Политическую экономію нельзя по этому причислить къ категоріи точныхъ наукъ. Это ставили ей въ вину, отказывали ей даже въ названіи науки, потому что она не можетъ дать строго математическихъ результатовъ. А между тѣмъ, въ этомъ-то и состоитъ, съ извѣстной точки зрѣнія, ея превосходство и величіе. Она не имѣетъ претензіи давать абсолютныя рѣшенія, потому что она имѣетъ дѣло не съ абстрактными и совершенно опредѣленными элементами, но съ нуждами и дѣяніями человѣка, существа свободнаго и нравственнаго, «колеблющагося и измѣняющагося», повинующагося мотивамъ, которые невозможно ни опредѣлить съ точностью, ни измѣрить посредствомъ чиселъ.

Большинство экономистовъ, отчасти сообразно съ опредѣленіемъ, которое они даютъ предмету своего изученія, отчасти съ ихъ понятіемъ о своей задачѣ, называютъ политическую экономію наукой наблюдательной и описательной, «отраслью естественной исторіи человѣка», какъ говоритъ Кокеленъ. Этотъ писатель, чтобы уяснить свою мысль, выражается такъ: «Анатомія изучаетъ въ человѣкѣ его физическое строеніе, фізіологія—дѣйствіе его органовъ, естественная исторія, какъ она понималась Бюффономъ и его послѣдователями—его привычки, инстинкты, его нужды и опредѣляетъ мѣсто, занимаемое имъ на лѣстницѣ живыхъ существъ; политическая же экономія изучаетъ комбинацію его работъ. Неправда ли, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ изученія для натуралиста есть наблюденіе надъ работами пчелы внутри улья, изученіе порядка ихъ, комбинацій и хода? Экономистъ, занимающійся только наукою, дѣлаетъ тоже самое относительно этой разумной пчелы, назы-

ваемой человѣкомъ; онъ наблюдаетъ порядокъ, ходъ и комбинаціи его работъ. Обѣ эти отрасли науки совершенно одного характера».

Кокеленъ готовъ даже замѣнить названіе *политической экономіи*, названіемъ *соціальной физиологіи*. «Слово физиологія во всѣхъ отношеніяхъ идетъ къ экономической наукѣ, потому что она имѣетъ предметомъ объясненіе дѣйствій естественныхъ органовъ промышленности».

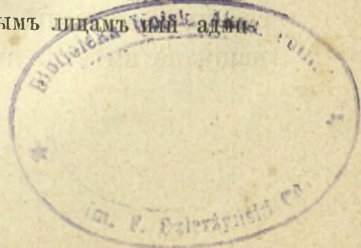
Съ этой точки зрѣнія очевидно, что экономія не есть наука моральная. Въ ней дѣло идетъ не объ осуществленіи добра, не о достиженіи идеала и не объ исполненіи долга; нѣтъ, все ограничивается тѣмъ, чтобы наблюдать и описывать, какъ животное-человѣкъ работаетъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Ж. Б. Сэй держался тѣхъ же понятій, когда въ заглавіи своего знаменитаго и столь распространеннаго труда, далъ опредѣленіе, которое потомъ постоянно повторялось: «Трактатъ политической экономіи или простое изложеніе того, какимъ образомъ производятся, распределяются и потребляются богатства». Бастіа, съ тою точностью языка, съ тою живостью и блескомъ стилия, которые часто скрываютъ довольно поверхностныя понятія, сильно настаивалъ на томъ, чтобы сдѣлать изъ политической экономіи науку чисто описательную. «Политическая экономія, говоритъ онъ, ничего не навязываетъ; она даже не даетъ никакихъ совѣтовъ; она только описываетъ, какъ производится и распределяется богатство, совершенно также, какъ физиологія описываетъ дѣйствія нашихъ органовъ». Бастіа думалъ поднять авторитетъ экономическихъ принциповъ, приписывая имъ «объективный», безпристрастный, безличный характеръ естественныхъ наукъ. Онъ забывалъ, что всѣ его сочиненія и его дѣятельная пропаганда въ пользу свободнаго обмѣна противорѣчили его опредѣленію.

Въ очень хорошо написанной книгѣ, гдѣ самая строгость умозаключеній яснѣе выказываетъ ошибочность ложныхъ посылокъ, Антуанъ-Элизе Шербюлье выражаетъ идею Ж. Б. Сэя, Бастіа

и Кокелена еще точнѣе. «Политическая экономія, говоритъ онъ, не есть наука о человѣческой жизни или о жизни соціальной, ни даже наука о матеріальномъ благосостояніи людей. Она все-таки существовала бы, и не измѣнила ни своего предмета, ни цѣли, если бы даже богатство не только не способствовало нашему благосостоянію, но и не имѣло бы на него никакого вліянія, но только продолжало бы производиться, циркулировать и распредѣляться *)». Авторъ, чтобы дать наукѣ абсолютный характеръ, котораго она не можетъ имѣть, высказываетъ совершенно противорѣчивую гипотезу. Онъ забываетъ, что извѣстный предметъ составляетъ богатство только потому, что удовлетворяетъ какой-нибудь изъ нашихъ потребностей и способствуетъ нашему благосостоянію. Предположить, что богатство ничего не значитъ въ дѣлѣ нашего благосостоянія, значитъ допустить, что есть богатство, которое на дѣлѣ не богатство.

Экономисты, приписывающіе политической экономіи строгость точныхъ наукъ, или объективный характеръ естественныхъ наукъ, забываютъ, что она наука моральная. А моральныя науки не ограничиваются описаніемъ того, что есть, онѣ говорятъ также, что должно быть. Страненъ былъ бы тотъ моралистъ, который ограничивался бы только анализомъ страстей человѣка и не говорилъ бы ему объ его обязанностяхъ! Цѣль морали въ томъ собственно и состоитъ, чтобы точно опредѣлить наши обязанности къ Богу, къ ближнимъ и къ самимъ себѣ, и показать, что мы должны дѣлать или чего избѣгать, чтобы достигнуть возможной для насъ степени совершенства.

1) См. *Cherbuliez, Précis de la science économique* t. 1-er. Шербюлье очень хотѣлось основать чистую политическую экономію, на подобіе чистой математики. «Наука экономическая, говоритъ онъ, имѣетъ цѣлью открыть истину, а не дать практическіе выводы, не просвѣщать людей, не сдѣлать ихъ лучше, счастливѣе, и истины, которыя она открываетъ, суть только теоріи или сужденія, основанныя на этихъ теоріяхъ, а вовсе не повелительныя правила, не наставленія для руководства частнымъ лицамъ администраціи». Т. I, стр. 10 указаннаго сочиненія.

Въ политикѣ точно также недостаточно перечислить существующія формы правленія, или же начертать идеальную конституцію для людей совершенныхъ; она должна показать намъ, какія учрежденія особенно пригодны для извѣстнаго народа, или для извѣстнаго положенія, и какія наиболѣе благоприятствуютъ прогресу человѣческаго рода. Поэтому она не поставитъ на одну линію деспотизмъ, подавляющій человѣческую самодѣятельность, и свободу, развивающую наши благородныя качества; но она должна будетъ указать, при какихъ условіяхъ свободныя учрежденія могутъ быть прочными или какія слабости дѣлаютъ деспотическое управленіе неизбѣжнымъ.

Также точно экономистъ не можетъ довольствоваться описаніемъ только того, какъ производится и распредѣляется богатство. И это одно было бы огромнымъ дѣломъ, и гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ это предполагали Сэй и его послѣдователи. Недостаточно изучить то, что происходитъ въ одной странѣ, потому что способы производства и распредѣленія различны у разныхъ націй; но это только самая малая часть работы настоящаго экономиста. Нужно еще, чтобы онъ также указалъ, какъ люди должны устроиться, какъ они должны производить и распредѣлять богатство для того, чтобы имѣть возможно больше предметовъ, составляющихъ ихъ благосостояніе. И то еще не все; нужно, чтобы онъ нашелъ практическія средства для достиженія указанной имъ цѣли. Положимъ въ одной странѣ онъ находитъ внутреннія таможи изъ провинціи въ провинцію, или заставныя таможи при вѣздѣ во всѣ города, задерживающія обмѣнъ; ограничится ли онъ констатированіемъ факта, какъ это сдѣлалъ бы натуралистъ и какъ того хотятъ Бастіа и Шербюлье? Очевидно нѣтъ; онъ покажетъ гибельныя послѣдствія такихъ учрежденій, посоветуетъ уничтоженіе ихъ, и скажетъ, какъ это можно сдѣлать. Или положимъ онъ живетъ въ странѣ, которая думаетъ увеличить свое могущество и благоденствіе, внушая страхъ своимъ сосѣдямъ расширеніемъ своихъ вооруженій,—тогда онъ не поколеблется доказать, что нація не имѣетъ никакого интереса поработать другихъ ни

даже ослаблять ихъ и что она только тогда можетъ продавать выгодно самыя дорогія свои произведенія, когда ея сосѣди богаты и въ состояніи платить за нихъ. Сами экономисты, съ Бастіа во главѣ, забывая свои опредѣленія, не посвятили ли всю свою энергію на то, чтобы совѣтовать и требовать уничтоженія покровительственныхъ тарифовъ? Довольствовались ли они наблюденіемъ и описаніемъ, когда основали свой сборникъ *Free trade* и когда бѣгали съ *митинга* на *митингъ*, чтобы увлечь общественное мнѣніе?

Между естественными науками и политической экономіей существуетъ фундаментальное различіе, которое выставлено недостаточно рельефно. Первые занимаются явленіями природы, роковыми силами, которыя мы можемъ только констатировать, но не измѣнять. Науки же моральныя и, слѣдовательно, политическая экономія, занимаются человѣческими дѣяніями, результатами нашей свободной воли, которыя мы можемъ измѣнять, чтобы они наиболѣе соответствовали требованіямъ справедливости, долга и нашего благосостоянія. Замѣьте также, какъ различно дѣйствуютъ натуралисты и экономисты. Первые видятъ землетрясенія, разрушающія города, охлаждающіяся планеты, на которыхъ исчезаютъ всякіе слѣды животной или растительной жизни. Они отыскиваютъ причину этихъ фактовъ; но не имѣютъ претензіи измѣнить ихъ. Экономисты же, напротивъ, если они находятъ неблагопріятные для расширенія благосостоянія законы и учрежденія или обычаи, то борются съ ними и стараются ихъ уничтожить.

Подобно доктору, который констатировавъ болѣзнь, назначаетъ противъ нея лекарство, и экономистъ прежде всего долженъ узнать зло, отъ котораго страдаетъ общество, и затѣмъ указать средства для его излеченія. Рощеръ сказалъ, что политическая экономія была фізіологіей соціальнаго тѣла. Это дѣйствительно такъ; но она еще нѣчто больше,—она терапия.

Что вело къ важнымъ ошибкамъ и особенно съуживало экономическія науки, это,—та основная идея, общая Адаму Сміту и большинству философовъ его времени, что соціальные факты

управляются естественными законами, которые, если бы не было дурныхъ учрежденій, повели бы людей къ счастію. Философы XVIII столѣтія вѣрили въ природную доброту человѣка и въ естественный порядокъ. Это былъ основной догматъ ихъ философіи и ихъ политики. Какъ показалъ сэръ Генри Менъ, эта теорія вышла изъ греческой философіи и сохранялась у римскихъ юристовъ и въ періодъ возрожденія. «Прекрасно все исходящее изъ рукъ природы», повторяетъ безпрестанно Руссо. «Человѣкъ отъ природы добръ», говоритъ Тюрго. На этой идеѣ, примѣненной къ управленію обществами, Кенэй и его школа основали свою доктрину, которую они очень вѣрно назвали *физиократіей* или «царствомъ природы», и которая требовала предоставить полную власть естественнымъ законамъ и для этого уничтожить всѣ человѣческіе законы, препятствующіе ихъ примѣненію. Адамъ Смитъ заимствовалъ у физиократовъ сущность идей, развитыхъ въ его знаменитой книгѣ о *Богатствѣ народовъ*, которую онъ даже посвятилъ бы Кенэю, еслибы не помѣшала этому смерть доктора. Онъ вѣритъ, подобно физиократамъ, въ кодексъ природы. «Уничтожьте всѣ преграды», говоритъ онъ, «и простая система естественной свободы устроится сама по себѣ». Клиффе Лесли, въ своемъ превосходномъ этюдѣ о политической экономіи Адама Смита, прекрасно показалъ, какъ все въ XVIII столѣтіи поддерживало эту систему безграничной свободы, основанную на существовавшемъ тогда убѣжденіи въ добротѣ человѣка и совершенствѣ природы.

Послѣ реформаціи начинается великое движеніе умовъ, стремящихся къ религіозной и гражданской свободѣ, къ равноправію и возстающихъ противъ тираніи духовенства и королей. Люди, занимавшіеся соціальными вопросами, видя какъ правительство и дурные законы доводили народъ до нищеты несправедливыми налогами, стѣсняли трудъ нелѣпой регламентаціей, разоряли земледѣліе непосильнымъ бременемъ, необходимо приходили къ мысли требовать уничтоженія этихъ человѣческихъ учрежденій, для того чтобы возвратиться къ лучшему порядку, который они называли естественнымъ правомъ, есте-

ственной свободой, кодексомъ природы. Подъ вліяніемъ этихъ идей, фізіократы во Франціи и Смитъ въ Англіи начертали программу экономическихъ реформъ, а французская революція пыталась произвести свои политическія реформы. Исходнымъ пунктомъ этого сильнаго движенія, временно охватившаго всю Европу, народы и государей, начиная отъ Неаполя и до Петербурга, была восторженная вѣра въ разумъ и добрыя чувства человѣка, и въ порядокъ вселенной. Оптимизмъ Лейбница спустился съ облаковъ философской отвлеченности и былъ примѣненъ къ общественной организаціи. Здравый смыслъ Вольтера увидѣлъ ошибочность этой системы и онъ написалъ *Кандида* и *Разрушеніе Лиссабона*. Руссо, въ трагическомъ и краснорѣчивомъ письмѣ, защищалъ оптимизмъ, составляющій главную основу его идей, какъ и вообще идей той эпохи и время французской революціи.

Любопытно то, что Фурье вывелъ послѣднія слѣдствія изъ фізіократическаго оптимизма экономистовъ. Эгоизмъ и людскіе пороки должны были служить видимымъ опроверженіемъ той системы, что все хорошо и что съ свободой все устроится къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ. Конечно, говорилось, что частные пороки способствуютъ общему благосостоянію. Смитъ также утверждалъ, что люди, преслѣдуя только свои интересы, дѣлали дѣло наиболѣе полезное для націи и что, на примѣръ, богатые, ища удовлетворенія своихъ фантазій, способствовали благопріятному распредѣленію продуктовъ, «какъ будто ими управляла невидимая рука». Тѣмъ не менѣе, постоянно говорилось, что слѣдуетъ подавлять эгоизмъ и обуздывать пороки. Это было уже признаніемъ возмущающаго элемента; значить, не все устроится къ лучшему только въ силу абсолютной свободы; эгоизмъ и пороки составляютъ препятствіе. Фурье, съ логикой, не останавливающейся ни передъ нелѣпостью, ни передъ безнравственностью, построилъ, какъ Платонъ, идеальное государство, фаланстеръ, гдѣ всѣ страсти были утилизированы какъ производительныя силы, и пороки превращены въ элементы порядка и прочности, и гдѣ, слѣдовательно, не было

надобности обуздывать ихъ. Тамъ была настоящая естественная свобода, царство природы. Тамъ посредствомъ безпорядка устраивали порядокъ, какъ это дѣлалъ Коссидьеръ въ 1848 г. Всѣ страсти хороши; потому что, направляемыя какъ слѣдуетъ, онѣ служатъ орудіемъ прогреса; если же ихъ сдерживать, то онѣ становятся причиной безпорядка и преступлений. Дѣтямъ нравится возиться въ грязи: поэтому имъ слѣдуетъ поручить вывозить нечистоты. Человѣкъ любитъ разнообразить занятія и удовольствія; поэтому трудъ будетъ для рабочихъ игрою, если имъ позволить переходить съ полей въ мастерскія. Молодые люди ищутъ случая понравиться молодымъ дѣвушкамъ: поэтому красавицы, распредѣленные на группы, будутъ приманивать своихъ любовниковъ къ труду, и погоня за сладострастіемъ сдѣлается однимъ изъ двигателей производства. Животная чувственность и любовь безъ стѣсненій разрѣшаютъ вопросъ о народонаселеніи, такъ какъ вслѣдствіе бесплодія излишекъ рожденій будетъ ограниченъ. Страсти хороши; онѣ даны Богомъ. Умѣйте ихъ организовать, и онѣ принесутъ обществу изобиліе, согласіе и счастье.

Пьеръ Леру положительно доказалъ, что Фурье заимствовалъ зерно своей системы изъ путешествія Бугенвилля, показавшаго XVIII столѣтію въ эдемѣ на островѣ Отаити картину счастья, которымъ наслаждается человѣкъ природы, освобожденный отъ законовъ и людскихъ приличій. Дидро былъ выразителемъ энтузіазма, который возбудилъ этотъ пикантный очеркъ первобытныхъ нравовъ. И это было логично: если въ природѣ все прекрасно, то человѣкъ природы долженъ намъ служить идеаломъ. Неограниченное «laissez faire» дастъ намъ возможность сравняться съ островомъ Отаити.

До настоящаго времени большинство экономистовъ остались подъ вліяніемъ идей физиократическаго оптимизма, которыя господствовали при возникновеніи ихъ науки какъ во Франціи, такъ и въ Англіи. Они говорятъ постоянно о естественномъ порядкѣ обществъ и естественныхъ законахъ. На эти одни законы они ссылаются и желаютъ, чтобы они одни только имѣли силу.

Вотъ что говоритъ Кокелень, опредѣляя политическую экономію въ официальномъ, такъ сказать, Лексиконѣ этой науки: «Школа Кенэя, говоритъ онъ, провозглашая этотъ великій принципъ *«Laissez faire, laissez passer»*, съ самаго же начала открыто заявила, что она не дастъ народамъ какого-нибудь спеціального рецепта для увеличенія ихъ благосостоянія, но дастъ только объясненіе этого величественнаго механизма, который человѣческая индустрія представляетъ глазамъ мыслящихъ философовъ». Итакъ экономическія явленія суть механизмъ, самодѣйствующій, и намъ остается только размышлять о красотѣ его пружинъ, даже и тогда, когда онѣ насъ рвутъ и давятъ.

Кокелень, заставляя говорить фізіократовъ, влагаетъ имъ въ уста слѣдующія слова: «Вы думали, что промышленный міръ плыветъ наудачу, и что нужна была рука повелителя, чтобы направлять и вести его. Вслѣдствіе этого, вы старались, наперерывъ другъ передъ другомъ, навязать ему ваши искусственныя комбинаціи и ваши предвзятыя системы. Образуемтесь! этотъ промышленный міръ вовсе не идетъ на удачу. Въ его видимомъ безпорядкѣ скрывается глубокой порядокъ. Онъ управляется естественными законами, законами удивительными, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непоколебимыми; ихъ нужно знать и уважать. Берегитесь возмущать вашими произвольными комбинаціями эти естественные законы, которые выше человѣка. Уважайте этотъ провиденціальныи порядокъ. Предоставьте самому себѣ дѣло Божіе.» Итакъ, настоящій порядокъ нашихъ обществъ, есть результатъ законовъ необходимыхъ, непреложныхъ, провиденціальныхъ, божественныхъ. Странная иллюзія и непонятное ослѣпленіе! Естественные законы вездѣ и повсюду одинаковы. Но таковы ли человѣческіе законы? Можемъ ли мы нарушить и остановить дѣйствіе естественныхъ законовъ? Очевидно, нѣтъ. Можемъ ли мы нарушить и остановить дѣйствіе человѣческихъ законовъ! Очевидно, да; потому что вы же считаете своею обязанностью проповѣдывать къ нимъ уваженіе.

Въ другомъ мѣстѣ Кокелень возвращается къ той же идеѣ: «Наука экономическая доказываетъ, говоритъ онъ, что распре-

дѣленіе продуктовъ, какъ оно совершается въ силу естественныхъ законовъ промышленности, всегда бываетъ самымъ справедливымъ и наивозможно лучшимъ, если никакая искусственная система не вмѣшивается, чтобы разстроить игру этихъ законовъ или если насиліе не останавливаетъ ихъ дѣйствія».

Старые экономисты, говорить еще нашъ авторъ, искали разрѣшенія такой задачи: *что нужно для того, чтобы обогатить народъ?* И они напрасно искали искусственныхъ комбинацій. Отвѣтъ на вопросъ былъ простъ: *«предоставьте все природѣ»*. Этимъ самымъ онъ проповѣдуетъ фізіокрагію.

Чтобы не приводить слишкомъ много цитатъ, я сошлюсь только еще на одну, заимствованную у одного изъ лучшихъ и менѣ систематическихъ современныхъ экономистовъ, Пасси. «Политическая экономія, говорить онъ, есть наука о законахъ, въ силу которыхъ образуется, распредѣляется и потребляется богатство. Намъ остается только констатировать ихъ и требовать ихъ примѣненія. Цѣль, къ которой нужно стремиться, есть наибольшее благосостояніе всѣхъ; но самые просвѣщенные экономисты не сомнѣваются, что естественные законы, и только они одни, ведутъ къ этой цѣли и, что людямъ невозможно замѣнить своими собственными планами планы божественной премудрости». Вотъ точно резюмированная чистая экономическая доктрина относительно этого пункта. Но легко доказать, что эта идея лишена смысла, что она не отвѣчаетъ ничему реальному, и находится въ радикальномъ противорѣчій съ христіанствомъ и фактами.

Я ищю въ области политической экономіи этихъ «естественныхъ законовъ» о которыхъ всегда говорятъ, и не нахожу ихъ. Я понимаю употребленіе этихъ словъ, когда дѣло идетъ о явленіяхъ въ физическомъ мірѣ, которыя дѣйствительно, судя по тому безконечно малому, что намъ извѣстно объ нихъ, кажется повинуются непреложнымъ законамъ. Я даже допускаю ссылку на естественные законы относительно животныхъ, которыя живутъ и питаются одинаково, но не относительно человѣка, су-

щества способнаго къ усовершенствованію, котораго нравы, бычаи, учрежденія, безпрестанно измѣняются.

Законы, управляющіе производствомъ и особенно распредѣленіемъ богатства, очень различны въ разныхъ странахъ и въ разныя времена: гдѣ-же и когда естественные законы имѣли свою силу? Развѣ, какъ думали Руссо, Дидро, Бугенвилль, на этихъ островахъ Тихаго океана, гдѣ самородныя произведенія почвы позволяютъ человѣку жить безъ труда среди невинной общинности имуществъ и женъ? Въ древнія ли времена, когда рабство рабочихъ доставляло лучшимъ, отборнымъ, гражданамъ средство достигнуть истиннаго идеала аристократизма? Не въ средніе ли вѣка, при режимѣ феодализма и корпорацій, въ этотъ золотой вѣкъ, когда папство повелѣвало народами и королями? Или можетъ быть въ Россіи, гдѣ земля принадлежитъ государству, дворянству и общинамъ, періодически передѣляющимъ общинную землю между всѣми своими членами? А то не въ Англіи ли, гдѣ благодаря праву первородства, земля составляетъ монополію небольшого числа семействъ; или не во Франціи ли, гдѣ законы революціи разпредѣляютъ землю между 5 милліонами собственниковъ съ опасностью раскрошить ее на кусочки?

Промышленное богатство въ прежнія времена производилось ремесленникомъ у домашняго очага, при помощи нѣсколькихъ товарищей; въ настоящее время, оно производится въ обширныхъ мастерскихъ цѣлой арміей рабочихъ, прикованныхъ къ движеніямъ неумолимыхъ паровыхъ машинъ: который же изъ этихъ двухъ способовъ производства соотвѣтствуетъ естественному порядку?

Первоначально земля была повсюду нераздѣльною собственностью племени, и это правило было столь общимъ, что въ немъ смѣло можно было бы видѣть естественный законъ; въ настоящее время, въ странахъ, вступившихъ въ промышленный періодъ, личная собственность, которая въ прежнее время существовала только по отношенію къ движимости, примѣняется также и къ недвижимости; есть ли это нарушеніе провиден-

ціального порядка? Подъ вліяніемъ новыхъ идей справедливости и нѣкоторыхъ экономическихъ потребностей измѣнились всѣ социальныя учрежденія и вѣроятно еще измѣнятся. Не слѣдуетъ ли запретить изысканіе средствъ улучшать ихъ, даже если ихъ находятъ несовершенными.

Laissez faire! восклицаетъ экономистъ, свобода сдѣлаетъ все. Совершенно вѣрно; но что-же дѣлать? Законы не сами создаются, а мы ихъ вотируемъ; слѣдовательно экономистъ долженъ указать мнѣ, какіе именно законы нужно принять. Онъ скажетъ намъ словами Пасси. «Не слѣдуетъ, чтобы люди замѣняли своими собственными планами планы премудрости Божіей». Значитъ гражданскій кодексъ, регулирующий въ настоящее время во Франціи распредѣленіе богатствъ, есть произведеніе этой премудрости? Но вѣдь мы знаемъ, что онъ есть скорѣе произведеніе, составленное по мыслямъ юристовъ французской революціи. Если-бы, подобно Ле Пле, мы захотѣли возстановить свободу завѣщаній, или если-бы предложили, какъ въ Бельгійскихъ палатахъ, ограничить степени права наслѣдства по закону, безъ завѣщанія (*ab intestat*), то развѣ этимъ нарушились-бы повелѣнія премудрости Божіей?

Экономисты забываютъ, что основаніемъ всего экономического режима у цивилизованныхъ народовъ служатъ законы-данные законодателями, которые, слѣдовательно, можно измѣнить, если это понадобится, но не тѣ мнимые, непреложные естественные законы, которымъ слѣдуетъ слѣпо и всегда подчиняться.

Они воображаютъ, что въ человѣческомъ обществѣ все устраивается посредствомъ свободныхъ договоровъ; но упускаютъ изъ виду, что договоры заключаются подъ вліяніемъ учреждений, законовъ и обычаевъ, которые опредѣляютъ основы собственности и наслѣдственного права.

In societate aut vis, aut lex viget (въ обществѣ дѣйствуетъ или сила или законъ), сказалъ Беконъ; если вы не хотите владычества законовъ, то подпадете подъ власть силы. Между людьми въ естественномъ состояніи все принадлежитъ сильнѣй-

шему. Роль государства, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобы при распредѣленіи имуществъ дать силу справедливости и чтобы каждый пользовался плодами своихъ трудовъ. Уничтожьте всякое вмѣшательство государства, примѣните абсолютное «laissez faire», и «все будетъ братья съ бою», какъ говорить Боссюэ. Лучше вооруженный убиваетъ менѣе приготовившагося къ борьбѣ; онъ питается мясомъ слабѣйшаго или произведеніями его трудовъ. Совершенно также, какъ происходитъ между животными, гдѣ въ борьбѣ за существованіе, какъ говоритъ Дарвинъ, лучше одаренные виды замѣщаютъ менѣе одаренныхъ. Экономисты позитивисты также говорятъ согласно съ идеей Дарвина, что лучшее положеніе принадлежитъ тому, кто его завоевалъ, вслѣдствіе своего превосходства. Все, что существуетъ, то и хорошо. Каждому человѣку достается вездѣ такое благосостояніе, на которое онъ имѣетъ право; точно также, какъ каждая страна имѣетъ такое правительство, какого она заслуживаетъ. Тѣмъ хуже для слабыхъ и простоватыхъ; они должны уступить сильнымъ и способнымъ! Сила не первенствуютъ надъ правомъ, но она есть право. Вотъ естественный законъ.

Тѣ, которые безпрестанно ссылаются на естественные законы, и отвергаютъ то, что они называютъ искусственной организаціей, забываютъ, что режимъ цивилизованныхъ странъ есть результатъ политической и экономической науки, а естественный режимъ существуетъ только у дикихъ племенъ. Тамъ, дѣйствительно, царствуетъ законъ Дарвина, какъ между видами животных: нѣтъ никакихъ правилъ, никакого государства, никакихъ преградъ, полнѣйшая свобода во всемъ и для всѣхъ.

Это былъ идеалъ Руссо, вѣрный во всемъ идеѣ естественнаго кодекса. Цивилизація же, напротивъ, состоитъ въ борьбѣ съ природой. По мѣрѣ того какъ совершенствуются земледѣліе и промышленность, мы употребляемъ все больше и больше искусственныхъ средствъ, изобрѣтенныхъ наукой, для удовлетворенія нашимъ потребностямъ. Благодаря искусству лѣ-

ченія и поддержанія здоровья, мы боремся съ болѣзнями, которыми изнуряетъ насъ природа, и такимъ образомъ продолжаемъ свою среднюю жизнь отъ 20 до 40 лѣтъ. При помощи искусства управлять, правители государствъ водворяютъ порядокъ, который даетъ возможность людямъ работать для улучшенія своей участи, вмѣсто того чтобы непрестанно воевать, какъ дикіе, или защищая себя или мстя за себя. Искусству же создавать хорошіе законы, мы обязаны безопасностью собственности и жизни. Только посредствомъ борьбы съ нашими страстями, мы заставляемъ себя исполнять наши обязанности. Все это есть результатъ искусства, потому что цивилизація во всемъ противоположна естественному состоянію. Гражданскія и политическія учрежденія суть результаты воли законодателей и искусства управлять людьми. Они «искусственны». Въ своихъ *Eléments d'idéologie*, Дестюттъ де Трасси сдѣлалъ изъ политической экономіи одну главу въ книгѣ de la volonté, «о волѣ», и онъ правъ.

Естественный человѣкъ вовсе не то доброе и разсудительное существо, о которомъ мечтали философы, а напротивъ это эгоистичное животное, которое, ища удовлетворенія своихъ желаній, не заботится о правахъ другихъ, не видитъ зла въ томъ, чтобы убить того, кто ему мѣшаетъ; такъ что той узды, которую налагаютъ на него мораль, религія и законы, едва достаточно для того, чтобы заставить его подчиниться требованіямъ соціального порядка. Въ немъ нужно укротить дикаго звѣря, иначе онъ подвергается опасности цивилизацію. Итакъ это опасное заблужденіе думать, что для установленія порядка достаточно было-бы обезоружить государство и освободить людей отъ всѣхъ стѣсненій.

Въ политической экономіи я вижу только одинъ естественный законъ: это тотъ, что человѣкъ, чтобы жить, долженъ питаться и, что чѣмъ больше онъ производитъ полезныхъ вещей, тѣмъ лучше будутъ обезпечены его нужды. Все остальное опредѣляется нравами, обычаями, законами, которые непрерывно измѣняются и которые, по мѣрѣ расширенія вліянія

справедливости и морали, болѣе и болѣе отдаляются отъ естественнаго порядка, гдѣ царствуетъ сила и случай.

Если и есть законъ природы, который кажется, непреложнымъ, то это тотъ законъ, который повелѣваетъ, чтобы всѣ живыя существа собственными усиліями добывали средства для своего существованія; однако человѣкъ успѣлъ освободиться отъ этого закона, и, благодаря рабству или крѣпостному состоянію, болѣе сильные живутъ праздно на счетъ болѣе слабыхъ.

Конечно все что ни совершается происходитъ въ силу извѣстныхъ потребностей, которыя можно въ строгомъ смыслѣ назвать естественными; но борьба съ этими потребностями и вызываетъ измѣненія и усовершенствованія въ человѣческихъ обществахъ. Изъ того, что существуютъ учрежденія или законы, нельзя еще заключать, чтобы они были необходимы, неизмѣнны и единственно согласны съ естественнымъ порядкомъ. Иначе, каждый разъ, когда мы стараемся ихъ улучшить, мы нарушали бы порядокъ, и прогрессъ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ только продолжительнымъ возмущеніемъ противъ естественнаго закона.

Физиократическій оптимизмъ, который вдохновлялъ политическую экономію въ самомъ ея началѣ, и который и въ настоящее время примѣшивается почти ко всѣмъ ея теоріямъ, не только опровергается фактами, но находится въ противорѣчій съ основнымъ принципомъ христіанства. Одна школа упрекала политическую экономію въ томъ, что она наука безнравственная; потому что она побуждаетъ человѣка преслѣдовать только матеріальные интересы и жить только чувствами. Этотъ упрекъ неоснователенъ. Такъ какъ политическая экономія имѣетъ предметомъ изысканіе средствъ для организаціи общества, съ цѣлью достигнуть общаго благосостоянія, то она дѣйствительно занимается матеріальными благами; но въ этомъ случаѣ она расходится съ аскетизмомъ, а не съ христіанствомъ, которое отнюдь не требуетъ, чтобы мы отказывали себѣ во всемъ. Но идея, что порядокъ устроится въ обществѣ самъ собою, какъ во вселенной, въ силу естественныхъ законовъ, совершенно противоположна

христіанскому воззрѣнію на міръ и человѣчество. По христіанскому взгляду, человѣкъ такъ глубоко испорченъ, что необходимо прямое вмѣшательство Божіе и постоянное дѣйствіе его благодати, чтобы поддержать человѣка на добромъ пути и спасти его; самъ міръ на столько погрязъ во злѣ, что христіане долго ожидали, да нѣкоторыя секты и теперь ожидаютъ возрожденія, «новыхъ небесъ и новой земли», раздѣляя надежды на пришествіе Мессіи. Итакъ слѣдуетъ подавлять зло внутри насъ чувствомъ долга, а внѣ насъ—законами, въ которыхъ выражается чувство справедливости.

Чтобы согласиться съ ортодоксальными экономистами, что при неограниченномъ *laissez faire* установится самъ собою лучший порядокъ, надо предположить, что человѣкъ добръ или необходимо повинуется внушеніямъ, которыя заставляютъ его поступать сообразно съ общимъ благомъ. Эта идея не только противухристіанская, но она, кромѣ того, опровергается фактами. Снимите оковы съ человѣка-звѣря, и у васъ начнется война всѣхъ противъ всѣхъ, *bellum omnium contra omnes* Гоббеса, война, которая сначала велась въ доисторическихъ пещерахъ, аренахъ антропофагіи, позднѣе въ лѣсахъ варварскихъ временъ, а въ настоящее время—въ сферахъ промышленности. Даже въ самой природѣ не царствуетъ порядокъ справедливости, который мы могли бы взять за образецъ; самое большое, что мы можемъ встрѣтить въ ней, это родъ грубаго равновѣсія, которое мы называемъ естественнымъ порядкомъ. На нашемъ земномъ шарѣ, также какъ и въ исторіи, часто торжествуетъ несправедливость, а правда угнетается. Когда птица—рыболовъ, благодаря своему терпѣнію и ловкости, успѣетъ схватить добычу, и несетъ ее своимъ голоднымъ дѣтенышамъ, а орелъ, этотъ воздушный разбойникъ, бросается на нее и вырываетъ плодъ ея усилій, то въ насъ возмущается чувство справедливости, совершенно также какъ при видѣ того, какъ праздный господинъ заставляеть своего раба кормить себя произведеніями его труда. Если Каинъ, человѣкъ охоты и войны, убиваетъ мирнаго пастуха Авеля, то мы стоимъ за жертву противъ убійцы, и такимъ образомъ

безпрестанно мы возмущаемся противъ фактовъ, совершающихся въ природѣ и въ обществѣ.

Провиденціальные фаталисты, видящія во всемъ, что случается, дѣйствіе Божественной воли, такіе же оптимисты, какъ и тѣ экономисты, которые вѣруютъ во владычество естественныхъ законовъ. Физіократическій оптимизмъ—это тотъ же судъ Божій, тѣ же ордаліи, которыя мы находимъ у всѣхъ народовъ; потому что этотъ обычай тоже вытекаетъ изъ идеи, что Богъ всегда доставляетъ торжество невинному. Іовъ же, напротивъ, протестуетъ противъ этой безнравственной доктрины, и побѣжденный Израиль, разсѣянный между народами, не отчаявается въ справедливости и ожидаетъ дня избавленія. Правда, существующіе факты и настоящая организація суть необходимые результаты извѣстныхъ причинъ, но эти причины не суть естественные законы, а человѣческіе факты: идеи, нравы, вѣрованія, которыя можно измѣнять, а если они измѣнятся, тогда произойдутъ другіе законы и другіе обычаи.

Теорія естественныхъ законовъ имѣла еще два прискорбныхъ послѣдствія: она отдалила всякое понятіе объ идеалѣ, къ которому нужно стремиться, и особенно сѣздила заключенія политической экономіи. Въ сочиненіяхъ ортодоксальныхъ экономистовъ никогда не говорится о конечной цѣли, которой нужно стараться достигнуть, ни о реформахъ, которыхъ можетъ требовать справедливость. Производится-ли распредѣленіе благоприятно человѣческому прогрессу и всеобщему благосостоянію? Соответствуетъ-ли потребленіе моральнымъ законамъ? Не желательнo-ли бы было видѣть меньше стѣсненій въ нисшихъ классахъ и менѣе роскоши въ высшихъ? Нѣтъ-ли экономическихъ обязанностей, которыя мы должны были бы исполнять? Со времени первобытной эпохи социальная организація глубоко измѣнилась: не измѣнится-ли она еще, и въ какомъ смыслѣ? Вотъ сколькихъ вопросовъ даже не затронула офиціальная политическая экономія, потому что, говорятъ, это не входило въ ея планъ. Мы видѣли, что Бастіа и Шербюлье указали причину этого. Строгая наука занимается, говорятъ они, не тѣмъ что *должно*

быть, но только тѣмъ, что *есть*; она не можетъ такимъ образомъ, ни предлагать, ни преслѣдовать идеала. Она просто описываетъ, какъ богатство производится, распредѣляется и потребляется; отсюда и происходитъ бѣдность ея практическихъ заключеній. Дѣйствительно, если достаточно только провозгласить свободу для того, чтобы все устроилось къ лучшему и чтобы установилась гармонія, то ея программа почти исчерпана, въ такихъ странахъ какъ Англія, Голландія и Швейцарія, гдѣ допущены свободный обмѣнъ и свободная конкуренція. Конечно, она сдѣлала большую услугу, вызвавъ уничтоженіе препятствій, останавливающихъ расширеніе производительныхъ силъ и лучшее распредѣленіе труда; но въ настоящее время роль ея почти кончена. Мы приближаемся къ послѣднимъ страницамъ книги; намъ скоро останется только закрыть ее и положить, съ благодарностью и почтеніемъ, на полки нашихъ библіотекъ. Я думаю, что въ этомъ пунктѣ критика социалистовъ каеэдри вполнѣ основательна.

Претендуя сдѣлать изъ политической экономіи науку точную, строгую, очень часто слишкомъ суживаютъ ея область: она не можетъ быть изолирована отъ политики, морали, права и религіи. Такъ какъ она изслѣдуетъ, какимъ образомъ люди могутъ лучше достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей, то она должна сказать намъ: какія формы правленія, собственности и культа, какіе способы распредѣленія, какія нравственныя и религіозныя идеи наиболѣе благопріятны производству богатства. Нужно, чтобы она намъ указала идеаль, котораго мы должны достигнуть, и средства для его достиженія. Добиться свободы, это прекрасно; но еще слѣдуетъ знать, какое изъ нея нужно сдѣлать употребленіе. Въ цивилизованномъ обществѣ, не менѣе какъ и въ первобытномъ лѣсу, свобода, если она не ограничена предписаніемъ морали и права, ведетъ къ угнетенію слабого и къ владычеству сильнаго или болѣе способнаго. Это законъ природы и «подбора», скажутъ дарвинисты.—Прекрасно; но если этотъ законъ меня безжалостно давить, то позвольте, по крайней мѣрѣ, мнѣ не благословлять его.

Я думаю, что справедливо также упрекали официальную политическую экономію въ томъ, что она выставяла, какъ абсолютныя истины, такія положенія, которыя въ дѣйствительности опровергаются фактами. совершенно также, какъ если-бы въ механикѣ формулировали законы движенія, не принимая въ соображеніе сопротивленія и тренія. Эти абстрактныя и общія формулы внушали практическимъ государственнымъ людямъ, каковъ былъ Тьеръ, большое недовѣріе къ экономическимъ аксіомамъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Со времени Рикардо считалось догматомъ науки, что заработная плата стремится къ одному уровню, также какъ и прибыль, потому что свобода конкуренціи вызываетъ тотчасъ же большее предложеніе тамъ, гдѣ дается большее вознагражденіе. Но Клиффе Лесли доказалъ цифрами, собранными въ Англіи и на континентѣ, что этого повсемѣстнаго равенства заработной платы не существуетъ, и что напротивъ, разница въ одной и той-же промышленности въ разныхъ мѣстностяхъ въ настоящее время больше, чѣмъ прежде *).

Есть еще одна экономическая аксіома, на которую часто ссылаются въ современныхъ спорахъ по поводу биметаллизма и которая гласитъ, что изобиліе металлическихъ денегъ вредно, такъ какъ сдѣлки дѣлаются также хорошо и съ небольшимъ количествомъ звонкой монеты, какъ и съ большимъ. А между тѣмъ ежедневныя котировки на европейскихъ биржахъ доказываютъ, что недостатокъ металлическихъ денегъ производитъ кризисы, тогда какъ изобиліе ихъ ведетъ къ пониженію учета, а вслѣдствіе этого къ большому развитію производства и сдѣлокъ.

Приверженцы свободнаго обмѣна утверждаютъ, что коммерческой балансъ не имѣетъ никакого значенія, потому что про-

---

*) Въ Бельгіи можно отмѣтить любопытные факты. Въ то время когда я пишу эти строки, близъ Ипре, я плачу за косьбу сѣна 1 фр. 50 с.; въ окрестностяхъ Лютиха даютъ по 4 фр. Тамъ въ день поденьникъ получаетъ 3 франка и 3 фр 50 с.; въ Кампинѣ только 1 фр. 50, а кампинскій земледѣльческой рабочей работаетъ лучше.

дукты обмѣниваются на продукты, и что мы можемъ только поздравлять себя, если иностранцы снабжаютъ насъ хлѣбомъ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ отечественные производители. Это было-бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если-бы всѣ народы составляли одинъ народъ и всѣ люди были собственниками. Предположимъ, что одинъ народъ вынужденъ продавать за границу свои процентные билеты и промышленныя акціи. Продукты обмѣниваются на продукты; но иностранцы, купившіе эти цѣнные бумаги, будутъ получать съ нихъ доходы, которые созданы трудами другихъ. Если бы Англія могла доставлять Франціи всѣ мануфактурныя произведенія дешевле, то собственники потребители отъ этого выиграли бы; но за то французскіе рабочіе, лишившись работы, погибли-бы, или должны-бы были отправляться работать въ Англію. Такимъ образомъ именно во Франціи, послѣ уничтоженія провинціальныхъ таможенъ, нѣкоторыя отрасли промышленности покинули мѣстности менѣе благопріятныя для нихъ и были перенесены туда, гдѣ были для нихъ наиболѣе благопріятныя условія. Конечно, съ космополитической точки зрѣнія на человѣческой родъ, когда всѣ націи разсматриваются какъ одна нація, не важно, гдѣ скопляется народонаселеніе и богатство, лишь бы только совершался прогрессъ; но можно-ли требовать отъ народа такого полного забвенія своего собственнаго интереса и своей частной будущности? И къ тому же, если разсматривать въ общемъ всю цивилизацію, а не одно богатство, то было бы желательно, что-бы каждая національность сохраняла всю свою независимость и всю свою силу, чтобы каждая внесла въ общій человѣческой концертъ свою оригинальную ноту *). На такую крайней мѣрѣ точку зрѣнія стала политическая экономія въ

---

*) Въ сочиненіи напечатанномъ въ 1857 году, въ которомъ я уже упоминалъ то, что называютъ новымъ методомъ, я старался доказать, что приверженцы свободнаго обмѣна защищали справедливое дѣло слабыми аргументами и полезную реформу—хромающими аксіомами. Смотри: „*Историческіе и критическіе этюды о свободѣ международной торговли*“.

Германіи, особенно послѣ Листа; поэтому она тамъ большею частью и называется *National-Ökonomie*.

Я думаю также, что старые экономисты хотѣли уже слишкомъ съузить роль государства. Когда подумаешь о томъ злѣ, какое причиняетъ народу дурное правительство, особенно во Франціи, тогда становится понятнымъ желаніе уменьшить его власть и сократить его права; но школа *laissez faire*, по крайней мѣрѣ въ своихъ теоріяхъ, перешла мѣру, и тѣ страны, которыя вполнѣ послѣдовали-бы ея совѣтамъ, раскаялись-бы, потому что ихъ превзошли бы другія страны. Англія поняла это; и потому эта страна, образецъ самоуправленія (*Self-government*), вовсе не держится упорно пути, рекомендуемаго экономистами, а напротивъ, каждый годъ предоставляетъ новыя функціи государству, которое теперь уже вмѣшивается въ промышленныя и земледѣльческія договоры съ подробностями и предписаніями, которыя едва-ли были-бы приняты въ другихъ государствахъ. Вся Пруссія, ея территорія, военныя силы, земледѣліе, промышленность, религія, ея образованіе во всѣхъ степеняхъ, — этотъ главный источникъ ея могущества, — все это дѣло государства. Что была прежде Пруссія? Пески Герцога Бранденбургскаго, надъ которыми смѣялись Вольтеръ и Фридрихъ II. А что она теперь? Германская Имперія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, президентъ Новой Гренады, ступивъ на президенство, проникнутый чистыми экономическими доктринами, заявилъ, что «отнынѣ государство, возвратясь къ своей настоящей роли, предоставляетъ все индивидуальной инициативѣ». Экономисты рукоплескали. Но черезъ нѣсколько времени дороги въ Гренадѣ были испорчены, гавани занесены пескомъ, безопасность уничтожена, образованіе перешло въ руки монаховъ, т. е. свелось къ нулю. Это было возвратъ къ естественному порядку и первобытному лѣсу.

Въ Турціи государство ничего не дѣлаетъ, казна пуста. Было бы даже неблагоприятно посѣтить эти мѣста, чтобы констатировать благодѣянія этой системы.

Предположите, что рядомъ находятся двѣ страны, сила и

ресурсы которыхъ одинаковы: въ одной правительство тщательно воздерживается отъ всякаго вмѣшательства, и вслѣдствіе этого всѣ продукты расходуются на личныя нужды; въ другой, государство съ предметовъ потребленія часто бесполезныхъ и даже вредныхъ, взимаетъ налоги и такимъ путемъ собираетъ большія средства для содержанія общепользныхъ учрежденій: оно открываетъ дороги и порты, строитъ желѣзныя дороги, учреждаетъ повсюду школы, даетъ щедрыя пособія всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, поощряетъ ученыхъ, какъ въ Германіи, оживляетъ искусства, какъ въ Афинахъ, и наконецъ, посредствомъ обязательнаго обученія и обязательной службы, овладѣваетъ молодымъ поколѣніемъ для развитія силъ ума и тѣла. Прошло поль-столѣтія, — который изъ двухъ народовъ будетъ цивилизованнѣе, богаче и могущественнѣе?

Въ Бельгіи, государство, устраивая желѣзныя дороги въ 1833 году, обезпечило экономическое существованіе страны развитіемъ промышленности, не смотря на отдѣленіе Голландіи, которое лишило ее главныхъ пунктовъ вывоза. Такимъ же способомъ въ настоящее время Италія скрѣпляетъ національное единство и Россія приготовляетъ свое будущее величіе.

Итакъ государство должно выполнять двоякую задачу. Первая, которой никто у него не оспариваетъ, но всю важность которой понимаютъ немногіе, состоитъ въ томъ, чтобы утвердить въ обществѣ порядокъ и право, т. е. издать законы настолько сообразные съ справедливымъ распредѣленіемъ, насколько то дозволяетъ прогрессъ соціальной культуры. Вторая состоитъ въ томъ, чтобы на средства, получаемыя отъ справедливыхъ, по силамъ cadaго, налоговъ, содержать все, что необходимо для прогресса, если частная инициатива недостаточна для этого.

Неоспоримая заслуга новыхъ экономистовъ въ томъ, что они взялись за изученіе соціального вопроса въ духѣ истиннаго чувства христіанской любви, но въ то же время и въ строго научномъ духѣ, всегда опираясь на факты статистики и исторіи, и такимъ образомъ предохраняя себя отъ увлеченія утопіями.

Чтобы опровергнуть социалистовъ, Бастіа и вся его школа поддерживали теорію гармоніи естественныхъ интересовъ, и такимъ образомъ дошли до отрицанія самаго существованія социальной задачи. Это опасное заблужденіе. Соціальный вопросъ, правда, существуетъ съ давнихъ поръ; онъ родился тотчасъ же, какъ только поземельная собственность перестала быть коллективной и ввелось неравенство состояній. Этотъ вопросъ волновалъ греческія республики и привелъ ихъ къ паденію; онъ же потрясалъ и римскую республику, не смотря на непрерывно и тщетно повторявшійся палліативъ аграрныхъ законовъ. Онъ снова появился и въ средневѣковыхъ общинахъ, когда въ нихъ развилась промышленность, и потомъ, когда реформація принесла людямъ религіозное освобожденіе и когда французская революція провозгласила доктрину равенства и братства. Но въ настоящее время этотъ вопросъ принялъ характеръ очень серьезный и общій, что налагаетъ на государственныхъ людей, на публицистовъ и въ особенности на экономистовъ обязанность изучить его; потому что здѣсь дѣло идетъ о спасеніи цивилизаціи, которой грозятъ опасностью требованія рабочихъ классовъ.

Въ исторіи между главными причинами великихъ революцій вы всегда найдете экономическія причины,—истина, которую Наполеонъ выразилъ въ грубой формѣ, говоря: «брюхо дѣлаетъ революціи». Новые экономисты издали значительное число специальныхъ этюдовъ, трактующихъ ту или другую сторону социальнаго вопроса, и такъ какъ они имѣютъ претензію быть «реалистами», т. е. опираться на статистику,—то они навѣрно будутъ способствовать успѣху науки.

Новая доктрина, какъ цѣлое, еще довольно неопредѣленна какъ въ своихъ послыжахъ, такъ и въ своихъ заключеніяхъ; когда она пробуетъ установить отношенія политической экономіи къ морали или праву, то здѣсь бываетъ менѣ оригинальна и менѣ нова, чѣмъ это воображаютъ нѣкоторые изъ ея горячихъ адептовъ. Чтобы ограничиться ссылками только на новѣйшихъ экономистовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, достаточно будетъ вспомнить сочиненія Дамета, Ронделе, Бод-

рильера и Марко Мингетти. Такие писатели какъ Клиффе Лесли, Люццати, А. Петерсенъ, Брентано, Шмоллеръ, Гельдъ, Вагнеръ, Контцень, Нассе, мнѣ кажется, гораздо лучше вооружены, чѣмъ школа Бастіа, для борьбы съ дѣйствительно научнымъ социализмомъ, который именно опирается на абстрактныя формулы и «естественные экономическіе законы», чтобы пробить брешь въ социальномъ порядкѣ и требовать его полной перестройки. Бастіа уже скомпрометировалъ защиту, придерживаясь слишкомъ исключительно теоретической почвы, потому что онъ принужденъ былъ противорѣчить фактамъ и отрицать доктрины, принятые всѣми экономистами, напримѣръ: классическую теорію ренты. Экономисты «реалисты» напротивъ захватываютъ принципы и опираются на факты, чтобы преслѣдовать утопію шагъ за шагомъ, тщательно различая возможные реформы отъ невозможныхъ, права человѣчества отъ требованій алчности и зависти. Въ этомъ заключается, въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда либо, назначеніе политической экономіи, въ виду новыхъ формъ и современнаго быстрого развитія социализма, особенно въ Германіи.

ГЛАВА II.

Современный социализмъ въ Германіи.

I.

ТЕОРЕТИКИ: МАРЛО. РОДБЕРТУСЪ. КАРЛЬ МАРКСЪ.

§ 1.

Въ сильной, но странной рѣчи Бисмаркъ сказалъ однажды въ имперскомъ парламентѣ, что Германіи приходится бороться съ двумя врагами: ультрамонтанствомъ и социализмомъ, или, какъ онъ иногда просто выражается, съ черной интернаціональю и красной интернаціональю. Франція и Германія, въ этомъ отношеніи, представляютъ совершенно неожиданный контрастъ. Во Франціи, гдѣ получилъ начало и развился современный социализмъ, секты его, надѣлавшія такъ много шума и возбуждавшія столько тревогъ въ 1848 г., почти совершенно исчезли съ внѣшней сцены и даже при недавнихъ выборахъ и при формѣ правленія, которая казалось должна была сильно возбуждать ихъ надежды, онѣ не развернули своихъ знаменъ и не организовались въ отдѣльныя партіи. Въ Германіи же, гдѣ еще недавно можно было сказать, что воинствующаго социализма вовсе не существуетъ, онъ, въ короткое время, распространился съ невѣроятной быстротой, основывая вездѣ центры пропаганды, издавая многочисленныя народныя газеты, состав-

для изъ своихъ приверженцевъ многочисленныя общества, имѣющія свои уставы, свои правильныя засѣданія и публичныя *митинги*, завоевывая себѣ, наконецъ, сильной борьбою нѣсколько мѣстъ въ имперскомъ парламентѣ и располагая во многихъ избирательныхъ округахъ значительнымъ числомъ голосовъ, которое оспариваютъ у него другія партіи. Чтобы остановить эти тревожныя успѣхи, въ рейхстагъ была внесена новая статья уголовного кодекса. Она, кажется, была заимствована изъ французскихъ уголовныхъ законовъ и заключалась въ слѣдующемъ: «Тотъ, кто публично возбуждаетъ различныя классы народонаселенія одни противъ другихъ, съ намѣреніемъ нарушить общественное спокойствіе, или кто такимъ же образомъ нападаетъ на учрежденія брака, семьи или собственности, посредствомъ рѣчей или публичныхъ сочиненій, тотъ подвергается тюремному заключенію». Несмотря на личное вмѣшательство Бисмарка и настойчивость министра внутреннихъ дѣлъ, никто не подалъ голоса за предложенную статью. Стенографическій отчетъ отмѣтилъ даже, что этотъ результатъ возбуждалъ смѣхъ въ собраніи. Затѣмъ два, послѣдовавшія одно за другимъ, покушенія на жизнь императора, произведенныя Геделемъ и Нобилингомъ, принудили имперскій парламентъ, принять новый исключительный законъ противъ социализма отличавшійся драконовскою строгостью. Во время преній, графъ Эйленбургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и представитель Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ, чтобы поддержать проэктъ закона, изложилъ очень ясно дѣйствительныя идеи социалистической партіи въ Германіи. Такъ какъ его не оспаривали тѣ депутаты, которые принадлежали къ социалистамъ, то можно допустить, что онъ не сказалъ ничего такого, что не было бы вполнѣ точно.

До 1875 года въ Германіи существовали двѣ могущественныя социалистическія ассоціаціи. Первая называлась: «Общегерманскій рабочій союзъ» (*Allgemeine deutsche Arbeiterverein*). Основанный въ 1863 году Лассалемъ, онъ имѣлъ вполнѣ въ президентомъ депутата Швейцера, потомъ депутата Газенклевера. Его главный центръ дѣйствій былъ въ Сѣверной Германіи.

Вторая была «Демократическій рабочий союзъ» (Demokratische Arbeiterverein); онъ былъ руководимъ двумя другими, весьма извѣстными рейстагу депутатами Бебелемъ и Либкнехтомъ. Его члены находились главнымъ образомъ въ Саксоніи и Южной Германіи. Первый держался національной почвы и требовалъ вмѣшательства правительства, чтобы достигнуть постепеннаго преобразованія общества; второй, напротивъ, ожидалъ успѣха своего дѣла только отъ революціоннаго движенія.

Эти двѣ ассоціаціи долго жили въ открытой враждѣ, не столько вслѣдствіе различія въ цѣляхъ, ими преслѣдуемыхъ, сколько вслѣдствіе личныхъ соперничествъ. Однако, въ маѣ 1877 г., на съѣздѣ, бывшемъ въ Готѣ, они соединились подъ именемъ «соціалистической партіи нѣмецкихъ рабочихъ» (Socialistische Arbeiterpartei Deutschlands). Депутатъ Газенклеверъ былъ избранъ президентомъ. Но соединеніе длилось не долго, и не было полнымъ, такъ какъ въ августѣ «обще-нѣмецкій союзъ» имѣлъ отдѣльное собраніе въ Гамбургѣ.

Съѣздъ въ Готѣ принялъ программу, которая довольно точно резюмируетъ стремленія германскаго соціализма. Вотъ главные пункты.

Трудъ есть источникъ всякаго богатства и цивилизаціи. Такъ какъ общій производительный трудъ возможенъ только чрезъ посредство общества, то и весь продуктъ труда принадлежитъ обществу, т.-е. всѣмъ его членамъ на равномъ правѣ и каждому въ особенности сообразно съ его резонными потребностями, причемъ всѣ обязаны трудиться.

Въ настоящемъ обществѣ орудія труда составляютъ монополию класса капиталистовъ; происходящая отъ этого зависимость рабочаго класса есть источникъ нищеты и рабства во всѣхъ его видахъ.

Эмансипація труда требуетъ, чтобы орудія труда стали коллективною собственностью общества, съ общиннымъ веденіемъ всѣхъ работъ, чтобы продукты труда употреблялись для общей пользы и правильно распредѣлялись.

Эмансипація труда должна быть дѣломъ рабочаго класса,

сравнительно съ которымъ другіе классы составляютъ только реакціонерныя массы.

Исходя изъ этихъ принциповъ, соціалистическая партія рабочихъ въ Германіи ставитъ для себя цѣлью стремиться къ тому, чтобы всякими легальными средствами создать свободное государство и соціалистическое общество, чтобы уничтожить желѣзный законъ рабочей платы, уничтоживши трудъ по найму, чтобы положить конецъ эксплуатаціи во всѣхъ ея видахъ и уничтожить политическое и соціальное неравенство.

Германская соціалистическая партія дѣйствуетъ прежде всего въ національной сферѣ, но она признаетъ и международный характеръ рабочаго движенія, и потому рѣшается исполнять всѣ обязанности, налагаемыя на рабочихъ этою солидарностью, для осуществленія братства всѣхъ людей.

Эта программа почти одинакова съ тою, которая была составлена во Франціи, въ 1848 году, подъ вліяніемъ идей Луи Блана, группою соціалистовъ, старавшеюся примѣнить эти идеи въ Люксембургскихъ государственныхъ мастерскихъ. Въ ней находится даже знаменитая формула, *«каждому сообразно съ его потребностями»*; хотя опытъ, сдѣланный во Франціи устройствомъ ассоціацій, наилучшимъ образомъ обставленныхъ съ цѣлью успѣха, доказалъ ясно, что эта формула поселяла недоувѣріе и раздоры тамъ, гдѣ имѣлось цѣлью основать царство гармоніи и братства.

Я не стану теперь разбирать эту программу, а ограничусь только изложеніемъ фактовъ. Соціалистическая нѣмецкая партія не ограничивается формулированіемъ общихъ принциповъ. Такъ какъ она утвердилась на почвѣ дѣйствительной политики и имѣетъ своихъ представителей въ парламентѣ, то она считаетъ нужнымъ указывать и средства для осуществленія желаемыхъ ею реформъ. Вотъ чего она требуетъ. «Соціалистическая партія нѣмецкихъ рабочихъ требуетъ для подготовленія рѣшенія соціальнаго вопроса, учрежденія производительныхъ соціалистическихъ ассоціацій съ помощью государства, подъ демократическимъ контролемъ рабочаго класса. Производи-

тельные ассоціаціи для промышленности и земледѣлія должны быть основаны въ размѣрахъ достаточно обширныхъ для того, чтобы изъ нихъ могла возникнуть социалистическая организація общаго труда. Она требуетъ, чтобы въ основу государства были положены слѣдующія учрежденія: всеобщая и прямая подача голосовъ для всѣхъ гражданъ двадцати одного года и для всѣхъ выборовъ, какъ государственныхъ, такъ и общинныхъ; прямое законодательство, которое рѣшаетъ вопросы о войнѣ или мирѣ; общая воинская повинность и гражданская милиція— вмѣсто постоянной арміи, уничтоженіе всѣхъ законовъ, ограничивающихъ права ассоціацій, сходокъ, свободнаго выраженія мнѣній и свободнаго изслѣдованія; даровая юстиція, отправляемая народомъ; обязательное обученіе, общее образованіе отъ государства одинаковое для всѣхъ; признаніе религіи дѣломъ частнаго интереса».

Эта программа практической политики ничего не имѣетъ разрушительнаго, такъ какъ все ею требуемое, практикуется въ самой Германіи или въ сосѣдней съ нею странѣ, въ Швейцаріи, исключая государственной помощи, оказываемой производительнымъ ассоціаціямъ,—что было испытано во Франціи въ 1848 году и не имѣло успѣха. Что касается конечной цѣли «социалистической организаціи общаго труда» то это выраженіе весьма неопредѣленно. Что собственно значитъ слово «социалистъ» повторяемое такъ часто и какова эта новая организація, которую имѣютъ въ виду? Это мы постараемся опредѣлить, рассматривая сочиненія, изъ которыхъ вышли эти идеи. Замѣчательная вещь, какъ это уже констатировалъ депутатъ Бамбергеръ, что социалистическія идеи нигдѣ не нашли такого приѣма какъ въ Германіи. По его мнѣнію, это произошло вслѣдствіе философски-спекулятивнаго характера націи, которая легко плѣняется идеальной прелестью утопіи. Эти идеи не только увлекаютъ всѣхъ почти рабочихъ, но и сама буржуазія поддается имъ и готова сказать: И въ самомъ дѣлѣ, такъ можетъ быть будетъ лучше; отчего бы и не попробовать? Соціализмъ проникъ въ высшіе классы, онъ засѣдаетъ въ академіяхъ, про-

скользнулъ на кафедры университетовъ, и эти именно ученые дали лозунгъ, повторяемый теперь рабочими ассоціаціями; это они напали на мамонизмъ (служеніе только матеріальнымъ интересамъ) и громко заговорили о злоупотребленіяхъ «капитализма». Въ другихъ мѣстахъ нигдѣ ничего подобнаго не видно. Разсмотримъ же сочиненія, подготовившія это странное движеніе.

§ 2.

Соціализмъ, какъ политическая партія, получилъ начало въ Германіи очень недавно, именно только съ 1863 г., съ того времени, когда Лассаль вызвалъ и организовалъ рабочую агитацію. Глубокое соціалистическое движеніе, волновавшее рабочіе кассы во Франціи въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа, а въ особенности послѣ 1848 г., не нашло сочувствія по ту сторону Рейна. Нѣмецкія страны, исключая Бадена, совсѣмъ не были подготовлены къ его пониманію. Учрежденія стараго порядка отчасти исчезли, но духъ и вліяніе его еще господствовали. Ремесленники сдерживались и поддерживались ремесленными корпораціями. Промышленность въ большихъ размѣрахъ едва начиналась. Рабочіе въ деревняхъ такъ же были подчинены своимъ хозяевамъ, какъ прежніе крѣпостные крестьяне предшественникамъ этихъ хозяевъ. Новѣйшій пролетаріатъ былъ почти неизвѣстенъ. Нисшіе классы и не воображали, что они могутъ когда нибудь получить право голоса и играть роль въ политикѣ. Имъ и въ голову не приходило, что участь ихъ можетъ быть иная, и потому они покорялись ей какъ и въ средніе вѣка.

Французскій же рабочій былъ полонъ воспоминаній о французской революціи. Отцы его распоряжались государствомъ; отчего же и ему въ свою очередь не распоряжаться имъ? Онъ былъ народъ самодержецъ; ужели же этотъ самодержецъ, единственный и настоящій, долженъ жить въ нищетѣ? У нѣмецкаго рабочаго была болѣе суровая жизнь; но она почти казалась ему его неизбѣжною участію. Онъ не могъ помнить равенства

состояній, основывавшагося на общинной собственности перво-бытной Германіи, ни о возстаніи крестьянъ въ XVI вѣкѣ, такъ скоро потопленномъ въ крови. Онъ еще ощущалъ послѣдствія свинцоваго ига, тяготѣвшаго надъ Германією послѣ тридцатилѣтней войны, и едва начиналъ жить новой жизнью; его не волновалъ духъ возстанія и въ немъ не было стремленія къ лучшимъ порядкамъ. Лассаль сказалъ совершенно вѣрно: въ то время какъ французскій и англійскій рабочій мечтали только о реформахъ, нѣмецкому рабочему надо было еще доказать, что онъ несчастенъ. Потому первыя соціалистическія сочиненія имѣли мало успѣха.

Идеи о реформѣ и о соціальной революціи перешли изъ Франціи. Карль Марксъ, самый свѣдущій изъ германскихъ соціалистовъ, самъ признаетъ это. «Эмансипація Германіи будетъ эмансипаціей всего человѣчества, писалъ онъ въ одномъ журналѣ, нѣсколько нумеровъ котораго появились во Франціи въ 1844 г., но когда въ Германіи все будетъ готово, то возстаніе вспыхнетъ только по пробуждающему пѣнію гальскаго пѣтуха»¹⁾. Первый по времени проникся идеями Фуррье и Кабе портной Вейтлингъ. Нѣсколько лѣтъ онъ старался распространить ихъ въ Швейцаріи и южной Германіи. Въ 1835 году онъ издалъ первое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Человѣчество, какъ оно есть, и какимъ оно должно быть» (*Die Menschheit, wie sie ist und sein sollte*). Въ 1841 г. въ Веве онъ издавалъ нѣмецкую газету, въ которой побуждалъ рабочихъ основать демократическую республику. Наконецъ въ книгѣ, изданной въ Цюрихѣ (1842) подъ заглавіемъ: «Гарантіи и гармонія свободы». (*Garantien und Harmonien der Freiheit*), онъ проповѣдуетъ коммунизмъ по методѣ Бабѣфа и Руссо. «Абсолютное равенство, говорится тамъ, можетъ быть основано только тогда, когда будетъ разрушена настоящая организація государства. Оно допускаетъ только администрацію,

¹⁾ См. журналъ „Deutsch-Französische Jahrbücher“, издававшийся Арнольдомъ Руге и Карломъ Марксомъ, съ участіемъ Гесса, Энгельса, Гервега и Бруно Бауера.

но не правительство. Когда устанавливалась собственность, то ее можно было допустить: она не отнимала ни у кого права и средствъ сдѣлаться собственникомъ, потому что тогда не было денегъ, а земля была въ изобиліи. Но съ той минуты, когда свободный человѣкъ не могъ болѣе самъ занять часть земли, собственность перестала быть правомъ. Она сдѣлалась вопіющей несправедливостью, источникомъ лишеній и нищеты массъ. Я вамъ говорю, отворите тюрьмы ваши, и скажите заключеннымъ: Вы знали не болѣе насъ, что такое собственность; соединимъ наши усилія, чтобы разрушить эти стѣны, эти заборы, эти рѣшетки, чтобы наконецъ исчезла причина нашей вражды, и чтобы мы могли жить какъ братья». Въ сущности, это не что иное какъ разсужденіе Руссо о происхожденіи неравенства.

Сочиненія Вейтлинга обратили на себя большое вниманіе. Можетъ быть они способствовали распространенію въ южной Германіи революціоннаго духа, который выразился баденскимъ возстаніемъ въ 1848 г., но не организовался тогда въ социалистическую партію ¹⁾.

Послѣ того какъ революціонныя движенія 1848 года смѣнились во всей Европѣ періодомъ реакціи, развитіе социалистическихъ идей, совершенно остановившееся во Франціи, по крайней мѣрѣ въ печати, въ Германіи стало принимать научный характеръ. Професоръ Винкельблехъ, подъ именемъ Марло, издалъ отдѣльными выпусками серьезное сочиненіе, которое, за смертью его въ 1839 г., осталось неконченнымъ. Оно имѣло такое заглавіе: «*Исслѣдованія объ организаціи труда, или система всемірной политической экономіи (Untersuchungen über die Organisation der Arbeit oder System der Weltökonomie)*». Въ

¹⁾ Между социалистическими германскими сочиненіями до 1848 г. можно указать еще *Разрушеніе и возобновленіе или настоящее и будущее. (Abbruch und Neubau oder Jetztzeit und Zukunft von Michael, Stuttgart 1846)*; *Положеніе рабочаго класса въ Англіи (Die Lage der arbeitenden Classen in England, Фридриха Энгельса, Лейпцигъ 1845)*. Это послѣднее сочиненіе содержитъ много интересныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ англійскихъ слѣдствій. Отчасти—это источникъ идей Карла Маркса.

предисловіи онъ трогательно рассказывалъ о томъ, почему онъ сталъ заниматься социальными вопросами.

Въ 1843 г. Марло посѣтилъ сѣверную Европу для изученія успѣховъ промышленности. Покидая Модумскую фабрику въ Норвегіи, онъ остановился, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться живописной альпійской долиной, на которой она возвышается. Въ то время какъ онъ осматривалъ прелестный пейзажъ, къ нему подходит нѣмецкій рабочій и проситъ его принять порученіе въ родной край. Разговоръ завязывается. Рабочій рассказываетъ свою жизнь, и говоритъ, какъ малъ его заработокъ и какія онъ терпитъ лишенія, чтобы существовать. Это заставило Марло призадуматься. Отчего это, спрашивалъ онъ себя, эта прекрасная долина, кажущаяся уголкомъ рая, скрываетъ столько нищеты? Гдѣ причина этого, въ природѣ или въ человѣкѣ? До сихъ поръ я восхищался могуществомъ машинъ и чудесами промышленности, не думая объ участи тѣхъ, которыми она даетъ занятіе. Я вычислялъ количество продуктовъ и не старался узнать, сколько есть такихъ, которые не пользуются ими. Съ этой минуты онъ рѣшился углубиться въ эту задачу не дававшую ему покоя.

Онъ изучаетъ сперва положеніе различныхъ классовъ въ цивилизованныхъ странахъ и вездѣ находитъ нищету, стѣсненіе, заботу, недостатокъ какъ у хозяевъ, такъ и у рабочихъ, какъ въ большихъ городахъ, мѣстахъ изобилія и роскоши, такъ и въ хижинѣ крестьянина, какъ въ плодородныхъ равнинахъ Бельгіи и Ломбардіи, такъ и въ горныхъ мѣстностяхъ Швеціи и Богеміи. Отыскивая затѣмъ причину этого прискорбнаго положенія, онъ открываетъ, что она заключается не въ природѣ и ея необходимыхъ законахъ, а въ человѣческихъ учрежденіяхъ и законахъ. Поэтому онъ приходитъ къ заключенію, что единственное средство противъ зла, отъ котораго страдаютъ общества, состоитъ въ перѣформированіи и улучшеніи ихъ. Его изслѣдованія убѣдили его, что усовершенствованіе промышленности, какъ бы высоко оно ни было, не можетъ привести къ общему благосостоянію. Дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи бу-

дуть зависѣть отъ успѣховъ политической экономіи. Поэтому онъ и признаетъ эту науку одною изъ самыхъ важныхъ въ наше время. И это совершенно вѣрно; вопросъ экономической лежитъ въ основаніи всѣхъ нашихъ споровъ. Требованія низшихъ классовъ тревожатъ консерваторовъ, и такимъ образомъ грозятъ опасностью свободѣ. Платонъ говоритъ, что въ каждомъ государствѣ есть двѣ враждебныя націи: богатые и бѣдные. Въ новыхъ демократіяхъ повторяется подобное явленіе. Бунтовщики коммуны гораздо болѣе ненавидѣли «версальцевъ» чѣмъ пруссаковъ, и нѣмецкіе социалисты желали побѣды французской республикѣ надъ ихъ родиною.

Отчего происходитъ, что въ нашихъ обществахъ столь богатыхъ такъ много бѣдности? Отчего въ Англіи, которая приготовляетъ столько тканей, что можно было бы покрыть ими всю нашу планету, такъ много бѣдныхъ, едва одѣтыхъ? Наука побѣждаетъ всѣ сопротивленія природы, сила машинъ безпределѣльна; отчего же такъ много семействъ, нуждающихся въ самомъ необходимомъ? Потому-ли, что трудъ недовольно производителенъ, или потому, что продукты его дурно распределены? Нужно-ли искать причину этого въ недостаткахъ отдѣльных личностей, или въ несовершенствѣ социальнаго порядка? На разъясненіе этой задачи Марло посвятилъ пятнадцать лѣтъ своей жизни и три большихъ тома недоконченнаго сочиненія. Нельзя сказать, чтобы онъ вполне достигъ цѣли; но его книга содержитъ нѣсколько оригинальныхъ взглядовъ. Сравненіе, которое онъ проводитъ въ политической экономіи между принципомъ, который онъ называетъ языческимъ, и между принципомъ христіанскимъ вѣрно. Принципъ языческой жертвуетъ массами для обезпеченія роскоши и удовольствія малочисленной аристократіи, какъ было въ древнихъ государствахъ. Принципъ христіанскій признаетъ только равныхъ и требуетъ, чтобы каждый получалъ часть продуктовъ пропорціональную его полезному труду. Языческая эксплуатація рабочаго принимала разные виды: во первыхъ невольничество, потомъ крѣпостное право, барщина, сеньоріальныя права; въ настоящее

время стачки, привилегіи, безчестная или паразитная спекуляція. Принципъ христіанскій, напротивъ, по мѣрѣ того какъ онъ проникнетъ въ нравы и законы, заставитъ царствовать справедливость и возвыситъ обездоленные классы, которые были жертвами въ древности и при старомъ порядкѣ.

Теорія собственности Марло замѣчательна. По мнѣнію его, собственность должна быть организована такъ, чтобы обезпечить наиболѣе плодотворную эксплуатацію природныхъ силъ и дать возможность пользоваться плодами личнаго труда тому, кто ихъ создалъ. Поэтому собственность, основывающаяся на рабствѣ, дурна, во первыхъ потому что, отнимая у рабочаго мотивъ личнаго интереса, она не побуждаетъ его извлекать изъ природы все, что она въ состояніи дать; во вторыхъ, потому, что не обезпечиваетъ за рабомъ пользованія плодами его же труда. Крупная феодальная собственность, связанная узами маіоратовъ и субститутовъ, можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, благопріятствовать прогресу земледѣлія, какъ утверждаютъ англичане; но значительный ея недостатокъ тотъ, что она лишаетъ большую часть людей поземельной собственности, а слѣдовательно и возможности пользоваться всѣмъ тѣмъ, что можетъ произвести ихъ трудъ. Древнегерманская общинная собственность была нераздѣльна и неотчуждаема, и имѣла то преимущество, что обезпечивала каждому владѣніе орудіями труда: но она мало способствовала производству, потому что ослабляла силу личнаго интереса, и кромѣ того она не можетъ приспособляться къ разнообразнымъ положеніямъ, возникающимъ изъ существующей промышленной организаціи. Собственность складочная или акціонерная, т.-е. такая, какая установилась въ новѣйшихъ акціонерныхъ компаніяхъ,—вотъ по мнѣнію Марло, типъ болѣе всего подходящий къ интенсивному производству. Въ этомъ типѣ къ тѣмъ преимуществамъ постоянной неистощимости и обширныхъ средствъ производства, которыя свойственны корпоративной собственности, присоединяются еще дѣлимость, подвижность и индивидуальность, которыя свойственны собственности раздробленной и частной. Отсюда и вытекаетъ то

все расширяющееся примѣненіе, какое находятъ въ экономическомъ мірѣ коммерческія и промышленныя общества (компаніи).

Марло замѣчательно вѣрно анализируетъ тѣ преимущества, какія представляетъ компанейская форма, какъ относительно увеличенія производительности труда, такъ и относительно улучшенія положенія рабочихъ. Но только онъ упустилъ изъ виду всѣ препятствія, которыя въ настоящее время мѣшаютъ такому всеобщему примѣненію ея, какого можно было бы ожидать, имѣя въ виду однѣ только хорошія стороны ея, которыя авторъ такъ рельефно выставляетъ. Рѣшеніе, къ которому онъ приходитъ, въ сущности заимствовано имъ у Фуррье; утопія коммуны-фаланстера появляется у него отъ времени до времени какъ идеаль. Но онъ хорошо знакомъ съ политической экономіею, и въ своихъ разсужденіяхъ, часто очень остроумныхъ, онъ почти никогда не упускаетъ изъ виду принциповъ. Такимъ образомъ, отличаясь этимъ отъ большинства реформаторовъ, онъ доказываетъ, какъ и Стюартъ Милль, и съ такою же настойчивостью, что вопросъ о ростѣ народонаселенія господствуетъ надъ всѣми другими. Онъ говоритъ, какъ Милль или какъ Гарнье: произведите самыя лучшія реформы, не отступайте ни передъ чѣмъ, чтобы улучшить положеніе нисшихъ классовъ; издайте наилучшіе законы, какіе только можно придумать, благоприятствующіе приращенію богатства и справедливому его распределенію; но вы всетаки ничего не достигнете, если народонаселеніе будетъ увеличиваться быстрѣе чѣмъ производство жизненныхъ припасовъ. Пусть промышленность сколько угодно увеличиваетъ массу своихъ издѣлій; но это все аксессуары. Самое существенное состоитъ въ томъ, чтобы знать, достаточно-ли урожай каждаго года для того, чтобы каждый имѣлъ по крайней мѣрѣ необходимое для существованія.

Марло въ этомъ пунктѣ вполне правъ; но онъ слишкомъ много разсчитываетъ на предупредительныя регламентаціи, которыя, какъ доказалъ опытъ, только благоприятствуютъ распушенности нравовъ, не останавливая приращенія числа

жителей. Единственное средство достигнуть этой цѣли, есть то, чтобы просвѣщеніе и собственность сдѣлались достояніемъ всѣхъ. Человѣкъ, нѣсколько образованный и пользующійся нѣкоторымъ довольствомъ, становится предусмотрителенъ. Онъ не захочетъ преждевременной женитьбой подвергать нищетѣ себя и семью. Во Франціи народонаселеніе увеличивается слишкомъ медленно, такъ медленно, что многіе боятся этого. Во Франціи же собственность распределена между такимъ значительнымъ числомъ лицъ, что тѣ, которые ею не пользуются, составляютъ меньшинство. Богатыя и образованныя семьи имѣютъ такъ мало дѣтей, что они могутъ угаснуть. Напротивъ пролетаріи, погруженные въ нищету и невѣжество, размножаются. Чѣмъ больше человѣкъ живетъ умственною жизнью, тѣмъ менѣе сильна въ немъ жизнь животная. Большинство великихъ людей не оставили потомства. Прогрессъ просвѣщенія и благосостоянія лучшее противоядіе противъ слишкомъ большаго приращенія народонаселенія, и точно по какой-то соціальной гармоніи, успѣхи цивилизаціи сами стремятся устранить опасность грозящую ей въ будущемъ.

§ 3.

Нѣмецкіе соціалисты, составившіе себѣ имя, не начертали плана новаго общества. Они не даютъ намъ, какъ Морусъ, Бабефъ, Фуррье или Кабе, идеала, утопіи, совершеннаго государства, которое было-бы земнымъ раемъ. Они основательно знаютъ политическую экономію и факты, констатированные статистикою. Они изучали исторію, право, древніе языки, иностранныя литературы; они принадлежатъ къ зажиточному классу. Это ученые по профессіи. Они не увлекаются ни чужими химерами, ни тѣми, которыя могло-бы создать ихъ собственное воображеніе. Они довольствуются критическимъ разборомъ классическихъ сочиненій экономистовъ, и ясно выставляютъ недостатки настоящаго соціального строя. Ихъ сочиненія носятъ такой же характеръ какъ сочиненія Прудона,

но только они не такъ хорошо написаны, менѣ блестящи, болѣ послѣдовательны и солидны. Чтобы найти у нихъ ошибки, необходимо выдержанное вниманіе и глубокое знаніе экономическихъ принциповъ.

Послѣ Марло слѣдуетъ писатель, мало извѣстный за границей, очень рѣдко упоминаемый; но небольшія сочиненія его содержать, какъ справедливо замѣтилъ Рудольфъ Мейеръ *), всѣ идеи, которыя Марксъ и Лассаль впослѣдствіи развивали съ такимъ успѣхомъ. Этотъ писатель есть Родбертусъ Ягетцовъ, прусскій министръ земледѣлія въ 1848 г., тотчасъ послѣ этого удалившійся въ свое имѣніе, гдѣ онъ занимался агрономіею и изученіемъ исторіи и экономіи. Онъ не издалъ ни одного большого сочиненія, излагавшаго его доктрины, а писалъ лишь небольшія статьи, помѣщенные въ журналахъ и газетахъ. Его система изложена въ письмахъ адресованныхъ къ его другу Фонъ Кирхману; эти письма недавно (1875) были перепечатаны отдѣльно подъ заглавіемъ: *Къ разъясненію соціального вопроса* (Zur Beleuchtung der socialen Frage). Знаменитый агитаторъ Лассаль до послѣднихъ дней своей жизни былъ въ постоянной перепискѣ съ Родбертусомъ, а Марксъ заимствовалъ у него сущность своихъ теорій. Небольшое и мало извѣстное сочиненіе этого писателя есть, конечно, самое оригинальное произведеніе Германіи по части политической экономіи, хотя основаніе его выводовъ, по моему, совершенно ошибочно. Родбертусъ, собственно говоря, не социалистъ, но, подобно Рикардо, онъ приготовилъ научный арсеналъ, изъ котораго социализмъ беретъ свое оружіе. Мы не можемъ здѣсь вполнѣ анализировать идеи Родбертуса, а только укажемъ главные пункты.

Какъ самъ онъ говоритъ, система его есть только строгое примѣненіе принциповъ установленныхъ Смитомъ и еще строже доказанныхъ Рикардо, что всѣ богатства должны быть разсматриваемы экономически какъ продукты труда, и что стои-

---

*) См. интересную книгу Рудольфа Мейера: *Борьба за эмансипацію четвертаго сословія* (Die emancipationskampf des Vierten Standes).

мость ихъ должна опредѣляться только трудомъ. Нищета и коммерческіе кризисы, эти два важныя препятствія на пути правильнаго прогресса благосостоянія и цивилизаціи, по его мнѣнію, имѣютъ одну только слѣдующую причину: пока обмѣнъ и распредѣленіе продуктовъ подчиняются законамъ, вытекающимъ изъ исторіи, а не изъ разума, рабочая плата трудящагося класса будетъ относительно меньшею частью національнаго продукта, по мѣрѣ того какъ производительность національнаго труда будетъ увеличиваться. Родбертусъ пришелъ къ такому заключенію путемъ изученія экономическихъ вліяній, устанавливающихъ размѣръ рабочей платы и ренты.

Рабочій, говоритъ онъ, приносить на рынокъ товаръ, который нельзя сберечь, именно, часы труда, которыми онъ располагаетъ. У него нѣтъ ни земли, ни капитала, къ которымъ онъ могъ бы приложить свои руки; слѣдовательно онъ долженъ предложить ихъ въ услуги тѣмъ, которые могутъ ими воспользоваться. Сколько же они заплатятъ ему? Вынуждаемые конкуренціею вести производство какъ можно дешевле, они не дадутъ болѣе того, что крайне необходимо. А это крайне необходимое есть то, что даетъ возможность рабочему существовать и размножаться. Это и есть та необходимая рабочая плата, о которой говоритъ Рикардо, это уровень-регуляторъ, къ которому въ дѣйствительности тяготеетъ рабочая плата, въ своихъ колебаніяхъ, производимыхъ предложеніемъ и спросомъ. Предположимъ теперь, что трудъ становится болѣе производительнымъ. Рабочій производитъ больше предметовъ. Вслѣдствіе этого каждый изъ этихъ предметовъ будетъ стоить меньше труда и слѣдовательно будетъ продаваться дешевле. Рабочій, который существуетъ потребленіемъ этихъ предметовъ, въ состояніи будетъ содержать себя дешевле и слѣдовательно будетъ довольствоваться меньшею платой. Родбертусъ старается выяснитъ это примѣромъ. Землевладѣлецъ получаетъ съ земли, употребляя одного рабочаго, 60 гектолитровъ хлѣба. Рабочему онъ даетъ 30, что представляетъ необходимую плату; а ему самому остается 30. Если посредствомъ улучшенныхъ машинъ,

онъ сберетъ 90 гектолитровъ, то на его долю придется 60; и такимъ образомъ рабочая плата, которая прежде составляла половину всего продукта, будетъ теперь, когда трудъ сталъ болѣе производителенъ, составлять только треть. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ изобрѣтенія пара масса продуктовъ, созданныхъ въ цивилизованныхъ обществахъ, увеличилась въ трое, и даже можетъ быть, въ пять разъ, а рабочая плата не повысилась въ такой же пропорціи. Это замѣчаніе Родбертуса вѣрно; но то, что онъ критикуетъ, при настоящихъ условіяхъ иначе и быть не можетъ. Если производство такъ увеличилось, то это потому, что теперь въ обращеніи вдвое или втрое больше капитала, чѣмъ было въ прошломъ столѣтіи. Этотъ капиталъ долженъ быть вознагражденъ, и поэтому онъ беретъ себѣ прибавившійся излишекъ продуктовъ, котораго онъ есть источникъ. Когда мололи хлѣбъ посредствомъ ручныхъ мельницъ, то почти весь продуктъ уходилъ на рабочую плату. Если же устроить паровую мельницу, то потребуется не болѣе трети рабочихъ силъ, употреблявшихся прежде и потому рабочая плата поглотитъ не болѣе трети продуктовъ, а двѣ другія трети достанутся капиталу. Рабочіе, которыхъ машины сдѣлали излишними здѣсь, наймутся въ другомъ мѣстѣ, и какъ потребители, они отчасти воспользуются пониженіемъ цѣнъ на продукты, которое послѣдовало вслѣдствіе употребленія машинъ. Неоспоримо, что рабочій теперь лучше ѣстъ, имѣетъ лучшее помѣщеніе и лучше прежняго одѣтъ. Итакъ, если вся сумма рабочей платы и составляетъ меньшую часть общественнаго продукта, потому что постоянный капиталъ, источникъ этого увеличенія производства, беретъ себѣ болѣе значительную часть, то съ другой стороны, положеніе получающаго плату улучшилось, потому что конкуренція даетъ возможность всѣмъ потребителямъ пользоваться прогрессомъ фабрикаціи, приводя цѣны на предметы къ уровню съ издержками производства.

Родбертусъ подвергаетъ подробной критикѣ теорію Рикардо, по которой рента возникаетъ вслѣдствіе необходимости переходить къ обработкѣ земель худшаго качества. По его же мнѣнію

рента возникаетъ просто вслѣдствіе увеличенія производительности труда, такъ что рента существовала бы и тогда, когда бы всѣ земли были одинаково плодородны. Если человѣкъ, обрабатывая землю, получаетъ съ нея болѣе чѣмъ нужно для его существованія, то этотъ излишекъ онъ можетъ отдать другому, и онъ долженъ его дать владѣльцу земли, если самъ ея не имѣетъ. Собственникъ земли запроситъ сколько возможно больше; но то, что снимающій землю въ состояніи будетъ ему заплатить, зависитъ отъ количества полученныхъ продуктовъ, отъ цѣны этихъ продуктовъ и отъ необходимыхъ издержекъ ихъ производства. Итакъ рента увеличится, если съ десятины получится больше хлѣба, если онъ продается дороже, или если обработка его болѣе экономна. Изъ этого вытекаетъ еще разъ, что чѣмъ производительнѣе становится земледѣльческій трудъ, тѣмъ болѣе увеличивается доля поземельнаго собственника, а доля земледѣльческаго рабочаго, остающаяся тою же, дѣлается меньшею частью всего продукта.

Эти выводы заключаютъ въ себѣ долю истины. Дѣйствительно, для того чтобы явилась рента, достаточно, чтобы земля стала предметомъ монополіи и чтобы она приносила болѣе, чѣмъ необходимо для поддержанія существованія того, кто ее обрабатываетъ. Но Родбертусъ не обратилъ вниманія на то, что если земледѣльческій трудъ, сдѣлавшись болѣе производительнымъ, доставляетъ на рынокъ больше продуктовъ, то цѣна этихъ продуктовъ понизится; это послужитъ въ пользу потребителей и рента не увеличится. Милль полагалъ даже, что въ этомъ случаѣ рента уменьшится. Рикардо совершенно вѣрно утверждалъ, что причина увеличенія ренты есть умноженіе народонаселенія, которое, требуя болѣе сѣстныхъ припасовъ, повышаетъ ихъ цѣну. Съ другой стороны, когда нѣтъ недостатка въ землѣ, какъ это бываетъ въ новыхъ странахъ, рента совершенно ничтожна, хотя трудъ бываетъ очень производителенъ. Причина этого ясна: хлѣбопашецъ не согласится дорого платить за пользованіе землею, которую онъ въ другомъ мѣстѣ можетъ достать почти даромъ. А затѣмъ въ словахъ

Родбертуса совершенно вѣрно то, что всякое изобрѣтеніе, всякій приѣмъ, уменьшающій издержки производства, можетъ повышать ренту. Это весьма важный пунктъ, который оставался незамѣченнымъ и ускользнулъ даже отъ Рикардо и Милля.

Капитальная ошибка Родбертуса, заимствованная у него и другими нѣмецкими соціалистами, состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ трудъ единственнымъ источникомъ цѣнности. Изъ этого онъ выводитъ, что всѣ продукты должны были бы обмѣниваться сообразно тому; сколько труда употреблено было на каждый изъ нихъ, и на этомъ основаніи онъ составилъ проектъ кредитнаго учрежденія, напоминающаго обмѣнный банкъ Прудона. Рабочій доставляетъ въ центральный складъ свою работу; эта работа оцѣнивается по числу рабочихъ часовъ, нормально и среднимъ числомъ необходимыхъ для исполненія ея. Это есть ея естественная цѣна. Онъ получаетъ въ уплату квитанцію, представляющую часы его труда и по этой квитанціи онъ можетъ брать изъ общественнаго магазина, любой предметъ, цѣна котораго опредѣлена такимъ же образомъ. Это очевидно приложеніе къ дѣлу идеи Смита, предполагавшаго, что трудъ, а не деньги, есть лучшая общая мѣра цѣнности. Во множествѣ совершаемыхъ обмѣновъ всегда обмѣниваютъ часы труда на часы труда, или, какъ хотѣлъ Бастіа, услуги на услуги: благосостояніе каждаго было бы пропорціонально доли участія, которое онъ принималъ въ общемъ производствѣ, безъ уменьшенія или вычетовъ въ пользу другого. Покупательная сила была бы пропорціональна произведенному продукту, или другими словами, производитель могъ бы выкупить свой продуктъ. Мы встрѣтимъ тѣ же идеи у Карла Маркса. Чтобы избѣжать повтореній, мы разберемъ ихъ послѣ того, какъ увидимъ, въ какой новой формѣ представилъ ихъ этотъ писатель.

§ 4.

Карль Марксъ, безъ сомнѣнія, самый вліятельный соціалистическій писатель въ Германіи, и его главное произведеніе, «*Kapital*» (*Das Kapital*), признано даже его противни-

ками за оригинальный и замѣчательный трудъ. Конечно, не этому сочиненію Марксъ обязанъ своимъ вліяніемъ, потому что оно по изложенію недоступно для народа. Оно такъ же отвлеченно, какъ математическій трактатъ и очень утомительно для чтенія. Это настоящая головоломка, потому что онъ употребляетъ общепринятые термины въ особенномъ смыслѣ, и выводъ за выводомъ строить цѣлую систему на опредѣленіяхъ и гипотезахъ. Необходимо постоянное напряженіе ума, чтобы слѣдить за умозаключеніями, въ которыхъ слова всегда уклоняются отъ общепринятаго значенія.

Какъ очень вѣрно замѣтилъ Клиффе Лесли, сочиненіе *Капиталъ* есть поразительный примѣръ злоупотребленія дедуктивнымъ методомъ, очень часто употребляемымъ многими экономистами. Онъ выходитъ изъ извѣстныхъ аксіомъ и извѣстныхъ формулъ, которыя считаетъ неоспоримо вѣрными. Изъ нихъ онъ выводитъ слѣдствія, заключающіяся въ нихъ, какъ ему кажется, и такимъ образомъ доходитъ до заключеній, которыя онъ считаетъ столь же неопровержимыми, какъ заключенія точныхъ наукъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе этого метода, увлекающаго простые умы. Въ наукахъ моральныхъ и политическихъ термины никогда не могутъ выражать съ точностью безчисленные оттѣнки дѣйствительности; это возможно только въ математикѣ, которая разсуждаетъ только о данныхъ отвлеченныхъ и строго опредѣленныхъ.

Въ политической экономіи, какъ въ морали и политикѣ, опредѣленія служатъ къ тому, чтобы дать понятіе о вещахъ, о которыхъ говорится; они не могутъ быть описаны достаточно точно, чтобы возможно было вывести естественно вытекающія заключенія. Совершенно правильно замѣтилъ Пасси, что когда они слишкомъ кратки, то бываютъ невѣрны, потому что не принимаютъ въ соображеніе исключеній, а когда слишкомъ длинны, то запутываютъ дѣло и ни къ чему не служатъ. Самое лучшее употреблять слова въ обыкновенномъ ихъ смыслѣ, брать конкретные термины, понятные для всѣхъ, и избѣгать по возможности отвлеченныхъ и общихъ выраженій, которыя

даютъ поводъ къ частымъ перетолкованіямъ и бесполезнымъ спорамъ. Такъ, каждый день возобновляются споры о томъ, что надо понимать подъ словами *капиталъ* и *рента*. Нельзя ли сказать просто: съѣстные припасы, машины, орудія, деньги или доходъ и продуктъ земли? Это было бы пространнѣе, но гораздо яснѣе. Боссюэ и Паскаль не употребляли этихъ неопредѣленныхъ и отвлеченныхъ словъ; однако же они все выражали сильно и понятно. Достаточно было бы пользоваться языкомъ XVII вѣка, чтобы положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ и бесплоднымъ спорамъ, наполняющимъ политическую экономію, и чтобы сдѣлать невозможными такія сочиненія, какъ *Капиталъ*.

Карла Маркса поставило во главѣ европейскаго соціализма то, что онъ былъ основателемъ и организаторомъ *Интернаціонала*. Ни въ немъ, ни въ его сочиненіяхъ, ни въ его карьерѣ, не видно революціонера-агитатора. Его сочиненія имѣютъ претензію быть исключительно научными, и его жизнь, послѣ нѣсколькихъ бурныхъ случаевъ, была жизнью ученаго, преданнаго своимъ любимымъ занятіямъ, среди скромнаго и тихаго уединенія. Марксъ родился въ Трирѣ, 2-го мая 1818 г.; отецъ его, крещеный еврей, былъ горнымъ совѣтникомъ. Карлъ учился въ Боннѣ, блистательно окончилъ курсъ правовѣдѣнія и, возвратясь въ Трирѣ, въ 1843 г. женился на Женни фонъ-Вестфаленъ, сестрѣ Вестфалена, бывшаго въ министерствѣ Мантейфеля и недавно умершаго. Онъ отказался отъ выгодныхъ мѣстъ, которыя ему предлагали на государственной службѣ, чтобы отдаться вполне изученію политической экономіи и въ особенности соціальнаго вопроса. Преслѣдуемый прусскимъ правительствомъ за свои крайнія мнѣнія и убѣжавшій въ Парижъ, онъ издавалъ здѣсь съ Арнольдомъ Руге *Deutsch Französische Jahrbücher*, а съ Генрихомъ Гейне, газету «*Vorwärts*» (*Vorwärts*). Изгнанный изъ Франціи въ 1844 г., потомъ изъ Брюсселя въ 1848, онъ возвратился въ Германію, и воспользовавшись свободой, которую завоевала мартовская революція, издавалъ, съ другомъ своимъ Вольфомъ газету, въ которой онъ сурово нападалъ на «буржуазію». Преслѣдуемый вновь, онъ убѣжалъ въ Лон-

донъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и живетъ, раздѣляя свое время между изученіемъ экономическихъ наукъ и тайнымъ направлениемъ интернаціонала.

Уже въ 1847 году, въ манифестѣ, составленномъ съ другомъ своимъ Фр. Энгельсомъ отъ имени нѣмецкихъ коммунистовъ въ Лондонѣ, онъ формулировалъ два принципа, которые руководятъ и теперь нѣмецкимъ и европейскимъ социализмомъ; во-первыхъ онъ утверждаетъ, что интересъ рабочихъ въ борьбѣ съ капиталистами, будучи вездѣ одинаковъ, долженъ стоять выше національныхъ особенностей, и во-вторыхъ, что рабочіе должны завоевать политическія права, чтобы сломить надъ собою иго капиталистовъ. Мы не будемъ слѣдить за дѣятельной карьерой Маркса: это значило бы писать исторію интернаціонала, которой мы коснемся дальше. Мы хотимъ только изложить его идеи. Сочиненія его немногочисленны. Въ 1847 г. онъ написалъ очень острую и часто вѣрную критику на *Экономическія противорѣчія* Прудона, подъ заглавіемъ: *Бѣдность философіи, отвѣтъ на философію бѣдности Прудона*. Марксъ не любитъ Прудона, хотя они сходятся во многихъ пунктахъ. Въ 1859 онъ опубликовалъ «Критику политической экономіи», которая большею частью вошла въ его большое сочиненіе «Капиталъ» появившееся въ 1867 году *).

Вся система Маркса и 830 страницъ его книги имѣютъ цѣлью доказать, что капиталъ есть необходимо результатъ хищничества. Это заключеніе въ сущности тоже, какое было резюмировано въ знаменитомъ афоризмѣ Бриссо и Прудона: «Собственность — это воровство». Однако, несмотря на встрѣчающіяся у него по временамъ горькія слова по адресу фабрикантовъ и финансистовъ, Марксъ не желаетъ имѣть дѣла съ личностями: онъ нападаетъ только на систему. Въ предисловіи онъ говоритъ: «дѣло идетъ объ личностяхъ только настолько, насколько они служатъ олицетвореніемъ экономическихъ кате-

*) Второе изданіе 1873 года. Переводъ французскій Руа 1875 г. Онъ вышелъ отдѣльными выпусками, пересмотрѣнъ и дополненъ авторомъ. Сочиненіе было переведено на русскій языкъ.

горій. Моя точка зрѣнія, которая представляетъ развитіе экономической общественной формации какъ естественно исторической процессъ, можетъ менѣе, чѣмъ всякая другая, дѣлать отдѣльную личность отвѣтственною за тѣ отношенія, продуктъ которыхъ въ социальномъ отношеніи она сама составляетъ, какъ бы сильно она ни возвышалась надъ ними субъективно». Изъ этого видно, что Марксъ раздѣляетъ тѣ материалистическія доктрины, такъ распространенныя въ настоящее время, которыя уничтожаютъ свободу и отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Всѣ событія, всѣ отдѣльныя дѣйствія, не что иное, какъ «процессъ» неизбѣжныхъ силъ. Послѣ этого вліяніе, на которое писатель можетъ надѣяться, очень скромно, потому что «хотя бы общество и напало на слѣдъ естественнаго закона, который управляетъ его движеніемъ, то оно не можетъ ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отдѣлаться отъ нихъ декретами. Но оно всетаки можетъ сократить періодъ беременности и облегчить роды». Хотя можно было бы сдѣлать много оговорокъ по поводу этого фатализма, который къ тому же даже нелогиченъ до конца, но однако онъ даетъ очень здоровое предостереженіе этимъ революціонерамъ-утопистамъ, и энтузіастамъ, которые, какъ и революціонеры XVIII столѣтія, воображали, что достаточно нѣсколькихъ законовъ, чтобы уничтожить всѣ бѣды, отъ которыхъ страдаетъ общество и достаточно хорошаго декрета, чтобы произвести золотой вѣкъ на землѣ.

Сначала мы изложимъ идеи, развиваемыя въ этой странной книгѣ «*Капиталъ*», не разбирая ихъ подробно. Только понявъ теорію въ цѣломъ, можно уяснить себѣ софизмы, на которыхъ она основывается. Марксъ основываетъ свою систему на принципахъ формулированныхъ самими авторитетными экономистами, каковы Адамъ Смитъ, Рикардо, де Траси, Бастиа и безчисленное множество ихъ послѣдователей. Какъ извѣстно, въ противоположность физиократамъ, которые говорятъ, что всякое богатство вытекаетъ изъ природы, Смитъ утверждаетъ, что единственный источникъ цѣнности есть трудъ. Онъ даже хо-

четь сдѣлать трудъ общемо мѣрою цѣнностей. «Только трудъ, говоритъ онъ, есть дѣйствительная мѣрка, съ помощью которой цѣнность всякихъ товаровъ можетъ быть всегда опредѣляема и сравниваема. Количества труда необходимо должны имѣть всегда и вездѣ одинаковую цѣнность для того, кто трудится». Точно такая же была и мысль Бастиа, когда онъ утверждалъ, что въ обществѣ всегда обмѣниваются услугою за услугу. Почти всѣ экономисты и Тьеръ, который, въ этомъ случаѣ, раздѣляетъ принятое вездѣ въ настоящее время мнѣніе, утверждаютъ, что законное происхожденіе собственности есть трудъ. Если допустить эти послышки, то Марксъ докажетъ, съ неопровержимой логикой, что капиталъ есть продуктъ грабежа. Въ самомъ дѣлѣ, если всякая цѣнность происходитъ единственно отъ труда, то произведенное богатство должно всецѣло принадлежать рабочимъ; и если только трудъ есть единственный законный источникъ собственности, то рабочіе должны быть единственными собственниками. Марксъ развиваетъ это умозаключеніе научно и очень правдоподобно, хотя, по моему, совершенно ошибочно. Какъ и Прудонъ, онъ строитъ свои выводы на опредѣленіи цѣнности. Прослѣдимъ цѣпь его силлогизмовъ, въ которыхъ видѣнъ послѣдователь Гегеля. Можно заставить себя сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы понять ихъ, когда подумаешь, что эти абстрактности съ математическими замашками, переведенныя на обыкновенный языкъ, въ маленькихъ социалистическихъ газетахъ, стали катехизисомъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Богатство, въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, кажется огромнымъ накопленіемъ товаровъ. Товаръ, т. е. продуктъ, предназначенный для обмѣна, есть элементарная форма богатства въ новѣйшихъ обществахъ. Всякая вещь, на что нибудь полезная, имѣетъ двѣ цѣнности. Она имѣетъ цѣнность настолько, насколько ея свойства отвѣчаютъ потребности человѣка. Это цѣнность употребленія, которая приводитъ къ потребленію предметовъ. На она еще имѣетъ цѣнность настолько, насколько даетъ возможность своему владѣльцу, промѣнявъ ее, получить другой

предметъ, который онъ желаетъ. Это мѣновая цѣнность. Эти двѣ цѣнности далеко не всегда согласуются между собою. Цѣнность потребленія зависитъ единственно отъ силы потребности. Хлѣбъ, который можетъ меня насытить, сохраняетъ свою цѣнность какъ предметъ потребленія; но какъ предметъ обмѣна, онъ будетъ стоить больше или меньше, смотря по обилію урожая и по цѣнѣ зерноваго хлѣба. Очки, которые мнѣ по глазамъ, будутъ имѣть для меня большую цѣнность, тогда какъ при обмѣнѣ они можетъ быть не будутъ имѣть никакой цѣнности, потому что ни на какіе глаза, кромѣ моихъ, не будутъ годны.

Если разсматривать потребительную цѣнность, то всѣ предметы отличаются одни отъ другихъ по ихъ свойствамъ и по потребностямъ, для какихъ они предназначены. Если же разсматривать мѣновую цѣнность, то всѣ предметы имѣютъ то общее свойство, что могутъ быть обмѣнены одни на другіе, или на извѣстную сумму денегъ. Съ точки зрѣнія потребительной цѣнности трудно установить отношеніе между овцой, которую ѣдятъ и лошадыю, на которой ѣздить; но съ точки зрѣнія обмѣна можно сказать, что лошадь стоитъ двадцать овецъ, если за лошадь даютъ 800 франковъ, а за овцу 40.

Въ первобытныхъ обществахъ, какъ въ Иидіи, по свидѣтельству Генриха Мена, или въ средніе вѣка, эта потребительная цѣнность имѣетъ главное значеніе, потому что каждое семейство само производитъ почти все то, что потребляетъ, а потому тамъ очень мало купли и продажи. Посмотрите на деревню при Карлѣ Великомъ, или на деревенскую общину въ Россіи и Сербіи: мужчины добываютъ съѣстные припасы или прядильныя вещества, дѣлаютъ посуду, земледѣльческія орудія и мебель, тогда какъ женщины приготавливаютъ кушанье и одежду, прядутъ шерсть, пеньку, ленъ и даже дѣлаютъ обувь. Здѣсь почти не существуетъ обмѣна. Въ обществахъ, гдѣ господствуетъ раздѣленіе труда и ремеслъ, мѣновая цѣнность есть главное, потому что каждый, не производя того, что потребляетъ, долженъ продать, чтобы купить. Всякій продуктъ становится товаромъ, и тогда главный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы

узнать, что даетъ цѣнность этимъ вещамъ, предназначеннымъ для обмѣна. На этотъ вопросъ Марксъ не колеблясь отвѣчаетъ со Смитомъ и Рикардо: Это единственно трудъ *).

Въ смыслѣ цѣнности, говоритъ Марксъ, товары назначенные для обмѣна суть не что иное какъ кристаллизованный трудъ. Единица мѣры труда—это средній день обыкновеннаго труда, который различенъ въ разныхъ странахъ и въ различное время, но который можно принять за постоянное количество въ данномъ обществѣ. Трудъ болѣе сложный, или требующій лучшихъ способностей, долженъ быть разсматриваемъ, какъ простой трудъ, повышенный до большей силы. Итакъ полезный предметъ имѣетъ цѣнность только потому, что онъ представляетъ трудъ. Вещи самыя необходимыя для существованія, воздухъ и вода, вообще не имѣютъ никакой цѣнности, потому что получаются безъ труда.

Какимъ же образомъ теперь измѣрить количество цѣнности, которую представляетъ предметъ? Количествомъ создающаго цѣнность вещества, т. е. труда вложеннаго въ нее. Количество труда измѣряется его продолжительностью, т. е. часами и днями. Тутъ Марксъ вводитъ поправку въ теорію Смита и Рикардо, предупреждая возраженія. Можно было-бы въ самомъ дѣлѣ сказать: если продолжительность труда создаетъ цѣнность продуктовъ, то платье сшитое портнымъ, который употребилъ вдвое болѣе времени чѣмъ-бы слѣдовало, имѣло-бы вдвое большую цѣнность. Нѣтъ, отвѣчаетъ Марксъ, мѣрою цѣнности вещей служить время труда необходимаго по среднему расчету и исполняемаго съ среднею степенью ловкости и напряженности и при нормальныхъ условіяхъ промышленности въ данное время. Если на швейной машинѣ можно въ день сшить

*) Анализъ идей Карла Маркса можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Георихъ фонъ Зибель*, Die Lehren des heutigen Socialismus; *Елеръ*, Der moderne Socialismus; *Шеффле*, Der Socialismus und der Kapitalismus; *Руд. Мейеръ*, Der Emancipationskampf des vierten Standes и на французскомъ языкѣ краткій но очень содержательный этюдъ *Морица Блока*, *Теоретики социализма въ Германіи*.

рубашку, то день будетъ мѣрою цѣнности рубашки, а не два или три дня, которые были нужны прежде. Но даже такимъ образомъ исправленная теорія, которая ставитъ трудъ источникомъ цѣнности, вполне ошибочна, какъ я сейчасъ докажу. Можно смѣло утверждать, что въ этихъ среднихъ, какъ вообще во всѣхъ отвлеченностяхъ, нѣтъ научной строгости. Въ дѣйствительности всякій родъ труда имѣетъ свою особенную цѣнность, свой особенный характеръ. День работы каменщика стоитъ ли вполне столько-же, какъ и день столяра, живописца, рѣзчика, мѣдника или простаго работника? Очевидно нѣтъ. И какъ ихъ сравнить, если не по платѣ, которую получаетъ каждый изъ этихъ рабочихъ? Тогда надо допустить, что всякая рабочая плата точно пропорціональна цѣнности исполненнаго труда. Но это именно Марксъ и оспариваетъ.

Изъ изложеннаго нашъ авторъ заключаетъ, что если бы даже трудъ сталъ болѣе производителенъ и создавалъ бы болѣе полезностей, то онъ не произвелъ бы больше цѣнностей. И въ самомъ дѣлѣ, если трудъ, измѣряемый его продолжительностью, есть единственный источникъ цѣнности, то предметы сдѣланные въ большемъ количествѣ въ продолженіе одного и того же времени, взятые вмѣстѣ, не представляютъ большей цѣнности, потому что каждый предметъ отдѣльно будетъ стоить меньше. Развивая строго логически эти отвлеченности, мы придемъ къ странному результату, что всѣ изобрѣтенія науки, всѣ усовершенствованія промышленности производятъ больше полезностей, и однако же не увеличиваютъ суммы цѣнности. Бастіа высказывалъ подобную мысль.

Посмотримъ теперь, какъ возникаетъ капиталъ. По мнѣнію Маркса, онъ возникаетъ не вслѣдствіе сбереженій и воздержанія, какъ полагаетъ «вульгарная политическая экономія». И не вслѣдствіе обмѣна, какъ воображаютъ простаки, видя-какъ купцы быстро наживаютъ состоянія. Дѣйствительно нормальный обмѣнъ дѣлается на основаніи равенства, цѣнность за цѣнность и если хитростью или ловкостью, Павелъ продаетъ Петру за 50 франковъ товаръ, который стоитъ только 40, то Павелъ вы-

игрываетъ, конечно, 10 франковъ; но такъ какъ Петръ ихъ теряетъ, то общество отъ этого не становится богаче, потому что при этомъ не создается никакая новая цѣнность, не образуется новый капиталъ. Это мнѣніе, развитое съ большею точностью Сэемъ, раздѣляется большинствомъ экономистовъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что оно не основательно. Кондильякъ правъ, предполагая, что во всякомъ обмѣнѣ обѣ стороны выигрываютъ, потому что каждая изъ нихъ получаетъ вещь, которая ей больше нужна *). Одна дама, говоритъ онъ, продала нѣсколько десятинъ земли, чтобы купить шаль, и она удивлялась, что приобрѣла такую великолѣпную шаль въ обмѣнъ за такой ничтожный клочокъ луга. Каждый получилъ чего желалъ и такимъ образомъ былъ удовлетворенъ. Марксъ и Сэй видятъ только мѣновую цѣнность, которая можетъ быть не увеличивается при обмѣнѣ, хотя обыкновенно предметъ, переходя къ тѣмъ, которымъ онъ нуженъ, получаетъ уже большую цѣнность; но на что, по моему, надо обратить особенное вниманіе это на потребительную цѣнность, полезность, потому что въ концѣ концовъ все сводится къ этому. Потребленіе есть конечная цѣль производства и циркуляціи богатствъ. Обмѣнъ заставляетъ каждый предметъ поступать туда, гдѣ онъ отвѣчаетъ самымъ настоятельнымъ нуждамъ: *the right ware in the right place*; итакъ онъ создаетъ полезности, которыя суть настоящія цѣнности.

Но возвратимся къ системѣ Маркса. Вотъ какъ, по его мнѣнію, возникаетъ капиталъ. Тотъ, кто намѣренъ сдѣлаться капиталистомъ, является съ деньгами на товарный рынокъ. Сперва онъ покупаетъ машины, орудія, сырыя произведенія, потомъ, чтобы ихъ пустить въ ходъ, рабочую силу (*Arbeitskraft*), единственный источникъ всякой цѣнности. Онъ заставляетъ рабочаго трудиться, превращать посредствомъ земледѣльческихъ орудій и машинъ сырыя произведенія въ выдѣланные продукты,

*) См. Кондильякъ, *Le commerce et le gouvernement*, изданіе Гильомена р. 267. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи, какъ въ большей части сочиненій XVIII вѣка, много вѣрныхъ замѣчаній, выраженныхъ съ большою ясностью и умомъ.

которые онъ продаетъ дороже, чѣмъ ему стоила ихъ фабрикація. Такимъ образомъ, онъ получаетъ большую цѣнность, прибавокъ цѣнности или добавочную цѣнность (*Mehrwert*). Деньги, на время превращенныя въ рабочую плату и товары, возвращаются въ своей первоначальной формѣ, но съ большимъ или меньшимъ приращеніемъ; онѣ народили дѣтей: возникъ капиталъ.

Это кажется противорѣчить вышеизложенному принципу, что обмѣнъ не создаетъ новыхъ цѣнностей. Фабрикантъ только произвелъ обмѣны, а между тѣмъ онъ приобрѣлъ большую цѣнность. Вотъ объясненіе тайны. Человѣкъ съ деньгами платитъ за трудъ его мѣновую цѣнность, а получаетъ такимъ образомъ его потребительную цѣнность. Рабочая сила имѣетъ ту единственную особенность, что она сама производитъ больше того, чѣмъ сколько стоитъ ея производство. Поэтому тотъ, кто ее покупаетъ и примѣняетъ къ дѣлу для своей выгоды, пользуется источникомъ всѣхъ богатствъ. Капиталистъ оплачиваетъ трудъ по его цѣнности. Какая же цѣнность труда? Онъ стоитъ, какъ и всякій другой товаръ столько, сколько на его производство употреблено времени и усилій, т.-е. онъ стоитъ издержекъ производства. Издержки на производство труда—это необходимые съѣстные припасы и различные продукты для содержанія рабочаго и его дѣтей, которыя въ свою очередь будутъ рабочими. Цѣнность всѣхъ этихъ продуктовъ опредѣляется, въ свою очередь, временемъ, необходимымъ для ихъ производства. Слѣдовательно, согласно Марксу, цѣнность труда равняется количеству часовъ необходимыхъ для того, чтобы создать то, что нужно для существованія рабочаго. Вотъ то, что капиталистъ долженъ платить по правиламъ обмѣна.

Въ сущности, Марксъ излагаетъ здѣсь только въ другихъ выраженіяхъ законъ Рикардо относительно рабочей платы. По мнѣнію этого англійскаго экономиста, рабочая плата въ среднемъ размѣрѣ почти всегда стремится приблизиться къ тому, что необходимо для существованія рабочихъ и сохраненія ихъ числа. Если плата падаетъ ниже этого уровня, рабочіе, болѣе дурно обставленные, умираютъ отъ лишеній и тогда спросъ на

рабочія руки повышаетъ плату до нормальнаго размѣра. Если же она поднимается выше этого уровня, то число рабочихъ увеличивается, и большее предложеніе рукъ заставляетъ ее понизиться. Средняя стоимость содержанія рабочаго измѣняется смотря по мѣстности и степени цивилизаціи, но сама по себѣ она составляетъ настоящую цѣну труда, стоимость его производства.

Вотъ тайна несправедливости, и вотъ откуда, по мнѣнію нѣмецкаго соціалиста, происходитъ контрастъ нищеты и богатства, увеличеніе пауперизма по мѣрѣ того, какъ накапливается капиталъ. Чтобы произвести съѣстные припасы, необходимые для дневнаго пропитанія рабочаго и его семьи, нѣтъ надобности въ цѣломъ днѣ труда. Марксъ полагаетъ, что достаточно отъ пяти до шести часовъ. Итакъ, если бы рабочій работалъ для самого себя, онъ бы добылъ въ полдня все необходимое, а остальное время онъ употреблялъ бы на отдыхъ или на производство излишка; но древній рабъ, крѣпостной среднихъ вѣковъ, завоевавъ свободу въ настоящемъ обществѣ, въ тоже время не приобрѣлъ собственности. Онъ принужденъ идти въ услуженіе къ тѣмъ, кто владѣетъ землею и орудіями для производства. А эти конечно требуютъ, чтобы онъ работалъ для нихъ цѣлый день, двѣнадцать часовъ или болѣе. Въ шесть часовъ онъ производитъ то, что нужно для его существованія; это Марксъ называетъ «необходимымъ трудомъ»; въ продолженіи шести другихъ часовъ онъ производитъ излишекъ цѣнности или добавочную цѣнность (Mehrerwerth) въ пользу того, кто его нанялъ. Капиталистъ оплачиваетъ рабочую силу по ея цѣнности, т.-е. давая количество денегъ, которое, представляя шесть часовъ труда, даетъ возможность рабочему купить необходимое для жизни. Но такъ какъ этою платою онъ получаетъ право распоряжаться производительной силой, которую онъ оплачиваетъ, то онъ и беретъ себѣ все то, что она производитъ въ продолженіи цѣлаго дня. Онъ обмѣниваетъ такимъ образомъ продуктъ шести часовъ на двѣнадцатичасовой трудъ. Слѣдовательно, онъ кладетъ въ карманъ, какъ чистую прибыль, продуктъ шести часовъ, этого излишка сверхъ

необходимаго труда. Изъ этого спрятаннаго въ карманъ излишка и рождается капиталъ.

Капиталистъ можетъ различными способами увеличить свой доходъ. Первый состоитъ въ увеличеніи числа своихъ рабочихъ. Дѣйствительно, сколько бы у него ни было рабочихъ, съ каждаго онъ получаетъ продуктъ шести часоваго дополнительнаго труда. Если бы онъ имѣлъ одного только рабочаго, то удерживая для себя продуктъ половины дня, онъ получилъ бы только то, что необходимо для его жизни, столько же, какъ и самъ его рабочій. Если же онъ имѣетъ двухъ рабочихъ, то будетъ получать для собственнаго потребленія столько, сколько потребляютъ два рабочихъ, и такъ далѣе. Второй способъ, это продлить день. Чѣмъ болѣе рабочій работаетъ свѣше необходимаго времени, которое представляетъ его рабочую плату, тѣмъ больше выгоды приносить онъ своему хозяину. Марксъ доказываетъ здѣсь весьма подробными примѣрами, заимствованными изъ исторіи промышленности и промышленнаго законодательства въ Англии, что капиталъ и машина непремѣнно ведутъ къ продленію рабочаго дня, и чтобы остановить ихъ на этомъ пути, необходимо было вмѣшательство государства и послѣдовательные билли, ограничивающіе часы работы. Третій способъ состоитъ въ сокращеніи времени «необходимаго труда». Если бы рабочій могъ въ три часа производить необходимое для своего существованія, то стоимость его рабочей силы уменьшилась бы на половину. Капиталистъ получилъ бы полную цѣнность дня въ двѣнадцать часовъ, платя количество денегъ представляемое тремя часами работы, т.-е. рабочую плату на половину меньшую. Это также еще согласно съ закономъ Рикардо: если стоимость содержанія рабочаго уменьшается, то рабочая плата пропорціонально понижается. Но какъ достигнуть уменьшенія издержекъ на существованіе? Дѣлая болѣе производительнымъ трудъ, который создаетъ предметы потребляемые рабочимъ. Такъ какъ часы труда оплачиваются одинаковой цѣной, что бы ни производили рабочіе, то если въ одинъ часъ будетъ сдѣлано вдвое больше предметовъ, каждый предметъ будетъ стоить въ половину дешевле.

и рабочій будетъ тратить на жизнь въ половину менѣе, слѣдовательно онъ можетъ продать свою рабочую силу за вознагражденіе уменьшенное на половину.

Все эти выводы кажутся неопровержимыми и приводятъ, такимъ образомъ, къ тому странному заключенію, что чѣмъ болѣе употребленіе машинъ и усовершенствованные способы увеличиваютъ производительность труда, тѣмъ болѣе уменьшается рабочая плата, и тѣмъ болѣе увеличивается прибыль капиталиста.

Капиталь самъ по себѣ не создаетъ цѣнности, говорить Марксъ. Дѣло фабрикаціи состоитъ только въ томъ, что она воспроизводитъ потребленную цѣнность. Если для того чтобы сдѣлать 100 килограммовъ бумажной пряжи потребуется 115 килограммовъ хлопка, потому что 15 килограммовъ пойдетъ на потерю, то собственно цѣна 100 килограммовъ будетъ повышена до цѣны 115 килограммовъ. Если на одну машину положить порчи ея на 5 франковъ и на 10 франковъ топлива, то обѣ эти суммы тоже будутъ прибавлены къ продажной цѣнѣ и эта цѣна должна быть такая, чтобы покрыть ихъ совершенно. «Машина не производитъ цѣнности, она передаетъ только свою цѣнность предметамъ, для фабрикаціи которыхъ она служитъ». Прибыль слѣдовательно будетъ только отъ труда, единственного источника всякой цѣнности.

Если, послѣ дурнаго урожая, цѣна на хлопокъ или рожь повысится, хотя трудъ употребленный на обработку ихъ останется тотъ же, то это потому, что издержки на этотъ самый трудъ, раздѣленные на меньшее число килограммовъ, даютъ на каждый килограммъ болѣе значительный расходъ труда. Если посредствомъ 10 милліоновъ рабочихъ дней, я получу 1 милліонъ гектолитровъ ржи, то каждый гектолитръ будетъ равняться 10 рабочимъ днямъ; если я получу только половину, то каждый гектолитръ будетъ стоить вдвое, или будетъ равняться двумъ днямъ.

Словомъ, всякій излишекъ цѣнности (Mehrwert), въ какомъ бы видѣ онъ ни кристаллизовался, какъ процентъ, какъ рента,

или какъ прибыль, есть не что иное какъ матеріализація нѣкотораго времени неоплаченнаго труда. «Секретъ производительнаго капитала заключается въ томъ фактѣ, что онъ располагаетъ нѣкоторымъ количествомъ неоплачиваемаго труда». «Самъ по себѣ капиталъ инертенъ: это мертвый трудъ, который не можетъ ожить иначе, какъ высасывая, подобно вампиру, живой трудъ, и который живетъ и жирѣетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ поглощаетъ».

Согласно Марксу, капиталистическій режимъ недавняго происхожденія. Онъ начинается съ XVI вѣка, когда богатые собственники мало-по-малу насильно завладѣвали имуществами мелкихъ хлѣбопашцевъ, отсылали въ города излишнее населеніе, народъ свободный, но лишенный средствъ работать, и принужденный, слѣдовательно, идти въ услуженіе къ тѣмъ, кто располагаетъ средствами труда. Уничтоженіе ремеслъ и изобрѣтеніе машинъ способствовали развитію крупной промышленности, гдѣ немногіе, все болѣе и болѣе могущественные капиталисты, употребляютъ пролетаріевъ, число которыхъ непрерывно возрастаетъ. Всякое увеличеніе капитала вызываетъ соразмѣрное увеличеніе числа рабочихъ. «Накопленіе богатства въ одномъ изъ полюсовъ общества идетъ тѣмъ же шагомъ, какъ накопленіе на другомъ полюсѣ нищеты, порабощенія и нравственнаго упадка того класса, который своимъ производствомъ создаетъ капиталъ».

Когда читаешь сочиненіе Маркса, и чувствуешь себя охваченнымъ зубцами его стальной логики, то находишься какъ будто въ кошмарѣ, потому что, признавъ послышки, которыя заимствованы у авторитетовъ наименѣе оспариваемыхъ, не знаешь какъ избѣжать слѣдствій, и тѣмъ болѣе что въ тоже время его эрудиція, столь же обширная какъ и увѣренная, позволяетъ ему ссылаться въ подкрѣпленіе своихъ тезисовъ на весьма разительныя выдержки изъ множества авторовъ, и на многочисленныя, потрясающіе факты, взятые изъ парламентскихъ слѣдствій промышленной и земледѣльческой исторіи Англій. А между тѣмъ, когда углубишься въ дѣло и осмотришься, то замѣчаешь, что былъ опутанъ искусной сѣтью ошибокъ и

тонкостей, перемѣшанныхъ съ нѣсколькими истинами. Во всякомъ случаѣ не легко справиться съ ними; если признать столь распространенную теорію цѣнности Смита, Рикардо, Бастіа и Кери, то можно считать себя потеряннымъ.

Морисъ Блокъ пробовалъ опровергнуть главное основаніе системы Маркса, который утверждаетъ, что рабочій, работая только часть дня, производитъ достаточно для своего существованія, тогда какъ другая часть забирается его хозяиномъ, который накопляетъ плоды труда, безъ вознагражденія за него. Фактъ указываемый Марксомъ однакоже неопровержимъ. Совершенно вѣрно, что хозяинъ не даетъ и не можетъ дать тому, кого онъ нанимаетъ, полную цѣнность продукта, потому что если бы это дѣлалъ, то чѣмъ же онъ платилъ бы проценты на капиталъ, земельную ренту и прибыль или вознагражденіе за свой рискъ и свою дѣятельность? Прудонъ утверждалъ, какъ и Марксъ, и гораздо ранѣе его, что нищета нисшихъ классовъ происходитъ отъ того, что рабочій своей рабочей платой не можетъ выкупить свой продуктъ. Замѣчаніе вѣрное; но иначе и быть не можетъ, если только рабочій не будетъ, какъ мелкій хлѣбопашецъ, эксплуатировать свое собственное имущество и быть въ тоже время владѣльцемъ земли, машинъ, продовольствія и матеріаловъ необходимыхъ для производства. Если онъ долженъ занять эти вещи, то надо чтобы онъ отдѣлилъ изъ своего продукта часть, чтобы ихъ оплатить, потому что даромъ ихъ ему не дадутъ. Если фабрикантъ ссужаетъ ему авансъ; то надо чтобы онъ вычелъ изъ всего продукта рабочаго труда часть, чтобы было чѣмъ заплатить проценты на эту ссуду. Кто бы накоплялъ капиталъ и употреблялъ хоть одного рабочаго, еслибы не извлекалъ изъ этого извѣстной прибыли?

Итакъ Марксъ, подобно Прудону, приходитъ, не выражая впрочемъ этого, къ химерической, нѣсколько разъ опровергнутой, мысли о даровомъ кредитѣ.

Исторія соціальныхъ организацій разныхъ временъ доказываетъ, что вычетъ части рабочаго времени въ пользу того, кто располагаетъ необходимыми предметами для производства, всегда

былъ въ томъ или другомъ видѣ. При условіяхъ рабства, господинъ беретъ весь продуктъ труда. Онъ даетъ рабу необходимое для его существованія и размноженія, а остальное оставляетъ себѣ. Выходить такъ, какъ будто рабочій трудился часть времени для себя, и затѣмъ для своего господина. При барщинномъ положеніи крестьянинъ работаетъ три или четыре дня на землѣ господина, а остальное время на своей. Онъ въ половину свободенъ, но часть его продукта берется помѣщикомъ, владѣльцемъ земли. При половничествѣ между хозяиномъ и работникомъ дѣлится не рабочее время, а продуктъ труда, что въ сущности одно и тоже. Фермерство въ свою очередь есть только преобразованное половничество, съ тою разницею, что фермеръ уплачиваетъ часть слѣдующую землевладѣльцу деньгами. Но все-таки, часть времени онъ работаетъ для своего существованія, а остальное для своего хозяина, который ему сдалъ землю. При наемномъ рабочемъ трудѣ происходитъ тоже самое. Часть дня рабочій работаетъ, чтобы получить необходимое для его жизни, т.-е. его рабочую плату; остальное время работаетъ на капиталиста. Фактъ, констатированный Марксомъ, совершенно вѣренъ; но не экономическими тонкостями на счетъ добавочной цѣнности можно поколебать тотъ раздѣлъ продукта, который вытекаетъ изъ гражданскихъ законовъ и изъ всей соціальной организаціи. Вы можете отобрать у человѣка его имущество, но никогда не заставите его позволить другому пользоваться имъ, не получая взаменъ этого услуги, продуктъ или деньги. Если вы хотите, какъ того желалъ Прудонъ, чтобы производитель могъ выкупить свой продуктъ, или чтобы сохранилъ его весь, то сдѣлайте его капиталистомъ. Уже во Франціи, а еще болѣе въ Швейцаріи, въ противоположность Англій, большое число людей, владѣя землею и орудіями, могутъ сидѣть подъ своими виноградниками и удерживать для самихъ себя всѣ плоды своихъ трудовъ, приложенныхъ къ землѣ, которая ничегоникому не должна. Поощряйте это движеніе, распространяя образованіе и привычку къ бережливости, и настанетъ время, когда всѣ будутъ имѣть часть поземельной или движимой соб-

ственности, и тогда всё будутъ избавлены отъ уплаты подати капиталу, потому что капиталъ будетъ принадлежать всёму. Рента есть дѣло естественное, а процентъ необходимое. Следовательно, вы не можете ихъ уничтожить, но рабочій можетъ приобрести ихъ себѣ, завоевавъ собственность.

Главная ошибка Маркса состоитъ въ понятіи, которое онъ себѣ составилъ о цѣнности, которая, по его мнѣнію, всегда пропорціональна труду. Онъ, конечно, сдѣлалъ теорію Смита и Рикардо болѣе вѣроятною, говоря: «цѣнность вещи зависитъ отъ количества труда общественно необходимаго» чтобы ее произвести. Итакъ стулъ вамъ стоилъ три рабочихъ дня, но въ среднемъ его можно сдѣлать въ два дня. Онъ будетъ стоить соразмѣрно рабочей платѣ двухъ дней. Но даже въ такомъ исправленномъ видѣ это понятіе ошибочно. Мы особенно настаиваемъ на этомъ пунктѣ, такъ-какъ онъ существенъ. Стоитъ вооружиться небольшимъ терпѣніемъ, чтобы слѣдить за этими рассужденіями, иногда сухими, когда подумаешь, что здѣсь дѣло идетъ о самыхъ основаніяхъ соціальнаго порядка и о вопросахъ горячо обсуждаемыхъ во всёхъ слояхъ общества и въ мастерскихъ обоихъ полушарій.

Вотъ факты, доказывающіе, что цѣнность не пропорціональна труду. Въ одинъ день охоты, я убиваю козулю, а вы зайца. Они продукты одинаковыхъ усилій въ продолженіи одинаковаго времени; будутъ ли они имѣть одинаковую цѣнность? Нѣтъ; козуля меня кормитъ въ продолженіи пяти дней, а заяцъ въ продолженіи одного. Цѣнность козы будетъ въ пять разъ больше цѣнности зайца. Бутылка Шато-Лафита стоитъ 15 франковъ, и такая же бутылка съ сосѣдняго холма 1 франкъ. Между тѣмъ первая не требовала работы вдвое болѣе второй. Рожь, снятая съ плодородной почвы, имѣетъ больше цѣнности чѣмъ та, которая выросла на неблагодарной почвѣ; а между тѣмъ, она стояла «общественно» т.-е. правильно и постоянно меньшаго труда. Масло продается 4 франка за килограммъ, а между тѣмъ это почти самъ собою являющийся продуктъ луговъ, на которыхъ корова пасется. Такимъ образомъ то за одну и ту же

сумму усилий получается неодинакая цѣнность, то одна и та же цѣнность получается за неодинаковый трудъ. Итакъ цѣнность не пропорціональна труду.

Безъ сомнѣнія, трудъ есть существенный элементъ цѣнности, но вездѣ, гдѣ вмѣшивается рѣдкость, т.-е. естественная или социальная монополія—а гдѣ она не вмѣшивается?—онъ не есть единственный элементъ.

Въ дѣйствительности, цѣнность происходитъ отъ пользы. Мы цѣнимъ предметъ за выгоды, которыя онъ намъ доставляетъ. Человѣкъ ни на что негодный ничего не стоитъ. Цѣнность есть синонимъ храбрости, потому что было время когда люди цѣнились за ихъ смѣлость. Къ полезности надо прибавить еще, какъ условіе цѣнности, рѣдкость. Рожь очень полезна, но она не имѣетъ большой цѣнности, потому что мы имѣемъ ее въ изобиліи. Впрочемъ если взглянуть поближе, то увидимъ, что рѣдкость есть только форма полезности. Чѣмъ рѣдкостнѣе вещь, если она мнѣ нужна, тѣмъ болѣе обладаніе ею мнѣ будетъ полезно. Если, напротивъ, я получаю ее безъ труда, потому что ее вездѣ можно найти, то польза владѣнія ею будетъ весьма мала; она будетъ равняться безпокойству, которое бы я долженъ былъ причинить себѣ, чтобы приобрѣсть подобную.

На это скажутъ, что вода имѣетъ наибольшую полезность, а между тѣмъ не имѣетъ цѣнности. Слѣдовательно не полезность дѣлаетъ цѣнность. Это постоянно повторяемое возраженіе, основывается на двусмысленности, которую никогда не опровергали, потому что она очень правдоподобна. Вотъ гдѣ ошибка: подъ словомъ вода, въ первомъ смыслѣ разумѣется вода вообще, какъ элементъ, и въ этомъ смыслѣ, она весьма полезна; и поэтому имѣетъ наибольшую цѣнность, потому что человѣкъ заблудившійся въ пустыни или въ осажденномъ городѣ или въ странѣ разоренной засухой, отдалъ бы все, чтобы достать себѣ воды. Но когда говорятъ, что вода не имѣетъ цѣнности, то разумѣютъ известное количество воды, и въ этомъ смыслѣ она даже имѣетъ очень мало полезности. Что стоитъ ведро воды на берегу рѣки? ничего, только труда ее достать; а на четвертомъ этажѣ она

будеть стоить нѣсколько сантимовъ, представляя плату водоносу, который ее принесъ; среди Сахары, для путешественника, который не может ни за какую цѣну ее достать, она бы стоила всѣ земные милліоны: цѣнность возрастаетъ такимъ образомъ соразмѣрно рѣдкости, или пропорціонально трудности достать. Итакъ можно сказать, сохраняя за словами ихъ обыкновенный смыслъ, что предметъ тѣмъ болѣе имѣетъ цѣнности, чѣмъ онъ полезенъ, потому ли что удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ, или потому, что избавляетъ отъ платы денегъ или усилій, чтобы добыть его.

Во всякой цѣнности есть трудъ, потому что человѣкъ долженъ по крайней мѣрѣ собрать плодъ, который предлагаетъ ему природа; но цѣнность не пропорціональна труду, потому что, если онъ сорветъ орѣхъ, то будетъ имѣть меньшую цѣнность, чѣмъ если сорветъ бананъ.

Марксъ утверждаетъ, что цѣнность рабочей силы работника равна издержкамъ на ея производство, т. е. содержанію рабочаго, и, слѣдовательно, часамъ работы, «общественно» необходимой чтобы произвести это содержаніе. Если это такъ; то неизвѣстно почему Марксъ дѣлаетъ упрекъ капиталу, который оплачиваетъ трудъ по его настоящей цѣнѣ, давая ему «необходимую плату» Рикардо. Но дѣло въ томъ, что цѣнность труда, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ вещей соразмѣрна его полезности. На стекляномъ заводѣ кочегаръ получаетъ 4 франка въ день, выдувальщикъ стекла 6, 8 и 10 франковъ, искусный рѣзчикъ 13 и 14 франковъ; гранильщики алмазовъ въ Амстердамѣ получаютъ отъ 30 до 40 фр. Расходъ на содержаніе этихъ различныхъ категорій рабочихъ почти одинъ и тотъ же; но цѣнность ихъ труда, а слѣдовательно, ихъ продукта, очень различна, и настолько она больше, насколько ихъ способности рѣже и больше требуются. Я хочу вытащить изъ воды сундукъ, въ которомъ содержится 1000 килограммовъ серебра. Одинъ, я не могу вытащить. Кто нибудь является, но предлагаетъ помочь мнѣ въ этомъ не иначе, какъ только съ условіемъ раздѣлить поровну находящееся въ сундукѣ. Если я не могу найти

другой помощи, я соглашусь на условіе, потому что все-таки нахожу въ этомъ большую выгоду. Въ этомъ случаѣ продуктъ труда одного дня былъ бы для каждаго изъ двухъ компаньоновъ 500 килограммовъ серебра. Цѣнность труда для хозяина равна прибыли, которую онъ отъ него получаетъ; но рѣдкость рабочихъ рукъ можетъ заставить его отдать и прибыль на рабочую плату; а съ другой стороны, если и рабочій принужденъ будетъ конкуренціею себѣ подобныхъ уступить свой трудъ за всякую цѣну, то долженъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что достаточно для его содержанія. Вознагражденіе труда будетъ колебаться между максимумомъ, который будетъ равенъ цѣнности того, что онъ произвелъ, за исключеніемъ процентовъ и ренты, и минимумомъ, соответствующимъ необходимымъ издержкамъ на содержаніе. Законъ предложенія и спроса опредѣляетъ колебанія между этими двумя крайностями. Изъ предшествующаго слѣдуетъ, что чѣмъ производительнѣе становится трудъ, тѣмъ выше можетъ подняться плата за него, если только предложеніе рукъ не понизитъ ее. Когда эта добавочная цѣнность, преисходящая отъ умноженія производства, не остается въ рукахъ рабочаго, то вовсе не капиталистъ, какъ говоритъ Марксъ, «кладеть ее въ карманъ». Конкуренція скоро понижаетъ его прибыль, доводя упадокъ цѣны до крайнихъ предѣловъ, и въ концѣ концовъ только потребители получаютъ выгоду отъ промышленныхъ улучшеній.

Одна изъ странностей книги *Das Kapital* состоитъ въ томъ, что въ ней нигдѣ не говорится о вліяніи оказываемомъ конкуренціею, этимъ агентомъ, всегда дѣятельно уравнивающимъ прибыль, рабочую плату, ренту и процентъ. Этотъ предметъ по видимому отложенъ для втораго тома, еще неизданнаго; но этотъ процессъ послѣдовательныхъ анализовъ, возможный въ математикѣ, гдѣ разсуждаютъ объ отвлеченныхъ данныхъ, даетъ самые ошибочные результаты, когда его примѣняютъ къ политической экономіи, которая занимается дѣйствительностью. Братся дать вѣрное понятіе о явленіяхъ экономическихъ, не говоря о конкуренціи, которая есть въ ней дѣятельная при-

жина,—это все равно что излагать систему міра, оставляя въ сторонѣ тяготѣніе, которое и есть двигатель его.

Другая ошибка Маркса состоить въ предположеніи, что капиталъ есть мертвый трудъ, который живетъ и жирѣетъ только на счетъ живаго труда. Безъ сомнѣнія, продукты предшествующаго труда, примѣненные къ новому производству, машины, напримѣръ, не одарены жизнью. Сами по себѣ, они инертны; но если, благодаря имъ, тѣже мускульныя усилія человека доставляютъ болѣе полезныхъ предметовъ, то ужели нельзя сказать, что они производительны? Человекъ, снабженный стальнымъ топоромъ, въ десять разъ сдѣлаетъ болѣе дѣла, чѣмъ дикарь съ своимъ кремневымъ топоромъ. Оба орудія инертны,—это слишкомъ очевидно; но если съ помощью одного получаютъ гораздо болѣе продуктовъ, чѣмъ съ помощью другого, то неправда ли, что слѣдуетъ приписать это превосходству перваго.

Чтобы доказать, что капиталъ не производитъ цѣнности, Марксъ показываетъ, что если посредствомъ новой машины выдѣлываютъ вдвое больше предметовъ, то каждый изъ этихъ предметовъ стоитъ въ половину меньше и значить цѣнность не измѣняется. Это правдоподобно, но несправедливо; потому что цѣль, къ которой нужно стремиться—это умноженіе полезныхъ предметовъ, не разбирая ихъ денежной оцѣнки. Вотъ настоящее производство. Какъ прекрасно замѣтилъ Бастіа, каждый разъ когда преобразовываютъ тягостную цѣнность въ цѣнность даровую, человечество обогащается. Если-бы всѣ предметы, необходимые для существованія, были въ такомъ же изобиліи, какъ воздухъ и вода, то ихъ внутренняя цѣнность, т. е. ихъ качество—удовлетворять нашимъ потребностямъ не уменьшилось бы; они бы только обмѣнивались на гораздо меньшее количество денегъ и денежная цѣна почти равнялась бы нулю. Капиталъ, машины, дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ. Они умножаютъ полезные предметы и уменьшаютъ издержки производства. Они также много способствуютъ увеличенію благосостоянія; поэтому они очень производительны въ смыслѣ про-

изведенія богатства, потому что, какъ сказалъ Вольтеръ, «богатство состоитъ въ изобиліи предметовъ полезныхъ или пріятныхъ».

Не мускульная сила избавила человѣка отъ нищеты и сдѣлала его владыкою земнаго шара, потому что дикарь, который коснѣеть въ самомъ униженномъ убожествѣ, развиваетъ такой силы не менѣе чѣмъ цивилизованный человѣкъ. Нѣтъ, умственная сила, воплотившаяся въ машинахъ, во всѣхъ научныхъ процессахъ, творить въ двадцать разъ болѣе полезностей при той же самой суммѣ усилій. Маркъсъ, измѣряя всѣ цѣнности обыкновеннымъ, среднимъ трудомъ, котораго онѣ стоили, хотѣлъ бы кажется отдать рабочему весь продуктъ, а тотъ, который принесъ на общее дѣло капиталъ и умъ, т.-е. главный производитель, не имѣлъ бы права ни на какую долю продукта. Вотъ какъ несовершенный анализъ ведетъ къ самой вопіющей несправедливости и доказанной невозможности. Если вы не будете вознаграждать управляющаго промышленностью особеннымъ исключительнымъ образомъ, то къ вамъ пойдетъ только безчестный или неспособный, и вы потеряете ваше имущество. Когда гибли кооперативныя общества, то это было всегда по винѣ управляющихъ.

Вообще можно сказать, что могучая и благовидная попытка Маркса разрушить основы настоящаго общества, опираясь на самые принципы политической экономіи, не удалась, потому что онъ навалилъ груды отвлеченныхъ формулъ, не углубляясь въ суть дѣла. Однако же всѣ тѣ, а ихъ еще много, которые допускаютъ теоріи Рикардо и Бастіа о трудѣ, могутъ уйти отъ заключеній нѣмецкаго соціалиста только путемъ непослѣдовательности. Его выводы безукоризненно логичны; ошибочны только исходные пункты его умозаключеній, которые онъ заимствовалъ у самыхъ ортодоксальныхъ экономистовъ.

Если сравнить теперь нѣмецкихъ теоретиковъ соціализма съ французскими, то окажется большой контрастъ. Первые несравненно болѣе учены. Какъ сказалъ Лассаль, говоря о самомъ себѣ, они вооружены всей ученостью нашего вѣка; но

они употребляютъ ее, чтобы доказывать софизмы. У нихъ не достааетъ сильнаго спиритуалистическаго вдохновенія XVII и XVIII столѣтій. Они никогда не ссылаются, какъ герои реформации или французской революціи, на тѣ великіе принципы истины, права и справедливости, которые затрогиваютъ сердца людей. Расщепленіемъ волосковъ при помощи діалектики, будь она даже остра какъ бритва, нельзя приготовить соціальнаго преобразованія.

Привязанные къ землѣ своими матеріалистическими доктринами, они не представляютъ намъ идеала, который долженъ быть осуществленъ; потому что для нихъ, все что существуетъ, есть результатъ необходимыхъ законовъ, которые управляютъ человѣческими обществами также какъ и небесными тѣлами. Соціалисты французскіе очень часто несвѣдуци, наивны и обманываются своими собственными химерами. Самъ Прудонъ, не смотря на силу его ума, имѣлъ недостаточное и дурно усвоенное образованіе. Но всѣ они гуманны; они по своему мечтаютъ о всемірномъ счастіи. Въ сущности, это заблуждающіеся филантропы. Не смотря на ихъ заблужденія, или даже нелѣпости, у нихъ благородная цѣль: устроить между людьми братство. Это мечтатели и утописты, которые всегда осуждали насилія якобинцевъ, тогда какъ нѣмецкіе соціалисты холодны и суровы какъ силлогизмъ.

Насколько христіанство, разсматриваемое только съ точки зрѣнія соціальной реформы, выше всѣхъ этихъ системъ, въ которыхъ недостааетъ то вѣрной оцѣнки дѣйствительности, то истинной любви къ ближнему! Въ евангеліи царствуетъ вездѣ безконечная любовь къ неимущимъ и въ тоже время высокое чувство соціальной справедливости. Существенная истина, которая выходитъ изъ всѣхъ ученій Христа, это та, что никакое улучшение невозможно, если человѣкъ сперва самъ не усовершенствуется. Нравственное обновленіе, вотъ источникъ всякаго истиннаго прогреса. Не критикою экономическихъ правилъ, какъ бы тонка она ни была, ни новою формою ассоціацій, будь

то фаланстеры, или кооперативныя общества, уврачуются недуги настоящаго общества.

Распространеніемъ во всѣхъ классахъ общества большаго свѣта и нравственности христіанство порвало цѣпи рабства. Тѣмъ же вліяніемъ нравственнымъ можетъ прекратиться нищета. «Между нами, конечно, всегда будутъ бѣдные» потому что всегда будутъ неисправимые лѣнтяи, и, какъ говоритъ святой Павелъ, «тотъ кто не работаетъ, не долженъ ѣсть»; но пусть и высшіе классы научатся лучше понимать и исполнять свои обязанности; пусть рабочіе, развиваясь умственно и нравственно и менѣе поработаясь, приобрѣтаютъ собственность трудомъ и бережливостію; пусть наука продолжаетъ увеличивать производительность земледѣлія и промышленности, и тогда пауперизмъ, крайняя нищета, исчезнутъ по крайней мѣрѣ въ ихъ нынѣшнемъ размѣрѣ, когда они поражаютъ цѣлый классъ семействъ и составляютъ одну изъ язвъ нашего соціальнаго строя.

II.

АГИТАТОРЫ: ФЕРДИНАНДЪ ЛАССАЛЬ.

Фердинанда Лассалья его приверженцы считаютъ мессіей соціализма. При его жизни они его слушали какъ оракула; а по смерти читали какъ полубога. Онъ для нихъ предметъ настоящаго культа: въ 1874 году они праздновали десятилѣтнюю годовщину его смерти такими церемоніями, которыя казались богослуженіемъ новой религіи. Они даже дерзаютъ сравнивать его съ Христомъ и вѣрять, что его доктрины также пересоздадутъ настоящее общество, какъ христіанство обновило древнее общество.

Въ дѣйствительности же Лассаль не повѣдалъ міру ни одной новой истины. Онъ только популяризовалъ идеи, заимствованныя у Луи Блана, Прудона, Родбертуса, и особенно у Карла Маркса; но неподлежитъ также сомнѣнію, что жаръ его стиля,

сила полемики, а еще болѣе его краснорѣчіе и его личное вліяніе вывели социализмъ изъ области филантропическихъ мечтаній и изъ мрака мало читаемыхъ и непонятныхъ книгъ и бросили его, какъ пламя раздора и борьбы, на публичную арену и въ мастерскія. Въ два года его пламенное слово и перо зашевелили всю Германію и создали партію социалистовъ-демократовъ. Онъ имѣлъ такое же обаяніе какъ Абеларъ и, подобно ему, очаровывалъ женщинъ и воспламенялъ толпу. Онъ разбѣжжалъ по странѣ, молодой, красивый, краснорѣчивый, увлекаая за собою всѣ сердца, и вездѣ оставлялъ почитателей и восторженныхъ послѣдователей, которые составляли ядро рабочихъ союзовъ. Въ наше время я почти не знаю примѣра такого сильнаго и столь обширнаго вліянія приобрѣтеннаго въ столь короткое время. Жизнь его поэтому настоящій романъ.

Фердинандъ Лассаль, также какъ и Марксъ, происхожденія еврейскаго; онъ родился въ Бреславлѣ, 11 апрѣля 1825 года. Его отецъ велъ оптовую торговлю и желалъ, чтобы и сынъ слѣдовалъ той же профессіи. Кончивъ блистательно гимназическій курсъ въ своемъ родномъ городѣ, онъ былъ посланъ въ коммерческую школу въ Лейпцигъ; но, имѣя отвращеніе къ этого рода занятіямъ, онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ особенно занимался филологіей, философіей и правомъ. Съ раннихъ поръ экономическіе факты привлекли его вниманіе; такъ онъ рассказываетъ, въ своемъ сочиненіи *Bastiat Schulze*, что еще съ двѣнадцатилѣтняго возраста его поражило то, что его мать и сестра покупали матеріи на одежду въ различныхъ лавкахъ, несмотря на то, что его отецъ продавалъ эти же матеріи оптомъ. Въ университетѣ онъ восхищался Фихте и въ особенности Гегелемъ, который былъ его учителемъ въ высшихъ сферахъ мысли. Въ политикѣ онъ раздѣлялъ идеи молодой Германіи и присталъ къ самому радикальному оттѣнку этихъ демократовъ, которыхъ уже тогда называли «революціонерами».

По окончаніи университетскаго курса, онъ поселился на берегахъ Рейна, продолжая свои начатые труды. Онъ задумалъ написать исторію древней школы іонической философіи. Для

собранія матеріаловъ, а также и для того, чтобы подышать воздухомъ большаго города, въ которомъ бродили тогда всѣ новыя идеи, онъ посѣтилъ Парижъ въ 1845 году.

Тамъ онъ былъ отлично принятъ Генрихомъ Гейне. Ихъ должна была сблизить одинаковость происхожденія, идей и склада ума. Однако же поэтъ, острыя сужденія котораго проникали до глубины сердца, прекрасно охарактеризовалъ своего блестящаго соотечественника, рекомендуя его въ письмѣ Варнгагену Фонъ Энзе: «Другъ мой, податель этого письма, господинъ Лассаль, молодой человекъ, одаренный замѣчательными дарованіями. При глубокомъ знаніи и обширныхъ свѣдѣніяхъ, съ живою проникательностью, подобной которой я никогда не встрѣчалъ, онъ обладаетъ удивительною силою воли и способностью къ дѣламъ. Это настоящій сынъ новыхъ временъ, который вовсе не знаетъ того самоотреченія и той скромности, которыхъ мы держалась съ большимъ или меньшимъ лицемѣріемъ. Онъ принадлежитъ къ поколѣнію, желающему наслаждаться и властвовать». Гейне сравниваетъ Варнгагена и самого себя съ могильщиками, на которыхъ возложена обязанность хоронить прошедшія времена, и съ жалкими курицами, которыя, высидѣвъ утиныя яйца, съ недоумѣніемъ смотрятъ на молодыхъ утятъ, бросающихся въ воду и съ удовольствіемъ плавающихъ.

Лассаль хотѣлъ сдѣлаться въ Берлинѣ приватъ-доцентомъ и потому вошелъ въ сношенія со всѣмъ ученымъ и литературнымъ міромъ, гдѣ встрѣтилъ самый лучший пріемъ. Гумбольдтъ особенно съ нимъ подружился. Онъ назвалъ его чудеснымъ ребенкомъ (*das Wunderkind*) и рекомендовалъ его своимъ братьямъ въ французскомъ институтѣ во время второй поѣздки Лассаля въ Парижъ. Лассаль продолжалъ готовить свое сочиненіе о *Гераклитѣ*, которое появилось только девять лѣтъ спустя.

Въ это время, въ концѣ 1845 года, Лассаль встрѣтилъ въ Берлинѣ личность, которая имѣла рѣшительное вліяніе на его судьбу: Графиня Софья Гатцфельдъ, урожденная княжна Гатц-

фельдъ, вела процессъ съ своимъ мужемъ. Послѣ нѣсколькихъ мирно проведенныхъ лѣтъ въ ихъ владѣтельномъ замкѣ, на берегахъ Зига, или въ отелѣ въ Дюссельдорфѣ, несогласіе въ характерахъ привело супруговъ къ разрыву, и графиня настоятельно хлопотала получить пенсію соотвѣтственную ея рангу и положенію. Она обладала чрезвычайнымъ умомъ, краснорѣчіемъ и большой независимостью характера; охотно занималась великими политическими и социальными вопросами, волнующими нашу эпоху, и нисколько не пугалась самыхъ смѣлыхъ идей. Лассаль, имѣвшій съ ней сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, съ перваго раза привязался къ ней и поклялся добыть ей то, на что она имѣла право. Здѣсь произошелъ странный случай, который его враги часто ставили ему въ преступленіе.

Баронесса Мейендорфъ, бывшая въ близкихъ связяхъ съ графомъ Гатцфельдомъ, только что уѣхала отъ него и остановилась въ Кельнѣ. При ней была шкатулка, въ которой, по предположенію графини Гатцфельдъ, должны были находиться очень важные для ея процесса документы. Два друга Лассалля, Мендельсонъ и Оппенгеймъ, проникли въ комнату занимаемую г-жой Мейендорфъ въ отелѣ *Mainzer-Hof*, и похитили шкатулку, въ которой въ дѣйствительности оказались только однѣ драгоценности. За это похищеніе ихъ предали суду и Мендельсонъ былъ осужденъ, а Оппенгеймъ оправданъ. Лассаль былъ привлеченъ къ суду какъ совѣтникъ и соучастникъ; онъ самъ защищался на судѣ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ; и въ его рѣчи уже фигурировали пролетаріатъ и социализмъ. Признанный присяжными виновнымъ, но только большинствомъ семи голосовъ противъ пяти, Лассаль былъ оправданъ на томъ основаніи, что члены суда, которые должны были произнести приговоръ, признали, что похищеніе шкатулки было сдѣлано не по его наущенію, а только вслѣдствіе преслѣдованія имъ баронессы. Это происходило въ августѣ 1848 года.

Поступивъ въ адвокаты въ Дюссельдорфѣ, онъ продолжалъ заниматься процессомъ Гатцфельдъ, который кончился только къ 1854 году довольно благоприятно для графини. Въ тоже

время онъ бросился въ политическое движеніе той очень бурной эпохи. Онъ писалъ тогда въ соціальномъ журналѣ Карла Маркса, *Neue Rheinische Zeitung*, гдѣ также сотрудничали Энгельсъ, Фрейлигратъ, Шапперъ, Вольфъ и другіе менѣе извѣстные писатели.

Эти литературныя работы не могли удовлетворить Лассалья; его пылкій характеръ требовалъ практической дѣятельности. Послѣ столкновенія между прусскою палатою и министерствомъ Мантейфеля въ Берлинѣ, онъ пробовалъ организовать въ Дюссельдорфѣ возстаніе противъ этого государственнаго переворота, собирая рабочихъ и буржуазію; и когда нѣкоторые представители рѣшили отказаться отъ платы налоговъ, онъ пытался наложить печати на государственныя кассы. Съ нѣкоторыми другими значительными гражданами этого города, онъ устроилъ комитетъ сопротивленія и выпустилъ прокламаціи, въ которыхъ приглашалъ народъ собрать деньги и оружіе, чтобы сопротивляться правительству. Въ ноябрѣ 1848 года генералъ Дрыгальскій объявилъ осадное положеніе въ Дюссельдорфѣ и Лассаль былъ арестованъ Кантадоромъ, начальникомъ гражданской стражи, и преданъ суду за возбужденіе къ междоусобной войнѣ. Судъ надъ нимъ происходилъ только 3 мая 1849 года. Онъ самъ защищался, съ дерзостью и краснорѣчіемъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на присяжныхъ. Онъ смѣло ссылался на принципъ французской революціи, на верховную власть народа. «Я не хочу и не долженъ быть оправданъ, вскричалъ онъ, если этимъ не признаютъ, что призывъ къ оружію есть право и обязанность народа». Онъ вспоминалъ Робеспьера. Затѣмъ онъ поражалъ ударами своей неумолимой ироніи приверженцевъ «пассивнаго сопротивленія». «Это дѣло, говоритъ онъ, тѣхъ, которые ясно сознаютъ, что они должны сопротивляться и, которые, въ тоже время, слишкомъ трусливы, чтобы рискнуть подвергнуть опасности свою жизнь. Корона конфискуетъ всѣ вольности націи, и чтобы защитить свои права, прусское національное собраніе постановляетъ... *свое неудовольствіе*. Трудно себѣ представить,

чтобы собраніе представителей народа могло придти къ подобному ребячеству».

Онъ былъ оправданъ судомъ присяжныхъ, но преданный исправительному суду за сопротивление полиціи, присужденъ былъ къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьму. Лассаль употребилъ это время на болѣе глубокое изслѣдованіе социальныхъ вопросовъ. Почти каждый вечеръ одинъ рабочій по имени Кишняви (Kichniawy), по окончаніи своихъ дневныхъ работъ, приходилъ къ нему бесѣдовать объ этомъ предметѣ, и эти бесѣды продолжались за полночь.

Выйдя на свободу, онъ съ жаромъ принялся за изученіе эпохи реформаціи въ Германіи. Онъ хотѣлъ уяснить себѣ, какимъ образомъ религиозныя войны ослабили его страну, раздробивъ ее на частички, и найти затѣмъ средство для возстановленія ея единства. Изъ этого изученія онъ выработалъ тему для своей драмы, озаглавленной *Franz von Sickingen*, посредственной какъ литературное произведеніе, но любопытной какъ политическій тезисъ. Въ ней онъ развиваетъ идею, повторенную потомъ Бисмаркомъ, что великія историческія перемѣны всегда совершались «огнемъ и мечемъ». Идею о германскомъ единствѣ онъ доводилъ почти до фанатизма. Въ 1859 году, онъ напечаталъ брошюру: *Война Италіи и миссія Пруссіи*, въ которой онъ излагаетъ для нѣмецкой демократіи такой же планъ кампаніи, какой семь лѣтъ спустя Бисмаркъ долженъ былъ представить королю прусскому, и, сдѣлавшись канцлеромъ, привести его въ исполненіе.

Припомнимъ, что король прусскій, встревоженный побѣдами французской арміи въ Ломбардіи, готовился отвѣчать австрійскому императору на его призывъ выставить армейскій корпусъ на Рейнѣ. Нелѣпая политика, восклицаетъ Лассаль. Пусть ненависть къ деспотизму не ослѣпляетъ насъ. Наполеонъ III устраиваетъ дѣла демократіи и Германіи. Содѣйствуя объединенію Италіи, онъ вызываетъ единство Германіи. Смертельный и непримиримый врагъ единства Германіи, это Австрія. Такимъ образомъ Пруссія должна соединиться съ Франціей про-

тивъ Австріи и воспользоваться этимъ союзомъ, чтобы сгруппировать подъ своей гегемоніей весь нѣмецкій народъ.

Лассаль даже отправился въ Италію, съ графиней Гатцфельдъ, чтобы повидаться съ Гарибальди, котораго онъ убѣждалъ устроить экспедицію въ Вѣну, чтобы на развалинахъ Австріи утвердить единство Италіи и единство Германіи. Король прусскій, вѣрный своему союзнику по германскому союзу, не раздѣлялъ этихъ идей; хотя они настоятельно представлялись ему Бисмаркомъ и Наполеонъ III увидѣлъ себя принужденнымъ заключить миръ въ Вилафранкѣ; но въ 1866 году программа Лассаля осуществилась точь въ точь. Его друзья демократы оспаривали его, и также не поняли его, какъ король Вильгельмъ не понималъ Бисмарка въ 1859 году.

Около этого времени Лассаль оставилъ Дюссельдоръ, чтобы поселиться въ Берлинѣ. Вслѣдствіе его осужденія въ 1849 году, ему былъ запрещенъ вѣздъ въ эту столицу; но онъ проникъ въ нее переодѣтый извозчикомъ и впоследствии, по ходатайству Гумбольдта, и несмотря на сопротивленіе Мантейфеля, получилъ отъ короля разрѣшеніе жить въ столицѣ. Его преданный другъ, графиня Гатцфельдъ, послѣдовала за нимъ. Они оба серьезно работали и посѣщали ученые общества, писателей и философовъ. Избранный въ члены *философическаго общества*, какъ авторъ сочиненія о *Гераклитѣ Эфескомъ*, Лассаль получилъ порученіе произнести рѣчь на праздникѣ, данномъ въ честь Фихте. Въ рѣчи своей онъ представилъ картину новѣйшей философіи въ Германіи и силился доказать, что теоріи Канта, Фихте и Гегеля ничто иное, какъ логическое развитіе одной и той же системы. Форма его рѣчи была слишкомъ абстрактная и не очень понравилась публикѣ. Между прочимъ онъ старался напомнить, что Фихте былъ пророкомъ объединенія Германіи и предсказывалъ, что въ будущемъ германскій народъ будетъ наслаждаться свободой и равенствомъ, провозглашенными французской революціей. Онъ обожалъ людей этой эпохи и особенно Робеспьера. Часто носилъ его трость, которую подарилъ ему другъ его историкъ Форстеръ. Какъ и его идеаль

93 года, онъ хотѣлъ быть изящнымъ, и одинъ изъ его критиковъ могъ сказать о немъ, что не смотря на свои социалистическія идеи, онъ любилъ, чтобы на рукояткѣ его якобинскаго кинжала была прекрасная рѣзьба, а на его фригійскомъ колпакѣ тонкое шитье.

Въ 1861 году онъ напечаталъ литературный этюдъ о Лессингѣ и очень ученое сочиненіе по юриспруденціи въ двухъ томахъ *Система приобретенныхъ правъ* (*System der erworbenen Rechte*). Здѣсь рядомъ съ чисто учеными разсужденіями попадаются и радикальныя реформаторскія идеи. Такъ здѣсь подвергается сильной критикѣ настоящій режимъ собственности и наслѣдственности. Въ двухъ политическихъ брошюрахъ, появившихся спустя нѣсколько времени, *Сущность Конституціи* (*Ueber Verfassungswesen*), и *Сила и право* (*Macht und Recht*), онъ снова повторяетъ свою любимую идею, что въ человѣческихъ дѣлахъ окончательное рѣшеніе всегда постановляетъ сила. Весь конституціонный вопросъ, говоритъ онъ, резюмируется въ томъ, кто самый сильный? Если палаты не располагаютъ дѣйствительными средствами сопротивленія, то онѣ въ полной власти государя. Противъ этой теоріи, сильно распространившейся съ тѣхъ поръ, потому что нѣкоторыя современныя событія казались оправдывали ее, можно сказать: да, штыки рѣшаютъ дѣла; но кто же управляетъ и движетъ этими штыками, если не идеи? Чисто отвлеченный принципъ національностей совершенно передѣлалъ карту Европы. Кавуръ создалъ единство Италіи, а Бисмаркъ единство Германіи, потому что тотъ и другой отдали себя на служеніе этой идеѣ. Наполеонъ I, несмотря на свой удивительный геній, и чрезвычайныя побѣды, ничего не создалъ прочнаго, потому что не зналъ или не признавалъ этой идеи. Если Австрія смѣло не приметъ этого-же принципа, то рано или поздно сдѣлается его жертвой.

Только около 1862 года Лассаль сдѣлался бойцомъ социализма. Это было въ эпоху борьбы между прусскими либералами и Бисмаркомъ по поводу преобразованія арміи и военнаго бюджета, которые палата упрямо отвергала нѣсколько лѣтъ сряду. Либе-

ралы усиливались пріобрѣсти поддержку рабочихъ классовъ. Шульце-Деличъ пріобрѣлъ на нихъ большое вліяніе, организовавъ во всей сѣверной Германіи кооперативныя общества кредита, потребленія и покупки изъ первыхъ рукъ. Онъ хотѣлъ основать ихъ исключительно на принципѣ самопомощи (*self-help*), и отвергалъ всякое вмѣшательство государства. Лассаль вмѣшался въ дѣло, чтобы объяснять и защищать соціалистическія идеи, съ которыми мы дальше познакомимся. Онъ принялся съ неутомимою дѣятельностью пропагандировать эти идеи. Три года продолжалась его дѣятельная проповѣдь; онъ посвящалъ свои дни и ночи на организацію *митинговъ*, на произнесеніе рѣчей, и писаніе брошюръ. Въ это столь короткое время онъ успѣлъ сдѣлать изъ соціализма, смутно распространеннаго въ массахъ, воинствующую политическую партію, имѣющую свое замѣтное мѣсто на избирательной аренѣ. Онъ сдѣлалъ въ Германіи то, что февральская революція сдѣлала во Франціи.

Въ Arbeiterprogramm (программа рабочихъ) онъ силится доказать, что подобно тому, какъ буржуазія заступила мѣсто поземельной аристократіи, и «четвертое сословіе», классъ рабочихъ, долженъ сдѣлаться, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, преобладающей силой общества. Преданный суду за возбужденіе ненависти между сословіями, онъ защищался съ большою ловкостью въ брошюрѣ, озаглавленной *Die Wissenschaft und die Arbeiter*, (наука и рабочіе). «Въ 1848 году, говорилъ онъ, рабочіе были въ рукахъ невѣжественныхъ агитаторовъ. Надо сдѣлать науку доступною ихъ пониманію и образовать ихъ;—такимъ образомъ они поймутъ, въ чемъ заключается ихъ истинный интересъ, и сообразно этому будутъ вести себя». Доказывая, что историческое движеніе должно привести демократію къ побѣдѣ, онъ, по его словамъ, сдѣлалъ только то, что развивалъ тезисъ, который можетъ судить только критика, а не уголовный законъ. Общее собраніе нѣмецкихъ рабочихъ должно было состояться въ Лейпцигѣ въ апрѣлѣ 1863

года. По этому случаю онъ изложилъ свои тогдашнія идеи въ «открытомъ письмѣ», адресованномъ къ центральному комитету, и получилъ на него очень замѣчательный отвѣтъ отъ Родбертуса Ягетцова. Вскорѣ послѣ этого онъ изложилъ ихъ въ рѣчи, произнесенной на одномъ изъ засѣданій конгресса.

Лассаль не только не оставлялъ своихъ идей, но еще съ большей точностью изложимъ ихъ въ двухъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ по поводу направленного противъ него процесса, (*Der Lassalle'sche Criminal process 1863 u Der Hochverathsprozess wider F. Lassalle.—Vertheidigungsrede vom 12 marz 1864*). Его послѣднее сочиненіе, направленное противъ Шульце-Делича (*Herr Bastiat-Schulze von Delitsch oder Kapital und Arbeit*), самое замѣчательное изъ всего, что имъ написано. Въ немъ онъ подробно развиваетъ свои доктрины и въ тоже время съ необыкновеннымъ искусствомъ пускаетъ въ ходъ острое орудіе своей прони. Есть здѣсь и софизмы; но они закрыты очень оригинальными экономическими и историческими картинами. Прудонъ никогда не писалъ болѣе ѣдко, и Лассаль кромѣ того еще глубже его зналъ исторію и политическую экономію. Онъ не совсѣмъ былъ несправедливъ, когда гордо говорилъ: для каждой написанной мною строчки я вооружился всей наукой моего времени. И однакоже въ итогѣ это сочиненіе не болѣе какъ памфлетъ, но вовсе не научная книга. Тѣмъ не менѣе его сочиненія о *Гераклитѣ* и о *Приобрѣтенныхъ правахъ* заставляютъ думать, что онъ былъ способенъ написать что нибудь болѣе солидное; но онъ не имѣлъ времени для этого.

Лассаль былъ убитъ на дуэли, въ августѣ мѣсяцѣ 1864 г. Одинъ изъ его учениковъ, впослѣдствіи отставшій отъ него, и напечатавшій все, что было извѣстно достовѣрнаго объ этомъ происшествіи, Бернгардъ Беккеръ, справедливо замѣчаетъ, что еслибы онъ жилъ согласно съ своими демократическими доктринами, то не кончилъ-бы какъ авантюристъ. Почти каждый годъ Лассаль ѣздилъ лѣтомъ для отдыха и леченія то на морскія купанья, то въ Швейцарію и обыкновенно въ сопровожденіи своего вѣрнаго друга, графини Гатцфельдъ. Въ 1863 году,

основавши «общій нѣмецкій союзъ рабочихъ», онъ отправился въ Остенде. Въ 1864 году, уѣзжая въ Швейцарію, онъ поручилъ Отто Даммеру исполненіе своихъ обязанностей какъ президента союза. Въ іюнѣ онъ произнесъ во Франкфуртѣ большую рѣчь на народномъ *митингѣ*. Осужденный сначала на годъ въ тюрьму за одну изъ своихъ брошюръ, появившихся въ 1863 году, онъ успѣлъ, по аппеляціи, сократить свое наказаніе на шесть мѣсяцевъ, и рассчитывалъ отправиться въ тюрьму въ началѣ зимы. Онъ провелъ съ графиней весь іюнь мѣсяць въ Эмсѣ. Въ іюлѣ она уѣхала въ Вильбадъ, а онъ на Риги-Кальтбадъ, гдѣ ему очень нравилось. Тамъ однажды ему сдѣлала визитъ одна англичанка въ сопровожденіи молодой дѣвушки, Елены Денигесъ, которую онъ уже встрѣчалъ въ Берлинѣ.

Лассаллю было тогда тридцать лѣтъ. Онъ былъ мужчина высокій, стройный, блѣдный, съ черными полными огня глазами, съ тонкимъ и гордымъ профилемъ; разговоръ его былъ блестящъ и когда онъ одушевлялся, то краснорѣчіе его было увлекательно. Онъ нравился женщинамъ и онѣ ему были не противны. Дѣвица Денигесъ была рыжая и очень романическая особа, что очень нравилось Лассаллю. Послѣ втораго свиданія въ Вабернѣ въ окрестностяхъерна у англичанки, съ которой жила Елена, они поклялись другъ другу вступить въ бракъ несмотря ни на какія препятствія. Дѣвица Денигесъ предвидѣла очень серьезныя препятствія со стороны своего отца, баварскаго дипломата, которому мысль имѣть зятемъ извѣстнаго социалиста, конечно, не должна была улыбаться. Лассалль сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ графинѣ Гатцфельдъ, которая, послѣ нѣсколькихъ возраженій, стала съ совершенно материнскою преданностью содѣйствовать успѣшному окончанію ихъ дѣла *).

*) Всѣ подробности этой драмы, корреспонденція между Лассалемъ и графиней и его письма къ дѣвицѣ Денигесъ, его телеграммы, его поступки изъ зо-дня въ день, изъ часа въ часъ, были напечатаны Бернгардомъ Беккеромъ, подъ названіемъ *Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassalle's*. Графиня, задумавшая съ Беккеромъ выпустить раз-

3-го августа Елена возвратилась къ своему отцу, въ Женеву, гдѣ онъ тогда жилъ. Лассаль долженъ былъ сдѣлать ему визитъ; но баварскій дипломатъ рѣшительно отказался его принять; и когда его жена объявила ему, что дѣло идетъ о бракѣ Елены, то ярость его дошла до высочайшей степени. Онъ проклиналъ свою дочь, и клялся, что никогда не согласится на этотъ бракъ. Въ отчаяніи Елена убѣжала изъ родительскаго дома и отправилась къ Лассалю. Она просила его увезти ее куда онъ хочетъ; но онъ рассчитывалъ вступить въ семейство Денигесъ открыто и прямо, и потому привелъ Елену обратно къ ея матери. Охлажденная немного вслѣдствіе этого благоразумнаго поступка и побѣжденная мольбами своихъ, молодая дѣвушка позволила увести себя въ Женеву «въ отчаяніи, но съ покорностью».

При этой неожиданной новости Лассаль обезумѣлъ отъ гнѣва. Онъ былъ уязвленъ въ своемъ чрезмѣрномъ самолюбіи. Онъ, обожаемый знаменитыми женщинами, забыть этой двадцатилѣтней дѣвушкой, которая вчера еще клялась ему въ вѣчной вѣрности и отдавалась вполнѣ! Невозможно: это варваръ отецъ увезъ ее и разлучилъ противъ ея желанія. Надо ее спасти какимъ-бы то ни было средствомъ. Онъ призвалъ на помощь графиню Гатцфельдъ и друга своего полковника Рюстова. Они ухищрялись и все пускали въ дѣло, чтобы дѣйствовать на г-на Денигесъ. Лассаль отправился въ Мюнхенъ, чтобы просить министра иностранныхъ дѣлъ похлопотать въ его пользу, что тотъ ему и обѣщалъ. Графиня даже отправилась къ архіепископу Майнцскому, Кеттелеру, умоляя его вмѣшаться въ дѣло. Разсказъ о ея свиданіи съ нимъ очень пикантенъ. Архі-

---

сказъ о смерти Лассалья, довѣрила ему для этой цѣли всѣ необходимыя бумаги. Разсорившись съ нимъ впоследствии, она ихъ потребовала обратно; но Беккеръ снялъ съ нихъ копіи, и счелъ себя вправѣ ихъ опубликовать, чтобы лучше освѣтить своего бывшего учителя. Онъ утверждаетъ, что графиня держалась какъ соперница, принесенная въ жертву и пыталась разстроить планы женитьбы своего друга. Но опубликованныя письма, какъ кажется, говорятъ противное.

епископъ отнесся съ большой похвалой объ агитаторѣ-соціалистѣ: онъ сильно интересовался его учеными трудами и его попытками пропаганды, хотя и сомнѣвался въ возможности примѣнить его теоріи; но онъ, архіепископъ, можетъ-ли способствовать браку католички съ евреемъ? Если бы по крайней мѣрѣ Лассаль обратился въ христіанство, то можетъ быть была бы какая-нибудь надежда.

Впрочемъ было уже слишкомъ поздно. Побѣжденная, говорить она въ своихъ мемуарахъ, настояніями всего семейства и повинуваясь настоящему нравственному насилію, Елена неожиданно и немедленно рѣшилась выйти замужъ за молодого боярина валаха, барона Янко фонъ-Раковица; она сама объявила объ этомъ Лассалю. Отчаяніе, ярость этого великаго гордеца вышли изъ предѣловъ. Ничто лучше не можетъ обрисовать волненія этой сильной и страстной души какъ его письма къ друзьямъ и къ той, которая покинула его въ августѣ [мѣсяцѣ, когда рѣшалась его участь. Лихорадочныя телеграммы, посылаемая каждую минуту, необыкновенныя мѣры, неистовыя просьбы, порывы, поѣздки на всѣхъ парахъ по всѣмъ направленіямъ: это картина новой жизни, нервной и горячей до крайности.

Лассаль вернулся въ Женеву, въ концѣ мѣсяца, съ письмомъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которое, какъ онъ надѣялся, побудитъ Денигеса дозволить ему свиданіе съ Еленой: онъ былъ убѣжденъ, что она не будетъ противиться голосу своего сердца и своему личному желанію; но она рѣшительно отказалась его видѣть. Въ себя отъ гнѣва, Лассаль потребовалъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ удовлетворенія отъ г-на Денигеса. Раковица явился отвѣчать на его вызовъ. Два его секунданта, докторъ Арндтъ и графъ Кайзерлингъ, который долженъ былъ жениться на сестрѣ Елены, требовали возвращенія ея писемъ. Полковникъ Рюстовъ и венгерскій генералъ Бетлень, секунданты Лассалья, рѣшительно отказали. Дуэль съ того времени сдѣлалась неизбѣжною между двумя противниками. Она состоялась 28 августа, въ окрестностяхъ

Каружа. При первомъ выстрѣлѣ Лассаль упалъ смертельно раненый. Онъ умеръ три дня спустя въ Женевѣ въ отелѣ Викторія *). Госпожа Гатцфельдъ перевезла его тѣло по Рейну въ Германію. Это было триумфальное шествіе. Когда гробъ привезенъ былъ въ Майнцъ, то была устроена величественная церемонія главнымъ образомъ заботами католическаго духовенства. Чтобы положить конецъ этимъ манифестаціямъ, волновавшимъ во всей Германіи партію социалистовъ, въ Кельнѣ полиція схватила гробъ, будто бы отъ имени родныхъ, и отправила его въ Бреславль, гдѣ тѣло и было похоронено на еврейскомъ кладбищѣ.

Въ большихъ городахъ ассоціаціи рабочихъ хотѣли почтить память Лассаля печальными церемоніями, въ которыхъ его представляли какъ мученика и святаго социализма. Впечатленіе было такъ глубоко, что многіе люди изъ народа повѣрили и вѣрятъ еще, что онъ не умеръ, и что онъ вернется во славу, чтобы управлять великой революціей и преобразованиемъ общества. Такимъ образомъ составила лассалевская партія, которая держится и теперь и которая, несмотря на всѣ усилія, никогда совершенно не сливалась съ интернаціональнымъ социализмомъ Карла Маркса.

Мы попробуемъ изложить идеи Лассаля въ ихъ цѣломъ, не разбирая многочисленныхъ сочиненій, которыя всѣ были вызваны какими-нибудь случаями.

Можетъ-ли рабочій, при настоящемъ социальномъ режимѣ, своими собственными усиліями улучшить свое положеніе, какъ утверждаетъ Шульце-Делитчъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Лассаль и препятствіемъ къ этому служить «железный» законъ рабочей платы, *das eiserne Lohngesetz*.

*) О всей этой драмѣ очень точныя подробности находятся въ странномъ сочиненіи, напечатанномъ недавно Еленой Раковицъ, *Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassalle* (1879). Разказъ ея сходенъ почти во всемъ съ разказомъ Бернгарда Беккера. Другая книга по тому же предмету, *Im Anschluss an die Memoiren der Helene von Racoviza*,—была напечатана А. Кучбахомъ (Chemnitz 1880). Одна русская дама также разказала страницу изъ романа между ею и Лассалемъ.

Что это за «железный законъ», составляющій основаніе всѣхъ его выводовъ? Это законъ, въ силу котораго въ настоящемъ обществѣ и подѣ дѣйствіемъ предложенія и спроса, средняя рабочая плата сокращена до того, что необходимо чтобы рабочій могъ жить и размножаться. Это есть тотъ уровень, къ которому тяготеетъ, въ своихъ колебаніяхъ, дѣйствительная рабочая плата, такъ что она не можетъ долго держаться ни выше, ни ниже его. Она не можетъ оставаться продолжительно выше этого уровня, потому что если вслѣдствіе большаго довольства, число браковъ и рожденій увеличится въ рабочихъ классахъ, то такимъ образомъ число рукъ ищущихъ работы не замедлитъ прибавиться, и возникшая вслѣдствіе этою конкуренція между ними понизитъ рабочую плату до ея роковаго размѣра. Она не можетъ также и упасть ниже этого уровня, потому что лишенія и голодъ вызвали-бы смертность, эмиграцію, уменьшеніе браковъ и рожденій и, слѣдовательно, уменьшеніе числа рабочихъ рукъ. Такъ какъ предложеніе рукъ уменьшилось бы, то цѣна на нихъ поднялась бы вслѣдствіе конкуренціи хозяевъ, перебивающихъ другъ у друга рабочихъ; и потому рабочая плата возвысилась бы до нормальнаго размѣра. Періоды благоденствія и кризисовъ, постоянно смѣняющіеся въ промышленности, производятъ эти колебанія; но «железный законъ» всегда доводитъ вознагражденіе рабочаго до минимума того, что необходимо для его существованія. Подѣ вліяніемъ прогреса промышленности, этотъ минимумъ можетъ измѣняться. Образъ жизни рабочаго, и потребности, которыя онъ считаетъ первою необходимостью, несомнѣнно измѣнились. Такъ, въ средніе вѣка онъ не носилъ бѣлья и часто ходилъ босой, тогда какъ въ настоящее время башмаки и рубашка считаются необходимостью. Онъ потребляетъ больше мануфактурныхъ предметовъ и менѣе животной пищи. Итакъ здѣсь дѣло идетъ о минимумѣ извѣстнаго даннаго времени, и этотъ минимумъ будетъ тотъ, ниже котораго рабочій перестанетъ вступать въ бракъ, размножаться и не будетъ въ состояніи прокармливать дѣтей.

«Желѣзный законъ» рабочей платы есть не что иное какъ частное примѣненіе общаго закона, который регулируетъ цѣны товаровъ и который составляетъ одно изъ общихъ мѣстъ политической экономіи. Въ этомъ отношеніи нужно различать три рода предметовъ; такіе, которыхъ невозможно производить по произволу, напримѣръ, античныя статуи, картины древнихъ художниковъ, естественныя достопримѣчательности. Цѣна этихъ предметовъ опредѣляется не издержками производства, такъ какъ ихъ нельзя воспроизвести, а тѣмъ, что хотятъ давать за нихъ любители. Другія вещи могутъ быть увеличены въ числѣ въ извѣстныхъ границахъ, но съ возрастающею трудностью. Общая цѣна ихъ опредѣляется издержками производства тѣхъ изъ нихъ, которыя добыты при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Таковы напримѣръ земледѣльческіе продукты. Наконецъ, есть третій родъ вещей, которыя можно производить почти въ какомъ угодно количествѣ, каковы напримѣръ мануфактурные предметы. Цѣна ихъ регулируется издержками производства тѣхъ фабричныхъ товаровъ, которые производятся при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ, т. е. съ меньшими пожертвованіями. Трудъ, разсматриваемый какъ товаръ, очевидно принадлежитъ къ этой третьей категоріи, потому что число рукъ обыкновенно увеличивается пропорціонально спросу. Цѣна труда, т. е. рабочая плата опредѣляется минимумомъ стоимости содержанія рабочаго, минимумомъ, который соответствуетъ здѣсь наименьшимъ издержкамъ производства этого особеннаго товара, т. е. производительной силы рабочаго.

Если таковъ общій законъ, заключаетъ Лассаль, то учрежденія, рекомендуемая Шульце-Деличемъ также мало, какъ и прежнія благотворительныя учрежденія, могутъ содѣйствовать общему и прочному улучшенію положенія рабочихъ классовъ. И вотъ по какой причинѣ: если дѣло идетъ о небольшомъ числѣ рабочихъ, то имъ конечно будетъ выгодно получать отъ общества потребителей дешевле и лучшаго качества необходимые для него продукты; но если-бы большинство рабочихъ пользовалось этими учрежденіями, то вслѣдствіе этого они жили бы

также какъ и теперь, но съ меньшими издержками; минимумъ издержекъ ихъ прокормленія т. е. издержки производства труда уменьшились бы; а такъ какъ этотъ минимумъ есть тотъ уровень, къ которому конкуренція въ концѣ концовъ всетаки приводитъ рабочую плату, то изъ этого послѣдуетъ, что она понизится въ той же пропорціи, въ какой сдѣлается дешевле содержаніе рабочаго. Такимъ образомъ Лассаль силится доказать тщетность усилій Шульце-Делича и филантроповъ-буржуа, которые думаютъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ, не измѣняя настоящей общественной организаціи. Всѣ попытки, которыя внушаетъ имъ ихъ доброе сердце, разбиваются о «железный законъ».

Эти разсужденія, основанныя на принципахъ общепринятыхъ въ ортодоксальной наукѣ, вызвали на Лассаля сильныя нападки національно либеральной прессы. Онъ отвѣчалъ ей съ неменьшей горячностью *). Ему нетрудно было доказать, что изложенная имъ теорія рабочей платы, какъ она ни убійственна, принадлежала учителямъ политической экономіи Адаму Смиуту, Ж. Б. Сэю, Рикардо, Стюарту Миллю, Рау, Рошеру, Захаріа, и всѣмъ ихъ послѣдователямъ. Еще ранѣе ихъ Тюрго формулировалъ ту же идею прекраснымъ языкомъ XVIII столѣтія, чистымъ какъ ключевая вода. «Простой рабочій, говоритъ Тюрго, имѣетъ только свои руки, и можетъ добыть что нибудь только тогда, когда ему удастся продать другимъ свой трудъ. Онъ его продаетъ болѣе или менѣе дорого, но установить цѣну болѣе или менѣе высокую не зависитъ отъ него одного, а отъ соглашенія съ тѣмъ, кто оплачиваетъ его трудъ. Послѣдній старается платить ему какъ только можно менѣе и такъ какъ онъ имѣетъ большой выборъ между рабочими, то предпочитаетъ того, который работаетъ дешевле. Рабочіе такимъ образомъ принуждены понижать цѣну наперерывъ другъ передъ другомъ. Во всякомъ родѣ труда дѣло должно

---

*) *Zur Arbeiterfrage. Rede zu Leipzig am 16 april 1863. Rede zu Frankfurt am 17 und 19 mai 1863.*

дойти и дѣйствительно доходить до того, что рабочая плата ограничивается только тѣмъ, что необходимо для существованія». Эти нѣсколько строчекъ содержатъ всю систему Маркса и Лассаля.

Посмотримъ теперь, до какой степени знаменитый «железный законъ» рабочей платы согласенъ съ дѣйствительностью. Сначала необходимо сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Большинство новыхъ экономистовъ утверждаютъ, что рабочая плата управляется естественными законами, которые дѣйствуютъ непреодолимо, какъ и тѣ законы, которые управляютъ физическими явленіями, и что, слѣдовательно, бесполезно и даже нелѣпо желать измѣнить ихъ. Но этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Конечно при данной социальной организаціи, при нынѣшнихъ нравахъ и обычаяхъ, вытекающихъ изъ нашей исторіи, законы управляющіе рабочей платой дѣйствительно составляютъ ихъ естественное послѣдствіе. Но эти факты, эти учрежденія, изъ которыхъ вытекли рассматриваемые законы, суть факты случайные, вытекающіе изъ свободной человѣческой воли. Люди, создавшіе ихъ, могутъ и измѣнить ихъ, какъ они и дѣлали это столько разъ въ теченіи вѣковъ, и тогда «естественныя» послѣдствія будутъ совсѣмъ другія. Въ политической экономіи нѣтъ необходимыхъ сдѣленій фактовъ, надъ которыми мы не имѣли бы власти, какъ надъ окружающимъ насъ физическимъ міромъ. Мы страдательно подчиняемся космическимъ законамъ, а социальные законы мы создаемъ сами. Первые непреложны, и причина ихъ заключается въ самомъ устройствѣ вселенной. Вторые же измѣняются изъ вѣка въ вѣкъ и помѣръ того какъ идетъ исторія, рождаются новые типы цивилизаціи.

Послѣ этого остается взглянуть, дѣйствительно ли осуществляется въ настоящемъ социальномъ положеніи «железный законъ» съ тою роковой строгостью, какъ это говоритъ Лассаль, вслѣдъ за Рикардо, Смитомъ и Тюрго. Прежде всего несомнѣнно, что размѣръ рабочей платы не можетъ долго оставаться ниже того, что необходимо рабочимъ, чтобы существо-

вать и размножаться, потому что число ихъ въ противномъ случаѣ не замедлило бы уменьшиться. Это не значить, что они умираютъ съ голоду, какъ бывало въ голодныя времена въ средніе вѣка и даже еще во время Людовика XIV, но, какъ говоритъ Фридрихъ Ланге, они умираютъ отъ тѣхъ же причинъ какъ и въ обыкновенное время, только исчезаютъ быстрѣе *). Здѣсь женщина умираетъ въ родахъ отъ холода. Тамъ, смерть унесла ребенка, потому что молоко, которымъ онъ кормится, мало питательно. Болѣзни дѣлаются быстро смертельными, потому что онѣ поражаютъ истощенные организмы. Итакъ смертность усиливается, хотя и не такъ замѣтно, чтобы это поражало всѣхъ. Почти то же самое было во время осады Парижа. Почти никто, говоря буквально, не умеръ отъ голоду, потому что благотворительность расширилась пропорціонально бѣдствіямъ, но не менѣе того число смертныхъ случаевъ значительно прибавилось, а число рожденій уменьшилось. Продолжительные промышленные кризисы, перемѣщенія или преобразованія промышленности дѣйствуютъ такимъ-же образомъ, когда они ведутъ къ уменьшенію заработной платы. Съ этой стороны «железный законъ» есть дѣйствительность.

Но справедливо ли также, что рабочая плата не можетъ подняться выше минимума необходимаго для существованія, и что слѣдовательно, всѣ усилія филантроповъ, направленные къ улучшенію положенія массъ, составляютъ, какъ утверждаетъ Лассаль, одну иллюзію или рекламу?

Стюартъ Милль былъ такъ убѣжденъ въ истинѣ этого принципа, что не считалъ желательнымъ, чтобы земледѣльческимъ рабочимъ давались клочки земли, на которой они, работая въ свободные часы, могли-бы разводить овощи и картофель. Единственный результатъ этого, утверждаетъ онъ, былъ-бы тотъ, что рабочій, по окончаніи своего дня, будетъ еще копать землю вечеромъ при свѣтѣ луны и въ праздничные дни, и такимъ образомъ получить прибавку къ своему пропитанію, а вслѣд-

---

*) *Friedrich-Albert Lange, Die Arbeiterfrage* (Винтертуръ 1875), с. 164.

ствіе этого станетъ дешевле отдавать въ наймы свои руки. И такъ увеличеніе труда и уменьшеніе рабочей платы будутъ слѣдствіемъ мѣры, которая, съ перваго взгляда, кажется столь благоприятною для деревенскихъ поденщиковъ.

Если бы то, что несправедливо называютъ «экономическими законами» дѣйствовало съ неумолимой строгостью космическихъ законовъ, то заключенія Милля и Лассалья были-бы неоспоримы. Но человѣкъ существо свободное, которое не всегда дѣйствуетъ одинаково, и поступки котораго варьируются согласно съ его вѣрованіями и его надеждами, согласно съ господствующими идеями и учрежденіями, окружающими его. Большое благосостояніе рабочаго можетъ повести къ пониженію рабочей платы только тогда, если онъ воспользуется имъ исключительно для увеличенія числа своихъ дѣтей. Но это слѣдствіе вовсе не необходимое, и напротивъ, большинство наблюдаемыхъ фактовъ заставляютъ вѣрить въ противоположные результаты. Бѣдность уноситъ много дѣтей, но она также и много порождаетъ ихъ. Довольство, напротивъ, вызывая предусмотрительность, замедляетъ браки и дѣлаетъ ихъ менѣе плодовитыми. Не видимъ ли мы доказательства этого въ Ирландіи, тридцать лѣтъ назадъ, когда народонаселеніе размножилось при самой ужасной нищетѣ, и даже въ самомъ словѣ *пролетарій*, которое означаетъ бѣднякъ и производитель дѣтей? Мы не видимъ, чтобы рабочіе, положеніе которыхъ было улучшено филантропическими заботами ихъ хозяевъ, имѣли болѣе многочисленныя семьи, чѣмъ другіе рабочіе. Во Фландріи, гдѣ въ слѣдствіе густоты населенія рабочая плата падаетъ въ деревняхъ среднимъ числомъ до 1 ф. 40 с. въ день, многіе рабочіе получаютъ прибавку къ своему пропитанію отъ нѣсколькихъ аровъ земли (аръ равняется 22 кв. саж.), которую они нанимаютъ по цѣнѣ иногда чрезвычайно высокой. И, чтобы ни говорилъ Стюартъ Милль, а тѣ, которые владѣютъ этими клочками, терпятъ меньшія лишения, нежели тѣ, которые не имѣютъ ихъ, и не доказано, чтобы первые имѣли больше дѣтей. Если промышленники строятъ для своихъ рабочихъ дома, которые отдаютъ имъ въ наймы очень

дешево, то они не могутъ этимъ воспользоваться для уменьшенія заработной платы; потому что отъ этой мѣры не увеличится предложеніе рукъ. Пускай дѣлаютъ еще лучше: пускай строятъ большіе отели *), гдѣ рабочіе находятъ помѣщеніе, пищу и благопристойныя развлеченія, за цѣну ниже трети и даже четверти ихъ дневнаго заработка. При этомъ положеніи они будутъ пользоваться большимъ довольствомъ, нежели ихъ товарищи той же категоріи, приобрѣтутъ лучшія привычки, могутъ сберечь маленькій капиталъ, и такимъ образомъ они не будутъ вынуждены бросаться въ бѣдствія поспѣшнаго брака. Приближаясь къ буржуазіи, они усвоятъ и свойственныя ей стремленія къ порядку и благоразумію.

Значить, какъ это уже понимали всѣ экономисты, которые наилучше анализировали эти задачи, какъ на примѣръ Стюартъ Милль въ Англіи и Жозефъ Гарнье во Франціи, здѣсь все сводится къ вопросу: что болѣе способствуетъ размноженію народонаселенія, нужда или достатокъ? Если большее благосостояніе необходимо ведетъ къ соотвѣтственной прибавкѣ числа рукъ, то послѣ этого нѣтъ никакого спасенія. «Желѣзный законъ» исполнится во всей строгости. Минимумъ существованія будетъ

*) Можно указать, какъ примѣръ на „Familistere“ Гизе, основанный Годенъ-Лемеромъ, и *Hotel Louise*, организованный Жюлемъ Андримонъ, директоромъ угольныхъ копей *Hasard*, близъ Лютиха. Это послѣднее учрежденіе, за хорошими результатами котораго я могу слѣдить вблизи, получило почетную медаль на всемірной вѣнской выставкѣ, въ 1873 году. За 1 ф. 50 с. въ день, рабочій можетъ имѣть два завтрака, обѣдъ и ужинъ; у него есть помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и стирка бѣлья. Въ отелѣ есть ресторанъ, гдѣ онъ имѣетъ залъ для чтенія; *казино*, гдѣ есть музыка и гдѣ онъ можетъ проводить свои вечера. Онъ можетъ имѣть столъ какой пожелаетъ, за отдѣльнымъ столикомъ. Общихъ столовъ нѣтъ. Рабочій сохраняетъ такимъ образомъ свою полную независимость; не стѣсняется формальностями существующими въ казармахъ. Углекопъ зарабатываетъ въ день въ продолженіе восьми часовъ отъ 4-хъ до 5 ф. и даже болѣе, если эта промышленность процвѣтаетъ. Такимъ образомъ изъ заработанной платы на свои нужды онъ можетъ тратить двѣ трети. Итакъ, рабочая плата не уменьшилась до мѣнѣе того, что нужно для существованія. См. *Соціальная филантропія на вѣнской выставкѣ, Леона Андримона.*

вѣчно удѣломъ большинства; потому что, какъ говоритъ Милль, придумайте учрежденія самыя благопріятныя для рабочаго, введите такое распредѣленіе имущества и продуктовъ, какое пожелаете, и тогда настанетъ время, когда земля не въ состояніи будетъ производить всего, что необходимо для удовлетворенія нуждамъ всѣхъ. Если же, наоборотъ, приобрѣтеніе собственности и вытекающее изъ этого довольство будутъ замедлять браки и уменьшать число рожденій, тогда можно утверждать, что мѣры, принятыя въ пользу рабочихъ, могутъ окончательно улучшить ихъ положеніе и такимъ образомъ привести къ рѣшенію задачи. Факты, наблюдаемые во Франціи, позволяютъ питать эту надежду.

Дѣйствительно, Франція, подобно Швейцаріи и Норвегіи, есть страна, гдѣ собственность распредѣлена между весьма большимъ числомъ рукъ и гдѣ благосостояніе распредѣлено равномернѣе; и въ то же время это страна, гдѣ народонаселеніе увеличивается всего медленнѣе. Впродолженіе двадцати лѣтъ, несмотря на страшные кризисы, богатство тамъ увеличилось больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а народонаселеніе осталось почти неподвижно. Въ Германіи народъ имѣетъ гораздо менѣе довольства, и рабочій, особенно деревенскій, получаетъ гораздо меньшую плату: не смотря на прогрессъ промышленности и земледѣлія, которыя должны бороться съ безплодіемъ почвы, страна еще бѣдна; но тѣмъ не менѣе народонаселеніе тамъ удваивается каждые пятьдесятъ четыре года. Оно увеличивается въ той же пропорціи и въ Англіи, гдѣ число собственниковъ не велико, а число рабочихъ очень велико.

Когда Артуръ Юнгъ видѣлъ, что во Франціи земля раздѣлена между большимъ числомъ рукъ, то онъ предсказывалъ, что страна превратится въ кроличій садокъ; а вышло совсѣмъ наоборотъ. Народонаселеніе такъ мало прибавляется, что отъ времени до времени слышатся даже тревожныя жалобы. Самъ Леонсъ-де-Лавернь смущенъ этимъ фактомъ. Между тѣмъ онъ, такъ хорошо разбиравшій сочиненія экономистовъ XVIII столѣтія, конечно не забылъ глубокаго правила Кэнея, который ре-

зюмируетъ весь споръ двумя словами: «нужно меньше обращать вниманіе на умноженіе народонаселенія, чѣмъ на увеличеніе доходовъ». Наполеонъ, на вопросъ госпожи Сталь, какую женщину онъ предпочитаетъ, отвѣтилъ: «ту, у которой больше дѣтей», и это понятно; потому что побѣдителю нужно больше пушечнаго мяса; но экономистъ долженъ имѣть въ виду благоденствіе людей, а не численность ихъ. Гораздо лучше, чтобы были разсѣянные на большомъ пространствѣ, но живущія въ изобиліи семьи, чѣмъ плотно заселенныя массы изнывающія въ нищетѣ. Франція великолѣпно осуществила желанія Мальтуса, Стюарта Милля, Жозефа Гарнье, и она блестящимъ образомъ опровергаетъ «желѣзный законъ» Лассалья.

Будемъ продолжать изложеніе идей нѣмецкаго агитатора *). Въ настоящее время, говоритъ онъ, чтобы производить успѣшно, нужно располагать большими капиталами. Мелкій промышленникъ, мелкій лавочникъ, ремесленникъ, прозябаютъ подавленные конкуренціей крупной промышленности. Рабочій, не имѣя возможности сдѣлаться самостоятельнымъ производителемъ, принужденъ ради своего существованія продавать свой трудъ; и уплачивая рабочую плату, хозяинъ пріобрѣтаетъ весь продуктъ его труда. Этотъ продуктъ безпрестанно умножается по мѣрѣ усовершенствованія пріемовъ и примѣненія науки къ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ; но рабочій, источникъ всякой цѣнности, не пользуется этимъ, все идетъ хозяину, которому достается вся прибыль отъ промышленнаго прогресса. Рабочій лишенъ почти всѣхъ плодовъ своего труда, и это неизбежно, потому что онъ не имѣетъ капитала, который позволялъ бы ему сохранить, работая на самого себя, весь продуктъ своего труда для себя.

На это возразятъ, что отношенія установившіяся между капиталистомъ и рабочимъ, совершенно справедливы, потому что

---

*) Кромѣ многочисленныхъ сочиненій Лассалья см. *Die bedrohliche Entwicklung des Socialismus*, Рудольфа Мейера, написанное очень ясно и солидно; *Der moderne Socialismus*, Евгениа Иллера; *Die Lehren des heutigen Socialismus*, Зибеля.

они установлены договоромъ, заключеннымъ свободно между двумя сторонами. Нѣтъ, отвѣчаетъ Лассаль, это договоръ свободный только по наружности: рабочій, который не можетъ работать своими руками на себя, долженъ отдавать ихъ въ наемъ за ту цѣну, какую ему захотятъ дать; къ этому его принуждаетъ голодь. Онъ не свободнѣе утопающаго человѣка, готоваго отдать все что имѣетъ тому, которому только стоитъ подать шесть, чтобы вытащить его изъ воды.

Но, возражаетъ экономистъ, самъ капиталъ есть накопленный трудъ; если поэтому вѣрно, что капиталистъ получаетъ всю большую часть, то это есть справедливая награда за его умственный трудъ, соединенный съ предусмотрительностью, воздержаніемъ и бережливостью. Да, говоритъ Лассаль, капиталъ образуется изъ сбереженія продуктовъ предъидущаго труда, но труда тѣхъ, которымъ не достается капитала, т.-е. рабочихъ, а не капиталистовъ, которые получаютъ его. Настоящее соціальное положеніе прямо выходитъ изъ стараго режима, и такъ какъ теперь собственность въ рукахъ нѣсколькихъ привилегированныхъ, то всѣ другіе классы принуждены, прямо или косвенно, уступать богатымъ и сильнымъ самыя очевидныя свои выгоды. Свобода была провозглашена тогда, когда богатые и сильные уже все захватили. Рабочій политически свободенъ, но экономически находится въ такой же зависимости, какъ былъ крѣпостной въ средніе вѣка. Подобно послѣднему, онъ обязанъ отдавать постоянно увеличивающійся продуктъ своего труда въ обмѣнъ за то, что строго необходимо для его жизни, и вотъ такимъ образомъ хозяева скопили свои капиталы. Ихъ богатство есть плодъ труда другаго, «собственность» въ настоящее время должна называться «альтруитомъ» *Eigenthum ist Fremden-thum* (собственность есть чужое).

Но, по крайней мѣрѣ, возражаетъ экономистъ, вы не станете отрицать, что глава промышленности имѣетъ право на вознагражденіе за свои способности, заботы, распорядительность, и въ то же время, право на премію за рискъ и для покрытія потерь. Прибыль промышленника въ дѣйствительности есть не

что иное, какъ рабочая плата, но только большая, чѣмъ плата другимъ рабочимъ и единственно потому, что она вознаграждаетъ самую существенную услугу, отъ которой зависитъ успѣхъ предпріятія и еще потому, что она невѣрна и рискована. Справедливо, говоритъ Лассаль, управленіе заслуживаетъ рабочей платы; но въ большихъ компаніяхъ развѣ пользуются барышами управляющіе веденіемъ дѣла? Нѣтъ, барышами пользуются акціонеры, которые ничѣмъ не управляютъ. Въ частныхъ предпріятіяхъ вознагражденіе хозяина непропорціонально оказываемой имъ услугѣ. Что же касается до риска, который должна покрыть премія, то онъ существуетъ для Ивана, Петра и Павла, но не для цѣлаго класса хозяевъ промышленности, взятыхъ вмѣстѣ. Что теряетъ Иванъ, то Павелъ выигрываетъ; и статистика доказываетъ, что масса прибылей все увеличивается и что она громадна. Итакъ цѣлый классъ получаетъ премію за рискъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. Кроме того, если есть рискъ, то онъ также свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ промышленной организаціи. Итакъ слѣдуетъ не платить премію, но уничтожить причину дѣлающую ее необходимою. Это будетъ результатъ лучшей организаціи. Какая же это организація? А это сейчасъ скажетъ намъ Лассаль.

Въ настоящее время рабочій находится въ услуженіи у капитала. Это превратный порядокъ. При нормальномъ положеніи, утверждаетъ Лассаль, капиталъ долженъ быть въ услуженіи у рабочаго. Человѣкъ создалъ капиталъ въ помощь труду; поэтому не слѣдуетъ, чтобы онъ трудился въ пользу капитала. Рабочій долженъ его эксплуатировать, но не долженъ самъ быть эксплуатируемъ. Вмѣсто рабочей платы, всегда доводимой до минимума «желѣзнымъ закономъ», рабочій долженъ былъ бы получать весь продуктъ своего труда.

Трудъ и капиталъ должны перестать воевать между собою; они должны жить въ мирѣ и дѣйствовать въ согласіи. Средство для этого самое простое: нужно ихъ соединить въ однѣ руки. Чтобы достигнуть этого результата, который будетъ преобразованіемъ настоящаго общества, не слѣдуетъ искать чего нибудь

новаго или бросаться въ утопіи. Достаточно способствовать развитію учрежденій, которыя дѣйствуютъ уже на нашихъ глазахъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Учрежденія эти—кооперативныя производительныя общества. Тамъ рабочіе собственники капитала; они управляютъ предпріятіемъ и получаютъ всю прибыль. Итакъ капиталъ здѣсь служитъ труду, работникъ получаетъ весь свой продуктъ какъ вознагражденіе. Такого рода общества, которыя были основаны въ Парижѣ, въ Англии, и изъ которыхъ болѣе извѣстны тѣ, которыя основаны рочдельскими пионерами, не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ этой комбинаціи. Единственное средство обезпечить ихъ прогрессъ и измѣнить такимъ образомъ положеніе общества, заключается въ томъ, чтобы значительно увеличить число ихъ: для этого нужно вмѣшательство государства. Когда Шульце-Деличъ оспариваетъ это, то онъ, говоритъ Лассаль, держится политики ночнаго сторожа, охраняющаго мертвеца.

Роль государства, по его мнѣнію, не только поддерживать порядокъ, но способствовать все́мъ отраслямъ цивилизаціи. И это оно всегда дѣлало. Развѣ не вмѣшательству государства мы обязаны дорогами, гаванями, каналами, почтами, телеграфами, и школами? Когда дѣло шло о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, развѣ государство не давало субсидій или не гарантировало минимумъ прибыли желѣзнодорожнымъ компаніямъ? Для кооперативныхъ обществъ потребуется отъ государства меньше суммъ въ видѣ аванса, нежели для желѣзныхъ дорогъ. Лассаль полагалъ, что для Пруссіи достаточно 100 милліоновъ талеровъ. Онъ прибавлялъ, что этотъ расходъ не будетъ ничего стоить платящимъ подати. По его мнѣнію, слѣдовало бы учредить большой центральный банкъ, снабженный монополією выпускать билеты. Онъ можетъ легко поддерживать оборотъ на 300 милліоновъ талеровъ, имѣя наличныхъ 100 милліоновъ. Банкъ нашелъ бы откуда взять ссуду кооперативнымъ обществамъ въ 100 милліоновъ талеровъ, которые не стоили бы ему ничего. Эти общества сначала слѣдовало учредить въ округахъ, которые лучше были пригодны для нихъ по роду своей промыш-

ленности, по густотѣ народонаселенія и расположеніямъ рабочихъ. Послѣдовательно эти общества будутъ основываться во всѣхъ отрасляхъ труда и даже въ деревняхъ. Земледѣніе, если его вести въ крупныхъ размѣрахъ, даетъ наибольшую чистую прибыль; но оно имѣетъ то неудобство, что исключаетъ мелкую собственность; а это преобразовало бы аграрный режимъ для большаго блага общества.

Земледѣльческая кооперация соединила бы въ себѣ выгоды крупнаго и мелкаго земледѣлія. Съ 100 милліонами талеровъ получился бы промышленный капиталъ необходимый для 400,000 рабочихъ, а изъ процентовъ на нихъ по 5% въ годъ получилось бы 5 милліоновъ талеровъ, и такимъ образомъ каждый годъ можно было бы распространить благодѣянія ассоціацій на 20,000 рабочихъ съ ихъ семьями. Эти общества могли бы завести взаимныя сношенія по солидарности и кредиту, что обезпечило бы за ними большую прочность. Такимъ образомъ по прошествіи нѣкотораго времени, нація, вмѣсто того что бы представлять картину вражды капиталистовъ и рабочихъ, состояла бы вся изъ капиталистовъ-рабочихъ, сгруппированныхъ по роду ихъ занятій. Государство нисколько не будетъ разыгрывать роль директора или промышленнаго антрепренера, точно также, какъ оно не играетъ ея въ настоящее время, эксплуатируя желѣзныя дороги. Ему останется только разсматривать и утверждать уставы обществъ и имѣть контроль достаточный для обезпеченія своихъ данныхъ въ ссуду фондовъ. Каждую недѣлю, рабочіе получали бы рабочую плату въ размѣрѣ, установившемся въ данной мѣстности, а въ концѣ года прибыль распредѣлялась бы между ними какъ дивидендъ.

Риски и шансы потерь исчезли бы, потому что промышленность, вмѣсто того чтобы производить наудачу, шла бы по общему плану, чтобы отвѣчать извѣстнымъ нуждамъ. Какой контрастъ въ настоящее время между удивительнымъ порядкомъ, царствующимъ въ каждой мастерской, и анархіей, которая угнетаетъ промышленный міръ! На каждой фабрикѣ хозяинъ наблюдаетъ, чтобы ничего бесполезнаго не производилось: чтобы выстроить

50 четырех-колесныхъ вагоновъ, не приготовляютъ болѣе 200 бандажей. Но для удовлетворенія общему спросу, который совершенно неизвѣстенъ, каждый промышленникъ производить ощупью и наудачу и потому старается все распродать, конкурируя съ другими. Тогда то наступаютъ тѣ денежные и промышленные кризисы излишняго производства, которые снова устанавливають равновѣсіе. Последнее получается цѣною большихъ потерь для хозяевъ и безработицъ, еще болѣе бѣдственныхъ для рабочихъ. Эти кризисы, эти сраданія, можно было бы устранить, если бы были извѣстны потребности, благодаря статистикѣ; потому что тогда различныя ассоціаціи вошли бы между собою въ соглашеніе, чтобы удовлетворить этимъ потребностямъ. Дѣятельность различныхъ отраслей промышленности могла бы быть регулирована также хорошо, какъ въ настоящее время она регулируется въ одной и той же мастерской при фабрикаціи различныхъ предметовъ производства.

Уже теперь существуютъ большія металлургическія учрежденія, въ которыхъ цѣлый рядъ техническихъ операцій соединяется такимъ образомъ, что они составляютъ одно органическое цѣлое, которое добываетъ изъ почвы минералы и каменный уголь, и затѣмъ выпускаетъ въ готовомъ видѣ: локомотивы, суда и машины всѣхъ родовъ. Заводы Круппа въ Германіи, Крезю во Франціи, Серенгъ въ Бельгіи представляютъ примѣры этихъ удивительныхъ комбинацій. Подобный режимъ долженъ бы былъ распространиться на все общество. Тогда производительный фондъ и всѣ орудія производства принадлежали бы постоянно различнымъ обществамъ сгруппированнымъ въ ремесленныя корпораціи. Вновь созданныя средства производства сдѣлались бы собственностью обществъ; частныя же лица, какъ таковыя, не имѣли бы въ ней участія. Напротивъ, всѣ предметы потребленія, или ихъ цѣна, были бы распредѣляемы между тѣми, которые участвовали въ ихъ производствѣ, какъ это и дѣлается въ настоящее время, но тогда это дѣлалось бы на болѣе справедливыхъ основаніяхъ. Общее благосостояніе повысилось бы не потому только, что распредѣленіе было бы равно-

мѣрнѣе, но и потому что производство было бы значительнѣе. Одинъ изъ учениковъ Лассалья, баронъ Швейцеръ, развиваетъ причины этого въ маленькомъ сочиненіи, напечатанномъ послѣ смерти его учителя, подъ заглавіемъ «Мертвый Шульце противъ живаго Лассалья» (*Der todte Schultze gegen den lebenden Lassalle*). Тогда можно было бы избѣгнуть, говорить онъ, потерь приистекающихъ въ настоящее время отъ того, что работы производятся наудачу и вслѣдствіе этого часто безъ пользы; усилія, которыя въ настоящее время имѣютъ результатомъ только разореніе конкурентовъ, тогда были бы направлены къ цѣли выгодной для всѣхъ; трудъ рабочихъ былъ бы производительнѣе, потому что такъ какъ весь продуктъ будетъ принадлежать имъ, то они будутъ стараться увеличить сколько возможно производительность своего труда, и наконецъ лѣнницы, будучи лишены возможности жить ничего не дѣлая, вступятъ въ ряды большой арміи производителей, которую тогда будутъ составлять всѣ граждане.

Лассалю удалось расположить въ пользу этихъ идей двухъ знаменитыхъ, въ разныхъ отношеніяхъ, людей въ современной Германіи: епископа майнцаго, Кеттелера, и князя Бисмарка. Въ засѣданіи 17 сентября 1878 года имперскій канцлеръ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ Лассалю, и выразился, что онъ никогда не встрѣчалъ собесѣдника болѣе пріятнаго, и былъ бы счастливъ, если бы имѣлъ такого сосѣда по деревнѣ. Еще теперь онъ кажется раздѣляетъ вѣру знаменитаго агитатора въ кооперативныя общества съ пособіемъ отъ государства.

Онъ сказалъ на этомъ же самомъ засѣданіи 17 сентября 1878 года: «Я въ самомъ дѣлѣ разсуждалъ съ Лассалемъ о поддержкѣ, которую правительство можетъ оказать кооперативнымъ обществамъ, и даже въ настоящее время я не думаю, чтобы это была бесполезная вещь. Я не знаю, было-ли это дѣйствіе доводовъ Лассалья, или плодъ моей собственной опытности послѣ моего пребыванія въ Англіи въ 1862 году; но я всегда думалъ, что организовавъ кооперативныя общества, подобно тѣмъ, какія теперь дѣйствуютъ въ Англіи, можно было

бы серьезно улучшить положеніе рабочихъ. Я говорилъ съ его величествомъ, который живо интересуется рабочими классами, и король далъ сумму довольно значительную, чтобы сдѣлать опытъ. Я удивляюсь, что мнѣ ставятъ въ упрекъ, что я занимался разрѣшеніемъ соціального вопроса. Меня дѣйствительно можно было бы упрекнуть только въ томъ, что я не настойчиво велъ до конца это дѣло. Но это не было дѣломъ моего министерскаго департамента, и притомъ у меня не было необходимаго времени. Меня поглотили война и внѣшняя политика. Опытъ кооперативныхъ обществъ былъ неудаченъ вслѣдствіе отсутствія практической организаціи. Относительно производства все шло хорошо: но по части торговли, другое дѣло, и затрудненія были столь многочисленны, что ихъ невозможно было преодолѣть. Можетъ быть причина была въ недостаткѣ довѣрія рабочихъ въ особенности въ отношеніи администраторовъ и начальниковъ. Въ Англии такое довѣріе существуетъ, и кооперативныя общества процвѣтаютъ. Во всякомъ случаѣ, я не понимаю, почему меня упрекаютъ за то, что я сдѣлалъ опытъ, за который его величество заплатилъ изъ своей собственной шкатулки».

Такимъ образомъ планы соціальной реформы Лассалья не требуютъ насильственной революціи. Въ сущности это была идея развитая съ 1841 года Луи-Бланомъ въ его сочиненіи, *Организація труда*, (*Organisation du travail*), съ той разницей, что нѣмецкій реформаторъ, вмѣсто того чтобы нападать на принципы политической экономіи, самъ ссылался на нихъ, чтобы требовать преобразованія настоящаго режима.

Если разсматривать цѣль, которой хотѣлъ достигнуть Лассаль и которая состоитъ въ умноженіи кооперативныхъ производительныхъ обществъ, то можно утверждать, что никто не сталъ бы возражать противъ нея. Рѣшеніе было бы прекрасное, потому что капиталъ и трудъ были бы въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ, и всякая вражда между двумя факторами производства исчезла бы *).

*) На восьмомъ конгрессѣ кооперативныхъ обществъ, который былъ въ

рожденія, о которомъ мечтали Лассаль и Луи-Бланъ, и можно ли надѣяться, что кооперативныя производительныя общества, даже при великодушномъ и въ случаѣ надобности даровомъ пособіи отъ государства, возьмутъ верхъ надъ частными предпріятіями и займутъ ихъ мѣсто? Вотъ существенный пунктъ, отъ котораго все зависитъ.

Въ небольшомъ сочиненіи 1866 года, подъ заглавіемъ *Иллюзіи кооперативныхъ обществъ*, Чернуски, что-бы лучше изучить вопросъ, эксплуатироваль три скотобойни и доказаль, съ той ясностью, которою отличаются всѣ его сочиненія, трудности при примѣненіи этой системы. Во-первыхъ большая запутанность въ отчетности. Во-вторыхъ, трудность надзора за распорядителями съ цѣлью увѣриться въ ихъ честности и дѣятельности. Чернуски цитируетъ слѣдующее извлеченіе изъ одной англійской брошюры (*Checks on cooperative storekeepers*): «Между затрудненіями, которыя встрѣтило кооперативное движеніе, ни одно не было такъ губельно по своимъ послѣдствіямъ, какъ отсутствіе дѣйствительнаго метода для контролированія отчетовъ кооперативныхъ магазиновъ». Выборъ управляющихъ, вотъ дѣйствительно затрудненіе. Глава частной промышленности прямо заинтересованъ въ хорошей администраціи своего дѣла; управитель же только косвенно. Первый, получая всѣ прибыли, будетъ болѣе дѣятеленъ, чѣмъ второй, который имѣетъ опредѣленное содержаніе. Реформаторы не должны никогда забывать

апрѣлѣ 1876 г. въ Глазговѣ, подъ предсѣдательствомъ Эдварда Керда, профессора въ этомъ городѣ, Годгсонъ, профессоръ политической экономіи Единбургскаго университета, совершенно ясно выставилъ выгоды коопераціи. Трудъ и капиталъ необходимы; но раздѣлите ихъ на двѣ класса, капиталистовъ и рабочихъ, и они будутъ враждовать. Если же будетъ одинъ классъ, владѣющій обоими факторами производства, то антагонизмъ болѣе невозможенъ. Годгсонъ желаль, чтобы кооперація замѣнила «унионизмъ». Рабочіе союзы (*trade unions*) суть орудія борьбы; коопераціи же шагъ къ миру въ самой мастерской. Голігоаке констатироваль, что симпатіи «унионистовъ» (членовъ рабочихъ союзовъ) къ коопераціи дѣлались живѣе, и онъ надѣется, что они войдутъ мало по малу въ кооперативное движеніе. Это движеніе дѣйствительно все болѣе и болѣе усиливается въ Англии.

той существенной истины, что двигателемъ производства всегда была и будетъ отвѣтственность и личный интересъ. Самоотверженіе имѣетъ мѣсто въ жизни и оно велико. Благотворительность, долгъ, любовь къ родинѣ имѣютъ своихъ героевъ и мучениковъ; но въ мастерской и въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, эти добродѣтели скоро ослабѣваютъ, если ихъ эксплуатируетъ лѣность и эгоизмъ. Монахъ, конечно, трудится для своего монастыря, и обогащаетъ его, и коммунизмъ, о которомъ говорятъ какъ о не практичномъ, практикуется съ такимъ успѣхомъ на нашихъ глазахъ въ католическихъ странахъ, что если гражданское общество не приметъ мѣръ предосторожности, то религіозныя корпораціи всецѣло поглотятъ его; но и здѣсь все-таки играетъ роль личный интересъ. Но только дѣль, которую онъ преслѣдуетъ, находится въ небесахъ.

Въ анонимныхъ акціонерныхъ компаніяхъ существуютъ тѣ же затрудненія, какія встрѣчаются и кооперативными обществами при выборѣ управителя. Личный интересъ въ нихъ тоже слабъ; но директора получаютъ большое содержаніе, и обыкновенно они участвуютъ въ прибыляхъ; ихъ можно смѣнять, если они дурные администраторы, а слѣдовательно имъ выгодно хорошо дѣйствовать. Кромѣ того, выбираютъ обыкновенно людей болѣе способныхъ; они почти всегда ведутъ свои собственные промышленныя дѣла за свой счетъ, и такимъ образомъ большая ихъ опытность восполняетъ меньшее дѣйствіе личнаго интереса. Большинство кооперативныхъ обществъ, напротивъ, погибли по винѣ распорядителей. И причина вполнѣ очевидна.

Кооперация, сравнительно съ частными предпріятіями, это республика, заступившая мѣсто деспотическаго режима. Исторія и даже современные факты доказываютъ, что народъ долженъ имѣть много хорошихъ качествъ, чтобы обезпечить ходъ республиканскихъ учреждений. Чтобы управлять надлежащимъ образомъ торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ, для этого необходима специальная подготовка; если рабочіе выберутъ одного изъ своихъ, ему часто будетъ недоставать этой подготовки. Его авторитетъ будетъ оспариваемъ, его равные будутъ

плохо повиноваться ему. Энтузіазмъ къ предпринятому дѣлу поддерживаетъ кооператоровъ въ исполненіи ихъ долга только нѣкоторое время; но въ послѣдствіи они устаютъ, самоотверженіе остываетъ, несходство въ характерахъ и расположеніи даетъ себя чувствовать; распри, или неспособность управителей ведутъ къ паденію общества. Чтобы имѣть распорядителя способнаго, нужно ему хорошо платить; а тогда онъ будетъ «буржуа», и будетъ жить какъ «буржуа», а это возбудитъ зависть его товарищей. Его содержаніе будетъ почти равно прибыли, которую получаетъ отдѣльный хозяинъ и такимъ образомъ не будетъ никакой экономіи, чтобы на счетъ ея увеличить рабочую плату. Такого неудобства не существуетъ въ крупномъ предпріятіи, ворячающемъ милліонами, гдѣ содержаніе директора составляетъ ничтожную дробь всей суммы расходовъ; но кооперативныя общества, учрежденныя на сбереженія рабочихъ, почти всегда ведутъ очень маленькія дѣла.

Эти затрудненія, неразлучныя съ кооперативной системой, были ясно указаны даже ея партизанами, въ преніяхъ на конгрессѣ рабочихъ, собиравшемся въ Парижѣ въ октябрѣ 1876 года; и на этомъ же конгрессѣ обнаружился замѣчательный прогрессъ экономическаго образованія въ рабочихъ классахъ во Франціи. Такъ конгрессъ съ самаго же начала призналъ уплату процентовъ и даже дивиденда на капиталъ, отказавшись такимъ образомъ отъ столь долго лелеянной химеры дароваго кредита. Гражданинъ Никезъ, докладчикъ шестой комиссіи, произнесъ по этому поводу прекрасныя слова: «Принципъ Кабе, *отъ каждаго соразмѣрно его силамъ, и каждому соразмѣрно его нуждамъ*, не годится для насъ, потому что онъ несправедливъ. Если я, умѣренный и трудолюбивый, долженъ работать на того, лѣность котораго также велика, какъ ненасытенъ его аппетитъ, то я невольно, если только я не святой человѣкъ, буду стараться скрывать мои производительныя способности и удовлетворять тому стремленію къ лучшей жизни, которое въ натурѣ человѣка. Сень-Симонъ, среди ошибокъ, которыми здѣсь не мѣсто заниматься, провозгласилъ гораздо высшій принципъ: *Каждому*

по мѣрѣ его способности и каждой способности по мѣрѣ ея трудо-
дѣль. Мы принимаемъ это правило». Принципъ, на которомъ
Луи-Бланъ хотѣлъ основать кооперативную мастерскую, въ
этихъ словахъ совершенно отвергается, а выставляется на видъ
дѣйствительность побужденій личнаго интереса. Это необходи-
мое основаніе всякой политической экономіи, всякой админи-
страціи и всякой политической организаціи. Словомъ сказать,
человѣческія дѣла будутъ вестись хорошо или дурно, смотря по
тому, хорошо или дурно опредѣлена отвѣтственность каждого.
«Мы думаемъ, сказалъ еще гражданинъ Никезъ на парижскомъ
конгрессѣ, что мы вѣрно выражаемъ общее мнѣніе рабочихъ,
основывая наши ассоціаціи на платежѣ процентовъ и даже дивиден-
та на капиталъ. Если сбереженіе рабочаго не находитъ вы-
годнаго помѣщенія въ ассоціаціяхъ, то оно пойдетъ путемъ
наиболѣе соответствующимъ его интересу, и ассоціаціи снова
начнутъ обращаться къ капиталу, или должны будутъ прини-
мать деньги отъ капиталистовъ».

Гражданинъ Никезъ и другой рабочій, гражданинъ Мас-
кенъ, членъ «кооперативнаго общества типографщиковъ»,
показали, что дурной выборъ распорядителей есть главнѣй-
шая причина столь частыхъ неудачъ этого рода ассоціацій.
«Первая причина неуспѣха, сказалъ первый, лежитъ въ неопытно-
сти членовъ ассоціацій и въ ихъ неспособности вести дѣла.
Главной заботой было производство, а между тѣмъ не знали,
какъ сбывать свои продукты. Отсюда произошли безчисленные
ошибки при выборѣ распорядителей. Вообще выбираютъ одного
изъ лучшихъ работниковъ, лишая такимъ образомъ мастерскую
полезныхъ рабочихъ и довѣряя имъ дѣло, для котораго у нихъ
не было требуемыхъ качествъ». — «Учреждается общество, откры-
вается и мастерская, говоритъ гражданинъ Маскенъ: но тутъ
начинаются затрудненія. Нуженъ управляющій способный че-
ловѣкъ, а способные люди всѣ имѣютъ уже мѣста, и напрасно
вы станете предлагать имъ такое же вознагражденіе, они ко-
леблются, потому что боятся отвѣтственности, не вѣрятъ въ

успѣхъ учрежденія. Во многихъ обществахъ ставятъ перваго попавшагося и общество разрушается».

На томъ же конгресѣ рабочіе признали и констатировали тотъ, доказанный опытомъ, фактъ, который служитъ осужденіемъ великаго плана соціального обновленія, предложеннаго Лассалемъ, а именно, что государственные авансы служатъ въ ущербъ рабочимъ обществамъ. Если бы дѣло заключалось въ нѣсколькихъ стахъ милліонахъ франковъ, требуемыхъ нѣмецкими соціалистами, чтобы преобразовать всѣхъ рабочихъ въ капиталистовъ пользующихся полнымъ продуктомъ своихъ трудовъ, то какой бы парламентъ не вотировалъ охотно этой суммы? Одинъ, два милліарда, даже безъ процентовъ, — это было бы недорого, если бы на нихъ можно было совершить эту миролюбивую и счастливую революцію, которая избавила бы въ будущемъ отъ революцій кровавыхъ и стоящихъ гораздо дороже; но это фактъ уже констатированный, что деньги, выданныя государствомъ, приносятъ несчастіе.

На этомъ же самомъ рабочемъ конгресѣ (въ 1876), гражданинъ Финансъ, позитивистъ и противникъ даже самаго кооперативнаго принципа, доказалъ цифровыми данными, что изъ ассоціацій, получающихъ денежные пособия съ 1848 года, только одна дожила до настоящаго времени*). Приверженцы

*) Эти факты, особенно засвидѣтельствованные рабочими, такъ поучительны, что будетъ полезно привести здѣсь подробности. Въ 1848 году, Учредительное собраніе вотировало въ іюль, т. е. послѣ іюньскихъ дней, пособие въ 3 милліона франковъ, предназначенныхъ для поощренія рабочихъ обществъ. 600 просьбъ, изъ которыхъ 300 приходилось на Парижъ, были адресованы въ комиссію, на которую возложено было распределеніе фондовъ; были приняты только 56. Въ Парижѣ 30 ассоціацій, изъ которыхъ 27 между рабочими, состоявшихъ изъ 434 членовъ, получили 890,500 франковъ. Уже въ первые шесть мѣсяцевъ, 3 парижскія ассоціаціи объявили себя несостоятельными; и на 434 члена было 74 отрѣшеній отъ должности, 15 исключеній и 11 перемѣнъ управителей. Въ іюль мѣсяцъ 1851 года еще 18 ассоціацій перестали существовать. Годъ спустя, 12 другихъ исчезли. Въ 1865 насчитывалось еще 4, которыя болѣе или менѣе шли успѣшно. Въ 1875 году оставалась всего одна ассоціація для производства пилъ, но она, какъ замѣчаетъ гражданинъ Финансъ, не прислала представителя на конгресъ.

кооперативной системы также признають, что для успѣха дѣла необходимо, чтобы оно развивалось помимо всякаго государственнаго пособія. «Денежное вспомошествованіе государства, говоритъ гражданинъ Никезъ, было всегда гибельно для ассоціаций, которыя его принимали. Ихъ неудача доказала, что система денежнаго вспомошествованія несостоятельна; что единственно настойчивость и инициатива членовъ ассоціации, надѣющихся только на самихъ себя, можетъ разрѣшить задачу. Незаработанныя деньги уходятъ быстро изъ рукъ; ими менѣе дорожатъ нежели тѣми, которыя взяты изъ необходимаго и представляютъ результатъ воздержанія, на которое рѣшается человѣкъ для поддержки своего соціальнаго положенія». Недостатокъ заботливости о сбереженіи занятыхъ денегъ не есть единственная причина крушеній всѣхъ обществъ, получающихъ денежныя пособія. Есть еще другая, болѣе серьезная причина. Чтобы управлять капиталомъ и чтобы извлечь изъ него наибольшія выгоды, нужны прежде всего тѣ же качества порядка и экономіи, какія необходимы для того, чтобы пріобрѣсти его и кромѣ того нужны другія, болѣе рѣдкія качества и труднѣе примѣнимыя къ дѣлу. Тотъ, кто не умѣлъ составить капиталъ сбереженіями, еще менѣе сѣумѣетъ сберечь его, пуская его въ оборотъ. Собирая собственными усиліями капиталъ, необходимый для ихъ предпріятія, члены товарищества тутъ-то только и могутъ пріобрѣсти коммерческую опытность, необходимую для обезпеченія успѣха дѣла.

Государство, давая въ ссуду деньги тѣмъ, кому оно хочетъ покровительствовать, не можетъ вмѣстѣ съ деньгами дать имъ способность разумно употребить ихъ среди безчисленныхъ трудностей и промышленной запутанности. Такимъ образомъ факты, и факты объясняемые причинами, доказываютъ, что Лассаль ошибался, требуя помощи государства для умноженія рабочихъ обществъ. Помощь эта обрекала ихъ на неизбѣжное раззореніе. Всякая реформа, требующая рѣзкаго измѣненія соціальнаго порядка, будетъ безуспѣшна, потому что самые элементы реформы окажутся несостоятельными.

Слѣдуетъ ли отчаяваться за будущее кооперативныхъ обществъ? Я этого не думаю. Онѣ будутъ существовать и благоденствовать по мѣрѣ того, какъ рабочіе будутъ лучше понимать, что необходимо для ихъ успѣха *). Рабочій общинникъ-капиталистъ, получая пропорціональную часть изъ прибыли, будетъ лучше работать, нежели получающей заработную плату. Продуктовъ будетъ больше; а это существенный пунктъ. Но надо побѣдить три затрудненія. Прежде всего надо найти хорошихъ распорядителей, и за это хорошо ихъ оплачивать. Во вторыхъ, кооперація заключается не только въ капиталахъ, но также и въ людяхъ. Поэтому нужно, чтобы и между людьми установилась взаимная поддержка и согласіе. И, наконецъ, въ третьихъ, такъ какъ кооперація есть республиканскій режимъ, примѣненный къ промышленности, то требуются добродѣтели, необходимыя для жизни республики: повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ. Словомъ, нужно пройти цѣлую школу экономическаго воспитанія; а на это нужно время.

Цѣль, къ которой нужно стремиться, очевидно состоитъ въ

*) Въ Америкѣ, гдѣ рабочіе лучше оплачиваются, лучше подготовлены къ участию въ управленіи промышленными предпріятіями, есть много примѣровъ успѣшныхъ кооперативныхъ производительныхъ ассоціацій. Вотъ нѣкоторые примѣры, заимствованные изъ американскаго журнала Scribner's Monthly Magazine и изъ французскаго, *Лимузена*, Bulletin du mouvement social: Beaverfall cooperative foundry, въ штатѣ Пенсильваніи, было основано въ 1872 году съ основнымъ капиталомъ въ 4,000 долларовъ, (одинъ долларъ составляетъ около 5 франковъ). Нынѣ оно обладаетъ 16,000 долларовъ, и на каждую акцію получается годового дивиденда отъ 12 до 15%. Общество состоитъ изъ 27 членовъ. Somerset cooperative foundry Company, въ Массачузеттѣ, основалось въ 1869 году изъ 30 членовъ съ капиталомъ въ 14,000 долларовъ. Нынѣ оно имѣетъ 53 члена съ капиталомъ въ 30,000 долларовъ и запаснымъ капиталомъ въ 28,000 дол. Дивиденды иногда доходятъ до 44 процентовъ. *Equitable cooperative foundry* въ Рочестерѣ, въ Нью-Йоркѣ, началось въ 1869 году, съ 20,000 долларовъ и въ настоящее время оно обладаетъ 100,000, происшедшими отъ накопленія прибылей. Нѣкоторыя кооперативныя производительныя общества также идутъ успѣшно въ Англіи, Германіи, Италіи и Бельгіи. См. годовые отчеты Шульце-Деллича и книгу *Леона Андримона*, *Mouvement cooperatif en Belgique*.

томъ, чтобы капиталъ и трудъ были соединены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ даже въ сферахъ крупной промышленности, какъ это было когда-то въ корпораціяхъ, или какъ въ настоящее время, у мелкихъ собственниковъ земледѣльцевъ. Этого можно достигнуть посредствомъ акціонернаго общества, когда капиталъ его составляется изъ акцій въ малыя суммы. Предположимъ большой заводъ, стоящій милліонъ, но акціи котораго всѣ по 100 франковъ. Рабочіе, и служащіе всѣхъ родовъ, благодаря сбереженію, приобрѣтаютъ эти акціи и такимъ образомъ дѣлаются акціонерами, а какъ акціонеры—и собственниками завода. Не есть ли это акціонерное общество таже кооперативная ассоціація? Оно имѣетъ всѣ ея преимущества, не представляя ея затрудненій. Это, прежде всего, ассоціація капиталовъ. Люди соединились въ товарищество свободно, временно и только какъ акціонеры. А гораздо легче держать въ единеніи капиталы, чѣмъ людей. Такимъ образомъ акціонерное общество будетъ служить переходомъ къ кооперации*), что конечно не должно останавливать лучшихъ рабочихъ дѣлать попытки кооперации. Одна попытка сдѣлаетъ ихъ лучшими. Даже въ случаѣ неуспѣха, они приобрѣтутъ опытность, привычку къ порядку и сбереженію, къ завѣдыванію дѣлами, и практическому знакомству съ экономическими вопросами, что желательно какъ въ ихъ интересѣ, такъ и въ интересѣ социальнаго порядка.

Лассаль не думалъ, чтобы кооперативныя общества сами собою представляли «разрѣшеніе социальнаго вопроса». Никогда, увѣряетъ онъ, я не говорилъ этого, потому что преобразование общества будетъ дѣломъ вѣковъ, и дѣломъ цѣлаго ряда мѣръ и реформъ, которыя вытекутъ *органически* одни изъ дру-

*) Изъ отчета одного англійскаго общества *North of England industrial and coal Company (limited)*, видно, что различныя кооперативныя общества представляютъ крупныхъ акціонеровъ предприятия, которое владѣетъ доменными печами и вращающимися печами для пудлингованія желѣза Карльсона, угольными копами въ Дургамѣ, и добываніемъ руды въ Клевеландѣ. Вотъ переходъ акціонернаго общества въ кооперативное.

гихъ; я рекомендую кооперацію, только какъ средство для улучшенія положенія рабочаго». По его мнѣнію, собственность, въ томъ видѣ какъ она существуетъ теперь, есть ничто иное, какъ «категорія» историческая и временная.

Нынѣшняя собственность, утверждаетъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы безъ труда извлекать доходы съ земли или съ капитала, которые признаны за вами закономъ. Собственность же естественнаго права, напротивъ, не должна имѣть другаго основанія кромѣ труда. Лассаль далекъ отъ желанія уничтожить собственность; его единственная цѣль, говоритъ онъ, учредить собственность чисто-индивидуальную, и пропорціональную полезнымъ услугамъ. Для поддержки своей системы, онъ ссылается на теорію Смита и Рикардо, которая выводитъ всякую цѣнность единственно изъ труда. Онъ говоритъ согласно съ Бастіа, что платя за продуктъ, мы платимъ не за силы природы, а за трудъ челоуѣка; услуги естественныхъ силъ суть и должны быть бесплатны. Такимъ образомъ мы видимъ, что Бастіа далъ въ руки оружіе тому самому соціализму, опроверженіе котораго онъ считалъ своей задачей, потому что онъ не понималъ истинъ, ясно установленныхъ его предшественниками.

Когда производительныя общества обнимутъ собою всѣхъ гражданъ, тогда они сдѣлаются собственниками земель и капиталовъ, и рабочій, занявъ мѣсто въ мастерской, вступить въ пожизненное владѣніе орудіемъ труда или частью соціальной собственности, соотвѣтственною его занятію. Это занятіе соотвѣтствовало бы его способностямъ, и его вознагражденіе равнялось бы продукту его труда. Очевидно, это ничто иное, какъ извѣстная формула Сень-Симона, на которую сдѣлана была ссылка на конгресѣ рабочихъ въ Парижѣ: «каждому по мѣрѣ его способности, а каждой способности по мѣрѣ ея трудовъ».

Лассаль, также какъ и Сень-Симонъ, не признаетъ наслѣдственности въ томъ видѣ, какъ она существуетъ нынѣ. Это, говоритъ онъ, не живое учрежденіе, имѣющее свои корни въ моральномъ и юридическомъ чувствѣ эпохи; а это мертвая традиція, которую законодатель каждую минуту колеблетъ и огра-

ничиваетъ въ ея примѣненіи. Римляне создали наслѣдство по завѣщанію, потому что вѣрили, что воля покойнаго переходитъ къ лицу, назначенному его наслѣдникомъ. Германцы, отъ которыхъ мы заимствовали наслѣдство по закону (*abintestat*), считали родовое имѣніе принадлежностью не дѣйствительнаго наслѣдника, а совокупною собственностью всей семьи, и такимъ образомъ сынъ, послѣ смерти отца, просто только вступалъ въ управление имуществомъ, котораго онъ уже былъ владѣтелемъ.

Идеи римлянъ и германцевъ стали совершенно чуждыми намъ, и наслѣдственность не имѣетъ болѣе корней въ нашихъ вѣрованіяхъ.

Фонъ Зибель отвѣчаетъ Лассалю, что наслѣдственность есть тоже что королевская власть. Народы не вѣрятъ въ ея божественное право, а между тѣмъ сохраняютъ королей потому, что опытъ показалъ, что конституціонная монархія гарантируетъ надлежащимъ образомъ свободу и народное благоденствіе. Наслѣдственность не есть болѣе предметъ суевѣрнаго культа, и потому то законодатели ограничиваютъ степени права наслѣдованія и облагаютъ наслѣдство налогами; но оно превосходное средство для возбужденія труда и образованія капитала, и на этомъ-то основаніи его и сохраняютъ.

Лассаль думалъ, какъ сень-симонисты, что золотой вѣкъ впереди насъ. Его пантеистическое воззрѣніе на исторію заставляло его вѣрить, что вслѣдствіе внутренняго закона человечества ему предназначено достигнуть путемъ прогресса такого состоянія, когда рабочій будетъ пользоваться преимуществами настоящей буржуазіи, и слѣдовательно, когда будетъ всего только одинъ классъ, который, благодаря наукѣ, получаетъ средства для широкаго удовлетворенія своихъ нуждъ посредствомъ умѣреннаго и благотворнаго труда. Каждый, такимъ образомъ, можетъ достигнуть интеллектуальнаго и моральнаго развитія, къ какому онъ способенъ отъ природы. Соціальная организація ни для кого больше не будетъ преградой, но для всѣхъ будетъ служить поддержкой и средствомъ къ развитію.

Изъ всего этого можно видѣть, что идеи Лассалья не пред-

ставляютъ большой оригинальности. Его взгляды на соціальное переустройство заимствованы имъ у Сень-Симона и Луи-Блана; а его критика политической экономіи у Карла Маркса. Но тѣмъ не менѣе изученіе его сочиненій не бесполезно, потому что относительно многихъ пунктовъ онъ доказалъ, что общепринятая экономическія теоріи вообще поверхностны, дурно формулированы и даже вполнѣ ложны. Также точно его сужденіе о способѣ образованія капитала замѣчательно и не менѣе замѣчательна его картина происхожденія и развитія экономическихъ обществъ.

Что же касается средствъ для осуществленія соціальной реформы, о которой мечтаетъ Лассаль, то въ этомъ онъ совершенно расходится съ Марксомъ. Какъ весьма вѣрно замѣтилъ Рудольфъ Мейеръ, Марксъ имѣетъ въ виду всю Европу, Лассаль же видитъ только одну Германію. Первый интернаціональ и космополитъ, второй націоналистъ и нѣмецъ. Марксъ думаетъ, что никакое соціальное преобразование невозможно въ отдѣльномъ государствѣ; только тогда установится всеобщее равенство, когда всеобщая революція низвергнетъ повсюду троны и алтари. Лассаль, напротивъ, хотѣлъ вводить преобразования мирнымъ путемъ въ одномъ только государствѣ, которое служило бы образцомъ для другихъ, которыя вынуждены были бы подражать ему. Такимъ государствомъ была бы объединенная Германія. Онъ даже надѣялся, подобно фізіократамъ XVIII столѣтія, что найдется государь или великій министръ, который пойметъ, что весь его интересъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти привязанность народа, улучшивши его участь. Это утопія цезарскаго соціализма, какъ его представлялъ себѣ Наполеонъ, сидя въ гамской тюрьмѣ, и о которомъ, какъ говорятъ, мечтаетъ въ настоящее время Бисмаркъ. Лассаль думалъ, и не безъ основанія, что буржуазная республика была бы менѣе готова принять радикальныя реформы, нежели монархія, потому что эти реформы неизбѣжно уменьшили бы преобладаніе зажиточныхъ классовъ, между тѣмъ какъ онѣ могли бы увеличить популярность и авторитетъ государя. Лассаль былъ проницательнымъ политикомъ и

онъ имѣлъ историческій смыслъ. Съ 1859 года, онъ предвидитъ борьбу Пруссіи съ Австріей, и желаетъ ея, а умирая въ 1864 году, онъ предсказываетъ войну Германіи съ Франціей.

Онъ не былъ «доктринеръ» и абсолютистъ, какъ часто бываютъ республиканцы. Онъ понималъ, что одни и тѣ же учрежденія, хотя бы и республиканскія, не могутъ одинаково годиться для всѣхъ народовъ земнаго шара, столь различныхъ по нравамъ, по соціальному положенію и интеллектуальному развитію. Какимъ фанатикомъ онъ ни былъ относительно кооперативнаго общества, но онъ думалъ, что нужно по крайней мѣрѣ два столѣтія, даже пять, говорить Родбертусъ—чтобы могло совершиться полное преобразование общества и исчезнуть трудъ по найму. Такимъ образомъ онъ не считалъ возможнымъ осуществить свои проекты посредствомъ насильственной революціи.

Лассаль расхвалился въ этомъ случаѣ съ его любимыми героями, людьми французской революціи. Гегель преподавалъ ему теорію органической эволюціи и послѣдовательные «моменты, которые долженъ пройти историческій процессъ». Онъ чувствовалъ живую симпатію къ Бисмарку, который дѣйствительно скоро осуществилъ его политическую программу, основавши единство Германіи на униженіи Австріи, и введши всеобщую подачу голосовъ и непосредственные выборы въ центральный парламентъ. Лассаль искалъ случая видѣться съ Бисмаркомъ за нѣсколько времени до своей смерти, въ 1864 году; онъ даже заставилъ своихъ приверженцевъ воигрывать въ пользу чловека, который въ то время представлялъ только принципъ монархической власти, основанный на спартанскомъ милитаризмѣ, желавшемъ превратить всю націю въ казарму.

До сихъ поръ мечта Лассаля не осуществилась. Бисмаркъ еще не сталъ во главѣ германскаго соціализма, хотя, говорятъ, онъ къ этому готовится. Лассаль лучше понималъ, чѣмъ соціалисты, у которыхъ онъ заимствовалъ планы реформъ, что нельзя преобразовать общества по одному мановенію волшебнаго жезла; однако онъ еще ожидалъ слишкомъ многого отъ

иниціативы государства. Существенная истина, которую надо повторять рабочимъ классамъ и которая мало по малу проникаетъ къ нимъ, состоитъ въ томъ, что перемѣны въ организаціи обществъ всегда совершались и будутъ совершаться медленно, что нельзя произвести социальную революцію однимъ декретомъ, какъ дѣлаются политическія революціи. Дайте Карлу Марксу или Лассалю полную власть располагать, по ихъ усмотрѣнію, землями, капиталами, всѣми богатствами страны и сдѣлать ихъ коллективными, — и тѣ рабочія корпорациі или социальныя мастерскія, которымъ они предоставили орудія труда, не были бы въ состояніи организовать и вести производство, потому что лучшіе рабочіе только въ исключительныхъ случаяхъ могли бы довести до процвѣтанія кооперативныя ассоціаци, которыя всегда гибнутъ, если они не сами наживаютъ свой капиталъ. Конечно, ошибаются тѣ экономисты, которые воображаютъ, что законы управляющіе теперь экономическими фактами, непреложны, потому что они естественные законы. Исторія и географія показываютъ намъ, что человѣческія общества жили и живутъ при системахъ очень различныхъ и измѣняющихся. Человѣчество еще не достигло предѣла своего развитія, и черезъ тысячу лѣтъ законы и учрежденія будутъ совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя существуютъ въ настоящее время. Столь очевидные и всеобщіе успѣхи демократіи заставляютъ предполагать, что впоследствии будетъ больше равенства. Но какъ въ геологіи оставлены теоріи о великихъ космическихъ революціяхъ и послѣдовательныхъ эпохахъ творенія, и признается, что всѣ поразительныя перемѣны, совершавшіяся на земномъ шарѣ, происходили медленно и незамѣтно, но при постоянномъ дѣйствіи обыкновенныхъ силъ природы, такъ и въ социологіи установилось убѣжденіе, что въ социальной организаціи могутъ происходить и произойдутъ глубокія измѣненія, но онѣ совершатся постепенно и нечувствительно по мѣрѣ того, какъ люди будутъ пріобрѣтать больше свѣдѣній и больше образованія, и чѣмъ возвышеннѣе будетъ ихъ чувство права и полнѣе знакомство съ условіями экономическаго общества.

III.

СОЦИАЛИСТЫ КОНСЕРВАТОРЫ И СОЦИАЛИСТЫ ЕВАНГЕЛИЧЕСКІЕ.

§ 1.

Слова социалистъ и консерваторъ несомѣстимы между собою. Одинъ хочетъ уничтожить все то, что другой желаетъ сохранить. Между тѣмъ есть партія, которая носитъ такое названіе, и не будетъ опрометчиво сказать, что въ извѣстной мѣрѣ Бисмаркъ есть самый блестящій ея представитель.

Нѣмецкій умъ прежде всего старается избѣжать упрека въ *Einseitigkeit*, т.-е. привычкѣ разсматривать вещи только съ одной стороны. Вообще предметы имѣютъ свои свѣтлыя и темныя стороны. Тотъ, кто замѣчаетъ только одну сторону, освѣщенную солнцемъ, будетъ видѣть все въ розовомъ свѣтѣ; напротивъ тотъ, кто стоитъ на тѣневой сторонѣ, все будетъ видѣть въ черномъ свѣтѣ. Если же кто нибудь обойдетъ предметъ кругомъ, то станетъ утверждать, что онъ въ одно и тоже время бѣлый и черный, свѣтлый и темный; и въ этихъ кажущихся противорѣчіяхъ будетъ отчасти логичность и сообразность съ дѣйствительностью. Подобнымъ же образомъ возникъ и консервативный социализмъ. Прочтите изъ него нѣсколько страницъ, и вы подумаете, что онѣ написаны непримиримымъ врагомъ социальнаго порядка; но продолжайте чтеніе, и вы встрѣтите человека, въ глазахъ котораго всякая реформа есть ошибка, и всякій прогрессъ шагъ къ варварству. Посмотрите на Бисмарка: никто съ такою точностью и силой не указывалъ на всякаго рода преобразованія, давшія новую физиономію нашей эпохѣ. Такъ какъ онъ самъ много значилъ въ этой перемѣнѣ, то можно сказать, что онъ одинъ изъ великихъ революціонеровъ нашего времени. А между тѣмъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, онъ остался типомъ феодальнаго сеньора, который управляетъ желѣзной рукой своими вассалами для ихъ же пользы, какъ онъ въ этомъ убѣжденъ, но пользы понимаемой имъ по своему и осуществляемой имъ самимъ, а не ими.

Нынѣшнее общество, въ томъ переходномъ періодѣ, въ которомъ мы находимся, представляетъ также поразительные контрасты. Конечно, наука примѣненная къ производству ослѣпляетъ насъ своими чудесами. Каждая международная выставка, болѣе грандіозная чѣмъ предшествующая ей, возбуждаетъ все больше и больше наше удивленіе. Въ настоящее время людей богатыхъ гораздо больше чѣмъ въ прежнія времена. Зажиточный классъ теперь многочисленнѣе, и даже рабочій классъ имѣетъ лучшія помѣщенія, лучшую одежду и во всѣхъ отношеніяхъ лучше снабженъ чѣмъ прежде. А между тѣмъ нельзя отрицать, что въ центрахъ промышленности господствуетъ нищета! Сколько бываетъ бѣдствій и страданій, когда продолжительный кризисъ ограничиваетъ спросъ на трудъ и понижаетъ заработокъ! Картина этихъ бѣдствій, приписываемыхъ конкуренціи, и служитъ операционнымъ базисомъ для всѣхъ отгѣнковъ соціализма. Большая часть знаменитой книги Карла Маркса *Капиталъ* есть ничто иное какъ краткое изложеніе печальныхъ фактовъ, которые констатированы документами англійскаго парламента. Соціалисты консерваторы признаютъ вѣрною эту мрачную картину нашего настоящаго соціального положенія, и они приписываютъ причину ея индустріализму и банкократіи.

Для устраненія этихъ бѣдствій представляются три системы.

Экономистъ говоритъ: предоставьте дѣйствовать естественнымъ законамъ. Свобода сама излечитъ нанесенныя ею раны. Дайте просторъ личной инициативѣ, и все пойдетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ.

Соціалистъ демократъ утверждаетъ, что счастье и справедливость возстановятся тотчасъ же, какъ только орудія труда сдѣлаются коллективной собственностью.

Наконецъ, соціалистъ консерваторъ видитъ спасеніе только въ возвращеніи къ учрежденіямъ, которыя при старомъ режимѣ гарантировали людямъ покой и порядокъ. Свободный обмѣнъ, свобода конкуренціи, свобода лихвенныхъ процентовъ,

вотъ гдѣ, по его мнѣнію, кроется зараза, разѣдающая общество, въ которомъ она поселится.

Одинъ изъ вождей либеральной партіи въ Германскомъ парламентѣ, Людвигъ Бамбергеръ, вѣрно представилъ особенности въ положеніи его страны. Германія, говоритъ онъ, сдѣлалась «типичной страной» борьбы между классами. Безъ сомнѣнія, и въ другихъ странахъ, какъ во Франціи, въ Англіи и Италіи социализмъ тоже существуетъ: но тамъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, интересамъ которыхъ онъ угрожаетъ, соединяются для борьбы съ нимъ. Только въ Германіи можно видѣть многочисленныя группы людей богатыхъ, благородныхъ, ученыхъ и набожныхъ, объявляющихъ войну буржуазіи. Сельскіе дворяне нападаютъ на капиталъ конечно съ цѣлью улучшенія своихъ хозяйствъ; профессора объявляютъ, что дорога ведущая къ обогащенію проходитъ рядомъ съ смиреннымъ домомъ и наконецъ епископы вступаютъ въ заговоръ съ демагогами. Единственно въ Германіи можно видѣть странное зрѣлище, какъ люди съ аристократическимъ легкомысліемъ подрываютъ основы социальнаго порядка, повидимому въ интересахъ морали и религіи.

Явленіе, описываемое Бамбергеромъ, мнѣ кажется, имѣетъ двѣ причины: во первыхъ, опасеніе *Einseitigkeit*, какъ я сказалъ, и у нѣкоторыхъ научный духъ; а во вторыхъ, цѣли избирательной борьбы. Когда существуютъ одна противъ другой двѣ партіи, и есть еще третья, располагающая множествомъ голосовъ, то эта послѣдняя перейдетъ на ту сторону, которая сдѣлаетъ ей больше уступокъ, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ. Соціалисты располагаютъ семьюстами тысячъ голосовъ: слѣдуетъ ли удивляться, что ультрамонтаны и феодалы стараются имѣть въ нихъ поддержку противъ либераловъ, ихъ настоящихъ противниковъ? Чтобы ни говорилъ Людвигъ Бамбергеръ, но подобные союзы случаются во всѣхъ странахъ.

Происхожденіе консервативнаго социализма можно связывать съ именемъ Родбертуса-Ягетцова, потому что въ дѣйствительности онъ первый далъ социалистической критикѣ научное основаніе. Бисмаркъ недавно, съ трибуны Германскаго парла-

мента, сказалъ похвальное слово этому изолированному мыслителю, вліяніе котораго было очень велико, хотя имя его не сдѣлалось извѣстнымъ въ массахъ. Его справедливо называли Рикардо социализма. Сочиненіе его, появившееся въ 1842 году, *Zur Erkenntniss unsere Staatswirthschaftlichen Zustände*, содержитъ уже въ зародышѣ идеи, которыми воспользовались впоследствии и которыя онъ самъ развивалъ въ другомъ сочиненіи *Zur Beleuchtung der Socialen Frage*. Въ отрывкахъ изъ его записокъ и въ недавно опубликованной части его переписки съ Лассалемъ *) онъ самъ объясняетъ, почему онъ можетъ называться консерваторомъ. «Наши взгляды на право и философію исторіи, пишетъ онъ, говоря о Лассалѣ, были сходны, потому что мы не думали, будто рядъ социальныхъ и политическихъ формъ уже совершенно закончился основаніемъ конституціоннаго режима или представительной системы. Мы оба были убѣждены, что съ точки зрѣнія философіи права, болѣе идеальной и болѣе строгой нежели та, которая принята въ настоящее время, ясно видны несовершенства собственности въ томъ видѣ, какъ она есть теперь, примѣненная къ землѣ и капиталу, и можно представить себѣ форму пріобрѣтенія собственности болѣе чистую и справедливую, въ силу которой часть каждаго будетъ пропорціональна его услугъ.—Но на практикѣ мы не могли сойтись. Лассаль, какъ извѣстно, хотѣлъ измѣнить положеніе рабочихъ въ короткое время учрежденіемъ производительныхъ ассоціацій, основанныхъ съ содѣйствіемъ государства. Я же хотѣлъ сохранить принципъ рабочей платы, но допуская и реформу, предпринятую государствомъ. Лассаль хотѣлъ сдѣлать изъ социалистической партіи партію политическую. Съ этою цѣлью онъ требовалъ всеобщей подачи голосовъ. Я же хотѣлъ держаться на почвѣ исключительно экономической и научной.»

Лассаль былъ горячій агитаторъ, вѣрившій въ скорое достиженіе цѣли, тогда какъ Родбертусъ такъ хорошо понималъ

*) Briefe von Ferdinand Lassale an Karl Rodbertus-Jagetzow, mit einer Einleitung von *Adolph Wagner*. Berlin 1870 года.

медленность социальных преобразований, что раньше пяти вѣковъ не ожидалъ осуществленія своего идеала, т.-е. собственности пропорциональной труду. Родбертусъ имѣлъ то общее съ настоящей «аграрной» партией, что онъ энергически защищалъ интересы земледѣлія, которые по его мнѣнію будто бы принесены въ жертву денежнымъ людямъ. Занимаясь хозяйствомъ въ своемъ помѣстьи Ягетцовъ, онъ основательно зналъ, какъ и фонъ Туененъ, всѣ вопросы, связанные съ сельской экономіей, но онъ не стремился, какъ члены аграрной партіи, къ возстановленію стараго режима.

Самый ретроградный оттѣнокъ консервативнаго социализма представлялъ президентъ фонъ Герлахъ, который подъ именемъ *Rundschauer* обсуждалъ социальный вопросъ въ феодальной газетѣ *Kreuzzeitung*. Онъ хотѣлъ въ ней доказать, что поземельные собственники и рабочіе одинаково принесены въ жертву заблужденіямъ экономического либерализма и искусству лихоимства (*Wucherkunst*), характеризующему наше время. Онъ хотѣлъ поддержать прежде всего аграрный режимъ, который еще въ силѣ въ Восточной Пруссіи, гдѣ крестьяне живутъ и работаютъ подъ покровительствомъ и часто подъ фѣрулой помѣщиковъ. Онъ требовалъ защитить классы ремесленниковъ, которые вмѣстѣ и рабочіе и собственники орудій труда, отъ захватовъ крупной промышленности, раздѣляющей промышленный міръ на два различныхъ и враждебныхъ между собою класса, капиталистовъ и рабочихъ.

Одинъ изъ главныхъ доводовъ Маркса состоитъ въ доказательствѣ, что конкуренція удешевленіемъ цѣнъ приводитъ къ неизбѣжному торжеству большія учрежденія, которыя, возвышаясь на развалинахъ мелкой промышленности, возстановляютъ такимъ образомъ промышленный и финансовый феодализмъ, опирающийся не поправу, а на фактъ, на рабство пролетаріевъ. Президентъ фонъ Герлахъ развиваетъ тотъ-же тезисъ, но выводитъ изъ него другое заключеніе чѣмъ Марксъ. По его мнѣнію, одно средство для спасенія ремесленника—вновь образовать классъ, гдѣ трудъ и капиталъ будутъ соединены, и воз-

становить корпораціи созданныя закономъ и вооруженныя монополіей, какъ въ средніе вѣка.

Вотъ главный пунктъ, на которомъ недавно разошлись два бойца католическаго социализма во Франціи. Оба хотятъ ремесленной корпораціи. Но Перенъ поддерживаеъ свободу профессій, между тѣмъ какъ Менъ утверждаетъ, что въ такомъ случаѣ не будетъ дѣйствительной реформы и ощутительной перемѣны настоящаго режима. Несомнѣнно, что на ряду съ серьезными затрудненіями и нѣкоторыми злоупотребленіями, корпорація представляетъ дѣйствительныя выводы. Но не слѣдуетъ думать, что можно по произволу воскресить прошлое. Причина, заставившая умереть учрежденія, мѣшаетъ имъ снова ожить. Если корпорація производитъ что нибудь дороже, то иностранная конкуренція убьетъ ее. Единственное средство заставить ее искусственно существовать состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нея государственную монополію, вродѣ табачной монополіи во Франціи. Еслибы подобнымъ образомъ затянули въ смирительную рубашку всѣ роды промышленности, то я сомнѣваюсь, чтобы какая нибудь нація этому покорилась.

Лассаль, отвѣчая Герлаху, ясно показываетъ химеричность мечтаній о реставраціи прошлаго: «Разъ существуетъ органическая сила крупной промышленности, говоритъ онъ, то уже также невозможно остановить ея движеніе, какъ помѣшать ручьямъ впадать въ рѣку и составлять ее. Но подобно тому какъ можно завладѣть силой теченія и воспользоваться ею, также можно воспользоваться развитіемъ большой промышленности, чтобы создать средній классъ рабочихъ капиталистовъ, какъ это было въ корпораціяхъ, но стоящій на другихъ основаніяхъ. Будутъ гораздо сообразнѣе съ философіей исторіи утилизировать для достиженія цѣли силы вытекающія изъ естественной эволюціи цивилизаціи, а не пытаться задержать ихъ ходъ, что было бы впрочемъ и бесполезно.»

Оттѣнокъ направленія Герлаха былъ названъ *Zunftreaction*, цеховая реакція, т.-е. реакція въ пользу цеховъ, корпорацій. Два, очень извѣстныхъ писателя, которые защищали тѣ же

общія идеи, профессоръ Губеръ и совѣтникъ юстиціи Вагенеръ, разошлись съ Герлахомъ въ этомъ пунктѣ реакціи. Если существуетъ соціальный вопросъ, говоритъ Губеръ, то это потому, что рабочая плата слишкомъ часто бываетъ недостаточна; а почему же недостаточна? потому что пониженіе цѣны фабричныхъ предметовъ, какъ результатъ уменьшенія издержекъ производства, получается всегда вслѣдствіе пониженія рабочей платы.—(На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ).

Было бы лучше, прибавляетъ Губеръ, достигнуть тѣхъ же результатовъ пониженіемъ прибылей. Что одна изъ частей, дѣйствующихъ при производствѣ богатства, всегда приносится въ жертву другой, это вовсе не есть требованіе моральнаго, рациональнаго или экономическаго, закона. Слѣдовало бы, чтобы вознагражденіе труда опредѣлялось не произвольно, а по справедливости. Когда капиталъ получилъ свой процентъ, а трудъ свою рабочую плату, то справедливость требуетъ, чтобы остающийся излишекъ прибыли дѣлился между обѣими сторонами пропорціонально услугамъ каждой. Но кто будетъ опредѣлять этотъ излишекъ? Какіе нибудь своего рода присяжные или эксперты, въ числѣ которыхъ будутъ хозяева и рабочіе поровну, и рѣшенія которыхъ будутъ имѣть силу закона. Такимъ образомъ распредѣленіе будетъ устанавливаться не такъ, какъ теперь, грубымъ столкновеніемъ интересовъ, т.-е. въ сущности закономъ болѣе сильнаго, но какъ въ старыхъ корпораціяхъ, принципомъ справедливости. Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы возстановлять ремесленныя корпораціи, цехи съ ихъ монополіями и ихъ стѣсненіями, а о томъ, чтобы подчинить весь экономическій міръ промышленной бюрократіи и ряду трибуналовъ, новыхъ органовъ права. Эта система очевидно внушена любовью къ справедливости, только она будетъ трудно примѣнима въ нынѣшнемъ экономическомъ мірѣ.

Профессоръ Губеръ умеръ, но совѣтникъ Вагенеръ живъ, и сдѣлался вліятельной особой; потому что, говорятъ, имперскій канцлеръ охотно совѣщается съ нимъ по экономическимъ во-

вопросамъ *). Вотъ что писалъ въ отвѣтъ президенту Герлаху совѣтникъ Вагенеръ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ очень извѣстнымъ экономистомъ, Адольфомъ Вагнеромъ, знаменитымъ профессоромъ берлинскаго университета: «Ничто не остановитъ этого могучаго разрушенія, совершающагося у насъ на глазахъ, и которое уноситъ всѣ старыя учрежденія. Ремесленные корпораціи стараго порядка не могутъ быть восстановлены, но рабочій вопросъ состоитъ именно въ разрѣшеніи вопроса, какую промышленную организацію слѣдуетъ принять, чтобы гарантировать, какъ было въ старину, права рабочаго, вполне изолированныя въ настоящее время. Отъ этого вопроса зависитъ будущее государствъ и участь цивилизаціи. Значитъ, все зависитъ отъ того, обладаютъ ли различные классы нашего общества достаточной предусмотрительностью, энергіей и благоразуміемъ, чтобы способствовать учрежденію новаго порядка. Если они докажутъ эти качества, то будутъ управляемы свободными учрежденіями и выборными чиновниками; если нѣтъ, то ими будетъ управлять желѣзная рука

---

*) Вагенеру приписываютъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Die Lösung der sozialen Frage von Standpunkt der Wirklichkeit und Praxis von einem praktischen Staatsmanne*, 1878. Въ 1874 году, онъ былъ посланъ на экономическо-соціалистскій конгрессъ въ Эйзенахъ Бисмаркомъ, который вспоминалъ объ этомъ въ своей рѣчи 17 сентября. Въ 1863 году онъ писалъ въ ультра-консервативной газетѣ *Kreuzzeitung*. Авторъ сочиненія *Die Lösung* развивалъ тему „соціалистической монархіи“. Монархическое учрежденіе, говоритъ онъ, можетъ имѣть обезпеченную будущность только въ томъ случаѣ, если оно, возвращаясь къ своимъ древнимъ началамъ, возьметъ на себя какъ въ теоріи такъ и на практикѣ защиту права слабыхъ и покровительство несчастнымъ. Какъ говоритъ Штейнъ, монархическая власть должна снова пустить глубоко свои корни въ землю народныхъ массъ. Монархія будущаго будетъ монархія соціальная, или она перестанетъ существовать. Если монархическая власть будетъ искать своей опоры между баронами промышленности, между князьями биржи или въ рядахъ десяти тысячъ привилегированныхъ, то ея авторитетъ уменьшится и она потонетъ въ этихъ великихъ демократическихъ преобразованіяхъ, которыя поставятъ народъ на мѣсто аристократіи и органы науки на мѣсто служителей вѣры. Не есть ли это программа Бисмарка?

цезаризма». Какъ и профессоръ Губеръ, Вагенеръ предлагалъ немедленно же учредить ремесленные совѣты, въ которыхъ рабочіе имѣли бы своихъ представителей, и которые имѣли бы право регулировать рабочую плату. Извѣстно, что въ Англии, въ случаѣ стачки, хозяева и рабочіе часто представляютъ свой споръ на рѣшеніе третейскаго суда. Слѣдовало бы учредить постоянныя корпораціи посредниковъ и предоставить исполнительную силу ихъ рѣшеніямъ.

Съ 1866 по 1870 г. внѣшнія заботы поглотили все вниманіе, и ортодоксальная политическая экономія восторжествовала въ палатѣ и въ правительствѣ. Представителями ея въ правительственныхъ и парламентскихъ сферахъ явились такіе избранные люди, какъ министръ Дельбрюкъ, депутаты: Ласкеръ, Браунъ, Бамбергеръ, Юліусъ Фаухеръ, и проч. Благодаря ихъ вліянію приняты были такія мѣры, какъ напр. уничтоженіе законовъ противъ лихвенныхъ процентовъ, политика свободной торговли, выразившаяся пониженіемъ или уничтоженіемъ нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, и монетная реформа, установившая одну золотую монетную единицу и приведшая къ принудительной продажѣ серебра. Имперскій канцлеръ не вмѣшивался въ это дѣло, потому что оно было «не его вѣдомства». Но его идеи совершенно не сходятся съ ортодоксальной экономіей. Поэтому протекціонисты всегда надѣялись на него и недавно онъ доказалъ, возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ, что онъ былъ съ ними *).

---

*) Я присутствовалъ, въ 1876 году, въ Эйзенахѣ, на *конгрессѣ социальной науки* т.-е. на конгрессѣ социалистовъ каедры. На первомъ засѣданіи Рудольфъ Мейеръ выступилъ, чтобы предложить поставить на очередь вопросъ о положеніи нѣмецкой промышленности и объ изысканіи средствъ для облегченія того тяжелаго кризиса, который она переживала. Такъ какъ Мейеръ другъ совѣтника Вагенера, то разнесся слухъ, что онъ пріѣхалъ въ Эйзенахъ, посланный канцлеромъ, чтобы добиться здѣсь рѣшенія въ пользу протекціонизма. Чтобы избѣжать этой опасности, бюро замѣтило, что этотъ вопросъ не былъ помѣщенъ въ программу конгресса, и потому не можетъ быть разсматриваемъ.

Въ сущности Бисмаркъ типъ соціалиста консерватора. Излишне говорить, въ чемъ онъ консерваторъ; но вотъ почему онъ соціалистъ. Бисмаркъ признаетъ, что соціальный вопросъ существуетъ и что надо стараться его разрѣшить; потому что все заключается въ немъ. Для ортодоксальнаго же экономиста вовсе не существуетъ соціального вопроса. Онъ не говоритъ, что въ нашемъ мірѣ все совершенно: ему запрещаетъ это статистика; но онъ утверждаетъ, что все устроится къ лучшему, если предоставить свободу индивидуальной инициативѣ, дѣйствующей подъ вліяніемъ интереса. А если это такъ, то государству остается только уничтожить послѣднія преграды, еще стѣсняющія всемірную конкуренцію, какъ внѣ, такъ и внутри страны. Но вовсе не таково мнѣніе Бисмарка. Не напрасно онъ такъ интересовался бесѣдами съ Лассалемъ, что желалъ имѣть его своимъ деревенскимъ сосѣдомъ и ежедневнымъ посѣтителемъ. На его бѣломъ мундирѣ ясно замѣтна краснота. Онъ считаетъ справедливымъ и полезнымъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ, и думаетъ, что государство должно помочь имъ стать на ноги. Лассаль требовалъ у государства 100 милліоновъ таллеровъ для преобразования настоящаго соціального порядка, основаніемъ кооперативныхъ производительныхъ обществъ. Хотя Бисмаркъ и возмущается тѣмъ, что его считали способнымъ смотрѣть какъ на бездѣлицу на сумму въ 7,000 таллеровъ, однако онъ далекъ отъ того, чтобы отвергать идею Лассала.

«Если бы кто-нибудь, сказалъ онъ на засѣданіи германскаго парламента, 17-го сентября 1878 года, попытался взяться за великое предпріятіе такого рода, то возможно, что ему понадобилось бы 100 милліоновъ таллеровъ. Впрочемъ такого рода вещь мнѣ не кажется совершенно глупой и нелѣпой. Мы дѣлаемъ же въ министерствѣ земледѣлія опыты о различныхъ системахъ культуры. Мы дѣлаемъ такіе же опыты въ нашихъ фабрикахъ. Не худо бы было повторить подобные опыты и относительно человѣческаго труда и попытаться разрѣшить, улучшеніемъ положенія рабочаго, такъ называемый демократическо-соціальный вопросъ, который я скорѣе назову соціальнымъ вопросомъ.»

Упрекъ, который мнѣ могли сдѣлать, когда я остановился на этомъ пути, долженъ былъ скорѣе состоять въ томъ, что я не довелъ дѣла до удовлетворительныхъ результатовъ. Но на это у меня не было времени. Меня совершенно поглотила иностранная политика. Какъ только буду имѣть время и случай, я вполнѣ рѣшился возобновить эти попытки, за которыя меня упрекають и которыми я горжусь.» Въ этой рѣчи онъ защищается противъ обвиненія, будто онъ употреблялъ орудіемъ своихъ намѣреній нѣкоторыхъ агентовъ соціалистовъ; но онъ признаетъ, что все-таки существуетъ великая задача, можетъ быть даже величайшая въ наше время, и онъ не далекъ отъ того, чтобы принять идеи Родбертуса и Лассалья.

Въ другой рѣчи, Бисмаркъ высказался еще откровеннѣе, что роль короля, т.-е. государства, состоитъ въ поднятіи рабочихъ классовъ. Въ 1865 году, онъ представилъ королю депутацію рабочихъ изъ Вустегиредорфа, въ Силезіи, которые пожелали сами изложить свои нужды. Когда на него стали нападать за это, Бисмаркъ отвѣчалъ въ прусскомъ парламентѣ: «господа, прусскіе короли никогда не были королями по преимуществу богатыхъ. Фридрихъ великій сказалъ: *Когда я буду королемъ, я буду настоящимъ королемъ немущихъ*. Съ тѣхъ поръ онъ хотѣлъ сдѣлаться покровителемъ бѣдныхъ. Наши короли остались вѣрны этому принципу. Они совершили эмансипацію крѣпостныхъ, они создали цвѣтущій классъ крестьянъ. Можетъ быть также,—покрайней мѣрѣ для нихъ это служить предметомъ серьезныхъ усилій,—они успѣють оказать содѣйствіе улучшенію положенія рабочихъ».

Въ этихъ словахъ заключается программа партіи монархическихъ христіанскихъ соціалистовъ, которые появились на сценѣ со всѣмъ блескомъ учености и краснорѣчія. Соціалистическія тенденціи Бисмарка выразились также въ вопросѣ о выкупѣ государствомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. Аргументы, приводимые въ оправданіе этой мѣры, могутъ быть примѣнены и къ другимъ родамъ промышленности; потому что хорошая эксплуатация сѣти желѣзныхъ дорогъ есть тоже промышленное и

самое сложное предпріятіе. Нужны техническія познанія, какъ для того чтобы поддерживать путь, такъ равно и для выбора матеріала для постройки; нужны административныя способности, чтобы организовать и пустить въ дѣло составъ служащихъ, коммерческій тактъ, чтобы регулировать тарифъ, однимъ словомъ, нужно соединеніе всѣхъ качествъ, которыя необходимы въ промышленникѣ и коммерсантѣ. Если вы возлагаете на государство эту обязанность, одну изъ самыхъ трудныхъ въ области труда, то тѣмъ болѣе вы можете довѣрить ему эксплуатацію копей, напимѣръ въ Саарбрюкенѣ и въ Гарцѣ, распоряженіе землею, какъ въ казенныхъ фермахъ, и, наконецъ, производство главныхъ продуктовъ, сырыхъ или обработанныхъ матеріаловъ. Нѣтъ никакой причины останавливаться на этомъ пути. Такимъ образомъ мы логически приходимъ къ тому заключенію, что нужно отдать всю промышленность въ руки государства; а это и есть идеалъ крайнихъ социалистовъ.

Въ послѣдніе годы разстроился лагерь социалистовъ консерваторовъ. Одни изъ нихъ увеличили ряды «аграристовъ» другіе, испуганные успѣхами демагогическаго социализма, сдѣлались ретроградными консерваторами: нѣкоторые, наконецъ, примкнули къ группѣ евангелическихъ социалистовъ, съ которыми мы скоро познакомимся. Однако самый ученый изъ нихъ, Рудольфъ Мейеръ, на труды котораго мы не разъ ссылались, резюмируетъ въ свой книгѣ, *Der Emancipationskampf des Vierten Standes*, программу своихъ единомышленниковъ, которую онъ отчасти уже излагалъ на конгрессѣ социалистовъ каедры, въ Эйзенахѣ, въ 1872 году. Р. Мейеръ заявляетъ прежде всего, что онъ стоитъ за всеобщую подачу голосовъ. Это лучшее средство, говоритъ онъ, призвать четвертое сословіе, народъ, къ реальной политической жизни, и предохранить его отъ неосуществимыхъ химеръ. Примѣръ средняго сословія, во Франціи, въ этомъ отношеніи поучителенъ. Такъ какъ оно не могло принимать никакого участія въ управленіи общественными дѣлами и не имѣло никакой опытности, то и стало мечтать объ абсолютныхъ реформахъ, придуманныхъ воображеніемъ и вы-

веденныхъ логикой. Эта мысль справедлива. Она заимствована у Токвилля, который прекрасно развиваетъ ее въ одной главѣ своего сочиненія, *Старый режимъ*, которая носитъ такое заглавіе: «какимъ образомъ, около половины XVIII столѣтія, литераторы сдѣлались главными политическими людьми въ странѣ, и какія вышли изъ этого послѣдствія». Однакоже нельзя сказать, чтобы въ Германіи всеобщая подача голосовъ предохранила рабочихъ отъ революціоннаго духа. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всеобщая подача голосовъ заставила ихъ спуститься съ золотыхъ облаковъ утопіи и стать на почву, гдѣ преобладаетъ культъ интересовъ. Но это нисколько не успокоительнѣе, и не удобнѣе для хозяевъ.

Консерваторъ Рудольфъ Мейеръ ссылается на мнѣніе Родбертуса, чтобы доказать, что государство должно регулировать распредѣленіе богатства по справедливости. До сихъ поръ заботились только объ увеличеніи производства. Между тѣмъ, въ данный моментъ становится болѣе важнымъ вопросъ о распредѣленіи. Когда развитіе промышленности привело къ тому, что съ одной стороны создало классъ чрезмѣрно богатыхъ, а съ другой, многочисленный классъ пролетаріевъ, то можно сказать, что нарушенъ истинный порядокъ. Слѣдствіе и симптомъ, характеризующій этотъ беспорядокъ, есть появленіе безнравственной роскоши, ведущей къ чувственнымъ наслажденіямъ, которымъ предаются привилегированные, и возбуждающей въ тѣхъ, которымъ они недоступны, зависть, ненависть и мятежный духъ. Монтескье безпрестанно повторяетъ мысль, что нужно противодействовать тому, чтобы излишнее неравенство не раздѣлило націи, такъ сказать, на два враждебные народа. Онъ посвящаетъ главы VI и VII пятой книги, о *Духъ законовъ*, доказательству этого пункта. «Недостаточно, говоритъ онъ, въ хорошей демократіи, чтобы участки земли были равны, нужно чтобы они были мелкіе, какъ у римлянъ». Въ настоящее время къ этому можно прибавить: или какъ во Франціи. Эта сельская демократія, если удастся просвѣтить ее, дастъ Европѣ прочную основу для свободныхъ учрежденій и можетъ

предохранить ее отъ социальныхъ катастрофъ. Монтескье заимствовалъ эти правила у древности; постоянно повторяетъ ихъ и Аристотель. «Неравенство, говоритъ онъ (въ главѣ I, книгѣ V), есть источникъ всѣхъ революцій, потому что никакое вознагражденіе не удовлетворитъ неравенства». «Люди, равные въ одномъ отношеніи, хотѣли быть равными и во всемъ. Равные въ свободѣ, они хотѣли быть абсолютно равными. Не получая этого, они считаютъ, что ихъ права нарушены; и поэтому бунтуютъ». Одно средство избѣжать революціи, по мнѣнію Аристотеля, — это поддерживать извѣстное равенство. «Сдѣлайте такъ, чтобы даже бѣдный имѣлъ маленькое достояніе.» Это самое и сдѣлали въ обширныхъ размѣрахъ законы французской революціи. «Государство, говоритъ еще философъ - Стагиритъ, по требованію природы должно быть составлено изъ элементовъ, которые должны быть какъ можно ближе къ равенству.» Затѣмъ онъ доказываетъ неизбежность борьбы въ томъ государствѣ, гдѣ существуютъ только бѣдные и богатые. «Побѣдитель, прибавляетъ онъ, смотритъ на правленіе какъ на призъ побѣды, и пользуется правленіемъ, чтобы угнетать и грабить побѣжденныхъ.» Очевидно, что когда Рудольфъ Мейеръ и Родбертусъ требуютъ, чтобы законы благопріятствовали равенству и поддерживали его, то они просто повторяютъ тезисъ Монтескье и Аристотеля. Но какъ достигнуть этой цѣли, не жертвуя свободой? Вотъ великая задача. Древнія демократіи погибли въ анархіи потому именно, что не могли разрѣшить ее.

Родбертусъ признаетъ законность рабства въ древности. Для развитія высокой культуры нужно было, по его мнѣнію, чтобы усиленный трудъ большинства сдѣлалъ возможнымъ досугъ свободныхъ людей. Въ тогдашнюю эпоху, количество продуктовъ было всегда пропорціонально средствамъ производства; потому что средства эти состояли единственно изъ рабочихъ рукъ. Если бы число ихъ увеличилось, то въ такой-же степени увеличилось бы и потребленіе, и такимъ образомъ былъ бы ничтоженъ тотъ излишекъ, который можно было бы употребить для оплаты досуга. Въ настоящее время работа

производится желѣзными рабочими, которые потребляютъ уголь, а не хлѣбъ; ихъ сила безгранична, и они не ссылаются на права человѣка, чтобы требовать своего освобожденія.

Когда водяная мельница, появившаяся на востокѣ, была въ первый разъ введена въ западномъ мірѣ, въ концѣ періода римской республики, одинъ греческій поэтъ Антипаросъ сочинилъ стихи, которые антологія сохранила намъ, и которые прелестнымъ образомъ резюмируютъ причину экономического прогресса, совершившагося въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ: «Рабы, которымъ приказано вертѣть жернова, дайте отдыхъ вашимъ рукамъ и спите спокойно. Напрасно звонкій голосъ пѣтуха возвѣщаетъ утро, спите. По повелѣнію Деметры, работа молодыхъ дѣвушекъ дѣлается наядами и теперь онѣ прыгаютъ на вертящемся колесѣ, сверкающія и легкія. Онѣ увлекаютъ ось своими лучами и приводятъ въ движеніе тяжелый жерновъ, который вертится кругомъ. Будемъ жить счастливой жизнью нашихъ отцовъ и наслаждаться, не трудясь, благами, которыми осыпаетъ насъ богиня.» Итакъ машина создаетъ досугъ. Кто же имъ воспользуется? Вотъ вопросъ. Здѣсь возможны три случая. Или этотъ досугъ совершенно освободитъ отъ всякаго труда большое число рабочихъ, причемъ день тѣхъ, которые продолжаютъ работать, останется такой же; или никто не будетъ имѣть досуга, потому что часы труда, ставшіе свободными, будутъ посвящены на производство предметовъ роскоши; или еще, какъ предполагалъ Антипаросъ, машина принесетъ пользу рабочимъ, уменьшивши ихъ работу, а излишекъ досуга послужитъ на пользу всѣмъ, даже рабочимъ. Если имѣть въ виду не увеличеніе производства, а прогрессъ цивилизаціи, то надо желать осуществленія послѣдней гипотезы. Но на дѣлѣ, обыкновенно представляются первый, а не второй случай.

Соціалисты консерваторы, какъ и соціалисты католики, развиваютъ общія идеи, очень возвышенныя и по временамъ очень вѣрныя, но, на почвѣ практическихъ преобразованій, обѣ группы являются одинаково неясными или мало практич-

ными. Рудольфъ Мейеръ требуетъ уменьшенія налога на поземельную собственность и увеличенія налоговъ на прибыли отъ промышленности и отъ банковъ. Онъ требуетъ немедленнаго возстановленія законовъ противъ лихоимства; онъ даже хочетъ ограничить размѣръ процентовъ на всякій капиталъ, который пускается въ оборотъ и эксплуатируется не тѣмъ, кому онъ принадлежитъ. Онъ кажется не замѣчаетъ, что останавливая такимъ образомъ движеніе промышленности, онъ наноситъ вредъ интересамъ поземельныхъ собственниковъ, которые онъ хочетъ защищать. Онъ также требуетъ значительнаго расширенія роли государства.

Государство, по его мнѣнію, прежде всего должно заставить всѣхъ промышленниковъ построить дома для своихъ рабочихъ. Оно само должно дать квартиры своимъ чиновникамъ. Оно должно оплачивать своихъ рабочихъ, такъ чтобы размѣръ даваемой имъ рабочей платы былъ какъ бы обязательенъ для частныхъ лицъ и сокращать рабочій день сообразно съ трудностью и утомительностью работы. Надо способствовать пріобрѣтенію собственности тѣмъ, которые не имѣютъ ея въ настоящее время. Какъ говорить Тьеръ, на каждой десятинѣ земли, владѣмой крестьяниномъ, вы найдете ружье, готовое защищать собственность. Каждое ремесло обязательно должно имѣть вспомогательную и пансіонную кассу и хозяинъ промышленности обязанъ вносить въ нее часть равную части всѣхъ рабочихъ взятыхъ вмѣстѣ. Нужно, наконецъ, совѣтъ экспертовъ, чтобы соглашать споры, возникающіе между фабрикантами и рабочими, и третейскій судъ, чтобы разрѣшать несогласія, которыя не могли быть устранены путемъ соглашенія. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ хороши; другія бесполезны или вредны, какъ законы противъ лихоимства; наконецъ, нѣкоторыя, совершенно неисполнимы, какъ напр. ограниченіе прибылей капитала помѣщеннаго въ банкъ и въ промышленность. Взятая въ цѣломъ, программа кажется жалкой при сопоставленіи ея съ предшествующимъ ей изложеніемъ мотивовъ. Не слѣдуетъ этому удивляться. Гораздо легче пока-

затъ идеаль, къ которому нужно стремиться, нежели указать средства къ достиженію его.

§ 2.

Партія монархическихъ и христіанскихъ соціалистовъ образовалась въ недавнее время. Она возникла по иниціативѣ энергическаго вожака «антисемитовъ» Штекера, придворнаго проповѣдника, принадлежащаго къ оттѣнку консервативныхъ и ортодоксальныхъ пасторовъ. Кажется очевиднымъ, что примѣръ католическаго духовенства толкнулъ на этотъ путь протестантскихъ пасторовъ *). Они съ своей стороны, захотѣли подчинить своему вліянію рабочіе классы, обративъ вниманіе на ихъ жалобы и сдѣлавшись истолкователями нѣкоторыхъ ихъ идей. Но въ то время какъ католическое духовенство дѣлало это съ цѣлью оппозиціи, чтобы содѣйствовать избранію депутатовъ враждебныхъ культурной борьбѣ, пасторы господствующей церкви, напротивъ, хотѣли укрѣпить въ народѣ монархическія чувства и расширить монархическую власть. Поэтому они враждебно относятся къ прогрессистской партіи, т.-е. партіи тѣхъ либераловъ, которые, принимая за образецъ Англію, хотятъ ограничить дѣятельность государства и передать управленіе въ руки парламента. Партія евангелическихъ соціалистовъ сходится съ французскими легитимистами въ томъ, что она идеаломъ правленія представляетъ царствованіе Фридриха II, и еще болѣе его отца,

*) Одинъ духовный протестантскій журналъ, die Neue Evangelische Kirchenzeitung, выражается объ этомъ такъ (октября 1878 года): «Римская церковь, отвергая законъ противъ социализма, является какъ бы защитницей народныхъ правъ. Евангелическая же церковь, которая почти не имѣетъ представителей въ парламентѣ, считается какъ бы союзницей деспотизма. Христіанинъ-протестантъ, не долженъ-ли изгладить это впечатлѣніе, заявившись интересами народа? Если вѣрующій протестантизмъ не будетъ интересоваться социальнымъ вопросомъ, самымъ великимъ вопросомъ въ настоящее время и въ будущемъ, если онъ не займется имъ съ любовью и самоотверженно, то потеряетъ всякое вліяніе въ нисшихъ классахъ, которые обратятся или къ католицизму или къ невѣрующему либерализму.»

этого суроваго и грубаго человѣка, которому такъ удивляется Карлейль, который держалъ подъ палкой свое королевство и свою семью, но былъ очень набоженъ по-своему и ужасно экономень.

Пасторъ Штекеръ основалъ двѣ ассоціаціи. Сначала *центральный союзъ для соціальной реформы*, а затѣмъ ассоціацію *христіански соціалистической партіи рабочихъ* (*Chritlich Sociale Arbeiterpartei*); несмотря на то, что оба общества имѣли однѣ и тѣже идеи и оба учрежденія управлялись почти одними и тѣми же лицами, цѣли ихъ были весьма различны. *Союзъ соціальной реформы* состоитъ изъ зажиточныхъ и образованныхъ лицъ, пасторовъ, профессоровъ, промышленниковъ, собственниковъ, которые сообщаютъ изыскиваютъ средства для успокоенія анархическихъ классовъ, реформами внушаемыми духомъ христіанства. Въ настоящее время приверженцы корпорацій, партія «аграрныхъ» и тѣ, которые требуютъ государственнаго покровительства національному труду, не только не хотятъ соединить свои усилія, но борются между собою и ослабляютъ другъ друга. Нужно показать, какъ согласуются между собою эти тенденціи и какой высшій принципъ оправдываетъ и соединяетъ ихъ.

Такъ называемое образованное общество такъ мало понимаетъ истинное назначеніе христіанства, что когда пасторъ Штекеръ началъ заниматься соціальнымъ вопросомъ, то всѣ либеральныя газеты и прогрессисты кричали о немъ: «соціализмъ ханжи». Поэтому крайне необходимо бороться съ материализмомъ въ высшихъ классахъ, съ атеизмомъ въ народѣ и возродить религіозное воззрѣніе на міръ и общество. Съ одной стороны слѣдуетъ, чтобы пасторы протянули руку рабочимъ, съ цѣлью привести ихъ къ христіанству; это будетъ задачей христіански-соціалистической рабочей партіи. Съ другой стороны, необходимо, чтобы друзья народа, между высшими классами, соединились для изысканія средствъ предупредить революцію реформами. Въ то же время была основана газета *Der Staats-Socialist*, которая взяла эпиграфомъ слѣдующія слова: «Соціальный вопросъ существуетъ, и онъ можетъ быть разрѣшенъ не

иначе, какъ государствомъ, сильно и монархически организованнымъ, и опирающимся на моральные и религіозные факторы національной жизни.» Это очевидно означаетъ: «съ помощью евангелическаго духовенства.»

Дѣйствительно нельзя отрицать существованія въ Германіи соціальной опасности. Она, казалось, угрожала общественному порядку, потому что на соціализмъ возлагали отвѣтственность за два покушенія цареубійства произведенныя Геделемъ и Нобилингомъ. Но какъ устранить опасность? Представляется три средства: или игнорировать опасность и убаюкивать себя невозмутимымъ оптимизмомъ, повторяя: *Laissez faire, laissez passer*, міръ будетъ идти самъ собою; это именно то, что совѣтуютъ экономисты; или довести гнетъ до крайности, запрещать газеты, уничтожать ассоціаціи, и силой стараться вырвать зло съ корнемъ: этого желаетъ правительство; или, наконецъ, обезоружить народную ненависть, стараясь улучшить положеніе рабочихъ. Эта система примѣнена на практикѣ въ Мюльгаузенѣ, Дольфусомъ и его друзьями. Онъ недавно изложилъ ее въ имперскомъ парламентѣ, и ея вліянію приписалъ отсутствіе революціоннаго соціализма въ Эльзасѣ. Это средство и рекомендуется въ *Staats-Socialist*.

Вотъ программа партіи, объ организаціи которой идетъ дѣло. Общія правила: «Партія христіански-соціалистическихъ рабочихъ основывается на почвѣ христіанской вѣры и привязанности къ королю и отечеству. Она отвергаетъ соціальную демократію, какъ неисполнимую, анти-христіанскую и анти-патріотическую. Она старается основать мирную организацію рабочихъ, чтобы приготовить практическія реформы по общему соглашенію съ другими элементами національной жизни. Она имѣетъ цѣлью уменьшить разстояніе, раздѣляющее богатыхъ отъ бѣдныхъ, и установитъ такимъ образомъ экономическую безопасность. Программа требуетъ отъ государства учрежденія ремесленныхъ корпорацій по каждому ремеслу, которыя обязательно должны существовать во всей имперіи и имѣть строгія правила для принятія въ нихъ учениковъ. Будутъ учреждены посредническія

комисіи, и ихъ рѣшенія будутъ имѣть законную силу.—Обязательное учрежденіе кассъ для вспомошествованія вдовамъ, сиротамъ и неспособнымъ къ работѣ.—Ремесленные корпораціи будутъ защищать интересы рабочихъ въ ихъ сношеніяхъ съ тѣми, кто пользуется ихъ трудомъ.—Запрещеніе всякой работы по воскресеньямъ. Запрещеніе работы на фабрикахъ дѣтямъ и замужнимъ женщинамъ. Определеніе продолжительности рабочаго нормальнаго дня сообразно съ свойствомъ труда.—Слѣдуетъ, чтобы эти правила сдѣлались предметомъ международныхъ конвенцій. А пока не будутъ заключены такія конвенціи, слѣдуетъ оказывать покровительство національному труду противъ конкуренціи страны, гдѣ подобныя мѣры не существуютъ. Строгія правила противъ нездоровыхъ жилищъ и нездоровыхъ фабричныхъ операцій. Государственные и общинныя имущества будутъ эксплуатировемы въ интересахъ рабочихъ, и эти имущества слѣдуетъ увеличивать, насколько позволяютъ экономическія и техническія условія. Прогрессивный налогъ на доходъ, чтобы уменьшить косвенные налоги, которые преимущественно падаютъ на рабочій классъ. Очень высокіе налоги на роскошь. Налогъ на наслѣдство прогрессивно увеличивающійся сообразно значительности наслѣдства и отдаленности степени родства.

Программа требуетъ отъ духовенства принять дѣятельное и самоотверженное участіе во всѣхъ усиліяхъ для улучшенія участи рабочаго въ матеріальномъ, интеллектуальномъ, моральномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Она закликаетъ людей зажиточныхъ протянуть руку пролетаріямъ, поддерживать благоприятствующіе имъ законы, способствовать увеличенію ихъ благосостоянія, давая имъ хорошую плату и сокращая на сколько возможно рабочіе часы. Всѣ должны содѣйствовать созданію новыхъ ремесленныхъ обществъ, которыя имѣли бы все, что было хорошаго въ старыхъ корпораціяхъ. Надо побуждать рабочихъ сохранять чувство чести, избѣгать грубыхъ удовольствій и проводить христіанскія чувства въ семейной жизни.

Нельзя отрицать, что правила этой программы внушены любовью къ человѣчеству. Но возможно ли ихъ примѣнить къ

сложнымъ отношеніямъ новѣйшей промышленности безъ риска разстроить ее? Главный пунктъ есть возстановленіе корпорацій подъ другимъ названіемъ. Но тогда тотчасъ возникаетъ затрудненіе, на которое мы уже указывали. Будутъ ли это замкнутыя корпораціи и будутъ ли они пользоваться монополіей? Такимъ образомъ, будутъ ли одни суконщики имѣть право выдѣлывать сукно? Если вы дадите имъ эту привилегію, то хозяинъ не будетъ имѣть возможности нанимать тѣхъ рабочихъ, какихъ онъ хочетъ. Что станется тогда съ свободой промышленности? Какимъ образомъ согласить эти монополіи съ безконечными успѣхами въ способахъ фабрикаціи, и съ столь измѣняющимся числомъ нужныхъ рабочихъ? Если, напротивъ, законъ будетъ поддерживать свободу, то эти корпораціи будутъ просто англійскими *trades unions*, которыя несомнѣнно представляютъ сильное боевое орудіе для организаціи коалицій и стачекъ, но которыя не представляютъ элементовъ для новой организаціи труда. Во всякомъ случаѣ эта программа содержитъ очень вѣрное замѣчаніе, что всѣ покровительственныя мѣры въ пользу рабочаго класса должны быть вотированы вслѣдствіе соглашенія между различными государствами. Такимъ образомъ Англія, Франція, и большинство европейскихъ государствъ запретили дѣтямъ работу на фабрикахъ; между тѣмъ нѣкоторыя страны отказываются это сдѣлать подъ предлогомъ уваженія къ свободѣ. Но что же выходить изъ этого? Въ то время какъ англійскіе и французскіе промышленники сдѣлались жертвами справедливаго закона ихъ страны, промышленники другихъ странъ извлекаютъ выгоды изъ негуманнаго законодательства ихъ странъ, чтобы продавать свои товары дешевле, чѣмъ могутъ дѣлать другіе, и дешевле потому, что они употребляютъ въ дѣло руки малолѣтнихъ дѣтей, обреченныхъ такимъ образомъ на преждевременную немощь!

Европейскія государства, въ силу удобствъ сообщеній, составляютъ въ дѣйствительности какъ бы одну націю. Итакъ необходимо, чтобы въ силу международныхъ конвенцій ими управляли одинаковые законы; въ противномъ случаѣ, независимыя

и несогласованныя дѣйствія одной страны будутъ возмущать другія страны. Такъ какъ экономическая солидарность съ каждымъ днемъ дѣлается тѣснѣе, то необходимо, чтобы международное право съ каждымъ днемъ распространялось на большее число предметовъ.

Соціалисты христіански-монархическіе вовсе не надѣются, чтобы ихъ программа была принята настоящими парламентами, гдѣ господствуетъ либеральная буржуазія. Они обратили свои взоры на короля и мечтаютъ о соціалистическомъ королевствѣ. И во Франціи также, Наполеонъ III, пропитанный соціалистическими идеями, которыя онъ развивалъ въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, хотѣлъ разыгрывать роль императора крестьянъ и рабочихъ. Въ древней Греціи «тираны», т. е. диктаторы, завладѣвали обыкновенно властью, становясь во главѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ. Такимъ образомъ Цезарь въ Римѣ надѣялся утвердить неограниченную власть. Въ средніе вѣка, во Франціи, король считался защитникомъ народа и общинъ, противъ феодализма. Въ настоящее время монархическіе соціалисты приглашаютъ государя исполнить подобную миссію, но только противъ финансовой и промышленной буржуазіи, которая пользуется привилегіями поземельной аристократіи. Они ссылаются на авторитетъ Лоренца фонъ Штейна, знаменитаго вѣнскаго профессора. «Всякая монархія, говоритъ онъ, будетъ не болѣе какъ пустая тѣнь и уступить мѣсто республикѣ, или преобразится въ военный деспотизмъ, если только она, проникшись нравственнымъ достоинствомъ своей роли, не возьметъ на себя инициативы въ соціальныхъ реформахъ.» Что можетъ сдѣлать хорошаго конституціонный государь, предоставленный на произволъ партій, которыя попеременно располагаютъ большинствомъ голосовъ? И что такое эти партіи? Коалиціи интересовъ, группы котерій, представители и орудія эгоизма тѣхъ классовъ, которые пользуются властью, чтобы эксплуатировать въ свою пользу законодательство и бюджетъ. Одинъ только король можетъ подняться выше этихъ столкновений, честолюбій и своекорыстій, чтобы стать представителемъ постоянныхъ интересовъ націи;

одинъ онъ можетъ взять въ руки дѣло угнетенныхъ, потому что одинъ онъ не имѣетъ никакой выгоды въ ихъ порабощеніи.

Этотъ идеаль добраго владыки, обезпечивающаго каждому его часть земнаго благоденствія, имѣетъ нѣкоторый блескъ обѣтованій мессіи, который можетъ обольщать, особенно когда парламентскій механизмъ вращается по пустому или портится. Но кто гарантируетъ что владыка не будетъ глупъ, идиотъ или злой человѣкъ? Цезаризмъ сдѣлалъ слишкомъ мало хорошаго, чтобы возвратиться къ нему, по крайней мѣрѣ, добровольно. Между тѣмъ извѣстно, что христіанскіе соціалисты высказываютъ мысль, что императоръ Вильгельмъ самъ задался этой задачей. Онъ чувствуетъ отвращеніе къ правленію большинства; охотно принимаетъ жалобы рабочихъ, и, какъ мы видѣли, даетъ деньги на соціалистическіе опыты. Точно также эту мысль давно лелѣетъ Бисмаркъ, и, какъ говорятъ, готовится скоро осуществить ее (декабрь 1880).

Нужно замѣтить впрочемъ, что Пруссія имѣетъ удивительно подготовленную почву для процвѣтанія «государственнаго социализма.» Ни одинъ новѣйшій народъ не воспроизводитъ полнѣе типа греческихъ городовъ, гдѣ индивидуумъ подчиненъ благосостоянію государства. Подъ энергическимъ управленіемъ Фридриха II, прусское государство сдѣлалось политической машиной, которая овладѣваетъ человѣкомъ съ дѣтства, сначала посредствомъ школы, потомъ посредствомъ арміи, чтобы давать ему форму сообразно съ своими потребностями. Прусскій гражданскій кодексъ уже содержитъ въ себѣ часть статей христіанско-соціалистической программы. Вотъ дѣйствительно, что мы находимъ въ главѣ XIX второй части *Preussische Allgemeine Landrecht*. § 1. Государство должно заботиться о пищѣ и содержаніи гражданъ, которые не могутъ сами себѣ ихъ достать, или не могутъ получить ихъ отъ тѣхъ, которые обязаны къ этому закономъ. § 2) Тѣмъ, которые не находятъ себѣ занятій, назначаются работы, сообразно ихъ силѣ и ихъ способностямъ. § 3) Тѣ, которые по лѣности или изъ любви къ праздности или вслѣдствіе другихъ порочныхъ наклонностей

не заботятся о пріисканіи себѣ средствъ къ существованію, будутъ назначаемы для исполненія полезныхъ работъ подъ надзоромъ властей. § 6) Государство имѣетъ право и обязано создать учрежденія, которыя одинаково предупреждали бы нищету однихъ и расточительность другихъ. § 7) Въ государствѣ безусловно воспрещено все то, что можетъ породить праздность, особенно въ нисшихъ классахъ, также все то, что можетъ отвлекать отъ работы. § 10) Общинныя власти обязаны давать пропитаніе бѣднымъ жителямъ. § 11) Они должны узнавать причины ихъ нищеты и указывать ихъ высшему начальству, чтобы можно было помочь имъ.» Какъ не сказать, что это статьи закона христіанской Саленты? Заповѣдь святаго Павла: тотъ кто не работаетъ, не долженъ ѣсть, *qui non laborat nec manducet*, обращена здѣсь въ статью закона. Праздность есть преступленіе. Въ этомъ же кодексѣ признано право на помощь, какъ въ законѣ Елизаветы, и право на трудъ, какъ въ 1848 году. Покровительственная роль государства выставлена весьма ясно. Соціалистическій смыслъ прусскаго кодекса не подлежитъ сомнѣнію.

Главная цѣль, къ которой нужно стремиться, по мнѣнію христіанскихъ соціалистовъ, состоитъ въ томъ — и здѣсь они согласны «съ соціалистами консерваторами», чтобы организовать ремесленныя корпораціи. Только такимъ образомъ можетъ быть измѣнена настоящая система наемнаго труда. Тайный совѣтникъ Ф. Рёло, который послѣ выставки въ Филадельфіи доказалъ такъ безжалостно и съ такою пользою несовершенства германской промышленности, думаетъ также, что организація корпорацій необходима для сформированія способныхъ ремесленныхъ учениковъ. Онъ хочетъ, чтобы они организовались свободно и безъ монополіи, но подъ покровительствомъ государства. *Staats-Socialist*, напротивъ, требуетъ, чтобы они были принудительны и обязательны для всѣхъ ремесль. Только тогда они дали бы рабочему возможность дѣйствительно защищать свои интересы. Эти ремесленныя корпораціи имѣли бы своихъ представителей въ парламентѣ, и вмѣшательство въ

политику такимъ образомъ организованныхъ рабочихъ было бы полезнѣе нежели теперь, подъ знаменемъ партіи. Сисмонди также рекомендовалъ эту систему представительства, существовавшую въ средніе вѣка во многихъ городахъ. Такимъ же образомъ въ Англіи и до сихъ поръ университеты имѣютъ своихъ спеціальныхъ депутатовъ. Когда во Франціи разбирался вопросъ о составѣ сената, то было предложено ввести туда, представителей высшихъ государственныхъ учреждений и также представителей торговли и промышленности. Хотя эта идея не согласуется съ настоящими формами правленія, но ее напрасно отвергли. Если справедливо, что правительство должно служить выраженіемъ не только произвольныхъ желаній большинства, но мудрости и истинныхъ интересовъ націи, то представительство высшихъ учреждений и крупной промышленности, по крайней мѣрѣ въ одной палатѣ, имѣло бы большія выгоды.

Staats-Socialist предлагаетъ за образецъ американскую ассоціацію желѣзно-дорожныхъ машинистовъ, управляющихъ локомотивами. Она насчитываетъ сто девяносто два «отдѣленія» и четырнадцать тысячъ членовъ. Она основана на христіанскомъ чувствѣ. Ея девизъ: *Дѣлайте другимъ то, что вы желали бы, чтобы другіе вамъ дѣлали: таково исполненіе закона.* Собранія начинаются молитвой. Библія лежитъ на столѣ совѣта. Предающіеся пьянству безжалостно исключаются. Ассоціація имѣетъ страховую кассу, которая выплачиваетъ 3,000 долларовъ вдовѣ или сиротамъ умершаго члена. Болѣе милліона долларовъ были розданы такимъ образомъ. Она не принимала участія ни въ какой стачкѣ, но число и единодушіе ея членовъ составляетъ силу, съ которою должны считаться компаніи желѣзныхъ дорогъ. Корпоративный духъ и вслѣдствіе его чувство чести составляютъ гарантію нравственности и хорошаго труда. Машинисты, публика и сами компаніи могутъ только поздравить себя съ этими счастливыми результатами, и было бы желательно достигнуть такихъ же результатовъ во всѣхъ ремеслахъ. Только въ этомъ случаѣ ассоціація свободна, какъ основанная по инициативѣ тѣхъ, изъ кого она состоитъ.

Если бы государство захотѣло своею властью основать такія же учрежденія, то, надо полагать, оно не имѣло бы успѣха, а еслибы дало имъ монополію, то скоро-бы разстроило ту промышленность, которая дѣйствуетъ теперь.

Въ Германіи въ настоящее время дѣлаются попытки возстановить ремесленные корпораціи, цехи. Такъ въ Оснабрюкѣ, ремесленники сформировали корпорацію по внушенію и подъ покровительствомъ бургомистра Микеля, и *Staats-Socialist*, отъ 5 октября 1878 года, напечатавъ уставъ ея. По свидѣтельству совѣтника Ф. Рѣло, часовщики всей Германіи сформировали ассоціацію, представительницею которой служить центральная делегація. Они составили правила для допущенія ремесленныхъ учениковъ. Въ настоящее время они занимаются введеніемъ системы фабрикаціи, употребляемой въ Соединенныхъ-Штатахъ. Граверы, горшечники, жестяники, механики послѣдовали этому примѣру. Главная ихъ цѣль образовать хорошихъ рабочихъ и возбудить корпоративный духъ. Совѣтникъ Рѣло превозносилъ эти попытки, потому что онъ видѣлъ въ нихъ средство поднять германскихъ рабочихъ на уровень съ англійскими и американскими. Но недавно большая часть ассоціацій была закрыта въ виду новаго закона противъ соціалистовъ.

Центральная ассоціація соціальной реформы заслужила одобреніе и даже содѣйствіе отъ многихъ очень извѣстныхъ экономистовъ, какъ Адольфъ Вагнеръ, изъ берлинскаго университета, Шефле, бывшаго австрійскаго министра финансовъ, автора *Socialismus und Capitalismus*, Адольфа Замтера, кенигсбергскаго банкира и профессора фонъ-Шеля *). Но чтобы дѣйствовать на массы, какъ это дѣлаютъ соціалисты католики, нужно было содѣйствіе пасторовъ; поэтому основатели дѣла, Штекеръ и Тодтъ, направили въ эту сторону всѣ свои усилія. По ихъ мнѣнію, обязанность духовенства, и даже протестантской церкви, какъ центра, вмѣшаться въ споры о соціальномъ вопросѣ. Этотъ вопросъ, говорятъ они, всецѣло обнимаетъ чело-

*) См. новое сочиненіе *фонъ-Шеля*: *Unsere Sociale-politische Parteien*.

вѣка. Соціалистическая демократія основана на матеріализмѣ и распространяетъ атеизмъ. Либерализмъ и такъ называемая положительная наука снабжаютъ его оружіемъ, потому что они силятся вырвать съ корнемъ религіозное чувство. Кто защититъ это драгоцѣнное сокровище человѣчества, если не пасторъ? Христосъ пришелъ, чтобы принести «добрую вѣсть» бѣднымъ. Послѣдователи Христа и апостолы должны ему подражать. Они должны изслѣдовать, въ чемъ состоитъ зло въ нисшихъ классахъ, чтобы излечить его. Одна только политическая экономія можетъ пролить свѣтъ на эти трудные вопросы; а потому имъ слѣдуетъ старательно изучать ее. Пасторы должны безпрепятственно напоминать государству и высшимъ классамъ о тѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ на нихъ евангельскій законъ относительно ихъ нищей братіи. Страсть къ накопленію богатствъ все болѣе и болѣе дѣлается отличительной чертой нашего времени. Это «маманизмъ»—врагъ христіанства. Противъ него слѣдуетъ непрестанно бороться.

Народъ отдаляется отъ церкви, потому что она занимаетъ его только абстрактными формулами. Пусть она снизойдетъ на почву настоящей дѣйствительности, пусть она говоритъ ему о томъ, чѣмъ заняты его мысли и она возвратитъ свое вліяніе. Почему рабочій слушаетъ атеиста демагога, который сообщаетъ ему горестныя доктрины враждебныя праву, гораздо охотнѣе, чѣмъ священника, предлагающаго ему евангеліе, книгу о бѣдномъ и угнетенномъ? Но чтобы поражать агитаторовъ демагоговъ, пасторы должны знать какъ вопросы, которыми они занимаются, такъ и аргументы, на которые они ссылаются. Было бы необходимо, чтобы они проходили въ университетахъ курсъ соціальныхъ наукъ. Богословіе и политическая экономія тѣсно связаны между собой *). Только при помощи соціальной экономіи можно понять значеніе христіанства и заключающіяся въ немъ силы для излеченія болѣзней новѣйшаго времени.

Высшіе представители евангелической церкви держали себя

*) См. этюдъ пастора Тодта подъ заглавіемъ *Der Innere Zusammenhang der Theologie und dem Studium der Socialwissenschaften.*

очень осторожно, и скорѣе враждебно; но нисшее духовенство было возбуждено. Болѣе семи сотъ пасторовъ прислали свое одобреніе въ центральное общество соціальной реформы. Докторъ Кегель, придворный проповѣдникъ, докторъ Бауеръ, суперинтендентъ докторъ Бюхзель, горячо приглашали протестантское духовенство заняться соціальнымъ движеніемъ. Пасторъ Штекеръ выказалъ замѣчательное мужество. На публичныхъ собраніяхъ въ Берлинѣ, онъ говорилъ смѣло противъ самыхъ экзальтированныхъ соціальныхъ демагоговъ, и по временамъ силою краснорѣчія вырывалъ одобренія враждебной толпы. Его опровергалъ съ неслыханною горячностью одинъ изъ вожаковъ берлинскаго соціализма, Мостъ, депутатъ имперскаго парламента. Трудно составить себѣ понятіе о тонѣ этой филиппики, которая заключалась въ поношеніи христіанства и его служителей. Она закончилась прославленіемъ атеизма. «Соціальная демократія не отступитъ, воскликнулъ Мостъ въ одной изъ своихъ рѣчей. Она будетъ продолжать свое движеніе и исполнитъ свои намѣренія, даже если бы вся поповщина (*das gesammte Pfaffenthum*) возстала противъ нея плотными батальонами, способными затемнить солнце, какъ то дѣлають тучи саранчи. Соціальная демократія знаетъ, что дни христіанства сочтены, и что недалеко минута, когда скажутъ священникамъ: кончайте ваши счеты съ небомъ, потому что часъ вашъ истекъ. Такъ какъ пасторъ Штекеръ и его друзья дѣлали воззваніе къ религіознымъ чувствамъ и старались доказать, что въ принципахъ и чувствахъ христіанскихъ найдется рѣшеніе соціальныхъ затрудненій, то депутатъ Мостъ организовалъ агитацію, чтобы довести рабочихъ до официальнаго отдѣленія отъ церкви массами (*Massenaustritt aus der Kirche*). «Уже давно, говоритъ онъ, вы не ходите въ храмъ и не имѣете ни какихъ сношеній съ господами въ черныхъ фракахъ. Но этого недостаточно. Они еще продолжаютъ считать васъ овцами своего стада и поэтому имѣютъ притязаніе стричь васъ. Надо съ этимъ покончить. Объявите прямо, что вы отдѣляетесь отъ церкви, станьте въ ряды подъ знамя науки, которая отвергаетъ всѣ

предразсудки». При выходѣ изъ этихъ засѣданій, выходившимъ предлагали подписываться подъ заявленіями, обращенными къ властямъ, объ отдѣленіи отъ господствующей церкви.

6-го февраля того же года (1878), въ залѣ Ренца состоялся большой *митингъ* женщинъ. Мужчины были безжалостно изгнаны. Зала была полна. У бюро возсѣдала на президентскомъ мѣстѣ г-жа Ганъ, которая раньше основала ассоціацію рабочихъ женщинъ, уничтоженную полиціей въ 1875 году. Рядомъ съ нею находился депутатъ Мостъ и распорядитель миссіи докторъ Ваугеманнъ, явившійся защитить социалистовъ христіанъ. Большія красныя афиши, прибитыя на стѣнахъ, гласили: *Massenaustritt aus der Landskirche*, «выходъ массами изъ государственной церкви». Засѣданіе открылось рѣчью депутата Моста; онъ поздравлялъ себя, что видитъ социальное дѣло въ рукахъ женщинъ. Ихъ поддержка обезпечиваетъ будущее. «Женщины, гораздо больше нежели мужчины, рабы и жертвы капитала. Видя, что социальная демократія дѣлаетъ успѣхи, передъ которыми ничто не устоитъ, придворные проповѣдники и остальное духовенство проскользаютъ въ наши ряды, чтобы основать новую партію и раздѣлить наши силы. Лучшее средство положить конецъ этимъ продѣлкамъ—выйти массами изъ церкви».

Загѣмъ слово было предоставлено г-жѣ Ганъ, которая должна была разсказать о всѣхъ гнусностяхъ поповства (*Pfaffenthum*). «Моя религія, вскричала она, социализмъ, который одинъ есть истина, нравственность, справедливость и братство. Долой священниковъ во всякой одеждѣ и всякаго цвѣта! Первая реформа, которую слѣдуетъ исполнить, это преобразовать всѣ церкви въ хорошія рабочія жилища». Докторъ Ваугеманнъ отвѣчалъ, что христіанство возвысило женщинъ. Во время своихъ миссіонерскихъ поѣздокъ онъ могъ констатировать, что только христіанскій культъ устраивалъ хорошіе браки и внушалъ мужьямъ чувства уваженія къ своимъ подругамъ. Послѣ того какъ онъ развилъ эти идеи, депутатъ Мостъ отвѣчалъ ему: «Я не отрицаю благотворнаго дѣйствія христіанства на дикихъ, почему и приглашаю многихъ господъ миссіонеровъ и придворныхъ пропо-

вѣдниковъ адресовать свои проповѣди готтентотамъ. Что-же касается цивилизованныхъ людей, то на нихъ они нагоняють только скуку». Засѣданіе окончилось въ половинѣ перваго по полуночи. Женщины разошлись, распѣвая *марсельезу* Аудорфа.

Либеральныя газеты отнеслись къ соціально-евангелической партіи почти также враждебно, какъ демагогическіе листки. «Мы всетаки предпочитаемъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, соціалистовъ въ блузахъ соціалистамъ въ стихаряхъ». Официальныя и консервативныя газеты, напротивъ, одобряли эту попытку. «Мы счастливы, писалъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, что видимъ, какъ просвѣщенные люди, хорошіе патріоты и преданные монархіи храбро нападаютъ на атеистическое и анархическое движеніе, которое съ каждымъ днемъ все усиливается. Ошибка высшихъ классовъ въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на опасность. Они должны поддерживать усилія этихъ людей, идущихъ впередъ, чтобы защищать все, что мы почитаемъ. Желательно бы было, чтобы повсюду сформировались мѣстныя общества, воодушевленные тѣмъ же духомъ». Это именно соціалистически-евангелическая партія реформъ и силилась сдѣлать. Она обнаружила самую похвальную дѣятельность. Кромѣ непрерывныхъ берлинскихъ конференцій, на которыхъ обсуждались различные пункты программы, она посылала въ провинціи миссіонеровъ, чтобы они организовали собранія, излагали на нихъ преслѣдуемая цѣли и основывали мѣстныя ассоціаціи. Они успѣли такимъ образомъ сформировать во многихъ мѣстностяхъ группы зажиточныхъ людей, которые желали заниматься теоретически и практически соціальнымъ вопросомъ. Но они имѣли гораздо меньшей успѣхъ, нежели католическіе кружки, въ нисшемъ классѣ. Повинуясь одному лозунгу, всѣ католическіе священники принялись за дѣло; между тѣмъ какъ протестантскіе пасторы дѣйствовали въ одиночку, смотря по ихъ личнымъ обстоятельствамъ и убѣжденіямъ.

Покушенія на жизнь императора и внесеніе законопроекта противъ соціалистовъ поставили партію евангелическихъ со-

ціалистовъ въ самое щекотливое и затруднительное положеніе. Ея основатели были придворные проповѣдники. Какъ не рукоплескать принятію энергическихъ мѣръ для того, чтобы усмирить этихъ дикарей, которыхъ свирѣпый и глупый фанатизмъ толкнулъ совершить ужасное преступленіе и во всякомъ случаѣ даже бесполезное для успѣха ихъ намѣреній? *Staats-Socialist* объявилъ себя монархическимъ и консервативнымъ. Могъ-ли онъ отвергать законъ, представленный во имя принциповъ, которые онъ поставилъ себѣ задачей защищать? Однако онъ это сдѣлалъ, и этимъ выказалъ предусмотрительность и мужество. Онъ извлекъ изъ покушеній доказательство того, что онъ вовсе не преувеличивалъ опасности социалистической демагогіи. Онъ отвергалъ законъ противъ социалистовъ потому, что не уничтоживъ зла, законъ только принудитъ его спрятаться внутрь и потому помѣшаетъ излечить его. Онъ будетъ имѣть особенно пагубное дѣйствіе тѣмъ, что помѣшаетъ высшимъ классамъ исполнять ихъ обязанности относительно тѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ. Едва-ли однако *Staats-Socialist* и партія евангелическихъ социалистовъ, несмотря на свои связи съ придворнымъ міромъ, избѣгнуть тѣхъ мѣръ строгости, которыя поражаютъ повсюду ассоціаціи и газеты, занимающіяся социальнымъ вопросомъ. Цѣль, къ которой стремится правительство, та, чтобы царило полное молчаніе по этому предмету, такъ чтобы полиція могла похвастаться возстановленіемъ порядка и спокойствія. *Silentium pacem appellant*. (Молчаніе называютъ спокойствіемъ).

Чтобы составить себѣ полное понятіе о тенденціяхъ и принципахъ, которые руководили организаціей социальнo-евангелической партіи, слѣдуетъ прочесть сочиненіе пастора Тодта, которое имѣло большой успѣхъ, и два изданія котораго были раскуплены въ нѣсколько мѣсяцевъ: *Радикальный Германскій социализмъ и христіанское общество* *). Было-бы интересно срав-

*) Der radikale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft von Rudolſ Todt. Wittemberg, 1878.

нить его съ сочиненіемъ Франсуа Гюэ, *Соціальное царство христіанства*, напечатаннымъ въ 1852 году; оно написано въ томъ же духѣ и по тому же плану. Вотъ эпиграфъ, который пасторъ Тодтъ поставилъ во главѣ своей книги. «Тотъ, кто хочетъ понять соціальный вопросъ и способствовать его разрѣшенію, долженъ имѣть съ правой стороны книги по политической экономіи, съ лѣвой—сочиненія о научномъ соціализмѣ и передъ собою открытыя страницы Новаго Завѣта». Политическая экономія, прибавляетъ онъ, играетъ роль анатоміи; она показываетъ намъ строеніе соціальнаго тѣла. Соціализмъ есть патологія, описывающая болѣзни. Евангеліе есть терапія, указывающая лекарства.

Не странно-ли, что соціализмъ главнымъ образомъ развивается въ христіанскихъ странахъ? Отчего? это происходитъ? По мнѣнію пастора Тодта, соціализмъ имѣетъ свой корень въ христіанствѣ; только онъ уклонился отъ него. Это плодъ Евангелія, но только испорченный. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Тодта, соціализмъ возникъ изъ чувства возмущеннаго при видѣ контраста, существующаго между экономическимъ устройствомъ нынѣшняго общества и извѣстнымъ идеаломъ справедливости и равенства; отсюда родилось желаніе уничтожить этотъ контрастъ радикальными реформами соціальнаго строя. Христіанство точно также осуждаетъ настоящій міръ, въ которомъ царствуютъ эгоизмъ и своекорыстіе, и возвѣщаетъ «новое царство», въ которомъ первые будутъ послѣдними, въ которомъ любовь къ ближнему сдѣлаетъ всѣхъ братьями, и въ которомъ земля будетъ принадлежать смиреннымъ и миролюбивымъ. Истинные христіане стараются исправиться сами и преобразовать все ихъ окружающее согласно съ словомъ Божиимъ. Тотъ, кто подобно позитивисту или экономисту, считаетъ настоящій ходъ вещей неизбѣжнымъ, фатальнымъ, согласнымъ съ естественными законами, становится въ противорѣчіе съ ученіемъ Иисуса Христа. А напротивъ, тотъ согласуется съ этимъ ученіемъ, кто преслѣдуетъ улучшеніе и усовершенствованіе во всемъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію пастора Тодта, каждый серьезно

вѣрующій христіанинъ имѣеть въ себѣ соціалистическую подкладку, и каждый соціалистъ, какъ-бы враждебно ни относился къ религіи, безсознательно носитъ въ себѣ христіанство. Только соціалистическій радикализмъ проповѣдуетъ атеизмъ и коммунизмъ, и въ этомъ отношеніи онъ удаляется отъ Евангелія.

Пусть никто не ошибается на этотъ счетъ, говоритъ нашъ авторъ; соціализмъ не есть, какъ вообще думаютъ, временная болѣзнь, которая пройдетъ также какъ и пришла. Онъ будетъ расти и расширяться. Въ разныя эпохи были соціалистическія вспышки, когда народныя страданія становились слишкомъ тяжелы, какъ во времена жакерій во Франціи и Англии, или въ XVI столѣтіи во время возстанія крестьянъ въ Германіи. Въ настоящее время, положеніе нисшихъ классовъ значительно улучшилось, а между тѣмъ теперь-то и обнаружилась эта болѣзнь. Она появляется даже въ странахъ, гдѣ существуетъ общее довольство, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Слѣдовательно, не бѣдность тому причиной, а контрастъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Распространенію и поддержкѣ соціализма содѣйствуютъ во первыхъ, свобода и политическія права; а во вторыхъ, распространеніе извѣстныхъ знаній по естественнымъ наукамъ и политической экономіи, и въ третьихъ, наконецъ, непрерывныя и столь быстрыя сообщенія, установившіяся между людьми и поддерживаемыя желѣзными дорогами, почтою и особенно прессою.

Когда революціонное движеніе начинается нѣсколькими вожаками, то, захвативши ихъ, можно положить конецъ опасности. Но когда глубокое волненіе охватываетъ массы, тогда напрасно хватать и удалять вожаковъ; на ихъ мѣсто всегда появляются другіе. Не слѣдуетъ ли уничтожить всякую свободу? Но уже поздно. Можно объявить осадное положеніе на время кризиса; но ни одно цивилизованное западное государство окончательно не подчинится абсолютизму и осадному положенію. Да такими мѣрами и нельзя обезпечить безопасность. По мнѣнію Тодта, одно христіанство, проникая въ враждующіе классы,

можетъ ихъ примирить на почвѣ любви къ ближнему и справедливости.

За тѣмъ, разсматривая послѣдовательно различные пункты программы радикальнаго социализма, нашъ авторъ сравниваетъ ихъ съ евангельскими принципами и показываетъ въ чемъ они сходятся и въ чемъ расходятся. Это изслѣдованіе соціальной стороны христіанства ясно показываетъ совершенно близкія отношенія, существующія между политической экономіей и религіозными идеями. Мы не можемъ здѣсь обсуждать многочисленныхъ вопросовъ, которые возбуждаются этими сближеніями. Мы можемъ только сказать, что основная идея социалистически-евангелической группы справедлива. Чтобы обезоружить народную вражду, необходимо, что-бы высшіе классы, начиная съ главныхъ лицъ государства, занялись всѣмъ, что можетъ улучшить положеніе большинства. Христіанская благотворительность должна выражаться фактами. Въ прежнее время исполняли этотъ долгъ подаеніемъ милостыни. Конечно, она будетъ всегда необходима въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но милостыня, слишкомъ легкая или изобильная, будетъ униженіемъ для того, кто ее получаетъ, а преобразованная въ учрежденіе, только поощряетъ праздность. Экономическая наука показываетъ намъ, что не такъ легко дѣлать добро. Для этого нужно предоставить самому рабочему его собственными усиліями улучшить его положеніе и для этого умножать учрежденія, возвышающія и цивилизующія его: рабочія общества, народныя библіотеки, общества сбереженія, школы для взрослыхъ и школы промышленныя. Слѣдуетъ, чтобы по инициативѣ филантроповъ и хозяевъ они основывались повсюду.

Штекеръ и Тодтъ правы: высшіе классы, вслѣдствіе ихъ практическаго матеріализма, оказываютъ пагубное вліяніе на тѣхъ, кто ниже ихъ. Роскошь пожираетъ капиталы, накопленіе которыхъ возвышало-бы рабочую плату. Она возбуждаетъ тщеславіе, разстраиваетъ состоянія; вызываетъ зависть и ненависть у тѣхъ, которымъ часто не достаетъ необходимаго. Простота жизни, прилежаніе къ труду, высшее моральное и интел-

лектуальное развитіе, вотъ примѣры, которые надо подавать народу. Тѣ, которые получаютъ чистую прибыль, должны употреблять свой излишекъ не на утонченность своихъ удовольствій, или не на удовлетвореніе своей гордости, а на общеплезныя дѣла и на благо себѣ подобныхъ. Дольфусъ въ Мюльгаузенѣ, Зигфридъ въ Гаврѣ, показываютъ намъ путь, по которому мы должны идти. Я позволю себѣ сослаться еще на одинъ примѣръ, хорошо извѣстный въ Бельгіи и который заслуживаетъ извѣстности и за границей. Этотъ примѣръ показываетъ все добро, которое можетъ сдѣлать инициатива одного человѣка. Въ 1866 году, Лоранъ, профессоръ права въ гентскомъ университетѣ, возымѣлъ мысль ввести въ первоначальныя школы этого города сбереженія для дѣтей. Онъ ходилъ изъ школы въ школу, объясняя учителямъ и ученикамъ экономическія выгоды и особенно моральныя благодѣянія сбереженій. Увлеченные симпатическими и убѣдительными словами, дѣти по копѣйкѣ отдавали свои маленькія сбереженія учителю, и когда у нихъ, такимъ образомъ, собиралось по франку, онъ бралъ для нихъ изъ сберегательныхъ кассъ книжки. Пять лѣтъ спустя, въ 1871 году, на 10.671 ученика число книжекъ было до 8 тысячъ, а съ тѣхъ поръ это число еще увеличилось.

Можетъ быть это есть зародышъ преобразованія соціального положенія. Какъ только рабочій станетъ обладать капиталомъ, тотчасъ-же обратится къ идеямъ порядка; онъ сдѣлается врагомъ всякихъ переворотовъ, которые лишили бы его того, что онъ съэкономилъ съ такимъ трудомъ. Но какимъ образомъ достигъ этого результата? Приучая его съ дѣтства къ сбереженію, которое обратится у него въ привычку? Въ послѣдствіи, когда привычка къ расточительности уже вкоренилась, лучшіе совѣты останутся безплодными. Только тотъ капиталъ будетъ непременно сбережонъ, который пріобрѣтенъ самимъ рабочимъ. Напрасно давать рабочимъ авансы отъ государства, какъ требуетъ Лассаль, или какъ то дѣлалъ германскій императоръ, по совѣту Бисмарка; они бы скоро исчезли, потому что рабочіе неспособны сдѣлать изъ нихъ хорошее употребленіе. Тотъ,

кто съумѣетъ создать капиталъ, будетъ умѣть распоряжаться имъ, сберегать и увеличивать его. Рабочія общества, которымъ въ 1848 году правительство дало авансы, скоро рушились. Существуютъ только тѣ, которыя какъ рочдельскіе піонеры, сами приобрѣли свой капиталъ въ силу порядка и экономіи. Школьное сбереженіе, какъ видно изъ объясненія Маларса, было введено въ различныхъ мѣстахъ, именно во Франціи, во многихъ городахъ; и если бы оно могло обобщиться, то благодѣянія его были бы безчисленны. Разсматривая положеніе рабочихъ классовъ, мы, къ величайшему прискорбію, видимъ, что весьма часто дѣло состоитъ не столько въ недостаточности рабочей платы, сколько въ дурномъ ея употребленіи. Высокое вознагражденіе труда большей частью ведетъ только къ увеличенію расходовъ на кабакъ, и такимъ образомъ служитъ раззореніемъ рабочаго. Напрасно вы будете проповѣдовать экономію людямъ уже установившимся. Она приобрѣтается въ силу привычки, которую слѣдуетъ развивать съ малолѣтства.

По инициативѣ Лорана, въ Гентѣ учреждены также рабочія общества, гдѣ фабричныя рабочіе собираются чтобы слушать лекціи, упражняться въ гимнастикѣ, пѣть хоромъ, играть пьесы, читать газеты и книги *). Вскорѣ устроилось четыре общества фабричныхъ работницъ въ различныхъ кварталахъ города, гдѣ молодыя дѣвушки находятъ тѣ же средства для интеллектуальнаго и моральнаго развитія. Надо видѣть въ книгѣ Лорана, столь трогательной и поучительной, *Общества работницъ въ Гентѣ*, всѣ подробности того, что дѣлается въ этихъ собраніяхъ работницъ и какое прекрасное дѣйствіе они на нихъ производятъ.

---

*) Эти общества нуждались въ помѣщеніи. Лоранъ, получивши за введеніе школьнаго сбереженія премію, въ 10,000 франковъ, учрежденную Гинаромъ съ цѣлью награждать ею дѣйствія или изобрѣтенія, способныя улучшить матеріальное и моральное положеніе рабочаго класса, далъ эту сумму для постройки помѣщенія, и прибавилъ къ нимъ еще авторскій гонораръ за его большой трактатъ о гражданскомъ правѣ. Неустомимый интеллектуальный труженикъ, онъ отдалъ своимъ собратьямъ ручнаго труда плодъ своей производительной работы.

Вотъ настоящее дѣло христіанской экономіи; такія дѣла рекомендуютъ Штекеръ и Тодтъ.

Безъ сомнѣнія, многія другія статьи программы соціально-евангелической партіи возбуждаютъ серьезные возраженія. Но общій духъ ея превосходитъ. Никогда нелишне напоминать руководящимъ классамъ и даже служителямъ церкви объ обязанности просвѣщенной и практической благотворительности, которую возлагаетъ на нихъ занимаемое ими положеніе. Вѣрно и то, что еще неисчерпано дѣйствіе ученія Христа въ мірѣ. Ихъ враги повторяютъ, что теперь уже можно видѣть еще одинъ новый примѣръ, какъ умираютъ религіи. Я этого не думаю. Догматъ будетъ имѣть меньше значенія, но нравственное и юридическое вліяніе усилятся. Вѣра евангелическихъ соціалистовъ можетъ быть резюмирована слѣдующими словами Эммануила Фихте: «христіанство носить еще въ своихъ нѣдрахъ силу обновленія, которой и не подозрѣваютъ. До сихъ поръ, оно вліяло на отдѣльныхъ лицъ, и посредственно чрезъ нихъ на государство. Но тотъ, кто могъ оцѣнить его внутреннее дѣйствіе, какъ вѣрующій, или какъ независимый мыслитель, согласится, что оно когда-нибудь станетъ внутренней организующей силой общества, и тогда-то оно возстанетъ во всей глубинѣ своихъ воззрѣній и во всемъ богатствѣ своихъ благословеній».

IV.

СОЦІАЛИСТЫ КАТОЛИКИ.

§ 1.

Въ предшествующихъ параграфахъ мы резюмировали доктрины учителей нѣмецкаго соціализма, Лассалья и Карла Маркса. Но чтобы составить себѣ понятіе о силѣ этого великаго движенія идей, противъ котораго германская имперія, среди своихъ триумфовъ, считаетъ нужнымъ принять исключительныя мѣры, надо изучить его во всѣхъ его отгѣнкахъ. Эти отгѣнки многочисленны. Есть соціалисты демократы, соціалисты интер-

націоналы, соціалісты христіане и христіанскіе соціалісты, затѣмъ соціалісты католики, государственные соціалісты, соціалісты консерваторы и «аграрные», соціалісты каѳедры и еще много другихъ. Теперь мы познакомимся съ соціалістами католиками.

Одинъ дипломатъ итальянецъ, необыкновеннаго ума, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Кавуромъ, баронъ Бланкъ, часто рассказывалъ мнѣ, что одинъ великій и проникательный патріотъ предсказывалъ ему, что ультрамонтанизмъ соединится когда-нибудь съ соціализмомъ. Бланкъ самъ твердо вѣрилъ этому. Бисмаркъ говорилъ много разъ о соединеніи красной и черной интернаціонали, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ; эта мысль справедлива. Обѣ доктрины, католицизмъ и соціализмъ, ставятъ свой идеаль выше и внѣ отечества, и мечтаютъ объ учрежденіи новаго порядка, когда вездѣ будутъ господствовать одни и тѣже принципы. Будемъ ли мы считать это за ихъ достоинство или за недостатокъ, но оба они готовы жертвовать народностью ради универсальности. Предсказанія Кавура и Бисмарка готовы кажется осуществиться въ настоящее время. Въ Германіи, движеніе соціалистовъ-католиковъ существуетъ уже около пятнадцати лѣтъ. На послѣднихъ выборахъ въ имперскій парламентъ соціалісты и ультрамонтане вмѣстѣ подавали голоса тамъ, гдѣ они были въ меньшинствѣ, и на перебалотировкахъ они сговорились выбирать того изъ ихъ кандидатовъ, который получилъ больше голосовъ. Католическія газеты говорятъ открыто, что вмѣсто того, чтобы вступать въ союзъ съ канцлеромъ, онѣ скорѣе будутъ поддерживать самыя крайнія партіи, и въ преніяхъ о законѣ противъ соціализма, ультрамонтанскій центръ объявилъ, что онъ не приметъ его ни съ какимъ измѣненіемъ и ни подъ какимъ видомъ. Бисмаркъ можетъ слѣдовательно утверждать, что соединеніе двухъ интернаціоналей есть совершившійся фактъ; увѣряютъ даже, что для того чтобы его уничтожить, онъ возобновилъ сношенія съ Римомъ.

Во Франціи тѣ воинствующие католики, которые дѣйстви-

тельно составляютъ политическую партію, кажется, хотять вступить на тотъ же путь. Недавно, одна газета, пользующаяся у нихъ большимъ довѣріемъ, и въ тоже время пользующаяся расположеніемъ въ Римѣ, напечатала цѣлый планъ общественныхъ реформъ, могущихъ положить предѣлъ «безпорядку нынѣшняго промышленнаго режима». Общая мысль была указана въ книгѣ одного извѣстнаго экономиста, профессора католическаго университета въ Лувенѣ, Перена*), но до сихъ поръ все повидимому ограничивалось платоническимъ стремленіемъ къ возвращенію къ средневѣковымъ экономическимъ учрежденіямъ. Теперь, напротивъ, являлась программа практическихъ реформъ, въ пользу которой хотѣли расположить и рабочіе классы. Самъ Перенъ и графъ де Мёнъ высказали это на конгресѣ католическихъ рабочихъ, недавно собиравшемся въ *Шартръ*, съ подробностями и краснорѣчивыми эффектами, какіе только допускаетъ предметъ. Повсюду основываются, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, кружки рабочихъ и ассоціаций, гдѣ излагаются и распространяются эти идеи. Такъ какъ во Франціи демократическій социализмъ сражается въ первыхъ рядахъ большой антиклерикальной арміи, то католическій социализмъ ничего не можетъ отъ него заимствовать, и не можетъ предложить ему свою поддержку. Но въ Германіи, гдѣ процвѣтаютъ всѣ отгѣнки социализма, можно прослѣдить это замѣчательное и весьма важное движеніе.

Уже въ 1863 году, на конгресѣ католическихъ ученыхъ въ Мюнхенѣ, знаменитый теологъ Делингеръ высказалъ мысль, что католическія ассоціаци должны заняться социальнымъ вопросомъ. Вскорѣ послѣ того, одинъ извѣстный прелатъ, майнцскій епископъ Кеттелеръ, издалъ на эту-же тему сочиненіе, произведшее большой эффектъ, подъ заглавіемъ: *Die Arbeiterfrage und das Christenthum*. Въ немъ онъ доказывалъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ, социализмъ и христіанство согласны между собою. Въ сущности, это мысль не новая. Въ

*) La richesse dans les sociétés chretiennes. См. также новое сочиненіе Перена: Les doctrines économiques depuis un siècle.

средніе вѣка жаки во Франціи и возставшіе крестьяне въ XVI столѣтїи въ Германіи, ссылались на Евангеліе. Люди французской революціи, которые мечтали о бѣльшемъ, чѣмъ свободныя учрежденія и гражданское равенство, дѣлали тоже, и Камилль Демуленъ называлъ Иисуса первымъ изъ бѣднѣковъ. Послѣ 1848 г. французскіе соціалисты въ подтвержденіе своихъ доктринъ охотно ссылались на святыхъ отцовъ, и одинъ изъ коммунистовъ, Вильгардель, у котораго нельзя отнять ума, составилъ цѣлый томъ выдержекъ изъ ихъ сочиненій, которыя доказываютъ, что немедленно же слѣдуетъ уничтожить частную собственность *). Въ 1852, за двѣнадцать лѣтъ до епископа Майнцаго, одинъ католическій философъ, Франсуа Гюе, написалъ сочиненіе *Соціальное царство христіанства*, въ которомъ изложены очень методично, ясно и научно идеи развиваемыя теперь соціалистами католиками. Это безъ всякаго сомнѣнія лучшее сочиненіе, которое появлялось когда либо по этому вопросу.

Ссылаться на евангеліе въ пользу коммунизма или соціализма справедливо и въ тоже время несправедливо. Если утверждаютъ, что христіанство предписываетъ ту или другую организацію, политическую или общественную, то это ошибочно. Христосъ проповѣдывалъ обновленіе сердець, реформу внутреннюю. Онъ не думалъ измѣнять окружавшее его общество; оно должно было скоро исчезнуть въ космическомъ переворотѣ, ужасающую картину котораго рисуютъ намъ евангелисты. «На другой землѣ и подъ другими небесами» долженъ былъ осуществиться обѣщанный идеалъ: «Мое царство не отъ міра сего», говорилъ Христосъ. Но правда, что евангеліе, какъ и пророки Ветхаго Завѣта, проникнуто могущественнымъ духомъ братства и равенства. «Добрая вѣсть или евангеліе царства небеснаго» возвѣщается бѣднымъ. Въ немъ первые будутъ послѣдними. Блаженни алчущіе и жаждующіе правды, яко тїи

*) *Histoire des idées sociales avant la revolution, par L. Villegardelle.*
См. того же времени и въ томъ-же духѣ *Evangile devant le siècle, par Simon Granger.*

насытятся. Какія глубокія слова, какъ безгранична эта высокая любовь къ страждущимъ, которую назвали милостью!

Что бы ни говорили враги христіанства, несомнѣнно то, что изъ евангелія возникло это движеніе эмансипаціи нисшихъ классовъ, которое, уничтоживъ мало по малу рабство и невольничество, провозгласило равенство сперва въ американской революціи, а потомъ и во французской. Все то, что дѣлается для возвышенія униженныхъ и смягченія участи бѣдныхъ, согласно съ ученіемъ Христа; и потому соціализмъ по своей общей тенденціи и насколько онъ стремится только, слѣдуя сенсимонистской формулѣ, «улучшить нравственное, умственное и матеріальное состояніе большинства», очевидно вытекаетъ изъ христіанскаго вдохновенія. Нельзя также отрицать и того, что слова, въ которыхъ Христосъ проповѣдуетъ любовь, братство и удаленіе отъ міра сего, объясняемая въ духѣ абсолютнаго идеализма и крайняго аскетизма, естественнымъ образомъ приводятъ къ коммунизму, не только такому, какой существовалъ среди непосредственныхъ учениковъ Христа въ Іерусалимѣ, но и къ такому, какой мы еще видимъ въ наше время, въ этихъ многочисленныхъ монастыряхъ, которые постоянно увеличиваясь въ числѣ, наполняютъ города и деревни. Церковь никогда не осуждала того соціального режима, при которомъ нѣтъ частной собственности и даже мысль о моемъ и твоёмъ осуждается какъ покушеніе на братство. Напротивъ, извѣстные церковные учителя и политики, какъ напр. Боссюе, видѣли въ немъ идеалъ христіанской жизни. Конечно дѣло здѣсь идетъ о коммунизмѣ, практикуемомъ свободно. Но если таковъ идеалъ, то не въ правѣ ли мы желать, чтобы онъ былъ принятъ всеми? Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если тѣ, которые нападаютъ на настоящую организацію нашихъ обществъ, захотятъ искать оружія въ твореніяхъ святыхъ отцовъ, то найдутъ въ нихъ неисчерпаемый арсеналь. На этой почвѣ католицизмъ и соціализмъ могутъ сойтись безъ труда; достаточно чтобы они вспомнили своихъ предшественниковъ и поднялись до ихъ принциповъ *).

*) Въ проповѣдяхъ Боссюе много мѣстъ, которыя соціалисты могли бы

Нѣтъ болѣе страннаго заблужденія, какъ заблужденіе демократовъ требующихъ равенства, которые нападаютъ на христіанство и предпочитаютъ доктрины научнаго матеріализма. Кто берется измѣнить организацію настоящаго общества, тотъ долженъ сослаться на какія нибудь нарушенныя права, и показать другой идеаль, къ которому нужно стремиться. Одинъ только спиритуализмъ ищетъ въ отвлеченныхъ идеяхъ справедливости и раціональнаго порядка понятія о правѣ, которое выше дѣйствительности, съ которымъ она должна сообразоваться. Христіанство дало западнымъ народамъ идею о «Царствѣ», т. е. идеаль міра совершенно отличнаго отъ того, который существуетъ. Спиритуализмъ и христіанство стремятся измѣнять порядокъ вещей до тѣхъ поръ, пока во всемъ не будетъ царствовать справедливость.

Научный матеріализмъ скажетъ какъ Пилать: а что такое принять за текстъ для своихъ требованій. См. напримѣръ *Проповѣдь о величій бѣдныхъ въ церкви*: „Господь меня послалъ, сказалъ Спаситель, чтобы возвѣститъ евангеліе бѣднымъ: *Evangelizare pauperibus misit me*. Онъ терпитъ богатыхъ только для оказанія помощи бѣднымъ. Потому въ древней церкви все дѣлили поровну изъ боязни остаться виновнымъ въ чьей нибудь нуждѣ... ибо какая несправедливость, братіе, что бѣдные несутъ все бремя, и вся тяжесть нищеты падаетъ на ихъ плечи. Если они жалуются и рошутъ на Божественное провидѣніе, то — Господи, да позволено мнѣ будетъ сказать это, — нѣсколько справедливо; такъ какъ всѣ люди созданы изъ одной и той же массы, и такъ какъ не можетъ быть большой разницы между грязью и грязью, то почему же видимъ мы, съ одной стороны, радость, власть и изобиліе, а съ другой — тоску и отчаяніе, крайнюю нужду, и еще болѣе, пренебреженіе и рабство? Почему же этотъ счастливый человѣкъ будетъ жить въ такомъ довольствѣ и удовлетворятъ самымъ бесполезнымъ желаніямъ изысканнаго любопытства, тогда какъ бѣдный, такой же человѣкъ какъ и онъ, не въ состояніи поддерживать свою бѣдную семью, ни облегчить гнетущій ее голодъ“?

Въ проповѣди объ отношеніи къ житейскимъ нуждамъ, повторяется таже мысль: „Ропотъ бѣдныхъ справедливъ. Зачѣмъ это неравенство условий? Всѣ созданы изъ одной и той же грязи, невозможно оправдать это иначе какъ развѣ говоря только, что Господь поручилъ бѣдныхъ богатымъ, и имъ назначилъ пользоваться въ жизни ихъ избытками. *Ut fiat equalitas*, какъ говоритъ св. Павелъ (Коринфянамъ VIII 14).

справедливость? Онъ занимается только фактами, которые онъ констатируетъ, и когда эти факты воспроизводятся правильно и въ извѣстной связи, то онъ ихъ называетъ естественными законами, которымъ необходимо подчиняться. Какъ можно представить себѣ право противное фактамъ, т.-е. законамъ естественнымъ? Въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ лучше вооруженные; слабѣйшіе исчезаютъ безъ потомства: такъ совершается прогрессъ путемъ естественнаго подбора. Экономистъ, который ограничивается констатированіемъ фактовъ, не преслѣдуя никакого идеала, долженъ разсуждать также. Уничтожьте всѣ препятствія, установите свободу во всемъ и для всѣхъ, и между индивидуумами, предоставленными всеобщей конкуренціи, самые искусные одержатъ верхъ. Они стануть самыми богатыми и могущественными. Того требуетъ благо общества, и въ этомъ состоитъ справедливость.

Мальтусъ есть предшественникъ Дарвина, который самъ признаетъ это. Когда Мальтусъ говорилъ о тѣхъ, которымъ нѣтъ мѣста на жизненномъ пиршествѣ и которыхъ природа немедленно устраняетъ, то этимъ уже раньше Дарвина употребилъ въ дѣло теорію борьбы за существованіе. Христіанство протягиваетъ руку несчастному и требуетъ мѣста для обездоленныхъ. Дарвинизмъ и экономизмъ говорятъ имъ, что они лишніе и что имъ слѣдуетъ исчезнуть. Дарвинизмъ преклоняется передъ фактомъ во имя естественныхъ законовъ и необходимости. Во имя идеала христіанство возстаетъ противъ этого факта, который оно хочетъ подчинить велѣніямъ разума и справедливости.

Мы увидимъ, разбирая книгу епископа Фонъ Кеттелера, отчего произошло то, что социалисты-демократы предпочитаютъ безбожный матеріализмъ, который логически признаетъ законнымъ поработеніе народа, христіанству, которое зоветъ народъ къ свободѣ.

Епископъ майнцскій считается извѣстнѣйшимъ прелатомъ католической іерархіи въ Германіи. Его недавняя смерть оставила пробѣлъ, который до сихъ поръ еще незаполненъ. Въ своей

книгѣ: *Рабочій вопросъ и христіанство*, чтобы обрисовать недуги настоящаго общества, онъ заимствуетъ краски и даже выраженія у Лассалья. Подобно Лассалю, и онъ возлагаетъ отвѣтственность за нихъ на либерализмъ и на политическую экономію манчестерской школы, *Manchesterthum*. Французскіе ультрамонтане высказываютъ теперь тѣ же идеи и говорятъ совершенно тѣмъ же языкомъ. Недавно въ Шартрѣ, на конгресѣ католическихъ кружковъ, графъ де Менъ говорилъ также «о соціальныхъ требованіяхъ католическихъ рабочихъ», и о возвращеніи «къ древней организаціи труда». Онъ рисовалъ нынѣшнее общество такъ, какъ это дѣлаютъ и соціалисты: «Жажда спекуляцій охватываетъ все; безжалостная борьба замѣнила плодотворное соревнованіе, мелкая промышленность подавлена, промысловый трудъ приходитъ въ упадокъ, рабочая плата понижается, пауперизмъ распространяется какъ гнусная проказа, эксплуатируемый рабочій чувствуетъ, что въ его сердцѣ развивается ферментъ неукротимой ненависти; у него нѣтъ другаго пріюта, кромѣ сопротивленія, нигдѣ нѣтъ другой помощи, кромѣ какъ въ войнѣ. Коалиція и стачки заступаютъ мѣсто организаціи труда. *Laissez faire, laissez passer*;—это приговоръ либерализма, это революціонная свобода, и она имѣетъ одно названіе, это свобода силы *).» Эти строки кажутся какъ будто прямо заимствованы изъ сочиненія фонъ Кеттелера.

*) Такъ какъ необходимо указать, до какой степени французскіе ультрамонтане употребляютъ тотъ же языкъ и ту же тактику, какъ и нѣмецкіе ультрамонтане, то мы позволимъ привести здѣсь еще одно мѣсто изъ рѣчи Менъ: «Свобода, господа! да гдѣ же она? Я слышу, что объ ней говорятъ со всѣхъ сторонъ; но вижу только людей, которые ее конфискуютъ въ свою пользу. И если я буду искать ея слѣда въ томъ, что болѣе всего васъ касается, что всего ближе къ вашему сердцу, искать въ этомъ великомъ вопросѣ о трудѣ, въ которомъ заключаются всѣ другіе вопросы, и къ которому въ настоящее время ведетъ всякая общественная борьба и всякая борьба политическая, то найду здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо только возмущающую ложь. Я слышу, какъ провозглашаютъ абсолютную свободу труда какъ принципъ освобожденія народа, а на практикѣ я вижу, что она ведетъ къ рабству рабочихъ! Господа, вы ремесленники, вы рабочіе. Скажите, ошибаюсь ли я!...»

Майнцскій епископъ не скрывалъ своихъ симпатій къ Лассалю, въ то время когда Лассаль основывалъ и организовалъ социалистическую партію въ Германіи. Когда графиня Гатцфельдъ посѣтила его съ просьбой устранить препятствія, которыя мѣшали браку Лассалья, некрещенаго еврея, съ дочерью баварскаго дипломата, который этого ни за что не хотѣлъ, то, какъ мы видѣли выше, фонъ Кеттелеръ очень хвалилъ рѣчи и предпріятіе знаменитаго агитатора. Соціальный вопросъ, говорилъ прелать, гораздо важнѣе всѣхъ вопросовъ политическихъ, которые наполняютъ газеты и парламенты своими нескончаемыми преніями. Эти вопросы интересуютъ только буржуазію; а тотъ затрогиваетъ существованіе большинства. Для рабочаго вопросъ состоитъ въ томъ, найдетъ ли онъ необходимое для своего существованія. Эта мысль постоянно проводится въ социалистическихъ нѣмецкихъ газетахъ подъ слѣдующей «реалистической» формулой: «соціальный вопросъ есть вопросъ желудка» (*die sociale Frage ist eine Magenfrage*).

Отъ чего зависитъ положеніе рабочаго? Очевидно отъ размѣра рабочей платы. А отъ чего зависитъ размѣръ рабочей платы? Отъ закона предложенія и спроса, отвѣчаетъ прелать согласно съ экономистами, т.-е. отъ желѣзнаго закона, *eiserne Lohngesetz*, какъ выражается Лассаль. Прежде, прибавляетъ епископъ, судьба мастераго была гарантирована ремесленною организаціею. Трудъ составлялъ собственность, которую регламентація предохраняла отъ колебаній рынка и отъ борьбы конкурренцій. Теперь уже не то; трудъ не болѣе какъ товаръ: *Die Arbeit ist eine Waare*, и какъ товаръ, онъ подчиненъ законамъ устанавливающимъ цѣну на товары. Цѣна на товары повышается или падаетъ, смотря потому, великъ или малъ спросъ; но она стремится приблизиться къ уровню издержекъ производства. Чтобы одержать верхъ надъ своими конкуррентами, фабрикантъ принужденъ уменьшать на сколько можетъ эти издержки, чтобы имѣть возможность продавать свои произведенія дешевле другихъ. Издержки производства товара-труда суть пища и содержаніе рабочаго. Слѣдовательно, существуетъ

всеобщая вынужденная тенденція довести до минимума издержки на содержаніе рабочаго. Одержитъ верхъ тотъ, кто въ состояніи будетъ извлечь изъ своихъ рабочихъ самую большую сумму полезныхъ усилій, при самомъ небольшомъ расходѣ на ихъ содержаніе. При настоящей организаціи, этотъ математическій или механический законъ разрушаетъ какъ добрыя намѣренія хозяевъ, такъ и сопротивленіе рабочихъ. Итакъ, заключаетъ майнцскій епископъ, никакъ нельзя скрывать отъ себя, что существованіе рабочаго класса, т.-е. большей части человѣческаго рода, что насущный хлѣбъ отца и его семьи, подчиненъ всѣмъ колебаніямъ рынка, который возмущается постоянными кризисами. «И вотъ невольничій рынокъ открытъ во всей новой Европѣ, и онъ скроенъ по образцу начертанному нашимъ просвѣщеннымъ и противу-христіанскимъ либерализмомъ и нашими франк-масонскими человѣколюбцами».

Не странно-ли видѣть во главѣ книги его преосвященства фонъ-Кеттелера, ту самую теорію «товара-труда» *Arbeit Waure*, которая будучи развита цѣлымъ аппаратомъ научныхъ анализовъ и алгебраическихъ формулъ, служитъ основаніемъ знаменитой книги Карла Маркса *Das Kapital*, составляющей евангеліе германскаго соціализма!

Каковы причины невыносимаго положенія, въ которое поставленъ рабочій классъ? По мнѣнію епископа, вотъ двѣ главныя. Во первыхъ радикальное уничтоженіе всякой организаціи труда. Прежде существовалъ родъ контракта между обществомъ и рабочимъ. Ремесленникъ удовлетворялъ потребностямъ общества, а общество съ своей стороны обезпечивало ему, по правиламъ корпорацій, трудъ и рабочую плату. Теперь же онъ отданъ беззащитно на произволъ капитала. Во вторыхъ, повсемѣстное употребленіе машинъ и развитіе крупной промышленности безпрестанно уменьшаютъ число ремесленниковъ, располагающихъ собственнымъ капиталомъ и увеличиваютъ число работающихъ по найму, которые вполне зависятъ отъ измѣнчиваго спроса на руки.

Указавъ причины зла, фонъ-Кеттелеръ ищетъ средства про-

тивъ него. Ихъ нельзя найти въ свободѣ, какъ это воображаютъ, говоритъ онъ. Свобода для рабочаго состоитъ въ предложеніи своихъ рукъ въ наемъ и въ голодной смерти, если ни кому не нужны его услуги. Свободный обмѣнъ только подчиняетъ его конкуренціи той страны, гдѣ рабочая плата самая низкая. Вы говорите о *self-help*, и вы хотите, чтобы рабочій улучшалъ свое положеніе своими собственными усиліями. Это очень хорошо для нѣкоторыхъ, болѣе счастливыхъ и съ лучшими дарованіями, которые найдутъ себѣ мѣсто въ рядахъ хозяевъ; но другіе развѣ могутъ перестать отдавать себя въ наймы; а рабочая плата развѣ не управляется «железнымъ закономъ», какъ это доказали Лассаль и Рикардо?

Всѣ прекрасныя рѣчи невѣрующаго либерализма не убѣдятъ рабочихъ, что они должны покориться и жить въ лишеніяхъ, тогда какъ тѣ, которые ихъ эксплуатируютъ, наслаждаются утонченною роскошью и чувственностью. Одно только христіанство можетъ примирить нисшіе классы съ неравенствомъ состояній, которое неизбѣжно въ этой жизни. Вѣрующій приметъ безъ горечи и даже съ радостью, самыя тяжкія испытанія трудовой жизни, потому что онъ разсчитываетъ, что ими онъ пріобрѣтетъ вѣчное блаженство. Христіанство внушаетъ духъ самопожертвованія, духъ покорности и добраго поведенія. Оно осуждаетъ пьянство, невоздержность и бунтъ. Рабочій христіанинъ будетъ прилеженъ къ труду, покоренъ своимъ хозяевамъ, воздерженъ, всегда доволенъ и почтителенъ ко всѣмъ властямъ.

Эта совершенно вѣрная мысль фонъ Кеттелера объясняетъ намъ, почему демагоги проповѣдуютъ безбожный матеріализмъ. Инстинктъ каждаго человѣка заставляетъ его искать счастья. Отнимите у него надежду найти его въ другой жизни, гдѣ царствуетъ правда, онъ будетъ ее искать въ этой. Если существуетъ одна матерія, тогда во что бы то ни стало ему нужны наслажденія матеріальныя и немедленныя. Рабочіе скажутъ: довольно мы слышали вашихъ обѣщаній вѣчнаго блаженства. Мы не будемъ платить этихъ денежныхъ переводовъ на тотъ свѣтъ; мы хотимъ наслаждаться въ этомъ мірѣ единственно дѣй-

ствительномъ. Право—пустое слово; все рѣшаетъ сила. Мы составляемъ большинство. Если намъ удастся согласиться между собою, то мы будемъ самые сильные, и такимъ образомъ право будетъ за нами. Монархія, судъ, культъ, войско, парламентъ, всё эти учрежденія были созданы нашими хозяевами, чтобы насъ поработить и эксплуатировать. Надо все ниспровергнуть, даже оружіемъ или огнемъ, если это будетъ необходимо, и затѣмъ настанетъ наша очередь вкусить эти удовольствія, которыми слишкомъ долго упивались капиталисты, обогатившіеся на счетъ нашихъ лишеній.

Итакъ мы видимъ, что безбожный матеріализмъ съ одной стороны, отвергая идеаль и право, отнимаетъ всякое законное основаніе для требованій пролетаріата, и поэтому друзья народа должны бы были его отвергнуть, а съ другой стороны, уничтожая всякую надежду на другую жизнь, гдѣ вѣчное блаженство наградить за временныя испытанія въ этой жизни, онъ побуждаетъ массы ниспровергнуть существующій порядокъ, чтобы на его развалинахъ достигнуть обладанія богатствомъ и матеріальными удовольствіями, которыя оно можетъ дать. Очевидно, что тѣ, которые хотятъ общественнаго переворота, совершеннаго насиліемъ, имѣютъ интересъ распространять матеріализмъ, а тѣ, которые распространяютъ это ученіе, даютъ имъ оружіе.

Христіанство проповѣдуетъ братство всѣхъ, благотворительность, равенство; оно почитаетъ трудъ, который одинъ позволяетъ человѣку существовать; оно возвышаетъ бѣднаго и осуждаетъ богача лѣнтяя. Не можетъ быть болѣе прочнаго основанія, чѣмъ это, для требованія реформъ въ пользу неимущихъ. Несмотря на это, соціалистическая демагогія презираетъ его и хочетъ уничтожить, потому что оно, подавая надежду на другую жизнь, можетъ побудить людей примириться съ бѣдствіями настоящей жизни. Нѣтъ ни одного ученія, которое лучше атеистическаго матеріализма годилось бы для того, чтобы наполнить сердца рабочихъ яростью и ненавистью противъ общественнаго порядка, который опредѣляетъ ихъ положеніе, и по-

тому-то апостолы разрушенія принимаютъ его и распространяють.

Покуда рѣчь идетъ о томъ, чтобы выставить благотворное вліяніе, которое можетъ оказать христіанство, примѣненное къ соціальному положенію, епископъ майнцскій пишетъ весьма краснорѣчиво и патетически цѣлыя страницы; но когда надо сойти на почву экономическую и указать практическія средства для улучшенія положенія рабочихъ, то здѣсь онъ очень затрудняется. Опять таки онъ заимствуетъ у Лассалья мысль о кооперативныхъ производительныхъ обществахъ, посредствомъ которыхъ агитаторъ-соціалистъ обѣщаль совершенно преобразовать соціальную организацію.

Опасность настоящаго положенія происходитъ отъ соперничества капитала съ трудомъ. Но если бы одно и то же лицо въ одно и то же время было капиталистомъ и рабочимъ, то согласіе возстановилось бы. Надо чтобы нынѣшніе наемные рабочіе могли владѣть частью завода, фермы, желѣзной дороги, рудника, гдѣ они работаютъ, и потому получали, кромѣ рабочей платы, и часть прибыли. Тогда война между классами прекратится, потому что будетъ только одинъ классъ, и всякій капиталистъ будетъ рабочимъ, а всякій рабочій будетъ владѣть капиталомъ. Конечная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы передать въ руки кооперативныхъ обществъ всѣ орудія производства, чтобы возстановить въ нынѣшней крупной промышленности организацію труда, подобную ремесленной организаціи среднихъ вѣковъ. Майнцскій епископъ думаетъ, какъ Лассаль, что *self-help* Шульце-Делича, т.-е. сбереженія, дѣлаемые самими рабочими, недостаточны для достиженія этой цѣли. Но въ то время какъ соціалистъ-агитаторъ требуетъ 100 милліоновъ талеровъ для преобразованія настоящаго порядка, католическій прелатъ обращается для этого къ христіанскому милосердію.

Соціальный вопросъ, говоритъ онъ, тѣсно связанъ съ христіанствомъ. Первая и самая главная евангельская заповѣдь состоитъ въ любви къ ближнему и помощи страждущимъ? Не должны ли мы жертвовать всѣмъ, чтобы исполнить ее? Но ка-

какимъ образомъ исполнить этотъ долгъ, который возлагаетъ на насъ Христосъ въ такихъ убѣдительныхъ, а иногда и грозныхъ словахъ? Опытъ показалъ, что этого нельзя сдѣлать одною милостынею. Единственное средство, можетъ быть, состоитъ въ томъ, чтобы дать рабочему возможность улучшить свое положеніе, употребляя въ дѣло капиталъ, принадлежащій ему, потому что экономическіе законы всегда доводятъ рабочую плату до недостаточнаго минимума.

Пусть милосердый Господь, восклицаетъ фонъ Кеттелеръ, внушить всѣмъ добрымъ католикамъ принять эту идею кооперативныхъ производительныхъ ассоціацій на почвѣ христіанской. Такимъ только образомъ можно спасти рабочій классъ. Свобода, обѣщанная либерализмомъ, похожа на яблоки Мертваго моря, красивыя снаружи, а внутри наполненныя только пепломъ. Либерализмъ проповѣдуетъ свободу договора: для рабочаго безъ капитала, это просто свобода умереть съ голоду; потому что какъ онъ можетъ существовать, если не приметъ условій, которыя ему навязываютъ? Свобода переселяться тоже пустое слово: рабочій, имѣющій жену и дѣтей, этимъ самымъ привязанъ къ мѣсту, гдѣ онъ основался. Какъ пойдетъ онъ искать работы въ другомъ мѣстѣ, когда онъ не имѣетъ средствъ для удовлетворенія своимъ первымъ нуждамъ? Свобода труда; что это, если не конкуренція рабочихъ, уменьшающихъ наперерывъ другъ передъ другомъ свою плату? Свобода коммерческая; но какой ея результатъ? Только тотъ, что богачъ все что ему нужно покупаетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а рабочій низводится до такого пропитанія, какое имѣютъ рабочіе получающіе наименьшую плату. Одно христіанство, приложенное къ практикѣ, можетъ сдѣлать такъ, что-бы эта свобода, которою пользуются теперь исключительно капиталисты, послужила въ пользу и рабочимъ. Сколько разныхъ учрежденій основала католическая благотворительность: монастыри, школы, пріюты, богадѣльни, помогающія всѣмъ нуждающимся и немощнымъ! Теперь надо придти на помощь рабочимъ. Эта миссія особенно свойственна католицизму.

Фонъ Кеттелеръ оканчиваетъ свою книгу сильнымъ воззваніемъ къ богатымъ фабрикантамъ и дворянству. «Прежде дворянство обогачало церкви и монастыри. Теперь ничего не могло-бы быть пріятнѣ Богу и сообразнѣ съ христіанскимъ духомъ, какъ учрежденіе ассоціаціи, которая имѣла бы цѣлью основывать производительныя кооперативныя общества въ округахъ, гдѣ рабочіе находятся въ самыхъ худшихъ условіяхъ». Видно, что епископъ майнцскій вѣрилъ, какъ и Лассаль, что для обезпеченія успѣха кооперативныхъ обществъ достаточно ссудить ихъ капиталомъ. Бисмаркъ недавно признался съ трибуны германскаго парламента, что его расположилъ въ пользу этой идеи знаменитый соціалистъ, «одинъ изъ самыхъ умныхъ и пріятныхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ», прибавилъ канцлеръ, который сохраняетъ еще вѣру въ кооперативныя общества. Въ предшествующемъ отдѣлѣ, разсматривая планы реформъ этого увлекательнаго агитатора, я показалъ затрудненія, которыя встрѣчаетъ организація такого рода обществъ. Французскіе рабочіе прекрасно выставили ихъ на своемъ конгресѣ бывшемъ въ Парижѣ въ 1876 году.

§ 2.

Такія высокія идеи, изложенныя знаменитымъ прелатомъ и развитыя съ несомнѣннымъ краснорѣчіемъ, должны были произвести глубокое впечатлѣніе на нѣмецкое католическое духовенство. Христіанская благотворительность побуждала, конечно, духовенство принять ихъ; но такъ какъ оно не замедлило обратиться съ этими идеями къ избирателямъ, то можно полагать, что оно видѣло въ нихъ средство пріобрѣсти себѣ союзниковъ между рабочими въ своей борьбѣ противъ правительства. Культурная борьба и майскіе законы довели духовенство до крайности, и оно не поколебалось протянуть руку соціалистамъ. Была выработана цѣлая программа католическо-соціалистическихъ реформъ. Одинъ каноникъ майнцаго собора, образованный священникъ и искусный ораторъ, соборный

капитулярій, Муфангъ, изложилъ ее въ избирательномъ собраніи 27 февраля 1871 года. Это было настоящее изложеніе экономическо-религіозныхъ принциповъ. Такъ какъ оно составляетъ символъ вѣры партіи, то необходимо ознакомиться съ нимъ подробнѣе.

Каноникъ Муфангъ исходитъ изъ фактовъ, которые онъ считаетъ доказанными своимъ епископомъ. Рабочая плата рабочихъ недостаточна. Ихъ положеніе не такое, какого требуютъ человѣчество и христіанство. Зло происходитъ отъ примѣненія «желѣзнаго закона» Рикардо. Самопомощь безсильна. Католической милостыни недостаточно для такой великой задачи. Необходимо вмѣшательство государства. Но какъ можетъ помочь государство злу, которое кажется происходитъ отъ экономическихъ законовъ? Каноникъ не затрудняется предложить четыре средства: покровительство законовъ, денежная помощь, уменьшеніе казенныхъ и военныхъ налоговъ и, наконецъ, главное, ограниченіе тираніи капитала. Вотъ какъ Муфангъ развиваетъ каждый изъ этихъ пунктовъ, которые на первый взглядъ интересуютъ и даже приведутъ въ безпокойство экономистовъ:

1) Государство не должно организовать трудъ однимъ общимъ закономъ. Рабочіе сами должны устраивать ассоціаціи, указать правила и установить регламентацію труда во всякомъ ремеслѣ и во всякой промышленности. Послѣ этого государство должно дать этимъ правиламъ обязательную силу, какъ въ средніе вѣка.

Государство имѣетъ задачею гарантировать права каждого. Оно защищаетъ поземельную собственность. Посредствомъ ипотечныхъ бюро оно вполне обезпечиваетъ кредиторовъ. Посредствомъ коммерческихъ судовъ оно даетъ быстрое рѣшеніе всѣхъ коммерческихъ споровъ. Также точно оно должно покровительствовать и собственности рабочаго, которая состоитъ въ его трудѣ. Оно должно защищать силу и время работника (*Arbeitskraft und Arbeitszeit*) противъ несправедливостей «желѣзнаго закона», который истощивъ непосильной работой мус-

кулы рабочаго, отдаеть его, когда онъ становится старъ и дряхль, на жертву нищетѣ.

Продолжительность рабочаго дня должна быть опредѣлена государствомъ, и въ воскресные дни всякая работа должна быть запрещена. Человѣкъ не машина. Онъ есть образъ Бога, котораго онъ долженъ научиться познавать и ему служить. Поэтому ему необходимо нѣсколько часовъ отдыха. Его даютъ и вьючнымъ животнымъ. Воскреснаго отдыха требуетъ и гигиена, также какъ божественный законъ.

Государство должно опредѣлять размѣръ рабочей платы. Противъ этого возражаютъ, какъ противъ нарушенія свободы договоровъ; но свобода не можетъ быть допускаема тамъ, гдѣ дѣлается посягательство на средства существованія рабочаго. Законъ предложенія и спроса устанавливаетъ цѣну на товары, это совершенно вѣрно; но способность къ труду, рабочая сила (*Arbeitskraft*) рабочаго не есть товаръ; это его собственная жизнь, это все его существованіе. Тутъ необходимо такое же сильное покровительство, какъ то, которое оказываютъ рентьерамъ, исправно получающимъ свои проценты.

Хозяинъ говорить: товаръ не идетъ; чтобы онъ шелъ въ продажѣ я долженъ понизить мои цѣны; итакъ я уменьшаю рабочую плату; и онъ предлагаетъ такую плату, которая недостаточна для жизни. Что можетъ сдѣлать одинокій рабочій? Умереть съ голода или просить милостыню. Эти крайности возмущаютъ чувства справедливости и гуманности. Государство должно положить этому конецъ.

При развитіи этихъ мыслей у каноника попадаются обороты рѣчи, достойныя отцовъ церкви. Но онъ забылъ сказать, какъ государство можетъ заставить фабриканта давать рабочую плату, которая для него убыточна; и какъ дать сбытъ его товарамъ, когда они накопятся въ его магазинахъ. Единственное средство это заставить потребителей платить фабрикантамъ премію вознаграждающую ихъ. Но если и потребители также стѣснены, какъ фабриканты? Тогда остается сказать, что это вина общества.

Необходимо, чтобы законъ запретилъ работу женщинамъ и

дѣтямъ. Думаютъ, что ихъ трудъ увеличиваетъ семейныя средства; работники сами такъ воображаютъ; но это заблужденіе. Извѣстное количество часовъ труда необходимо для извѣстнаго производства. Если эти часы не будутъ отработаны женщинами и дѣтьми, то будутъ предоставлены мужчинамъ, а требуемая за нихъ рабочая плата будетъ выше и раздѣлится только между рабочими. По закону природы, освященному христіанствомъ, мужчина своимъ трудомъ долженъ зарабатывать насущный хлѣбъ для своей семьи, а женщина смотрѣть за хозяйствомъ и воспитывать дѣтей. Посылать дѣвушку и женщину въ безнравственную среду фабричныхъ, это значитъ уничтожить христіанскую семью.

Совокупность этихъ мѣръ и составляетъ «рабочее право», подобно тому какъ существуетъ коммерческое право, морское право и гражданское право. Оно урегулируетъ отношенія учениковъ-ремесленниковъ къ хозяевамъ и промышленниковъ къ рабочимъ. Нынѣшняя анархія прекратится. Установится порядокъ не тождественный съ тѣмъ, который существовалъ прежде, но основанный на тѣхъ же принципахъ. Слѣдуетъ ли удивляться, прибавляетъ ораторъ, что требованія народа иногда не благо-разумны, и ихъ обвиненія часто слишкомъ жестоки? Это происходитъ отъ того, что для него ничего не дѣлаютъ.

2) Какъ и Лассаль, каноникъ Муфангъ требуетъ, чтобы государство давало авансы рабочимъ обществамъ. Когда богатые капиталисты строятъ желѣзную дорогу, правительство гарантируетъ ихъ доходы или даетъ субсидіи. Почему же оно отказываетъ рабочимъ въ тѣхъ же пособіяхъ? Они имѣютъ на нихъ больше правъ, потому что для нихъ вопросъ не въ обогащеніи, а въ существованіи. «Я не приверженецъ мастерскихъ Луи Блана, говоритъ Муфангъ, но когда солидная рабочая ассоціація нуждается въ помощи, я не вижу почему правительство отказало-бы въ ней. Что справедливо для однихъ, то должно быть справедливо и для другихъ». Каноникъ майнцскаго собора опять таки не говоритъ, чѣмъ эти ассоціаціи отличаются отъ ассоціацій Луи Блана. Вѣроятно только тѣмъ,

что его ассоціаціи были бы учреждены на основаніи католическихъ принциповъ, *ad majorem Dei gloriam* (для большей славы Божіей).

3) Государство должно тоже уменьшить казенныя и военныя подати, которыя такъ тяжело ложатся на рабочаго. Капиталистъ, имѣющій милліоны, почти ничего не платитъ, тогда какъ рабочій не имѣетъ ничего кромѣ скудной рабочей платы, да и ее еще уменьшаютъ прямыя и косвенныя налоги, не говоря уже о томъ, что самыя лучшіе его годы отнимаетъ у него военная служба. Справедливость требуетъ въ этомъ радикальныхъ реформъ. *Милитаризмъ* есть бичъ Германіи.

4) Наконецъ, государство должно положить предѣлъ тираніи капитала. Я не нападаю ни на богатства, ни на богачей, говорить каноникъ, потому что Св. писаніе говоритъ: богатство и бѣдность даются Богомъ; но что я осуждаю, это способъ настоящаго обогащенія милліонеровъ и «миліардеровъ». Откуда являются эти милліоны, пріобрѣтенныя такъ скоро безъ труда? Они собраны съ продуктовъ въ потѣ лица трудящагося рабочаго класса, который долженъ оплачивать доходы съ громадныя капиталовъ, созданныя биржевою игрою или подозрительными предиріятіями. Говоря такъ, Муфангъ очевидно вдохновленъ и раздраженъ воспоминаніями о *Schwindeljahre*, о годахъ безумныхъ спекуляцій, которыя слѣдовали за 1871 г. Но и здѣсь также не слѣдовало ограничиваться только краснорѣчивыми тирадами противъ «тираніи капитала», а было бы полезно указать средства какъ положить конецъ этой несправедливости.

Вотъ программа реформъ, которую каноникъ Муфангъ требуетъ отъ государства. Она почти не отличается отъ программы составленной социалистами, исключая того, что Муфангъ ссылается чаще на Св. писаніе. Возможно, что она подходит къ христіанскому идеалу. Но что дѣлать, если кооперативныя общества проматываютъ данный въ ссуду капиталъ и между членами ихъ дѣло дойдетъ до рукопашной? Какъ поступить еще, если рабочія корпораціи примутъ неисполнимыя постановленія, и если

фабриканты перестанутъ производить, не будучи въ состояніи платить обязательно постановленную рабочую плату? Каноникъ реформаторъ не входитъ въ эти подробности.

Одна газета основанная по внушенію Муффага, *Die Christlich-socialen Blätter*, развивала эту программу исключительно на почвѣ экономической. Какъ и социалисты, она горячо нападаетъ на англійскую манчестерскую политическую экономію, на *Manchesterthum*. Надо покончить, говоритъ католическая газета, съ этими экономическими теоріями, которыя оказываютъ такое пагубное вліяніе на общественную и частную жизнь. Онѣ ставятъ трудъ, этотъ главный факторъ всякой цивилизаціи, на одну линію съ естественными силами. По ихъ теоріямъ, это только проявленіе силъ присущихъ матеріи, какъ притяженіе или тяжесть тѣлъ. Онѣ говорятъ о законахъ, управляющихъ производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ, какъ о тѣхъ необходимыхъ законахъ, которые опредѣляютъ связь между явлениями природы. Изъ этого слѣдуетъ, что невозможно примѣнять понятій о справедливости и правѣ къ отношеніямъ между капиталомъ и трудомъ. Эти отношенія, говорятъ они, устанавливаются роковымъ закономъ предложенія и спроса, который тщетно было бы стараться измѣнить. Къ чему ссылаться на мнимое право, которое совсѣмъ непримѣнимо? Трудъ есть товаръ, цѣна котораго, какъ и всякихъ другихъ товаровъ, опредѣляется по свободному соглашенію обѣихъ сторонъ. Христіанству и католицизму здѣсь нечего дѣлать, точно также какъ и тамъ, гдѣ вопросъ касается физики или астрономіи. Вотъ какъ либеральный экономизмъ доходитъ до отрицанія всякаго права у рабочихъ.

Католико-соціалистическая газета обвиняетъ еще экономистовъ за то, что они совершенно извратили принципъ собственности, выводя ее изъ труда. Собственность, полагаетъ газета, есть принципъ (*Moment*), не подчиненный труду ни въ своемъ происхожденіи, ни въ своемъ значеніи. Либерализмъ нарушилъ всѣ основы истинной цивилизаціи, трудъ, собственность, свободу, право и правосудіе. Вліяніе этой пагубной доктрины должно

быть разрушено и уничтожено. Она ведетъ къ революціи. Главное, что слѣдуетъ сдѣлать, это возстановить корпораціи, регламентировать промышленность, установить рабочую плату путемъ закона, учредивъ особую магистратуру для примѣненія статей кодекса «рабочаго права» (*Arbeitsrecht*).

Понятенъ успѣхъ, который должны были получить подобныя доктрины среди той партіи рабочаго класса, которая еще не была вполне увлечена противорелигіознымъ и атеистическимъ движеніемъ, руководимымъ агитаторами демократами. Это были просто идеи Маркса и Лассалья, но слегка покрытыя католическимъ лакомъ и связанныя при помощи нѣсколькихъ цитатъ съ ученіями святыхъ отцовъ. Нападая на либерализмъ, политическую экономію и промышленность, ультрамонтане, притворяясь социалистами, или искренно сдѣлавшись ими, пріобрѣтаютъ себѣ сочувствіе двухъ многочисленныхъ классовъ, чего не могли достигнуть социалисты демократы. Прежде всего сельскіе собственники и мелкое деревенское дворянство, которые совсѣмъ не участвуя въ обогащеніи большихъ городовъ, видѣли съ ненавистью и завистью, какъ вліяніе и деньги переходятъ въ руки большихъ фабрикантовъ, банкировъ и акціонеровъ, основателей акціонерныхъ обществъ, и всѣхъ биржевыхъ спекуляторовъ, которые въ «промышленной» Германіи занимаютъ теперь первое мѣсто. «Деревенская» партія съ удовольствіемъ слушала нападки на злоупотребленія капитала, и такимъ образомъ пропитывалась реакціоннымъ и феодальнымъ социализмомъ. По ихъ мнѣнію, Марксъ еще недостаточно сильно громилъ индустриализмъ. Само собою разумѣется, что аграрная партія нисколько не мечтала объ аграрномъ законѣ, а желала только примѣненія его къ биржевымъ капиталамъ и евреямъ, которые преимущественно ворочали ими. Второй разрядъ приверженцевъ, которыхъ нашли христіанско-соціалистическіе ультрамонтане, составляли католическіе крестьяне. Вожди культурной борьбы, преслѣдовавшіе духовенство и ихъ вѣрованія, были либералы и экономисты. Поэтому имъ нравились нападенія на либерализмъ и политическую экономію. Они считали

налоги и военную службу чрезмѣрными; и каноникъ Муфангъ внесъ въ свою программу, что ихъ слѣдуетъ значительно сократить. Что касается «желѣзнаго закона» и Рикардо, то я полагаю они на слово вѣрили во всемъ своему епископу.

Мы покажемъ теперь, что слова Муфанга и Кеттелера не пали на бесплодную почву, но, какъ горчичное зерно брошенное на добрую почву, они произвели въ короткое время огромное дерево, безчисленныя вѣтви котораго приносятъ самые разнообразныя плоды. Главнымъ образомъ мы прослѣдимъ указанія собранныя съ чрезвычайнымъ усердіемъ въ обильной фактами книгѣ Рудольфа Мейера, *Der Emancipationskampf des Vierten Standes* (Борьба за эмансипацію четвертаго сословія).

Первое собраніе ассоціацій социалистовъ ультрамонтанъ, или, какъ они сами себя называли, «соціаль-христіанъ», состоялось въ Крефельдѣ, въ іюнѣ 1868 г. Явились представители только трехъ обществъ. Они приняли своимъ органомъ одну газету, редактируемую съ большимъ искусствомъ ректоромъ Шингсомъ въ Ахенѣ, *Die Christlich-soziale Blätter*. На слѣдующій годъ, число этихъ ассоціацій уже значительно увеличилось. Въ общемъ собраніи, бывшемъ 9 сентября 1869 года, рѣшено было учредить постоянную секцію, которая должна содѣйствовать составленію «соціаль-христіанскихъ» обществъ, имѣющихъ цѣлью нравственное и экономическое улучшеніе рабочаго класса. Эта секція состояла изъ викарія Гронхейда, изъ Мюнстера, профессора Шульца изъ Падерборна и фонъ Шорлемеръ-Альста, одного изъ болѣе вліятельныхъ людей центра, т.-е. партіи ультрамонтановъ германскаго парламента. Въ своемъ первомъ манифестѣ, она стала подъ покровительство конференціи германскихъ епископовъ, которая собиралась въ Фульдѣ въ сентябрѣ того же года и исключительно занималась соціальнымъ вопросомъ.

Вотъ какимъ образомъ докладъ, представленный однимъ изъ епископовъ конференціи въ Фульдѣ, опредѣляетъ положеніе, которое должно принять духовенство въ этомъ вопросѣ. Безъ сомнѣнія, сказано тамъ, духовенство не можетъ непосредствен-

но и въ силу своихъ обязанностей заниматься устройствомъ рабочихъ ассоціацій; но на церкви лежитъ долгъ возбудить въ духовенствѣ участіе къ рабочему классу. Весьма часто оно не занимается рабочимъ вопросомъ потому, что не понимаетъ неминуемой и серьезной опасности происходящей отъ соціальныхъ страданій; оно не видитъ всей важности соціального вопроса, и не знаетъ чѣмъ можно помочь дѣлу. Въ образованіи, которое дается членамъ духовенства по философіи и касательно ихъ пастырской миссіи, нельзя уже больше пренебрегать рабочимъ вопросомъ. Было бы очень желательнымъ, чтобы нѣкоторые духовныя особы посвятили себя спеціальному изученію политической экономіи. Справедливо было бы снабдить ихъ деньгами для путешествія, дабы они на мѣстѣ могли изучить нужды рабочихъ и средства помочь имъ. Съ этой точки зрѣнія они въ особенности должны бы были посѣтить Францію, въ которой болѣе чѣмъ гдѣ либо понята важность нравственного и религіознаго «момента». Нѣкоторые экономисты утверждаютъ, что не существуетъ соціального вопроса. Епископы же говорятъ иное. Несомнѣнно, вопросъ существуетъ и очень важный, говорятъ они; наши священники должны изучить его и чрезъ него распространять вліяніе своего званія. Нужно ли спрашивать, кто окажетъ большее вліяніе на народъ, епископы или экономисты?...

Christlich-soziale Blätter не замедлили обнародовать принципы, долженствующіе руководить организаціей соціально-католическихъ ассоціацій. Во многихъ отношеніяхъ эти уставы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Ни одинъ членъ этихъ ассоціацій не можетъ въ тоже время быть членомъ какого нибудь общества соціалистически-демократическаго. Всякая христіанско-соціалистическая ассоціація должна тѣсно соединиться съ церковью: *extra Ecclesiam nulla salus* (въ церкви нѣтъ спасенія). Онѣ должны стать подъ покровительство Св. Іосифа, и годовщина основанія ихъ должна быть чествуема религіозными празднествами. Не слѣдуетъ ставить во главѣ ихъ священниковъ, но людей надежныхъ, пользующихся довѣріемъ духовенства.

Можно назначать почетными членами людей богатыхъ и даже хозяевъ промышленныхъ заведеній, но ихъ не слѣдуетъ допускать въ административные совѣты. Въ особенности слѣдуетъ избѣгать того, чтобы не показалось, будто эти общества состоятъ на буксирѣ у капитала. Не слѣдуетъ безусловно осуждать коалиціи и стачки; этимъ можно потерять все вліяніе на рабочихъ. Да и кромѣ того въ настоящемъ положеніи промышленности это есть единственное ихъ средство защитить себя и заставить уважать свои права. Не слѣдуетъ заниматься политикой, если только она не касается интересовъ церкви. А въ послѣднемъ случаѣ, надо бороться со всею силою. Slѣдуетъ организовать воскресныя собранія, чтобы тамъ разсуждать обо всемъ касающемся соціального вопроса. Ассоціаціи подмастерьевъ, ассоціаціи фабричныхъ рабочихъ, ассоціаціи крестьянъ образуютъ три вѣтви великой соціальной конфедераціи; необходимо установить между ними тѣсную связь.

Вотъ какая грандіозная перспектива представляется при этомъ! Дѣло идетъ ни больше ни меньше какъ о томъ, чтобы соединить въ общую федерацію подчиненную церкви живыя силы народа въ мастерскихъ и деревняхъ всей Германіи. Это болѣе чѣмъ государство въ государствѣ; это само общество завербованное, дисциплинированное духовными, которые изучаютъ въ одно и тоже время теологію и политическую экономію.

Центральная коммисія съ большимъ благоразуміемъ опредѣлила границу дѣйствій каждой группы. Мѣстное самоуправленіе, но единство дѣйствія въ пользу церкви, — таковъ долженъ быть принципъ. Не слѣдуетъ, говорила коммисія, чтобы одна какая нибудь изъ нашихъ ассоціацій вообразила, что она можетъ дать совѣмъ готовое рѣшеніе самаго труднаго вопроса, который представляется современному міру, и брала на себя претензію предписывать, какъ откровеніе Божіе, такую организацію, которую бы она сочла лучшею. Всякая ассоціація соціально-христіанская должна идти свободно по избранному пути. Она должна давать себѣ отчетъ о нуждахъ своихъ членовъ и мѣстныхъ надобностяхъ. Желать навязать всѣмъ однѣ и тѣже

правила, это значить загоразивать дорогу къ будущему и обрѣзать корни всякаго своеобразнаго развитія. Не изъ нихъ могутъ выйти органы, которыми воспользуется церковь, чтобы окончательно разрѣшить затрудненія, которыя должна встрѣтить организація лучшаго и истинно христіанскаго общества. Когда настанетъ часъ, глава католицизма призоветъ дѣятелей, на которыхъ онъ съ полнымъ довѣріемъ можетъ возложить эту заботу. Эти мистическія надежды нравятся народу. Кромѣ того эта великая идея—ввѣрить палѣ экономическую реформу конечно не можетъ вредить вліянію духовенства. Святой отецъ является тутъ какъ новый мессія, который осуществитъ надежды на блаженное тысячелѣтіе, низвергнувъ въ пропасть Рикардо, Мальтуса, «железный законъ», Бамбергера и все либеральное манчестерство.

Партія католиковъ соціалистовъ пріобрѣла сразу значительное число приверженцовъ, принявъ подъ свое покровительство «католическіе союзы подмастерьевъ», основанные Кольпингомъ. Въ 1847 году одному свѣдущему и набожному ремесленнику, по имени Кольпину, пришла мысль соединить подмастерьевъ въ ассоціаціи, цѣль которыхъ состояла въ развитіи въ нихъ нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ, и въ защитѣ ихъ интересовъ. Благодаря апостольской дѣятельности «отца Кольпинга», какъ его называли, ассоціаціи основывались вездѣ. Когда въ 1872 г. онѣ были приняты подъ покровительство христіанскими соціалистами, то въ нихъ насчитывалось уже болѣе 70 тысячъ членовъ. Крестьянскія ассоціаціи не замедлили составиться въ самыхъ католическихъ странахъ, какъ въ Баваріи и Вестфалии. Цѣль ихъ состояла въ защитѣ правъ сельскихъ жителей, и въ томъ, чтобы добиться уменьшенія брени поземельныхъ налоговъ и воинской повинности. Въ резолюціяхъ общаго собранія баварскихъ крестьянскихъ ассоціацій, бывшаго въ октябрѣ 1871 г. въ Деггендорфѣ, я нашелъ слѣдующее мѣсто: «мы отъ всей души ненавидимъ милитаризмъ, считающій себя главнымъ дѣломъ, для котораго надо жертвовать всѣмъ. Онъ поглощаетъ жизненныя силы труда,

даже когда онѣ необходимы для производства, какъ напр. во время жатвы. А между тѣмъ войско существуетъ для націи а не нація для войска, также какъ и правительство для народа, а не народъ для правительства».

Въ общемъ собраніи соціалистически-христіанскихъ ассоціацій, бывшемъ въ Эссенѣ—29 іюня 1870 г., одинъ изъ делегатовъ, Витте, такъ исчислялъ силы, которыми они располагаютъ: «Пятнадцать тысячъ крестьянъ католиковъ, уже соединились въ Баваріи. Пятнадцать тысячъ фермъ,—это прочная основа, чтобы завладѣть деревнями. Скоро мы будемъ имѣть столько же и даже болѣе въ Вестфалии и въ Рейнскихъ провинціяхъ. Сто тысячъ хозяевъ рабочихъ становятся подъ наше знамя и восемьдесятъ тысячъ честныхъ подмастерьевъ Кольпингскихъ союзовъ протягиваютъ намъ руку. Наши общества скоро будутъ насчитывать сотни тысячъ своихъ членовъ. Это почтенная армія и это только начало. Тридцать тысячъ нѣмецкихъ священниковъ принимаются за это дѣло. Я предвижу блестящее будущее».

Вся эта армія, о которой говоритъ ораторъ, была пущена духовенствомъ въ избирательную борьбу, и на выборахъ, производившихся всеобщей подачей голосовъ въ имперскій парламентъ, въ 1870 году, она одержала не одну большую побѣду. Такъ въ Эльберфельдѣ она разбила соціалистовъ демократовъ, которые однако были тамъ на своей почвѣ. Въ 1871 г. министерскимъ распоряженіемъ были закрыты ассоціаціи Вестфальскихъ крестьянъ, какъ политическія общества запрещенныя закономъ. Вскорѣ онѣ составились вновь, подъ именемъ *Союза Вестфальскихъ крестьянъ* и подъ предсѣдательствомъ члена изъ ультрамонтанскаго центра, котораго мы уже называли, барона фонъ Шорлемеръ-Альста; число членовъ возрасло быстро. Этимъ была объявлена война майскимъ законамъ и политикѣ князя Бисмарка.

Епископъ майнцскій не покидалъ своего дѣла. Онъ побуждалъ свое духовенство неутомимо изучать соціальный вопросъ. Въ 1871 г. онъ разослалъ увѣщательныя посланія всѣмъ свя-

щенникамъ своей епархіи, предписывая имъ собрать точныя статистическія свѣдѣнія о числѣ и положеніи рабочихъ ихъ приходоѡ. На общемъ собраніи нѣмецкихъ католикоѡ, состоящемся въ Майнцѣ въ сентябрѣ 1871 г. подѡ руководствомъ фонъ Кеттелера, долго занимались рабочимъ вопросомъ. Вотѡ нѣкоторыя резолюціи, принятыя по этому предмету. Необходимо, съ помощью слѣдственной комиссіи, составленной изѡ рабочихъ и тѣхъ, кто ихъ нанимаетѡ, констатировать, каково нравственное и матеріальное положеніе, для того чтобы законодательство могло создать рабочее право (Arbeitsrecht). Поземельная собственности, промышленность и коммерціа пользуются юридическимъ покровительствомъ, но право труда еще не признано, хотя трудящіеся составляютѡ 90% населенія. Собраніе вновь настоятельно рекомендуетѡ основывать соціально-христіанскія ассоціаціи хозяевъ-рабочихъ, фабричныхъ рабочихъ, молодыхъ людей, женщинъ и дѣвушекъ, и оно напоминаетѡ достаточнымъ классамъ, что это ихъ строгая обязанность оказывать щедрую помощь этимъ учрежденіямъ. Собраніе съ прискорбіемъ указываетѡ на состояніе жилищъ рабочихъ, которыя безславятѡ христіанскую страну, и горячо настаиваетѡ на учрежденіи строительныхъ обществъ, которыя бы сооружали здоровые и дешевые дома. Предложеніе выразить порицаніе стачекъ было отвергнуто сильнымъ большинствомъ голосоѡ.

Предшествующее достаточно показываетѡ тотѡ духъ, который вдохновляетѡ движеніе соціалистоѡ католикоѡ. Дѣло начатое фонъ-Кеттелеромъ, значительно расширилось въ эти послѣдніе годы. Духовенство повсюду отдавалось ему съ большимъ жаромъ, потому что въ этомъ оно видѣло средство пріобрѣсть союзникоѡ въ культурной борьбѣ въ пользу церкви и противѡ правительства. Между духовными, изѡ числа идущихъ въ первомъ ряду, называютѡ теперь ректора Шингса и викаріа Кроненберга въ Ахенѣ, викаріа Лаафа въ Эссенѣ и соборнаго капитулярія Е. Клейна въ Падерборнѣ. Ихъ старанія клонятся къ достиженію болѣе и болѣе тѣснаго союза съ соціалистами демократами. Въ дѣлѣ выборовъ обѣ партіи дѣйствуютѡ со-

гласно; но когда дѣло идетъ объ организаціи обществъ, возгарається споръ. Такъ въ февралѣ 1878 г. общее собраніе делегатовъ отъ ассоціацій рабочихъ рудокоповъ собралось въ Эссенѣ. Дѣло шло объ учрежденіи обширнаго союза, который бы соединилъ рудокоповъ всей Германіи. Самая оживленная ораторская борьба немедленно завязалась между викаріемъ Лаафомъ и социалистомъ-агитаторомъ Гассельманномъ, котораго пылкое слово и ѣдкій умъ всегда имѣютъ большой успѣхъ на рабочихъ митингахъ. «Съ тѣхъ поръ какъ въ Берлинѣ вы приняли лозунгомъ разрушеніе христіанства, сказалъ викарій Лаафъ, мы не можемъ болѣе дѣйствовать согласно». Гассельманнъ отвѣчалъ указаніемъ на примѣръ фонъ-Кеттелера, который отнесся очень благопріятно къ ассоціаціи рабочихъ дѣлающихъ сигары, основанной социалистомъ-демократомъ Фритче *).

На другой день газета Гассельмана, *Die Volkstimme*, заявила, что честные рудокопы поняли происки интригановъ въ черныхъ рясахъ, и что они не хотятъ «капеланократіи». Съ своей стороны, провинціальныя социалистическо-католическія газеты *Tremonia* въ Дортмундѣ, *Essener Blätter*, *Essener Volkszeitung*, *Reinisch-Westfälischer Volksfreund*, открыли изъ всѣхъ орудій огонь противъ социалистовъ демократовъ. Завязался споръ за избирательную поддержку отъ рабочихъ этого округа, гдѣ въ угольныхъ копяхъ и металлургическихъ заводахъ работаетъ значительное число ихъ. «Рабочіе рудокопы, не слѣдуйте за знаменемъ демократовъ, повторяли хоромъ социалисты христіане; оно поведетъ васъ къ гибели. Становитесь всеѣ подъ знамя креста; тамъ спасеніе».

Мы представили фізіономію этихъ преній, потому что они

---

*) Этотъ Фритче нынѣ депутатъ. Во время недавнихъ преній въ германскомъ парламентѣ Бебель основывался на его свидѣтельствѣ, говоря о тѣхъ авансахъ, которые сдѣлалъ Бисмаркъ партіи социалистовъ. „Я не имѣю чести знать г-на Фритче“, отвѣчала канцлеръ. „Но это депутатъ“, отвѣчали ему, и все собраніе разразилось взрывомъ хохота. „Если это депутатъ, продолжалъ Бисмаркъ, онъ не могъ сказать того, что невѣрно, и я требую отъ него доказать, что онъ имѣлъ сношенія со мною“.

рисують положеніе. Дѣйствительное согласіе невозможно между соціалистами демократами, которые проповѣдуютъ атеизмъ, чтобы ниспровергнуть монархію, церковь и всѣ установленныя власти, и между соціалистами ультрамонтанами, которые хотять укрѣпить власть, чтобы ее передать въ руки епископовъ и папы. Но обѣ партіи льстятъ рабочимъ, излагаютъ ихъ жалобы, предлагаютъ средства противъ ихъ бѣдствій, возлагая за все это отвѣтственность на либеральную буржуазію, «которая безсердечно эксплуатируетъ народъ». Итакъ они сходятся между собою въ оппозиціи и подаютъ голоса другъ за друга.

Ассоціаціи, созданныя подѣ вліяніемъ католическаго соціализма, дѣйствительно несмѣтны, не считая монастырей, которые въ этомъ отношеніи представляютъ идеальный типъ. Рудольфъ Мейеръ употребилъ много труда на то, чтобы если не составить точную ихъ статистику, то хоть исчислить различные ихъ виды; и онъ сознается, что невозможно было составить точный списокъ ихъ. Между тѣмъ его классификація уже довольно обширна. Вотъ учрежденія, которыя фигурируютъ тамъ: ассоціаціи католическихъ подмастерьевъ (*catholische Gesellenvereine*) по образцу Колпинга. Онѣ насчитываютъ болѣе восьмидесяти тысячъ членовъ и существуютъ во всѣхъ почти католическихъ городахъ. Собранія бывають по воскреснымъ днямъ; цѣль ихъ назиданіе и интеллектуальное и моральное развитіе. Иногда онѣ имѣють сберегательныя кассы; въ Берлинѣ онѣ основали академію для развитія вкуса въ примѣненіи искусства къ промышленности.—Ассоціаціи ремесленныхъ учениковъ католиковъ. Онѣ находятся въ связи съ ассоціаціями подмастерьевъ. Имѣють обыкновенно воскресныя школы. Въ кельнской школѣ, напримѣръ, насчитываютъ болѣе шестисотъ учениковъ.—Ассоціаціи католическихъ-рабочихъ. Ихъ склоняють къ поддержанію добраго согласія и совмѣстному приобщенію св. тайнъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.—Ассоціаціи католическихъ молодыхъ фабричныхъ рабочихъ подѣ покровительствомъ св. Павла.—Ассоціаціи католическихъ рудокоповъ. Онѣ очень многочисленны въ каменно-угольномъ бассейнѣ Роера. Онѣ обыкновенно имѣють

кассы взаимнаго вспомошествованія. Собираются для обсужденія своихъ интересовъ. Цѣль ихъ развитіе религіозныхъ и соціальныхъ чувствъ.—Ассоціаціи крестьянъ. Онѣ раздѣляются на двѣ главныя группы. Первая въ Баваріи, имѣющая органомъ газету *Die Bauernzeitung*, и вторая въ Вестфаліи, газета которой называется *Der westfälische Bauer*. Баварская группа имѣетъ двадцать тысячъ членовъ. Въ послѣднемъ собраніи вестфальской группы, бывшемъ лѣтомъ 1878 г. подъ предсѣдательствомъ фонъ-Шорлемера-Альста, съ присоединившимися въ этомъ году двумя тысячами, всего было двѣнадцать тысячъ.—Ассоціаціи соціально-христіанскія. Онѣ принимаютъ членовъ изъ всѣхъ классовъ, такъ какъ цѣль ихъ просто обсуждать соціальныя вопросы и распространять движеніе. Онѣ распространены повсюду и число членовъ ихъ очень значительно.—Католическія ассоціаціи вспомошествованія рабочимъ. Эти ассоціаціи даютъ рабочимъ ссуды безъ процентовъ.—Католическія ассоціаціи для служащихъ и работницъ.—Католическія ассоціаціи сбереженія и кредита подъ покровительствомъ св. Іосифа или св. Бонифація, подражаніе ассоціаціямъ Шульце-Делича.—Ассоціаціи работницъ въ производствахъ. Ихъ немного. Ассоціаціи для распространенія книгъ по соціальному вопросу съ католической точки зрѣнія.—Строительныя общества.—Католическія ассоціаціи для рабочихъ дѣвушекъ и женщинъ... Все это движеніе поддерживается многочисленными газетами; изъ нихъ лучшія двѣ и самыя вліятельныя для Сѣверной католической Германіи, *Christlich-soziale Blätter*, которыя издаются въ Ахенѣ, подъ редакціей ректора Шингса, а для Южной Германіи, *Arbeiter-freund*, издаваемая въ Мюнхенѣ, подъ редакціей Шимпфа.

Если мы иногда вдаемся въ мелочныя подробности, то для того чтобы показать силу партіи социалистовъ-католиковъ. Эта партія, сила которой увеличивается въ имперскомъ парламентѣ съ каждымъ выборомъ, стала однимъ изъ главныхъ факторовъ германской политики, сопротивленіе которой даетъ себя чувствовать во всей Европѣ. Понятно, почему Бисмаркъ если и не былъ въ Каноссѣ, то позволилъ однако папскому

нунцію приѣхать въ Киссингенъ. Въ союзѣ социализма демократическаго съ социализмомъ католическимъ заключается несомнѣнно главная опасность, угрожающая всему дѣлу великаго канцлера. Эти два оттѣнка, работающіе каждый отдѣльно и враждебные тогда, когда оспариваютъ другъ у друга рабочія когорты, но вступающіе въ союзъ, когда ихъ нужно вести на выборы, оба быстро пріобрѣтаютъ для себя почву. Съ демократами нечего и думать о соглашеніи; они абсолютно враждебны. Но съ католиками соглашеніе не невозможно при помощи нѣкоторыхъ уступокъ съ той и другой стороны. Какъ справедливо замѣтилъ Бисмаркъ, въ политикѣ въ основаніи всякой сдѣлки всегда скрывается *do ut des* (даю, чтобы и ты далъ); но римская политика всегда старалась требовать многого, а уступать очень мало. Бисмаркъ не привыкъ вести переговоры на такихъ условіяхъ.

Трудно произнести безпристрастное сужденіе о такомъ необыкновенномъ движеніи, съ которымъ мы познакомились. Я думаю несправедливо было бы утверждать, что сочувствіе, выказываемое духовенствомъ къ участи рабочихъ, и социалистическія ихъ идеи не болѣе какъ комедія съ цѣлью достиженія власти. Всякій гуманнѣйшій священникъ искренно долженъ былъ сочувствовать бѣдствіямъ рабочаго класса среди большихъ промышленныхъ центровъ. Если онъ читалъ св. отцовъ, то долженъ былъ съ негодованіемъ подтверждать, какъ мало ихъ наставленія служатъ правиломъ для дѣйствій въ современной жизни. Имѣя въ сердцѣ идеалъ евангельской любви, что можетъ сказать онъ объ этомъ экономическомъ мірѣ, гдѣ господствуетъ суровый законъ конкуренціи, который есть не что иное, какъ животная борьба за существованіе? Добрый священникъ съ каедрой долженъ намъ сказать: «обращайся съ ближнимъ, какъ съ самимъ собою». Но промышленникъ ему отвѣчаетъ; «Если я не доведу стоимости производства и рабочей платы до минимума, то ничего не продамъ ни дома, ни за границей, и мы теряемъ всѣ средства къ пропитанію».

Я допускаю, что фонъ-Кеттелеръ былъ охваченъ благодатію

соціализма, читая Лассала, также какъ и Бисмаркъ, слушая его. Однако при видѣ плотной массы этихъ безчисленныхъ ассоціацій, направляемой и возбуждаемой въ виду предстоящихъ выборовъ и при видѣ этого скорого союза духовенства съ демократами, произнесшими противъ христіанства клятву Аннибала, невольно перестаешь вѣрить, чтобы вся эта кампанія, такъ благоразумно направляемая, не имѣла никакого другого побужденія кромѣ любви къ ближнему и другой цѣли кромѣ желанія подать ему помощь. Очевидно, самая высшая цѣль — это триумфъ церкви, а остальное только средство. Это цѣль высокая и для тѣхъ, которые убѣждены, что съ нею связаны счастье обществъ въ сей жизни и блаженство людей въ будущей жизни, она должна быть самой возвышенной. Тогда понятно, что для нея жертвуютъ всѣмъ: національностью, отечествомъ, свободою, политическими учрежденіями, экономическимъ благосостояніемъ, т.-е. всѣми этими второстепенными благами, которымъ обыкновенно придается столько цѣны.

Апокалипсисъ говоритъ объ одной женщинѣ, сидящей на животномъ пурпурнаго цвѣта, въ багряной пурпуровой одеждѣ. «Въ рукѣ она держала золотую чашу, наполненную мерзостями ея пороковъ; на челѣ ея было написано слово: *Тайна*. Великій Вавилонъ, мать мерзостей земли». «Женщина, которую ты видѣлъ, говоритъ Апокалипсисъ, это великій городъ, который имѣетъ свое *господство* надъ земными царями». Городъ указываемый Апокалипсисомъ очевидно Римъ; но по протестантскимъ толкованіямъ, это относится къ папскому Риму. Нѣкоторые мистики предлагаютъ новое толкованіе. Женщина одѣтая въ пурпуръ это папство, которое, чтобы господствовать надъ народами и царями, принимаетъ соціализмъ, а животное ярко-краснаго цвѣта, на которомъ возсѣдаетъ женщина, это красная демократія, которою пользуется папа, чтобы уничтожить всякія сопротивленія.

Нѣтъ необходимости ссылаться на Апокалипсисъ, чтобы констатировать слѣдующій фактъ: церковь не откажется безъ сильной борьбы отъ всемогущества, которое она нѣкогда имѣла,

и которое надѣется вновь пріобрѣсть. Буржуазія, гордая своею свободой, не отречется отъ нея добровольно въ пользу духовенства. Итакъ надо привлечь на свою сторону народъ, хлѣбопашцевъ и мастеровыхъ. Но чѣмъ? Для этого нужно говорить имъ о ихъ бѣдствіяхъ и общать, какъ дѣлаетъ социализмъ, облегчить ихъ болѣе справедливымъ распредѣленіемъ благъ этого міра. Ничего нѣтъ легче этого для церкви: стоитъ только вернуться къ традиціямъ первыхъ вѣковъ. Даже въ средніе вѣка, развѣ нищенствующіе монахи, проникнутые коммунистическими идеями, не увлекали за собой повсюду народъ? Такимъ образомъ, кажется, готовится во всемъ мірѣ новая эволюція: союзъ католицизма и социализма противъ либеральной буржуазіи, ихъ общаго врага. До тѣхъ поръ, пока духовенство будетъ надѣяться вновь пріобрѣсть власть, оно будетъ отстаивать принципъ власти. Но если оно признаетъ себя окончательно лишеннымъ политическаго вліянія, и почувствуетъ, что его привилегіямъ грозитъ опасность, то оно поступитъ какъ въ Германіи: найдетъ оружіе въ социализмѣ. Странная эта держава церковь, она при своемъ происхожденіи была равноправной и даже коммунистической демократіей, а теперь представляетъ въ Римѣ совершеннѣйшій типъ теократическаго абсолютизма!

ГЛАВА III.

Величіе и упадокъ интернаціонали.

Объ *интернаціонали* говорится часто, но вообще не знаютъ ни ея учрежденій, ни ея исторіи. Во всѣхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ соціализма видятъ опасную руку этого общества; ему приписываютъ стачки, возмущенія, поджоги нашихъ городовъ, какъ въ Парижѣ; бомбы, какъ во Флоренціи и Пизѣ; покушенія на цареубійство, какъ въ Берлинѣ, Неаполѣ, Мадридѣ и С.-Петербургѣ. Она кровавый призракъ, повсюду присутствующій и вездѣ угрожающій, и скрытно подкапывающійся подъ наше общество. *Интернаціональ* между тѣмъ никогда не составляла тайнаго общества. Ея мѣстопробываніе было извѣстно. Прокламаціи ея подписаны и опубликованы, словомъ, она составляетъ форму, къ которой логически должно было привести движеніе современнаго соціализма. Не становитея-ли въ наше время все интернаціональнымъ, международнымъ? Развѣ мы не имѣемъ международныхъ выставокъ, международныхъ кредитныхъ банковъ, международныхъ почтовыхъ тарифовъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ, о коммерческомъ правѣ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ войны, монетъ и бесчисленнаго множества международныхъ финансовыхъ обществъ?

«Интернаціонализмъ» есть естественное послѣдствіе великаго

процеса ассимиляціи, совершающагося въ цѣломъ свѣтѣ. Народы все болѣе и болѣе дѣлаются похожими между собою и сношенія ихъ становятся все тѣснѣе. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, существуетъ ли въ нихъ республика или монархія, одни и тѣ же задачи экономическія и религіозныя, одни и тѣ же кризисы торговые и промышленные, та же враждебность между сословіями, та же борьба между капиталистами и рабочими. Солидарность между народами не есть пустой звукъ. Она такъ дѣйствительна, особенно въ экономическомъ строѣ, что чисто мѣстный фактъ отражается по своимъ послѣдствіямъ въ обоихъ полушаріяхъ. Такъ напр. Германія отнимаетъ у серебра его роль платежной монеты, тотчасъ серебро-промышленники въ Скалистыхъ горахъ замѣтили пониженіе цѣнности своего продукта; англійскій офицеръ, стоящій въ лагерѣ на Гималаѣ, уже не можетъ болѣе посылать своихъ сбереженій въ Лондонъ, не неся громаднхъ потерь и англійская торговля съ Индіей и южной Америкой оказывается глубоко потрясенною. Духъ предприимчивости пробуждается въ Соединенныхъ Штатахъ, и вотъ тотчасъ же, не смотря на плохой урожай, европейская промышленность оживляется, цѣны повышаются, заводы, которые стояли, снова принимаются за работу, и кризисъ, который впродолженіе пяти лѣтъ парализовалъ производительность, уступаетъ мѣсто новой эрѣ дѣятельности и благоденствія. Когда различные народы стремятся составить изъ себя одну семью, то изъ этого должно слѣдовать, что и всѣ обнаруженія соціальной дѣятельности также получаютъ международный характеръ.

§ 1.

Вотъ эти сдѣшленія фактовъ и выводовъ и породили *Интернаціональ*. Благодаря дешевизнѣ транспорта и уменьшенію таможенныхъ пошлинъ, западныя страны представляютъ какъ бы одинъ рынокъ, на которомъ цѣны почти уравниваются подъ вліяніемъ конкуренціи. Производство совершается при очень схожихъ условіяхъ: тѣ же процессы, тѣ же машины, тѣ же

сырые матеріалы. Только сокращая размѣръ рабочей платы, можно уменьшить цѣну товара. Фабрикантъ естественно и обращается къ этому средству, чтобы пріобрѣсти сбытъ за границу. Но тогда промышленники, которымъ угрожаетъ ввозъ иностранныхъ товаровъ, тоже въ свою очередь принуждены понизить рабочую плату; а иначе они потеряли бы своихъ кліентовъ, и должны бы были прекратить дѣла. Напрасно рабочіе усиливались бы сопротивляться этому посредствомъ коалицій и стачекъ. Фабрикантъ представитъ имъ слѣдующее неопровержимое доказательство. Если я не уменьшу рабочей платы, то произойдетъ одно изъ двухъ: или я удержу прежнія высокія цѣны на мои товары, и въ этомъ случаѣ никто не будетъ ихъ покупать, потому что мои конкурренты платятъ меньшую рабочую плату и могутъ предлагать свои товары дешевле; или я понижу свои цѣны, и тогда буду въ убыткѣ и мало по малу проживу мой капиталъ, раззорюсь и буду принужденъ закрыть мой заводъ. Гдѣ вы найдете тогда работу? Итакъ я вынужденъ, помимо моей воли, уменьшить плату за трудъ до того, что платятъ мои конкурренты. Заключение, которое можно вывести изъ этихъ разсужденій, есть то, что для сопротивленія пониженію рабочей платы рабочіе должны войти въ соглашеніе съ рабочими другихъ странъ. Необходимо противиться исходной точкѣ пониженія платы и если она находится за границей, то нужно и тамъ организовать сопротивленіе. Ясно видно, какимъ образомъ космополитизмъ капитала, легкость транспортировокъ и обмѣновъ, тожество процессовъ фабрикаціи, ведутъ къ международной, интернаціональной ассоціаціи рабочихъ.

Одно болѣе спеціальное обстоятельство приводитъ къ тому же. Иногда англійскіе фабриканты, когда ихъ рабочіе не принимали ихъ условій и устраивали стачки, выписывали рабочихъ иностранцевъ, нѣмцевъ, бельгійцевъ или датчанъ,—которые довольствовались меньшей рабочей платой. Они угрожали даже выписать китайскихъ куліевъ, которые ѣдятъ только рисъ и хорошо живутъ на $\frac{1}{2}$ франка въ день. Какимъ образомъ избавиться отъ этой конкуренціи приходящей изъ-за границы? Не очевидно

ли, что имъ слѣдуетъ войти въ соглашеніе съ иностранными рабочими, доказать имъ, что интересы всѣхъ рабочихъ солидарны и помѣшать имъ принять предложенія, которыя имъ могутъ быть сдѣланы хозяевами другой страны? Мы видимъ слѣдовательно, что *интернаціональ* въ началѣ развилась на экономической почвѣ и подѣ вліяніемъ новыхъ условій новѣйшей промышленности.

Это ясно доказывается и тѣмъ, что *интернаціональ* возникла послѣ интернаціональной Лондонской выставки въ 1862 году. Съ тѣхъ поръ покрайней мѣрѣ она приняла осязательный видъ; потому что идея ея въ теоретической формѣ существуетъ съ давнихъ поръ. Въ 1847 году, въ Лондонѣ состоялось собраніе нѣмецкихъ коммунистовъ, подѣ предсѣдательствомъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса, который тогда только что издалъ свое сочиненіе о положеніи англійскихъ рабочихъ. Манифестъ ихъ былъ напечатанъ на нѣсколькихъ языкахъ. Принятая программа заключалась въ слѣдующемъ: Уничтоженіе частной собственности, сосредоточеніе кредита въ рукахъ государства, въ національномъ банкѣ; земледѣліе въ большихъ размѣрахъ по научному плану; промышленность должна сосредоточиться въ національныхъ мастерскихъ. Во всякомъ же случаѣ, прибавляетъ програма, преобразование настоящаго общества совершится не по предвзятымъ идеямъ какого нибудь реформатора, а по инициативѣ всѣхъ рабочихъ классовъ. Манифестъ кончался слѣдующимъ воззваніемъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь». Одной француженкѣ, Жаннѣ Деруэнъ приписываютъ идею соединить всѣ рабочія ассоціаціи въ одну всемірную солидарную федерацію. Было рѣшено собрать въ слѣдующемъ году международный рабочій конгрессъ въ Брюсселѣ. Но потрясенія 1848 года помѣшали исполненію этого прозкта, и въ продолженіи четырнадцати лѣтъ о немъ не было больше рѣчи.

Въ 1862 году, нѣкоторые промышленники, какъ Арлесъ-Дюфуръ, и нѣкоторыя газеты какъ *Temps* и *Opinion nationale*, высказывали мысль, что было бы полезно послать на Лондонскую выставку делегатовъ отъ французскихъ рабочихъ. «Ви-

зить, который бы они сдѣлали своимъ товарищамъ въ Англіи, говорить *Opinion nationale*, установилъ бы между ними выгодную во всѣхъ отношеніяхъ связь. Познакомившись лично съ великими художественными и промышленными произведеніями на выставкѣ, они лучше почувствовали бы солидарность соединяющую ихъ; старая закваска международного несогласія ослабѣла бы и соперничество уступило бы мѣсто благотворнымъ усиліямъ братскаго соревнованія». Вся программа интернационали резюмируется въ этихъ строкахъ; но промышленники конечно не предвидѣли, какимъ образомъ она осуществится. Наполеонъ III отнесся очень благосклонно къ отправкѣ делегатовъ въ Лондонъ. Онъ позволилъ, чтобы они были избраны всеобщей подачей голосовъ въ каждой ремесленной корпораціи и, конечно, выбирались тѣ, которые лучше говорили о правахъ труда. По приказанію императора, имъ облегчили путешествіе во всѣхъ отношеніяхъ. Наполеонъ III, чтобы упрочить имперію, тогда мечталъ еще опереться на рабочихъ и крестьянъ и такимъ образомъ сопротивляться либеральной буржуазіи.

Въ Лондонѣ англійскіе рабочіе «сдѣлали своимъ братьямъ изъ Франціи» самый радушный приемъ. 5 августа они устроили праздникъ «Интернациональнаго братства» въ *Free Mason's Tavern*. Произнесенныя рѣчи не были рѣзкими. По вопросу о рабочей платѣ говорилось, что рабочіе должны соединиться; но чтобы уменьшить затрудненія, они должны также войти въ соглашеніе съ своими хозяевами. По мѣрѣ того какъ машины будутъ совершенствоваться, потребуется меньше человѣческаго труда и рабочей платѣ грозитъ опасность соотвѣтственнаго пониженія. Какимъ образомъ обезпечить рабочему достаточное вознагражденіе? Затруднительный вопросъ. Для разрѣшенія его не будутъ излишними всякія изслѣдованія историковъ, философовъ, государственныхъ людей, хозяевъ и рабочихъ всѣхъ странъ. Въ заключеніе предложено было учредить комитеты рабочихъ «для обмѣна корреспонденцій по вопросу международной промышленности». Здѣсь заключалась въ зародышѣ идея всемірной ассоціаціи. Она осуществилась два года спустя.

28 сентября 1864 года, въ Saint-Martin's Голлѣ состоялся большой митингъ «рабочихъ всѣхъ націй». Профессоръ Бисли предсѣдательствовалъ. Толень говорилъ отъ имени Франціи. Карлъ Марксъ былъ настоящимъ вдохновителемъ собранія; маіоръ Вольфъ, секретарь Мадзини, также присутствовалъ, что и подало поводъ говорить, что Мадзини былъ основателемъ *интернаціонали*. Но это далеко не такъ; онъ явился туда съ недо-вѣріемъ и скоро вышелъ. Митингъ назначилъ временный комитетъ, возложивъ на него составленіе устава ассоціаціи; этотъ уставъ долженъ былъ быть представленъ всемірному конгресу, который надѣялись созвать въ слѣдующемъ году въ Брюсселѣ. Въ этомъ комитетѣ находились представители Англіи, Франціи, Италіи, Польши, Швейцаріи, и Германіи. Впослѣдствіи были допущены делегаты другихъ странъ. Ихъ было всего пятьдесятъ. Они не имѣли вида тайнаго общества. Напротивъ, они хотѣли пропагандировать гласно. Мѣстопробываніе ихъ было въ Лондонѣ, № 18 въ *Greek street, Soho*. Выработываемые ими уставы не имѣли ничего революціоннаго; скорѣе можно было сказать, что это общество для изученія соціального вопроса. Былъ назначенъ общій совѣтъ. Онъ состоялъ изъ президента Оджера, кассира Вилера и секретаря Кремера; Любезъ былъ представителемъ Франціи, Вольфъ Италіи, Марксъ Германіи, Голтори Польши и Юнгъ Швейцаріи. На покрытіе расходовъ былъ учрежденъ фондъ. Говорятъ, онъ доходилъ до трехъ фунтовъ стерлинговъ. Этого было такъ недостаточно, чтобы перевернуть свѣтъ.

Мадзини, черезъ своего секретаря Вольфа, предложилъ организацію совершенно централистическую, которая предоставила бы все управленіе стоящимъ во главѣ лицамъ. Марксъ опровергалъ его, замѣтивъ, что эта система пригодна для политическаго заговора, затѣваемаго для ниспроверженія правительства, но что она не годится для сгруппированія большаго числа рабочихъ обществъ, учрежденныхъ въ разныхъ странахъ и при различныхъ условіяхъ. Для успѣха слѣдуетъ довольствоваться не очень крѣпкой фѣдеральной связью, и въ особенности уважать

мѣстную автономію. Не слѣдуетъ дѣйствовать въ тайнѣ, а напротивъ, чтобы имѣть успѣхъ, нужно рассчитывать на сколько возможно большую гласность. Мадзини былъ только политикъ; онъ не понималъ соціальныхъ вопросовъ. Проведя всю жизнь въ составленіи заговоровъ, онъ ничего не видалъ дальше карбонаризма. Марксу же, который глубоко зналъ политическую экономію, не трудно было доказать, что если для ниспроверженія династіи и провозглашенія республики иногда бываетъ достаточно нѣсколькихъ баррикадъ и смѣлой попытки, то не такимъ образомъ можно измѣнить основы собственности, организацию труда и распредѣленія. Марксъ одержалъ верхъ. Но вскорѣ, въ свою очередь, и онъ будетъ побѣжденъ и оставленъ, какъ уже слишкомъ желающій властвовать. Мадзини и его послѣдователи удалились.

Въ весьма искусно составленномъ и относительно умѣренномъ манифестѣ, редактированномъ общимъ совѣтомъ выражены были идеи Маркса. Въ одной недавней рѣчи въ парламентѣ Гладстонъ сказалъ, что въ продолженіи двадцати лѣтъ положеніе рабочаго почти не улучшилось, и что во многихъ случаяхъ для него борьба за существованіе сдѣлалась затруднительнѣе, между тѣмъ какъ развитіе національнаго богатства, промышленности и торговли было неслыханно, и что, на примѣръ, вывозъ утроился. На эту рѣчь ссылается также и манифестъ и потому приходится къ заключенію, что нужно найти средства увеличить долю труда. Прежде всего, прибавляетъ онъ, нужно принять за норму рабочаго дня десять часовъ, чтобы рабочій имѣлъ необходимый досугъ для развитія своихъ способностей, что нужно также и для того чтобы устранить излишество продуктовъ и переполненіе ими путей сбыта. Недавніе успѣхи нѣкоторыхъ кооперативныхъ обществъ доказываютъ, что рабочіе сами могутъ вести большія промышленныя дѣла безъ управленія хозяина. Можно заключить изъ этого, что работа по найму есть переходная форма труда, и что скоро она уступитъ мѣсто ассоціаціи. Ассоціація, обезпечивъ рабочему полный продуктъ его труда, возбудитъ его усердіе и принесетъ ему благосостоя-

ніе. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно согласіе между всѣми. Для этого и была основана международная, интернаціональная ассоціація.

Этотъ манифестъ не представлялъ ничего опаснаго. Мишель Шевалье или Стюартъ Милль говорили такимъ же языкомъ объ ассоціаціи и они могли бы его подписать. *Интернаціональ* такъ же утверждала, что «эмансипація рабочихъ должна быть дѣломъ ихъ самихъ». Эта идея казалась примѣненіемъ самопомощи; она приобрѣла для новой ассоціаціи симпатіи многихъ знаменитыхъ людей, даже во Франціи, которые тогда вовсе не подозревали, какимъ образомъ эта самопомощь будетъ истолкована впоследствии.

Здѣсь мы находимъ новое доказательство того, часто наблюдаемаго факта, что революціонныя движенія идутъ всегда съ возрастающей склонностью къ насиліямъ. Первые дѣятели скоро оказываются позади. Они кажутся холодными; затѣмъ ихъ скоро считаютъ даже измѣнниками. Ихъ замѣняютъ болѣе экзальтированные, которые въ свою очередь оказываются негодными, до тѣхъ поръ пока дѣло не дойдетъ до пропасти, къ которой приводятъ сумасбродства революціонной логики.

Успѣхи новой ассоціаціи въ началѣ были очень медленны. Къ ней присоединились нѣкоторыя общества англійскихъ рабочихъ. Жившіе въ Лондонѣ итальянцы, въ началѣ всѣ присоединившіеся къ ассоціаціи, впоследствии оставили ее по совѣту Мадзини. Делегатъ Лефоръ, котораго общій совѣтъ послалъ въ Парижъ, былъ очень дурно принятъ. Толень и Фрибуръ, прибывшіе въ Лондонъ, чтобы разъяснить положеніе, не могли согласиться съ Любезомъ, который вышелъ въ отставку. Желали организовать согласіе, а вышелъ полный раздоръ. Съѣздъ, который долженъ былъ собраться въ Брюссель, не состоялся. Пришлось ограничиться въ сентябрѣ мѣсяцѣ простою конференціею въ Лондонѣ. Континентальные делегаты не принесли хорошихъ новостей. Исключая Швейцаріи, вездѣ было мало приверженцевъ. Бельгійцы жаловались на инерцію своихъ соотечественниковъ; французы-- на придирки полиціи; итальянцы

на враждебность мадзинистовъ. Былъ признанъ необходимымъ общій конгрессъ и было рѣшено, что онъ соберется черезъ годъ въ Женевѣ.

3-го сентября 1866 года первое засѣданіе дѣйствительно открылось въ пивоварнѣ Трейбера, подъ предѣлательствомъ Юнга, представлявшаго собою общій совѣтъ. Всего собралось шестьдесятъ делегатовъ; правомъ же голоса пользовались только тѣ, которые имѣли правильныя полномочія. Французы въ числѣ семнадцати составляли большинство голосовъ. Кромѣ Юнга, общій совѣтъ послалъ Оджера, Кремера, Экаріуса и Картера. Уставы, выработанные въ Лондонѣ подъ руководствомъ Маркса, были приняты почти безъ измѣненія. Они были составлены очень искусно, и представляли примѣненіе федеральной системы и выборовъ въ нѣсколькихъ степеняхъ. Мѣстная инициатива была сохранена и въ тоже время центральная власть, выбранная изъ различныхъ группъ членовъ, управляла всѣмъ. Эти уставы были составлены такимъ образомъ, что бы не встревожить правительства, и избѣжать репрессивныхъ строгостей суда.

Ассоціція составила, говоритъ первая статья, съ цѣлью служить центральнымъ пунктомъ сообщенія и коопераціи между рабочими различныхъ странъ, преслѣдующими одну цѣль, т.-е. «взаимное содѣйствіе, прогрессъ и полное освобожденіе рабочаго класса». Ассоціція утверждаетъ, что она, также какъ и всѣ общества и лица принадлежащія къ ней, признаетъ правду, справедливость, и мораль основами своего поведенія и принимаетъ девизомъ: *нѣтъ обязанностей безъ правъ и нѣтъ правъ безъ обязанностей*. Все это были прекрасныя слова. Какимъ же образомъ суды могли думать о преслѣдованіи ея? Элементы ассоціи суть секціи. Каждая состоитъ изъ рабочихъ одной и той же мѣстности, или одинаковаго ремесла, соединившихся для изученія и защиты своихъ общихъ интересовъ. Областныя секціи группируются для сформированія одной федераціи. Наконецъ, говорятъ уставы, «такъ какъ польза общаго совѣта будетъ тѣмъ больше, чѣмъ дѣйствіе его будетъ менѣе разбросаннымъ, то

члены интернаціональной ассоціаціи должны употреблять всё свои усилія, каждый въ своей странѣ, чтобы соединить въ одну національную ассоціацію различныя существующія общества».

Мы видимъ, какимъ образомъ должна была воздвигнуться пирамида интернаціонали, опираясь на территоріальныя раздѣленія настоящаго общества: внизу лѣстницы община, потомъ провинція, происходящая изъ группъ общинъ, нація изъ группъ провинцій и, наконецъ, человѣчество изъ группъ націй. Это грандіозный идеаль, напоминающій собою идеаль католической церкви. Но при недостаткѣ принципа власти и повиновенія секціи никогда не достигали, даже во Франціи или Германіи, до національнаго сгруппированія.

Каждая секція и федерація имѣютъ бюро, которые находятся въ сношеніяхъ съ общимъ совѣтомъ. Каждый мѣсяць бюро посылаютъ донесенія о положеніи своихъ ассоціацій.

Общій совѣтъ избирается представителями федерацій. Каждый конгрессъ назначаетъ мѣсто и время слѣдующаго конгресса. Общій совѣтъ впередъ назначаетъ подлежащіе обсужденію вопросы. Онъ составляетъ доклады о годовыхъ работахъ. Онъ публикуетъ бюллетени, въ которые входитъ все, что можетъ интересовать рабочихъ: спросы и предложенія труда, рабочая плата, успѣхъ кооперативныхъ обществъ и положеніе рабочаго класса въ различныхъ странахъ. Онъ поддерживаетъ постоянныя сношенія съ мѣстными обществами. Онъ выбираетъ изъ своей среды президента, секретаря и кассира. Для покрытія постоянныхъ расходовъ на управленіе и публикаціи члены дѣлаютъ взносы. Прежде всего они платятъ при вступленіи пятьдесятъ сантимовъ за билетъ присоединенія къ обществу, десять сантимовъ въ годъ въ общій фондъ и, кромѣ того, отъ одного до двухъ франковъ на мѣстную секцію или федерацію. Но когда нужно было оказать помощь стачкамъ, тогда прибѣгали къ другимъ ресурсамъ. Но что было особенно ловко, это то, что предоставлялось всѣмъ обществамъ, присоединявшимся къ ассоціаціи, сохранять свою организацію. Параграфъ десятый говоритъ: «об-

щества, хотя и соединенныя узами братства и солидарностью, тѣмъ не менѣе могутъ продолжать существовать на своихъ собственныхъ основаніяхъ». Такимъ образомъ рабочія общества всѣхъ родовъ могли присоединяться, лишь-бы только они заявили о своемъ согласіи съ принципами *интернаціонали*.

Пренія и рѣшенія этого перваго конгресса были очень умѣренны. Особенно радикальныя предложенія не получили большинства голосовъ. Французская группа представляла лѣвую, а нѣмецкая крайнюю лѣвую. Англичане придерживались дѣйствительнаго и возможнаго. Нужно-ли осуждать всѣ религіи какъ враждебныя освобожденію рабочихъ? Съѣздъ отказался высказаться по этому предмету, такъ какъ онъ не входилъ въ кругъ его изслѣдованій. Не слѣдуетъ-ли принимать только однихъ рабочихъ? Французы безжалостно хотѣли исключить «интеллектуальныхъ рабочихъ», адвокатовъ, журналистовъ, «всѣхъ этихъ прекрасныхъ говоруновъ», которые въ агитаціи ищутъ только средства обдѣлывать свои дѣлишки. Англичане и нѣмцы воспротивились предложенію. Дѣйствительно, это значило бы исключить тѣхъ, которые создали *интернаціональ* и управляли ею.

Конгрессъ отказался также принять какой-нибудь опредѣленный планъ соціального преобразования. Онъ долженъ былъ ограничиться формулированіемъ только общихъ принциповъ. Онъ рассчитывалъ, что при дѣйствіи свободной коопераціи власть и капиталъ наконецъ перейдутъ въ руки рабочихъ. Однако же онъ приглашалъ рабочіе союзы (*trade unions*) не довольствоваться стараніями о повышеніи рабочей платы, но соединиться для достиженія «полной эмансипаціи рабочаго». Также было рѣшено преслѣдовать повсюду уменьшеніе рабочаго дня на восемь дѣйствительныхъ часовъ. Трудъ дѣтей не можетъ быть совершенно воспрещенъ, но онъ не долженъ превышать нѣсколькихъ часовъ дня; остальное время должно быть посвящено ученію, которое обязаны имъ доставлять хозяева. Однако же часть дѣтскаго заработка могла быть вычитаема на жалованье учителямъ. Наконецъ были вотированы резолюціи въ пользу прямыхъ нало-

говъ и упраздненія постоянныхъ армій. Это было воспоминаніе о конгресахъ мира.

Въ 1867 году *интернаціональ* начинаетъ давать чувствовать свою силу. Съ этого времени начинаются его завоеванія. Рабочіе бронзовщики въ Парижѣ основали союзъ съ 1864 года, тотчасъ послѣ того какъ былъ уничтоженъ законъ, запрещающій коалиціи. Въ февралѣ 1867 года они произвели стачку, и хозяева рѣшили прекратить работы, вслѣдствіе чего 5 тысячъ рабочихъ остались на мостовой. Три ихъ делегата отправились въ Лондонъ просить поддержки *интернаціонали*. Они получили довольно скудную помощь. Но хозяева, думая что деньги идутъ въ изобиліи, кончили тѣмъ, что уступили. Эта побѣда увеличила число приверженцевъ ассоціи во всей Франціи.

Въ Англіи она набирала членовъ другими мѣрами. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности хозяева, которымъ угрожали стачки, выписали рабочихъ изъ Бельгіи и Германіи. *Интернаціональ* тотчасъ принялась за дѣло; она успѣла помѣшать отъѣзду только-что нанятыхъ рабочихъ. Что же касается тѣхъ, которые уже служили, она побуждала ихъ вернуться домой. Она даже заплатила имъ ихъ обратный путь съ прибавкою вознагражденія. Цѣлая партія нѣмцевъ, которыхъ стали уговаривать, когда они сходили съ судна, при первомъ случаѣ возвратилась назадъ. *Trade unions*, которые до этого времени исключительно держались на англійской почвѣ, поняли тогда цѣль *интернаціонали*, и нѣкоторые изъ нихъ въ свою очередь присоединились къ ней. Члены снова стали набираться въ Германіи, гдѣ въ предшествующемъ году приливъ ихъ былъ остановленъ войною между Австріей и Пруссіей. Онъ былъ также значителенъ въ Швейцаріи, особенно во французскихъ кантонахъ. Многочисленныя соціалистическія газеты предложили свои услуги *интернаціонали*: во Франціи *Fourmi*, *Association*, *Congrès ouvrier*, *Mutualité*; въ Германіи *Sozial-Democrat*, и *Deutsche Arbeiter-Zeitung* въ Берлинѣ, *Nordstern* въ Гамбургѣ, *Correspondent* въ Лейпцигѣ; въ Лондонѣ *Workman's Advocate*, редактируемый Экаріусомъ и *International Courier*, издававшийся по французски и по англійски:

въ Бельгіи Tribune du peuple. *Интернаціональ* нашла также органы въ Италиі, въ Испаніи и въ Америкѣ.

Второй съѣздъ имѣлъ свои засѣданія въ Лозаннѣ, 2 и 8 сентября 1869 года. Общій совѣтъ отдавалъ отчеты въ своей дѣятельности и въ особенности ставилъ себѣ въ заслугу, что издержалъ полтора милліона франковъ въ Америкѣ на поддержку стачекъ. Радикальныя идеи начали возвышать голосъ, но еще не одержали верхъ. Не были вотированы ни уничтоженіе наслѣдственности, ни коллективная собственность, а только рѣшенъ былъ выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, «чтобы уничтожить монополіи большихъ компаній, которыя, подвергая рабочій классъ своимъ произвольнымъ законамъ, оскорбляютъ разомъ человѣческое достоинство и индивидуальную свободу.» За исключеніемъ этого страннаго мотива, редактированнаго однимъ отставленнымъ машинистомъ, это рѣшеніе не имѣло ничего разрушительнаго, потому что правительства сами желали всѣми силами примѣнить его на практикѣ. Съѣздъ не принялъ даже бесплатнаго обученія. Онъ рѣшилъ, что первая обязанность родителей обучать своихъ дѣтей; государство должно платить за нихъ только въ такомъ случаѣ, когда они не въ состояніи этого сдѣлать сами. Самый ортодоксальный и самый враждебный вмѣшательству государства экономистъ, не могъ требовать ничего лучшаго.

Вопреки желаніямъ, высказаннымъ въ Женевѣ, лозаннскій конгрессъ обнаружилъ большое недовѣріе къ кооперативнымъ обществамъ, «потому-что онѣ стремятся къ учрежденію четвертаго сословія, которое будетъ имѣть ниже себя еще пятое, болѣе несчастное сословіе.» Это возраженіе кажется страннымъ. Если соединенные въ ассоціаціи рабочіе находятся въ лучшемъ положеніи нежели другіе, то развѣ это причина, чтобъ осуждать ассоціацію? Не лучше-ли заставить рабочихъ войти въ нее? Нужно-ли осуждать всякую частную реформу; да и могутъ ли быть въ дѣйствительности другія реформы? Конгрессъ хотѣлъ напротивъ убѣдить пролетаріатъ, «что соціальное преобразование можетъ совершиться радикальнымъ и рѣшительнымъ образомъ

только при помощи средствъ дѣйствующихъ на все общество и согласныхъ съ взаимностью и справедливостью.» Было принято также, что «для того чтобы ассоціаціи не способствовали поддержанію неравенства, нужно сколь возможно устранять въ нихъ образованіе капитала на счетъ труда, т.-е. вводить въ нихъ идею взаимности и федераціи.» Это означало повидимому, что слѣдуетъ уничтожить проценты; но въ такомъ случаѣ членамъ ассоціаціи не будетъ никакой выгоды увеличивать свои вклады, и потому сбереженіе прекратится, и остановится всякое увеличеніе средствъ производства. Большое кооперативное общество каменщиковъ въ Парижѣ, успѣхъ котораго былъ столь замѣчательнъ, платило проценты не только на вклады членовъ, но даже и на капиталъ, ссуженный другими. Пока образованіе капитала будетъ дѣломъ свободнаго акта, и такъ какъ этотъ актъ составляетъ жертву, то этого акта и быть не можетъ, если онъ не получаетъ вознагражденія. На полѣ сраженія умирають за родину. Въ мастерской же никто не осудитъ себя на лишенія съ тою цѣлью, чтобы другіе наслаждались на счетъ его. Героизмъ и самоотверженіе—великія добродѣтели, но они никогда не будутъ двигателями въ экономическомъ мірѣ.

На съѣздѣ былъ поставленъ важный вопросъ: должна-ли *интернаціональ* держаться исключительно на почвѣ экономической, или же она должна дѣйствовать за одно съ буржуазною партією, которая стремится, при случаѣ даже путемъ революціи, къ политическимъ реформамъ и республиканскимъ учрежденіямъ? Карлъ Марксъ хотѣлъ ограничить дѣятельность ассоціаціи рабочимъ вопросамъ. Такимъ образомъ имѣлось бы болѣе шансовъ избѣжать репрессивныхъ мѣръ и добиться практическихъ результатовъ. Послѣ продолжительныхъ преній, было рѣшено, что «соціальная эмансипація должна быть нераздѣльна съ политической», и были посланы делегаты на «конгрессъ мира и свободы», который засѣдалъ въ то же время въ Женевѣ. На этомъ конгрессѣ господствовалъ старый революціонный духъ, который думаетъ все разрѣшить сразу однимъ ударомъ, и который даже не обращалъ вниманія на затрудненія представляющіяся

при разрѣшеніи соціальныхъ вопросовъ. Эти отсталые якобинцы вызываютъ бури, возбуждаютъ реакціи и останавливаютъ такимъ образомъ истинный экономическій прогрессъ, т.-е. улучшеніе положенія большинства, что и есть самое существенное.

Быстрое распространеніе *интернаціонали* во Франціи встревожило императорское правительство. Рѣшено было преслѣдовать ее. Въ мартѣ 1868 года нѣкоторые вожаки были присуждены, но только къ штрафу въ 100 франковъ, за участіе не въ тайномъ обществѣ, а въ обществѣ недозволенномъ. Обвинительная рѣчь прокурора была снисходительна и почти симпатизировала обвиняемымъ. Императорское правительство надѣялось еще привлечь рабочихъ на свою сторону. Эти только по наружности репрессивныя мѣры имѣли тотъ результатъ, что обратили вниманіе рабочихъ на *интернаціональ* и сдѣлали ее еще болѣе популярною. «Правительственныя придирки, говорилъ не много спустя общій совѣтъ, вмѣсто того чтобы убить *интернаціональ* дали ей новое движеніе, положивъ конецъ вредному кокетничанью имперіи съ рабочимъ классомъ». Въ Германіи также успѣхъ ассоціаціи былъ быстръ въ эту эпоху. Тамъ учредились во множествѣ ремесленные союзы (*Gewerk-Vereine*). Въ августѣ мѣсяцѣ собраніе представителей ста двадцати рабочихъ союзовъ состоялось въ Нюрнбергѣ, гдѣ рѣшено было присоединиться къ *интернаціонали*. Она также проникла въ Испанію. Въ Швейцаріи ея популярность значительно расширилась, потому что она дала возможность рабочимъ при постройкахъ въ Женевѣ добиться увеличенія рабочей платы.

§ 2.

Третій съѣздъ собрался въ Брюсселѣ, въ театрѣ цирка, съ 5 по 11 сентября 1868 года. Девяносто восемь делегатовъ представляли Англію, Францію, Германію, Бельгію, Италию, Испанію и Швейцарію. Полный отчетъ о засѣданіяхъ былъ опубликованъ въ брюссельской соціальной газетѣ, *Peuple belge*. По каждому поставленному на очередь вопросу былъ представ-

лень докладъ. Пренія вообще были довольно коротки и мало оживлены. Резолюціи, составленныя центральнымъ комитетомъ, были вотированы безъ измѣненія. Только по вопросу о земельной собственности были разногласія. Прежде всего занялись вопросомъ о войнѣ. Проекты уничтоженія самостоятельности Люксембурга, разстроенные прусскимъ *veto*, и положеніе министровъ Наполеона III заставляли опасаться столкновенія между Франціей и Германіей. Формула пущенная въ ходъ обществами мира: *война войнѣ*, послужила текстомъ для нѣсколькихъ рѣчей, гдѣ французскіе делегаты энергично утверждали, что народъ во Франціи отвергаетъ всякую мысль о войнѣ съ Пруссіей. Съ своей стороны нѣмцы предлагали заявить, что война между Франціей и Германіей будетъ междоусобной войной въ пользу Россіи. Стоитъ обратить вниманіе на мотивы вотированнаго рѣшенія. «Принимая во вниманіе, что справедливость должна быть правиломъ въ сношеніяхъ между естественными группами, народами и націями, также какъ и между гражданами,—что первоначальная причина войны есть недостатокъ экономическаго равновѣсія,—что война была всегда правомъ сильнаго, а не санкціей права,—что она укрѣпляетъ деспотизмъ и подавляетъ свободу,—что распространяя скорбь, раззореніе семей и деморализацію во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ концентрируются арміи, она поддерживаетъ и распространяетъ также невѣжество и нищету,—что кровь и деньги народовъ служили только къ тому, что поддерживали въ нихъ дикіе инстинкты чловѣка въ дикомъ состояніи,—международный конгрессъ рабочихъ, собранный въ Брюсселѣ, рѣшилъ протестовать какъ можно энергичнѣе противъ войны».

Съѣздъ имѣлъ даже наивность думать, что рабочіе могли бы помѣшати новой войнѣ. Вотъ какимъ образомъ: «соціальный организмъ не можетъ существовать, если производство будетъ пріостановлено на нѣкоторое время. Достаточно только производителямъ перестать производить, чтобы сдѣлать невозможными предпріятія правительствъ личныхъ и деспотическихъ». Такимъ образомъ въ случаѣ если угрожаетъ война, нужно только сдѣ-

латъ всемірную стачку: вотъ лучшее средство. Увы! жаль только, что его нельзя примѣнить на дѣлѣ! Но при настоящихъ условіяхъ капиталъ, а не рабочей повелѣваетъ. Если послѣдній перестанетъ работать, то нѣтъ сомнѣнія, что общество погибнетъ, но онъ самъ погибнетъ первый, потому что живетъ изо-дня въ день. Идея всеобщей стачки, появляющаяся отъ времени до времени, есть невозможность.

По вопросу о машинахъ пренія были довольно сбивчивы. Делегаты, какъ непонимающіе ихъ дѣйствія, не могли осудить употребленія усовершенствованныхъ машинъ, которыя наука предоставила въ распоряженіе промышленности. Напротивъ, они охотно показывали видъ, что не имѣютъ другаго культа, кромѣ культа науки. Если изгонять машины, тогда будетъ логично уничтожить плугъ, челнокъ у ткачей, лопату, словомъ всѣ орудія и возвратиться къ временамъ каменнаго вѣка. По-видимому съѣздъ все это признавалъ единогласно. «Безъ машинъ, говоритъ Шеппелеръ, изъ Майнца, человѣкъ не можетъ удовлетворять своимъ нуждамъ». Экаріусъ изъ Лондона замѣтилъ, что если машины до сихъ поръ были орудіемъ для концентрированія капитала, то съ другой стороны ихъ развитіе создаетъ необходимыя условія для того, чтобы замѣнить системой истинно соціальной коопераціи нынѣшнюю систему наемнаго труда». Однакоже большинство членовъ съѣзда кажется было убѣждено, что употребленіе машинъ имѣетъ послѣдствіемъ уменьшеніе спроса на руки и слѣдовательно пониженіе рабочей платы, хотя всѣ до сихъ поръ констатированные факты доказываютъ противное. Толень хотѣлъ помѣшать вотированію. «Вопросъ еще не созрѣлъ», говорилъ онъ. Онъ еще лелѣялъ себя прудоновскими химерами взаимнаго кредита. Когда этотъ кредитъ будетъ учрежденъ, думалъ онъ, то дастъ рабочему орудіе. Вопросъ о кредитѣ былъ также затронутъ, но безъ достаточной подготовки его. Были даже формулированы уставы обмѣннаго банка. Однако съѣздъ казался понялъ, что не механизмомъ обмѣна, болѣе или менѣе совершеннымъ, можно измѣнить распределеніе. Проектъ былъ переданъ въ комис-

сію, т.-е. похороненъ. Чтоже касается машинъ, то вотъ принятыя резолюціи: «Только посредствомъ кооперативныхъ ассоціцій и взаимнаго кредита производство можетъ пріобрѣсти для себя машины; однакожь, при настоящемъ положеніи рабочіе, составляющіе общества сопротивленія, могутъ вмѣшиваться въ дѣло введенія машинъ, чтобы онѣ вводились съ нѣкоторою гарантіею или вознагражденіемъ рабочаго.

Въ преніяхъ о стачкѣ ясно обнаружилась главная цѣль преслѣдуемая *интернаціональю*. Женевскій делегатъ Гралія сказалъ, что стачка каменщиковъ имѣла успѣхъ потому, что хозяева подумали, что имъ прислана значительная помощь изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Итакъ, сказалъ онъ, необходимо чтобы во всей странѣ рабочіе соединились въ секціи и учредили-бы кассы предусмотрительности, которыя послужатъ, въ случаѣ необходимости, кассами сопротивленія; чтобы повсюду, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, формировались группы, соединенныя узами *интернаціонали*, и чтобы весь рабочій классъ оказывалъ помощь тѣмъ, которые сопротивляются «чтобы защитить права труда». Вслѣдствіе этого не будетъ больше стачекъ, потому что хозяева, убѣжденные напередъ въ своемъ пораженіи, уступятъ, прежде нежели рабочіе прибѣгнутъ къ стачкѣ. Такова первоначальная идея *интернаціонали*; но новые адепты нашли ее узкой и жалкой. Въ дѣйствительности это была идея англійскихъ *trade Unions*, которые, принимая рабочую плату за фактъ, силились только поднять ее какъ можно выше. По мнѣнію же «*интернаціоналовъ*» континентальныхъ, слѣдуетъ стремиться не къ повышенію рабочей платы, но къ уничтоженію наемнаго труда путемъ радикальнаго преобразованія соціальнаго порядка. Поэтому коалиція и стачка только худшее въ ожиданіи лучшаго. Вотъ принятое рѣшеніе по этому предмету: «стачка не есть средство для совершеннаго освобожденія рабочаго, но она часто неизбежна при настоящемъ положеніи въ борьбѣ капитала съ трудомъ. Можно подчинить стачку нѣкоторымъ условіямъ организациі, благовременности и законности;—съ точки зрѣнія организациі стачки въ тѣхъ ремеслахъ, которыя еще не

имѣють обществѣ сопротивленія, взаимной помощи или кассъ, обезпечивающихъ на случай прекращенія работы, слѣдуетъ создавать эти учрежденія, потомъ вводить между ними солидарность во всѣхъ ремеслахъ и во всѣхъ странахъ; однимъ словомъ нужно въ этомъ смыслѣ продолжать дѣло предпринятое *интернаціоналю* и стараться заставить пролетаріатъ массами вступать въ эту ассоціацію; слѣдовало бы также въ федераціи группъ сопротивленія каждой мѣстности составить комиссію изъ делегатовъ различныхъ группъ, которая должна судить о благовременности и законности могущихъ случиться стачекъ». Какъ мы видимъ, это цѣлый планъ кампаніи. Союзъ не хочетъ, чтобы стачки дѣлались необдуманно, прежде всего потому, что онъ обязанъ оказывать имъ помощь, что часто бываетъ для него невозможно; во вторыхъ потому, что если стачки не будутъ имѣть успѣха, то его престижъ сильно пострадаетъ. Но этотъ посредническій совѣтъ, который союзъ хотѣлъ учредить, кажется никогда не могъ правильно дѣйствовать.

На Брюссельскомъ конгрессѣ такимъ образомъ совершилось преобразование *интернаціонали*. Въ началѣ она должна была составлять обширное общество сопротивленія, чтобы поддержать или возвысить размѣръ рабочей платы, въ родѣ международного *trade Union*. Теперь она мечтаетъ о совершенномъ преобразованіи общества, уничтоживъ трудъ по найму, «эту новую форму рабства». Какимъ образомъ достигнуть этого? Передачей всѣхъ орудій труда въ коллективное владѣніе. Это новая доктрина, «коллективизмъ». Коммунизмъ былъ дискредитированъ. Безжалостная критика Прудона сдѣлала его крайне непопулярнымъ. На съѣздѣ въ Лозаннѣ было рѣшено, что желѣзныя дороги должны принадлежать государству. Въ Брюсселѣ тотъ же принципъ былъ примѣненъ къ рудникамъ и каменоломнямъ, къ лѣсамъ и даже къ пахатной землѣ. Вотъ мотивы этого послѣдняго рѣшенія: «Принимая во вниманіе, что необходимости производства и примѣненіе агрономическихъ знаній требуютъ производить обработку земли въ большихъ размѣрахъ и по общему плану, а для этого нужно введеніе машинъ и организація коллективной

силы въ земледѣліи и что вообще сама экономическая эволюція стремится привести культуру къ крупнымъ размѣрамъ,—что поэтому собственность на землю и земледѣльческій трудъ должны быть въ такомъ же положеніи какъ рудокопный трудъ и собственность на подпочву,—что производительный фондъ почвы есть сырой матеріалъ для всѣхъ производствъ, первоначальный источникъ всѣхъ богатствъ, произведенный самъ никакимъ трудомъ частнаго лица,—что отчужденіе кому нибудь этого необходимаго сырого матеріала дѣлаетъ цѣлое общество данникомъ тѣхъ, кому онъ отчужденъ;—съѣздъ думаетъ, что экономическая эволюція сдѣлаетъ передачу пахатной земли въ коллективную собственность социальную необходимостью и что земля будетъ отдана земледѣльческимъ обществамъ, точно также какъ рудники обществамъ рудокоповъ, желѣзныя дороги обществамъ рабочихъ, и это на условіяхъ гарантирующихъ общество и земледѣльцевъ и сходныхъ съ тѣми, которыя необходимы для рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ». Замѣтите, на сколько отличается этотъ языкъ отъ языка революціонеровъ якобинской традиціи. Здѣсь чувствуется вліяніе позитивизма, который хвалится своимъ уваженіемъ къ естественнымъ законамъ. Это не революція, но «эволюція», которая приведетъ общество къ «коллективизму». Это уже не декреты конвента, но «соціальныя необходимы» произведутъ преобразование. Съѣздъ соблюдаетъ извѣстную осторожность, внушенную научнымъ сомнѣніемъ: онъ не утверждаетъ а «думаетъ», что дѣло произойдетъ такъ. Заявленія съѣзда, хотя и выраженные въ видѣ мнѣнія, были вотированы только послѣ живой оппозиціи.

Толень настоятельно защищалъ индивидуальную собственность, рискуя прослыть за реакціонера. Идея о поступленіи пахатной земли «въ коллективную собственность» была легко принята многими англійскими рабочими, подъ названіемъ «націонализаціи земли». Такъ какъ небольшое число аристократическихъ фамилій владѣетъ почти всѣмъ пространствомъ Британскихъ острововъ, то переходъ собственности отъ нихъ къ государству кажется мѣрой непредставляющей непреодолимыхъ затрудненій

и имѣющей повидимому нѣкоторое сходство съ конфискаціей имуществъ эмигрантовъ и духовенства въ 1793 году. Въ послѣднемъ письмѣ, полученномъ мною отъ Стюарта Милля, онъ объясняетъ, что рабочіе классы въ Англіи относятся враждебно къ мелкой земельной собственности, которую онъ восхвалялъ съ своимъ другомъ Торнтономъ, потому-что чѣмъ болѣе будетъ собственниковъ, тѣмъ большее сопротивленіе будетъ встрѣчать всякая экспроприація. Толень, представитель Франціи, гдѣ болѣе пяти милліоновъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, хорошо понималъ, что коллективизмъ, примѣненный къ пахатной землѣ, встрѣтилъ бы страшное сопротивленіе. Кромѣ того онъ утверждалъ, что прежде всего слѣдуетъ уважать всякую индивидуальность. Онъ не желаетъ, чтобы ее приносили въ жертву идолу общности, такъ какъ усовершенствованіе личности есть самая высшая цѣль. Здѣсь видно вліяніе Прудоновскихъ идей въ противоположности съ идеями коммунистовъ. Его сильная ненависть къ государству и краснорѣчивыя тирады въ пользу анархіи, т.-е. отреченія отъ государства, какъ того хотятъ ортодоксальные экономисты, оставили глубокой слѣдъ въ умѣ рабочихъ классовъ.

Старые социалисты, какъ Луи Бланъ и въ настоящее время «социалисты каюедры», постоянно требуютъ вмѣшательства государства. *Интернаціоналы* же избѣгаютъ даже произносить это слово. Они говорятъ о коллективности, общинѣ, ассоціаціи рабочихъ, децентрализаціи, и кажется ихъ идеаломъ служить федерація кооперативныхъ автономныхъ обществъ. Если только сумбуръ и невѣжество, олицетворявшіеся въ коммунѣ въ 1871 году, могли выражать какую нибудь идею, то можно сказать, что эта идея коммуны господствовала въ *интернаціонали*. Этимъ и объясняется ея колебаніе и вообще ея бездѣйствіе въ дѣлѣ социальныхъ реформъ. Кто думаетъ, что государство имѣетъ задачу передѣлать общество по извѣстному идеалу справедливости, тотъ производитъ революцію и учреждаетъ какой нибудь комитетъ общественной безопасности, который безжалостно рѣжетъ, ампутируетъ и законодательствуетъ, чтобы придать со-

ціальному тѣлу желаемую форму. Но кто, подобно интернаціоналамъ, подъ вліяніемъ позитивизма и методовъ естественныхъ наукъ, признаетъ, что преобразованія совершаются вслѣдствіе «соціальныхъ потребностей» и «экономической эволюціи» среди свободныхъ общинъ и автономныхъ группъ, тотъ логически приходитъ къ безсилію. Зачѣмъ вмѣшиваться въ дѣйствіе «естественныхъ законовъ»? Въ крайнемъ случаѣ остается только развѣ «жечь» города для упрощенія вопроса.

Брюссельскій сѣздъ подробно изложилъ экономическую программу *интернаціонали*. Остановимся на минуту, чтобы разсмотрѣть ее поближе. Земля, утверждаетъ она, должна принадлежать «коллективности». Что означаетъ это слово? Такъ какъ раздѣленіе на государства должно исчезнуть, то она хочетъ вѣроятно сказать «коллективное человѣчество», разумѣя все человѣчество. Итакъ я буду совладѣльцемъ земель зулусовъ и эскимосовъ, а они въ свою очередь будутъ совладѣть тѣми полями, которые обрабатываю я. Будетъ-ли владѣніе человѣчества номинальнымъ, подобно тому, какъ король Англіи владѣетъ всею землею на Британскихъ островахъ? Въ этомъ случаѣ это просто настоящее положеніе, но съ прибавленіемъ фикціи. Будетъ-ли напротивъ владѣніе дѣйствительнымъ съ полученіемъ дохода и выборомъ управляющаго? Тогда мы приходимъ къ представленію едва понятному и рѣшительно неисполнимому. Когда читаешь изложеніе мотивовъ докладчиковъ, то видишь, что они сами не знаютъ, на чемъ остановиться. Кто будетъ распоряжаться землями: человѣчество, государство, община, или земледѣльческая кооперативная ассоціація? Намъ ничего не говорятъ опредѣленнаго по этому предмету. Будетъ-ли уничтожена рента? Повидимому, да; но тогда какое же будетъ неравенство между тѣми, которые при одинаковомъ количествѣ труда получаютъ съ плодородной земли тридцать гектолитровъ пшеницы, и другими, которые съ неблагоприятной почвы получаютъ только пятнадцать гектолитровъ ржи! Кромѣ того отдавайте собственность коллективности, какая бы она ни была; но вы этимъ способомъ

не обеспечите ни справедливости, ни равенства, ни всеобщаго благоденствія.

Экономистъ не можетъ, подобно физику, повѣрять свои воззрѣнія опытами въ лабораторіи, но онъ можетъ судить о дѣйствіи извѣстныхъ учрежденій посредствомъ изученія сравнительнаго законодательства. Есть страны, гдѣ существуетъ въ полной силѣ режимъ восхваляемый брюссельскимъ съѣздомъ. Въ извѣстныхъ провинціяхъ Индіи и въ Египтѣ земля дѣйствительно принадлежитъ государству, потому что оно получаетъ съ нея чистый доходъ. Въ Италіи такая реформа также совершилась на половину; потому что государство, провинціи и община берутъ себѣ посредствомъ налога 30, 40 и даже 50 процентовъ поземельнаго дохода; это значитъ какъ будто они владѣютъ половиной собственности. Счастливы-ли земледѣлецъ въ этихъ странахъ? Нѣтъ, тамъ чрезмѣрная нищета среди земледѣльческаго населенія. Поземельная собственность государства была бы просто тѣмъ единственнымъ налогомъ, который предлагали нѣкогда физиократы и въ недавнее время Жиранденъ и Менье. Общій видъ нашихъ обществъ почти не измѣнился-бы. Рента потребляемая въ настоящее время собственниками, потреблялась бы тогда чиновниками. Такое именно положеніе и оспаривали прудонисты анархисты, озлобленные противники бога-государства. Они также предлагали отдать землю сельскимъ ассоціямъ. Но только здѣсь опытъ, этотъ высшій авторитетъ, на который безпрестанно ссылаются социологи, даетъ серьезныя предостереженія на счетъ «естественныхъ законовъ соціальной эволюціи».

Режимъ, о которомъ мечтаютъ интернаціоналы анархисты, не есть утопія. Онъ былъ общимъ въ прежнее время во Франціи, онъ существуетъ еще и въ настоящее время у дунайскихъ и балканскихъ славянъ. Тамъ владѣютъ землею и эксплуатируютъ ее автономныя ассоціи, которыя справедливо называются у австрійскихъ авторовъ *Hauscommunionen* «общины домашнія или семейныя». Когда я посѣщалъ задруги въ Сербіи и Кroatіи, то былъ также какъ Плэй и какъ великій апостолъ дунайскаго славянства,

Штроссмайеръ, увлеченъ прелестями этой сельской жизни, столь простой, мирной и поэтичной*). Видя всю группу общинниковъ, мужчинъ и женщинъ, сообща работающих на поляхъ, и обдѣлывающихъ коноплю и шерсть для своихъ одеждъ, и вечеромъ на посидѣлкахъ подъ акомпаниментъ гуслей распѣвающихъ сербскія *romancero*, можно подумать, что находишься среди буколической сцены золотого вѣка. Между тѣмъ «естественная эволюція» подкапываетъ эти братскія учрежденія, хотя они имѣютъ своимъ основаніемъ семейную связь и традиціи незапамятныхъ временъ. Когда то, что мы называемъ прогрессомъ, начинаетъ колебать неподвижность патриархальной жизни, и когда такимъ образомъ возникаютъ новыя потребности, то общинники не хотятъ болѣе работать для блага общины: они требуютъ раздѣла. Сила индивидуализма уничтожаетъ мало по малу славянскую задругу, какъ уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ она заставила исчезнуть общины въ старой Франціи. Но счастливѣе-ли становятся раздѣлившіяся семьи? Не всегда. Часто онѣ распродаютъ свою землю и впадаютъ въ нищету. Но они хотятъ купить свободу и независимость хотя бы даже цѣною своей отвѣтственности и разочарованій. Не пройдетъ и полстолѣтія, какъ желѣзныя дороги и новѣйшая промышленность разовьютъ богатства южныхъ славянскихъ земель и древнее равенство уступитъ мѣсто оппозиціи между капитализмомъ и наемнымъ трудомъ какъ въ нашихъ западныхъ странахъ. Можно сожалѣть объ этомъ, но этого нельзя отрицать: современныя тенденціи являются смертельными для сельскихъ общинъ. Онѣ могутъ продолжать свое существованіе только тогда, когда опираются на очень экзальтированное религіозное чувство, какъ на Онэйдѣ или въ траппистскомъ монастырѣ.

Въ теченіи 1869 года *интернаціональ* распространилась съ невѣроятною быстротою. Великое волненіе охватило рабочій классъ во всей Европѣ и главнымъ образомъ во Франціи, гдѣ во время майскихъ выборовъ правительство, конечно для того чтобы напугать и привлечь къ себѣ буржуазію, предоставило

*) Смотр. мой этюдъ о *семейныхъ общинахъ* въ книгѣ *Первобытныя формы собственности*, 2 изд. 201 стр.

въ клубахъ полную свободу слова. Стачки были во всей Европѣ; и во многихъ мѣстностяхъ, именно въ Серенгѣ—въ Бельгіи и въ Крезе—во Франціи, онѣ привели къ кровопролитнымъ стычкамъ. Всѣ стачки привлекали новыхъ членовъ въ *интернаціональ*, въ надеждѣ получить отъ нея помощь. Обыкновенно этой помощи не было, потому-что великая ассоціація не была богата. Но въ эти первыя горячія времена вѣрили въ ея могущество, и она доводила хозяевъ до уступокъ, какъ будто была дѣйствительной силой.

Изъ отвѣтовъ обвиняемаго Бастена въ майскомъ процесѣ 1870 года ясно видно, какимъ образомъ происходили вступленія. «Я обвиняюсь, сказалъ онъ президенту, въ принадлежности къ тайному обществу. Я это отрицаю формально. Правда, я членъ *интернаціонали*; но она не составляетъ тайнаго общества. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я въ нее вступилъ. Во время стачки плавильщиковъ желѣза на одномъ собраніи одинъ изъ нашихъ друзей сказалъ намъ: «Мы состоимъ въ обществѣ сопротивленія, но намъ слѣдуетъ сдѣлать еще одну вещь: это вступить въ *интернаціональ*.» Этотъ пріятель далъ намъ прочесть уставы. Мы признали, что они хороши и что нѣтъ препятствія для нашего вступленія. При подачѣ голосовъ мы, въ числѣ 1,200 человекъ, вступили въ *интернаціональ*.» Другой обвиняемый, Дюваль, будущій генералъ коммуны, рассказываетъ тождественный фактъ: «Изъ сорока семи нашихъ патроновъ тридцать шесть отказались. Многіе изъ нихъ отвѣчали: мы подождемъ пока вы будете голодны. Въ виду такого презрѣнія слѣдующее собраніе вотировало и подписало стачку на жизнь и смерть. Мы поклялись честью не приниматься за работу, пока не исполнять нашихъ требованій. Мною было сдѣлано предложеніе о вступленіи въ *интернаціональ*. Восемьсотъ или девятьсотъ присутствующихъ членовъ вступили массою и подписали свое вступленіе во время засѣданія, выбравъ тотчасъ четырехъ делегатовъ представителями въ парижскій федеральный совѣтъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года вошли въ стачку ліонскіе су-

чильщики шелка. Члены коммисіи стачекъ писали общему совѣту въ Лондонѣ, «что они заявляютъ о вступленіи въ *интернаціональ* отъ своего имени и отъ имени восьми тысячъ человѣкъ, составляющихъ корпорацію». Они прибавляютъ, «чтобы оставаться въ предѣлахъ французскаго закона, новые соборники не составятъ никакой организаціи или ассоціаціи во Франціи. Они будутъ довольствоваться тѣмъ, что будутъ посылать каждый годъ въ общій совѣтъ общую сумму ихъ взносовъ.» Въ Бельгіи рабочіе суконщики въ Вербье, хлопчатобумажные рабочіе въ Гентѣ, рудокопы въ Гено и большое число Брюссельскихъ ремесленниковъ массою вступили въ *интернаціональ*. Основалась фламандская газета *Werker*. Голандія въ свою очередь приняла участіе въ этомъ движеніи. Нѣмецкія ассоціаціи, собранныя въ Нюренбергѣ, также присоединились. Въ Италиі, какъ и во Франціи, судебныя преслѣдованія обратили вниманіе рабочихъ, и толкали ихъ въ *интернаціональ*. Она прочно утвердилась въ Вѣнѣ, гдѣ основывается *Wiener Arbeiter Zeitung*, въ Пештѣ, въ главныхъ городахъ Испаніи, и имѣла свои развѣтвленія въ Америкѣ до Калифорніи. На Базельскомъ сѣздѣ прочтенные на первыхъ засѣданіяхъ доклады констатировали всѣ эти успѣхи *интернаціонали*. *Times* писалъ по этому поводу: «нужно обратиться къ началу христіанства, или къ эпохѣ нашествія варваровъ, что бы найти движеніе сходное съ настоящими движеніемъ рабочихъ; оно угрожаетъ настоящей цивилизаціи такую же опасностью и участію, какой подвергли древній міръ сѣверные люди». Это дѣйствительно былъ моментъ расширенія, за которымъ должно было вскорѣ послѣдовать не менѣе быстрое паденіе.

Базельскій сѣздъ, засѣданія котораго продолжались съ 5-го по 12-е сентября 1869 года, не имѣлъ ничего страшнаго. Онъ заимствовалъ у прекрасной страны, которую онъ почтилъ своими засѣданіями, идилическій характеръ, который тамъ легко принимаютъ всѣ собранія. Делегаты, въ числѣ восьмидесяти, были приняты членами секцій города Базеля и деревни Базеля,

въ *Café national*. Кorteжъ, состоявшій почти изъ двухъ тысячъ лицъ, направился черезъ городъ, съ музыкой во главѣ и развернутыми флагами, къ саду одной пивоварни, гдѣ каждый занялъ мѣсто; между тѣмъ какъ общество Грютли пѣло. Привѣтственная рѣчь прибывшимъ делегатамъ была произнесена гражданиномъ Богеномъ, который былъ въ тоже время президентомъ Базельской секціи и генеральнымъ прокуроромъ кантона. Это курьезное соединеніе такихъ должностей въ одномъ лицѣ повидимому никого не удивляло.

Съѣздъ, выслушавъ въ первые три дня, съ двумя засѣданіями въ день, доклады общаго совѣта и многихъ секцій, занялся разсмотрѣніемъ вопросовъ уже рѣшенныхъ въ Брюсселѣ о поземельной собственности и обществахъ для стачекъ; и натурально они были рѣшены въ прежнемъ смыслѣ пятьюдесятью четырьмя «да», противъ четырехъ «нѣтъ», а тринадцать отказались отъ подачи голоса. Было принято слѣдующее рѣшеніе: «съѣздъ объявляетъ, что общество имѣетъ право уничтожить индивидуальную собственность на землю и предоставить ее общинѣ». Странная вещь, ни одинъ изъ съѣздовъ *интернационали* не занимался домами и капиталомъ промышленности, заводами, зданіями, машинами и денежными фондами. Въ рѣчахъ часто повторялось, что рабочій долженъ быть собственникомъ орудій труда; но какимъ образомъ, путемъ какихъ комбинацій и какой промышленной организаціи, объ этомъ кажется они не беспокоились.

Толень говорилъ въ пользу индивидуальной собственности. Ваша коллективность, сказалъ онъ, существо абстрактное, нѣчто неизвѣстное, а между тѣмъ вы предполагаете его намъ навязать. Реаленъ только индивидуумъ, а все то, что противно его свободному развитію, дурно. Въ каждомъ человѣкѣ, мы находимъ желаніе быть царемъ для себя и наслаждаться своей независимостью. Приписывая праву собственности всѣ бѣдствія человечества, вы принимаете дѣйствіе за причину. Въ дѣлахъ эксплуатаціи коллективность развѣ будетъ дѣйствовать умнѣ чѣмъ индивидуумъ? Развѣ мы не видимъ, что благодаря индивидуальной

иниціативѣ совершился всякій прогрессъ. Толень поэтому былъ только *мутуэлистомъ*, а не *коллективистомъ*.

Другой французъ, старый послѣдователь Прудона, Ланглуа, делегатъ отъ токарей металловъ, требуя ренты для государства, произнесъ нѣсколько пророческихъ словъ: «Соціализмъ погубить себя, если будутъ держаться рѣшеній, принятыхъ въ Брюсселѣ объ отчужденіи собственности деревенскихъ жителей безъ нихъ и безъ совѣта съ ними. Мы еще увидимъ, какъ и въ 1848 г., что крестьяне поднимутся массами противъ городскихъ рабочихъ и сдѣлаютъ призрачнымъ торжество революціи. Если бы у васъ была власть, были-ли-бы вы готовы сдѣлать прочное дѣло? Государство коллективный собственникъ земли—это значитъ государство, которое заставляетъ работать насильно и составляетъ изъ рабочихъ отряды подъ командою инженеровъ и приказчиковъ, такъ что явится цѣлая іерархія тяготящая надъ трудомъ. Развѣ этотъ результатъ такъ желателенъ, чтобы ради него пожертвовать свободой?»

Делегатъ изъ Брюсселя, Цезарь Пепе по этому вопросу сдѣлалъ длинный докладъ, въ которомъ видно серьезное изученіе фактовъ и экономическихъ теорій. Такимъ образомъ мы можемъ видѣть, чѣмъ коллективизмъ отличается отъ коммунизма. Въ системѣ коллективизма эксплуатаціей занимается не государство и не община; государство сохраняетъ за собою владѣніе, но оно предоставляетъ распоряженіе трудомъ кооперативнымъ обществамъ на извѣстныхъ условіяхъ, каковы: арендная плата, гарантія хорошей обработки и справедливая регламентація. Такъ напр. относительно желѣзныхъ дорогъ, если государство разомъ и собственникъ и эксплуататоръ дороги, какъ это есть въ Бельгіи, то это есть случай коммунизма; когда же оно передаетъ другимъ эксплуатацію своей собственности, какъ хотятъ сдѣлать въ Италіи, то это будетъ коллективизмъ. Въ дѣлѣ вознагражденія труда коммунизмъ хочетъ равенства, или даже примѣненія правила: «каждому по мѣрѣ его нужды»; между тѣмъ какъ коллективизмъ беретъ гарантировать каждому пользованіе полнымъ продуктомъ его труда. Итакъ, истинный и въ сущности единствен-

ный двигатель экономической дѣятельности—личный интересъ въ первой системѣ совершенно уничтожается, а во второй въ нѣкоторой мѣрѣ удерживается. Коммунизмъ ведетъ по своему принципу къ потребленію совмѣстно и сообща, какъ въ семьѣ, или скорѣе какъ въ монастырѣ или казармахъ; между тѣмъ какъ коллективизмъ можетъ примириться съ отдѣльнымъ существованіемъ семействъ. Коммунисты радикально уничтожаютъ наслѣдственность, коллективисты же сохраняютъ ее во всемъ, что не принадлежитъ государству.

Вопросъ о правѣ наслѣдства былъ горячо обсуждаемъ на базельскомъ съѣздѣ. Коллективисты, представителемъ которыхъ былъ главнымъ образомъ Пепе, приводили весьма сильные доводы, на которые обыкновенно всѣ ссылаются въ пользу наслѣдственной передачи имущества. Ктонибудь составилъ себѣ состояніе, дѣлая сбереженія не на счетъ продуктовъ чужаго труда, а своего собственнаго, лишая себя нѣкоторыхъ удобствъ; ужели справедливость не требуетъ, чтобы онъ могъ передавать свои сбереженія своимъ дѣтямъ? Это право будетъ очевидно возбужденіемъ для ихъ труда и предохраненіемъ отъ мотовства; такимъ образомъ оно послужитъ выгодой для цѣлага общества. Если каждый получить полное образованіе и орудіе труда, то индивидуальное наслѣдство не можетъ принести вреда раціональному равенству. Хотя коммунистическое настроеніе было сильно, однако за уничтоженіе наслѣдства, предложенное комисіей изученія, подано было 32 голоса изъ 68 вотирующихъ, слѣдовательно оно было сочтено отвергнутымъ.

Я не могу прерывать этого бѣлаго разсказа, для того чтобы основательно разбирать теоретическія идеи, признанныя *интернаціональю*. Я ограничусь только двумя общими замѣчаніями. Новая соціальная организація, о которой мечтаетъ коллективизмъ, предполагаетъ, что сельскія и промышленныя предпріятія переходятъ въ руки кооперативныхъ автономныхъ ассоціацій. Но могутъ ли существовать эти ассоціаціи на основаніи исключительно республиканскомъ и избирательномъ, безъ принципа власти и іерархіи, представляемаго теперь патрономъ? Въ

промышленности, какъ и на кораблѣ, должна быть строгая дисциплина и повиновеніе. Какимъ образомъ достигнуть ихъ между равными? Въ настоящее время хозяинъ выгоняетъ того, который не работаетъ: вотъ стимулъ къ труду. Въ новомъ обществѣ такое изгнаніе невозможно. Не слѣдуетъ-ли прибѣгнуть къ тюрьмѣ? Въ настоящее время собственникъ заинтересованъ въ сохраненіи капитала и усовершенствованіи ремесленныхъ орудій. Члены же коопераціи едва ли сдѣлаютъ это также хорошо, потому что они не собственники, а только пользующіеся собственностью и отвѣтственность за порчу и убытки упадетъ на все общество. Въ сущности, экономическая проблема есть нечто иное какъ организація отвѣтственности и справедливости. Коллективисты боготворятъ Дарвина; поэтому они должны же допустить, что въ борьбѣ за существованіе организмы лучше одаренные одержатъ верхъ надъ слабѣйшими. Пускай дадутъ образованіе и всевозможныя облегченія рабочимъ для учрежденія производительныхъ обществъ: когда они такимъ образомъ будутъ имѣть то, что англичане называютъ *fair play*, то если коллективизмъ лучше индивидуализма, ихъ ассоціаціи вытѣснятъ частныя предпріятія и новый режимъ установится постепенной и медленной эволюціей, какъ дѣлались всѣ экономическія преобразованія. Если же, напротивъ, ихъ принципъ хуже въ качествѣ стимула къ энергіи труда, къ накопленію капитала и къ промышленнымъ усовершенствованіямъ, то даже если бы его ввели силой и посредствомъ революціи, то онъ не продержался бы долго; онъ погибъ бы, какъ погибаютъ всѣ слабѣйшіе организмы, поставленные въ соприкосновеніе съ сильнѣйшими.

Коммунисты требуютъ уничтоженія наслѣдственности. Это не новость. Такая попытка была уже сдѣлана. Въ средніе вѣка у крѣпостныхъ такъ называемой мертвой руки не существовало наслѣдства. Для того чтобы избѣжать отобранія имущества сеньоромъ, они составили общину. Эти кооперативныя общества были юридическими, постоянными личностями, которыя продолжали безъ перерыва владѣть всѣмъ, и такимъ образомъ не было

никогда наслѣдства. Тотъ же режимъ въ настоящее время существуетъ у южныхъ славянъ. Наслѣдственность примѣняется только къ пожиткамъ строго личнымъ. Земля и все орудія труда составляютъ коллективную собственность группъ, гдѣ чья нибудь кончина не открываетъ наслѣдства. Неправда ли, что такой же идеаль предлагаютъ намъ нѣкоторые коллективисты? Отчего же происходитъ то, что отъ соприкосновенія съ новымъ духомъ онъ исчезаетъ и продолжаетъ исчезать въ странахъ отдаленныхъ, гдѣ онъ еще держался? Неправда ли, что это также слѣдствіе закона Дарвина? Можетъ быть возражать, что монастыри, гдѣ царствуетъ не только коллективизмъ, но абсолютный коммунизмъ, чрезвычайно развиваются въ численности и въ богатствѣ. Это неоспоримо; только у нихъ существуетъ безбрачіе въ этомъ мірѣ, а въ перспективѣ, въ другомъ мірѣ, небо, что и измѣняетъ все дѣло. Да кромѣ того развѣ базельскій съѣздъ хотѣлъ привести человечество къ монастырскому режиму?

На этомъ же съѣздѣ въ первый разъ появился Бакунинъ, который рѣшительно направилъ *интернаціональ* на революціонный путь. Русскій агитаторъ явился одновременно представителемъ рабочихъ ліонскихъ шелкопрядильщиковъ и неапольскихъ механиковъ. Онъ принадлежалъ къ практическому интернаціонализму. Онъ не отыскивалъ новыхъ формъ будущаго общества. Единственная цѣль, которую онъ, по его словамъ, преслѣдовалъ, это радикальное разрушеніе настоящаго соціального порядка, на развалинахъ котораго воздвигнется, въ силу самопроизвольнаго зарожденія, лучшая организація. «Я хочу, прибавилъ Бакунинъ, не только коллективной собственности земли, но и всего богатства, при помощи всемірной соціальной ликвидаціи; а подъ соціальной ликвидаціей я разумѣю уничтоженіе политическаго и юридическаго государства. Коллективность есть основа индивидуума, а индивидуальная собственность есть нечто иное какъ безчестное присвоеніе себѣ плодовъ коллективнаго труда. Я требую уничтоженія всехъ государствъ національныхъ и территоріальныхъ и на ихъ развалинахъ учрежде-

нія международнаго государства изъ миллионѣвъ рабочихъ. Дѣло *интернаціонали* устроить такое государство, установивши солидарность между общинами (коммунами), что предполагаетъ полное социальное преобразование сверху до низу.» Итакъ, нѣтъ болѣе націй, нѣтъ государствъ, нѣтъ политическихъ и юридическихъ учреждений, нѣтъ частной собственности, нѣтъ Бога и культа, и нѣтъ даже независимыхъ и свободныхъ личностей. Совершенное разрушеніе всего существующаго; а залѣмъ въ новомъ мірѣ будетъ такъ сказать органической клѣткой и первымъ элементомъ новой организаціи уже не человѣческая личность, но аморфная коммуна, и такимъ образомъ человѣчество сдѣлается похожимъ на перепутанную массу нитчатокъ или на формирующееся туманное пятно. Это очевидно нигилизмъ. Здѣсь мы видимъ источникъ теоріи автономной общины, которая возникла послѣ революціи 18 марта, и никто не могъ сказать, откуда она взялась. Иностранцы, напримѣръ князь Бисмаркъ, видѣли въ ней требованіе большей независимости для общинъ, что казалось имъ очень желательнымъ во Франціи, гдѣ централизація доведена до крайности. Кромѣ того думали, не есть ли это та реформа, которой требуютъ экономисты почитатели Америки, новоконсерваторы, словомъ, противники государственнаго всемогущества. Но въ дѣйствительности, это было нѣчто другое. Кто пожелаетъ найти какой нибудь смыслъ въ актахъ и манифестахъ коммуны 18 марта, тотъ вѣроятно увидитъ въ нихъ отголосокъ Бакунинскихъ теорій.

§ 3.

Въ теченіи 1870 года *интернаціональ* продолжала расти и расширяться. Она проникла на окраины Европы, въ Данію, Португалию, и даже за Атлантику. Камеронъ, делегатъ *National Labor Union* въ Соединенныхъ Штатахъ, привезъ на базельскій съѣздъ изъявленіе согласія на вступленіе въ союзъ отъ восьми-сотъ тысячъ «уніонистовъ.» Въ Швейцаріи основалась русская секція. Въ Пештѣ появилась *Всеобщая газета рабочихъ*.

Соціалистическія газеты умножались повсюду. *Federacion* въ Барселонѣ, *Eguaglianza* въ Неаполѣ, *Jornal do trabalho* и *Tribuna* въ Лиссабонѣ, *Clamor do povo* въ Порто, *Internationale* въ Брюсселѣ, *Mirabeau* въ Вервье, *Devoir* въ Лютихѣ, *Werkmann* въ Амстердамѣ, *Volksblad* въ Роттердамѣ; во Франціи, *Travail*, *Reforme* и *Tribune populaire*; въ Германіи партія социалистовъ-демократовъ окончательно сформировалась въ Эйзенахѣ и основала въ Лейпцигѣ *Volksstaat*. Масса другихъ періодическихъ соціалистическихъ изданій выростала точно изъ земли. Вездѣ, гдѣ только формировалась секція, къ ней немедленно присоединялись существующія рабочія общества, какой бы характеръ они ни имѣли. Въ Европѣ и въ Америкѣ число отдѣльныхъ членовъ вѣроятно доходило до нѣсколькихъ милліоновъ. Измѣненія политики и колебанія Наполеона III, повидимому предвѣщавшія потрясеніе и паденіе императорскаго режима, экзальтировали дѣятельность революціонной партіи. Изъ двухъ идей, породившихъ *интернаціональ*, изъ которыхъ одна имѣла въ виду повышеніе рабочей платы при помощи коалицій и стачекъ, а другая—преобразование социальнаго порядка въ случаѣ нужды даже посредствомъ революціи,—вторая, начиная съ 1869 года, взяла верхъ, и, какъ всегда, въ своей крайней и рѣзкой формѣ.

Однако *интернаціональ* энергически протестовала противъ войны 1870 года въ Парижѣ, Лондонѣ и Германіи. 12-го іюля парижская федерація издала манифестъ, адресованный къ рабочимъ всѣхъ странъ, но главнымъ образомъ къ «нѣмецкимъ братьямъ». Вотъ одно мѣсто изъ этого манифеста: «воинственнымъ возгласамъ тѣхъ, которые избавились отъ налога кровью, или которые находятъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ источникъ новыхъ спекуляцій, мы противопоставляемъ наши протесты, мы, которые хотимъ мира, труда и свободы. Война для правительствъ есть косвенное средство для того чтобы подавлять общественную свободу». Въ адресѣ секціи изъ Нелби, напечатанномъ въ *Marseillaise* отъ 22 іюля, мы читаемъ: «Справедлива-ли эта война? Нѣтъ. Народна-ли она? Нѣтъ. Эта война исключительно династическая. Во имя гуманности, демократіи и истинныхъ инте-

ресовъ Франціи мы заявляемъ о нашемъ энергическомъ сочувствіи протесту *интернаціонали* противъ войны». Въ свою очередь, общій совѣтъ адресовалъ манифестъ членамъ *интернаціонали* въ Европѣ и въ Соединенныхъ-Штатахъ. Вѣроятно онъ составленъ Марксомъ и нѣкоторыя мѣста его слѣдуетъ отмѣтить. «Парижскій народъ протестовалъ противъ войны съ такой силой, что префектъ полиціи Пьетри запретилъ всякія манифестаціи на улицахъ. Но каковъ бы ни былъ исходъ войны, звонъ по успешей второй имперіи уже раздался въ Парижѣ... Если рабочіе классы въ Германіи допустятъ, чтобы настоящая война потеряла свой чисто оборонительный характеръ и перешла въ войну наступательную противъ французскаго народа, то и побѣда, и пораженіе будутъ одинаково гибельны. Всѣ бѣдствія, поразившія Германію послѣ ея войны за независимость, вновь появятся съ увеличинной силой». Общій совѣтъ цитировалъ затѣмъ нѣсколько адресовъ французскимъ рабочимъ, изданныхъ нѣмецкими секціями ассоціаціи. Въ Хемницѣ пятьдесятъ тысячъ рабочихъ саксонцевъ послали сочувственный адресъ французскимъ рабочимъ. Берлинская секція, отвѣчая на парижскій манифестъ, говорила: «отъ души и сердца мы присоединяемся къ вашей прокламаціи. Мы торжественно обѣщаемъ, что ни шумъ барабановъ, ни громъ пушекъ, ни побѣда, ни пораженіе не совратятъ съ пути нашихъ усилій, направленныхъ къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ». Манифестъ прибавляетъ: «Одинъ тотъ фактъ, что въ то время какъ Франція и Германія офиціально бросаются въ братоубійственную войну, нѣмецкіе и французскіе рабочіе обмѣниваются мирными и братскими посланіями, одинъ этотъ великій фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ прежней исторіи, даетъ намъ предвидѣть лучшее будущее. Онъ доказываетъ, что возникаетъ новое общество, роль котораго будетъ международный миръ, потому что національная основа будетъ вездѣ одна и та же «трудъ».

Послѣ Седана и паденія имперіи, движеніе симпатіи въ пользу Франціи-республики, обнаружилось во всѣхъ секціяхъ *интернаціонали*, даже въ Германіи. 5-го сентября, нѣмецкіе

соціалъ-демократы собрались въ Брауншвейгѣ и издали манифестъ, гдѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Въ интересахъ Германіи было бы заключить съ Франціей почетный и достойный миръ. Утверждаютъ, будто присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи было бы средствомъ, которое навсегда предохранило бы насъ отъ войны съ Франціей. Напротивъ это самое вѣрное средство превратить въ европейское учрежденіе и увѣковѣчить военный деспотизмъ въ новой Германіи. Миръ при подобныхъ условіяхъ будетъ только перемиріемъ, пока Франція не сдѣлается достаточно сильной, чтобы возвратить свои потерянные провинціи. Война 1870 г. конечно также носить въ себѣ зародышъ войны между Германіей и Россіей, какъ война 1866 года была зародышемъ войны 1870 года. Если только не измѣнится существующій порядокъ въ Россіи, что имѣетъ мало вѣроятія, война между Германіей и Россіей можетъ быть разсматриваема какъ совершившійся фактъ. Если мы отнимемъ у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, то она вступитъ въ союзъ съ Россіей. Безполезно было бы указывать печальныя послѣдствія этого». Эти предостереженія очень не понравились командующему генералу Фогель-фонъ Фалькенштейну, который, въ силу осаднаго положенія, отправилъ главныхъ вожakovъ мечтать о будущемъ мирѣ въ кенигсбергскіе казематы.

Этими выдержками я желалъ выставить на видъ космополитическія тенденціи *интернаціонали*. Дѣйствительно, это одна изъ характеристическихъ чертъ нынѣшняго социализма. Онъ очевидно происходитъ изъ идей манчестерской школы и, наконецъ, изъ принциповъ политической экономіи, которая всегда имѣетъ въ виду благо человѣчества, охотно забывая о существованіи государствъ. Учредите свободный всемірный обмѣнъ, говорятъ экономисты, уничтожьте таможи и постоянныя арміи, введите повсюду тождественные законы, и тогда всѣ цивилизованные народы будутъ составлять одну семью. Трудъ и капиталъ будутъ безразлично переходить изъ одной страны въ другую, отыскивая болѣе высокое вознагражденіе. Уже многіе англичане, опережая другіе народы, считаютъ весь земной шаръ своей роди-

ной и проводятъ лѣто въ Альпахъ, зиму въ Ниццѣ, въ Каирѣ или на Мадерѣ, выбирая лучшій климатъ и болѣе пріятныя мѣста! Не нужно предаваться иллюзіямъ. Мы идемъ къ космополитизму. Повсюду патриотизмъ дѣлается менѣе исключительнымъ и вслѣдствіе этого ослабѣваетъ. Сколько людей уже готовы сказать: *Ubi bene, ibi patria!* Но если съ этой стороны, *интернаціональ* вдохновляется настоящимъ экономическимъ движеніемъ и если она проклинаетъ войну между народами, то съ другой стороны не нужно забывать, что она на мѣсто ея ставитъ всеобщую борьбу между трудомъ и капиталомъ. Непрiятель—это уже не иностранецъ; это патронъ, глава промышленности *). Вотъ почему эти братскія изліянія, которыя кажутся какъ будто заимствованными изъ проникнутыхъ христіанствомъ рѣчей на конгрессахъ мира, очень часто сопровождаются словами ненависти и ярости, которыя напоминаютъ каннибальскія пѣсни о смерти.

Какая была роль *интернаціонали* въ революціи 18-го марта? Молинару, который слѣдилъ вблизи за социалистскимъ движеніемъ въ Парижѣ, утверждаетъ, что ассоціація не принимала въ ней никакого участія **) и всѣ извѣстные факты подтверж-

*) Мы приведемъ здѣсь отрывокъ, который дастъ возможность уловить этотъ оттѣнокъ: «*Отечество. Человѣчество.* Отечество—это пустое слово, заблужденіе! Человѣчество—это фактъ, истина. Отечество—это мнѣ, выдуманнй духовенствомъ и королями, всегда служившій тѣсною оградой, въ которую загоняли звѣрей-людей, чтобы тамъ прямо подъ рукой хозяевъ ихъ стричь и сосать изъ нихъ кровь». Въ настоящее время этого нѣтъ! Народы суть братья. Довольно было крови, довольно глупостей. Націи, отечества—это одни слова. Франція умерла. Ее замѣняетъ человѣчество. Утопія Анахарсиса Клоотца дѣлается истиной. Національность, результатъ рожденія, есть зло. Уничтожимъ его. Мѣсто нашего рожденія, это совершенно случайное обстоятельство, дѣлаетъ насъ друзьями или врагами. Отвергнемъ эту глупую потерю, которою насъ до сихъ поръ дурачили. Пусть отечество теперь будетъ только административной классификаціей. Наша родина вездѣ, гдѣ живутъ свободно, гдѣ трудятся. Народъ, рабочіе, свѣтъ является. Пускай наша слѣпота исчезнетъ! Франція умерла. Да здравствуетъ человѣчество! (*Jules Nostag*, или иначе *Ruffier*) (Въ *Revolution politique et sociale* 16 avril 1871).

**) *Mouvement socialiste et les réunions publiques Молинару*, стр. 206: Мы находимъ подтвержденіе мнѣнія Молинару въ одной очень любопытной

даютъ это мнѣніе. Нѣкоторое число интернаціоналистовъ фигурировало между членами коммуны, именно: Амуру, Авриаль, Беслэй, Дѣреръ, Франкель, Малонъ, Пинди, Варленъ, Сералье, Тець и Вальянъ; но они вошли туда лично, а не какъ члены ассоціаціи. Связь между различными секціями *интернаціонали* была слишкомъ слаба, чтобы эта ассоціація была способна къ революціонному дѣйствию. Я имѣю передъ глазами протоколъ засѣданій *интернаціонали* во время осады и во время коммуны, и вотъ что тамъ находится. Въ засѣданіи 15-го февраля 1871 года, Франкель говоритъ: «послѣ 4-го сентября событія разсѣяли *интернаціональ*. Мы имѣемъ нѣкоторую нравственную силу, если не во Франціи, то по крайней мѣрѣ въ Парижѣ; но вслѣдствіе недостатка организаціи у насъ нѣтъ матеріальной силы. Многие изъ членовъ не понимаютъ цѣли ассоціаціи». 1-го марта была избрана коммисія уполномоченная состоять при центральномъ комитетѣ національной гвардіи; но дѣйствию ея членовъ было личное и они не могли дѣйствовать отъ имени ассоціаціи. На другомъ засѣданіи, Обри, делегатъ изъ Руана, сказалъ: «Революція 18 марта была вполнѣ социальная, и газеты всей Франціи утверждаютъ, что *интернаціональ* при-

---

брошюрѣ, которую напечатали въ Лондонѣ, въ 1872 году, эмигранты коммуны, Арнульдъ, Курне, Дѣреръ, Ранвье и Вальянъ. Это обвинительный актъ противъ *интернаціонали*: «объ *интернаціонали* думали, что она могущественна потому, что она представляла собою революцію. Но она явилась скромною, раздѣленною, парламентскою... Ея устройство, форма направленія ея дѣвствій посредствомъ конгресса делегатовъ дѣлали изъ нея учрежденіе скорѣе парламентское, нежели дѣвствующее... Изъ боязни сдѣлаться коммунистическою, она сама себя убила... До сихъ поръ, не смотря на манифесты и заявленія, различные вѣтви *интернаціонали* благоразумно воздерживались отъ вооруженной борьбы. Только лично нѣкоторые изъ ея приверженцевъ вмѣшались въ бой» Нужно замѣтить, что авторы этой брошюры титулуютъ себя такъ: эксъ-члены общаго совѣта *интернаціонали*. Одинъ итальянскій социалистъ О. Гнокки Вiani, авторъ сочиненія: *Le Tre Internazionali nella Comune di Parigi*, Milano, 1879 г., въ которой онъ доказываетъ враждебность, существовавшую между *интернаціональю* и коммуной.

обрѣла власть; мы знаемъ, что это совсѣмъ нетакъ». Въ манифестѣ къ рабочимъ, вотированномъ въ томъ же засѣданіи, они требуютъ менѣе радикальныхъ реформъ: организаціи кредита, бесплатнаго обученія, свѣтскаго и обязательнаго, свободы сходакъ, ассоціацій и прессы, и организаціи общественной службы посредствомъ муниципальныхъ властей. Общій совѣтъ, въ своей прокламаціи отъ 9 сентября 1870 года, настоятельно приглашаетъ рабочихъ уважать учрежденное правительство, чтобы по крайней мѣрѣ спасти республику и свободу. «Положеніе французскаго рабочаго есть самое затруднительное, сказано тамъ; всякая попытка низвергнуть настоящее правительство среди этого ужаснаго кризиса, и въ то время когда непріятель у воротъ Парижа, была бы отвратительнымъ безуміемъ». Марксъ не вѣрилъ въ торжество коммуны и онъ высказывалъ это въ письмахъ къ своимъ французскимъ друзьямъ. Поэтому красные обвиняли «нѣмецкаго жида» въ томъ, что онъ продался Бисмарку. Другъ Маркса, Беккеръ, писалъ около этого времени: «Организація пролетаріата недостаточно совершенна и принципы соціальной демократіи недостаточно распространены и поняты, чтобы могла утвердиться красная республика. Радикальное преобразованіе стараго общества и открытіе новой исторической эпохи требуютъ времени: это дѣло послѣдующихъ поколѣній».

Послѣ паденія коммуны, многія вѣтви *интернаціонали*, и даже общій совѣтъ въ Лондонѣ издавали манифесты съ выраженіемъ ихъ симпатіи и удивленія «славнымъ побѣжденнымъ». Адресъ общаго совѣта, опубликованный 30-го мая, подъ заглавіемъ: *Гражданская война во Франціи*, есть пространное изложеніе фактовъ, приведшихъ къ революціи 18 марта. Это любопытный опытъ оправданія. Все, чего хотѣла коммуна, говорится тамъ, это учредить истинно демократическое и въ особенности экономическое правленіе, предоставивши муниципальнымъ властямъ слишкомъ многочисленныя функціи, принадлежащія въ настоящее время государству.—Нужно думать, что дѣло заключалось въ простомъ подражаніи режиму, существую-

щему въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Швейцаріи.—Если и были сожжены памятники, то это было только средство защиты, какъ это дѣлается въ каждой войнѣ. Абсолютная неспособность коммуны въ дѣлѣ соціальныхъ реформъ объясняется слѣдующимъ образомъ: «Рабочіе не ожидали чудесъ отъ коммуны. Они не имѣли готовыхъ утопій, чтобы ввести ихъ декретомъ народа. Они хорошо знали, что для осуществленія ихъ эмансипаціи и достиженія той благодатной фѣрмы, къ которой направляется нынѣшнее общество посредствомъ своихъ собственныхъ экономическихъ усилій, имъ предстоитъ продолжительная борьба и цѣлый рядъ историческаго прогреса, который преобразуетъ обстоятельства и людей; имъ предстояло не примѣнять идеаль, но высвободить элементы новаго общества, которые уже содержатся въ самомъ старомъ разрушающемся обществѣ». Здѣсь мы узнаемъ историко-экономическую школу Маркса и духъ, который совершенно отличенъ отъ якобинизма воображающаго, что можно импровизировать соціальное преобразование съ помощью однихъ декретовъ. Но можно отвѣтить вожакамъ *интернаціонали*: Если настоящее общество должно породить будущее общество въ силу своихъ «собственныхъ экономическихъ силъ» и цѣлымъ рядомъ историческаго прогреса, то зачѣмъ же употреблять насиліе, зачѣмъ возмущенія и внезапныя нападенія? Осуждайте же эти средства старыхъ революціонеровъ, которыя не могутъ привести ни къ чему.—Скоро оппозиція между двумя доктринами, между соціализмомъ «историческо-научнымъ» съ одной стороны, и соціализмомъ невѣжественнымъ и насильственнымъ съ другой—привела къ разрыву и затѣмъ къ паденію *интернаціонали*.

Въ 1871 году совсѣмъ не было съѣзда. Конференція делегатовъ собралась въ Лондонѣ 27 сентября. Тамъ не занимались теоретическими вопросами, но средствами для пропаганды. Вотъ какія средства были рекомендованы: изученіе средствъ для привлеченія деревенскихъ рабочихъ, организація женскихъ секцій, международный союзъ ассоціацій рабочихъ ремесленныхъ цеховъ, общая статистика положенія рабочихъ, необхо-

димось для рабочихъ войти въ политическое движеніе, даже вступая въ союзъ съ буржуазнымъ радикализмомъ. — Эта конференція просто только высказала идеи Маркса, который въ дѣйствительности управлялъ общимъ совѣтомъ. И это очень естественно; онъ былъ безконечно выше своихъ коллегъ по своимъ познаніямъ и по своему практическому уму. Но его диктатура не могла не вызвать враждебной оппозиціи въ этихъ многочисленныхъ группахъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ и повинующихся противоположнымъ теченіямъ идей. Сигналь къ возмущенію былъ поданъ изъ Невшателя. Нѣкоторыя секціи рабочихъ изъ Locle и изъ Chaux de-Fonds, подъ управленіемъ дѣятельнаго вожака, Джемса Гильома, возстали противъ чрезмѣрной власти, которую присвоивалъ себѣ общій совѣтъ и, отдѣляясь отъ другихъ группъ французской Швейцаріи, учредили юрскую федерацію; ихъ называли «федералистами» или «автономистами». «Бланкисты», представлявшіе яacobинскія традиціи, также скоро возстали противъ теоріи «исторической эволюціи» «нѣмецкаго жида». Наконецъ самыми горячими въ своей оппозиціи были «анархисты», слѣдовавшіе за Бакунинымъ. На конгресѣ *лиги мира*, бывшемъ въ Бернѣ, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, въ 1869 году, Бакунинъ предложилъ вотировать атеизмъ и коммунизмъ. Разбитый большинствомъ голосовъ, онъ тогда основалъ *союзъ социалистической демократіи*. Съ другой стороны, общій совѣтъ запретилъ секціямъ *интернаціонали* принимать особыя названія и предоставилъ себѣ право закрывать тѣ секціи, которыя не будутъ повиноваться этому запрещенію.

Съѣздъ въ Гагѣ (съ 2 по 7 сентября 1872 года) былъ полемъ сраженія, на которомъ столкнулись эти противоположныя тенденціи. Тамъ находилось шестьдесятъ пять делегатовъ, въ числѣ которыхъ были четыре представителями Голландіи, восемь Бельгіи, два Даніи, восемь Германіи, семь Швейцаріи, одиннадцать Франціи, четыре Испаніи, шесть Америки, десять Англии, одинъ Португаліи, одинъ Ирландіи, одинъ Венгрии, одинъ Австраліи. Битва началась по поводу власти общаго со-

вѣта, которую автономисты хотѣли уменьшить и сдѣлать еготолько справочнымъ бюро. Гильомъ прямо напалъ на Маркса. «Нѣкоторые, говорилъ онъ, воображаютъ, что *интернаціональ* есть изобрѣтеніе искуснаго человѣка, одареннаго непогрѣшимостью въ социальномъ и политическомъ дѣлѣ, противъ котораго никто не имѣетъ права вести оппозицію. Наша ассоціація такимъ образомъ должна повиноваться деспотическому авторитету совѣта, учрежденнаго для поддержки этой новой ортодоксіи. По нашему же мнѣнію, *интернаціональ* возникъ свободно изъ настоящихъ экономическихъ обстоятельствъ и мы не хотимъ главы, который судилъ бы еретиковъ». Большинство голосовъ было на сторонѣ Маркса. Оно не только не уничтожило общаго совѣта, но дало ему право закрывать секціи и даже федераціи, которыя однако могли апеллировать въ съѣздъ. Это рѣшеніе возбудило самые живые протесты. Бланкисты, между прочимъ Ранвье, Курне и Вальянъ, оставили съѣздъ. Затѣмъ послѣдовало обсужденіе дѣлъ Бакунина и Гильома. Оба были объявлены исключенными, какъ изблеченные въ участіи въ *союзъ*, тайномъ обществѣ, имѣющемъ уставы совершенно противоположные уставамъ *интернаціонали*. Марксъ также провелъ рѣшеніе перенести мѣстопребываніе общаго совѣта въ Нью-Йоркъ. Онъ надѣялся такимъ образомъ избавить союзъ отъ разъединенія, причины котораго существовали въ Европѣ. Онъ утверждалъ, что это будетъ средствомъ для привлеченія рабочихъ Соединенныхъ-Штатовъ, которые, въ этой демократической республикѣ, могли бы сдѣлаться распорядителями власти, и такимъ образомъ вести социальныя реформы. Съѣздъ въ Гагѣ нанесъ смертельный ударъ *интернаціонали*.

Также какъ и въ средѣ парижской коммуны, личное соперничество и здѣсь произвело свое обыкновенное дѣло дезорганизации. Тѣ, которые, не отдавая себѣ отчета въ естественныхъ потребностяхъ, хотѣли совершеннаго устраненія принципа власти, немедленно были наказаны за свои безумныя попытки разрушеніемъ ихъ дѣла. Это въ природѣ вещей, что вездѣ управляетъ и распоряжается болѣе способный. Невѣжды, ко-

торые также и завистливы, сопротивляются этому. Поэтому вскорѣ наступаетъ анархія и разложеніе.

Немедленно послѣ съѣзда въ Гагѣ «юрскіе» члены подняли знамя возстанія. Они создали въ Saint-Imier съѣздъ сепаратистовъ, который объявилъ, что онъ отказывается подчиняться рѣшеніямъ, принятымъ въ Гагѣ и что онъ продолжаетъ считать Бакунина и Гильома членами *интернаціонали*. Съ своей стороны новый общій совѣтъ, перенесенный въ Нью-Йоркъ, издалъ, 20 октября 1872 года, адресъ, въ которомъ заявлялъ о необходимости центральной власти и силился доказать, что принимая за принципъ «анархію», нельзя бороться противъ организованныхъ силъ буржуаціи. Но сопротивленіе этой далекой власти, походившей на новое папство, сдѣлалось общимъ. Гильомъ, въ брошюрѣ озаглавленной: «*Fédération internationale du Jura*», резюмировалъ съ точностью всѣ требованія и жалобы «автономистовъ». Общій совѣтъ отвѣчалъ на это отлученіемъ отъ общества. Онъ послѣдовательно исключилъ ассоціацію женщинъ, основанную въ Нью-Йоркѣ двумя жрицами свободной любви, госпожами Вудгуль и Кафлинъ, бельгійскую федерацію въ Брюсселѣ, испанскую въ Кордовѣ и лондонскую, которыя отвергли рѣшенія принятыя въ Гагѣ, и отказался признать итальянскую федерацію, которая была несогласна съ уставами. *Интернаціональ* Маркса такимъ образомъ мало по малу теряла всякое вліяніе въ латинскихъ странахъ. У него оставалось нѣсколько вѣрныхъ только въ Англіи, Германіи и Америкѣ. Чтобы собрать всѣ свои разсѣяныя силы, онъ созвалъ общій съѣздъ въ Женевѣ, 8 сентября 1873 года. Съ своей стороны отложившіеся автономисты рѣшили собраться въ томъ же городѣ, 2 сентября. Итакъ передъ нами двѣ *интернаціонали*.

На съѣздѣ автономистовъ явились двадцать восемь делегатовъ. Сначала были выслушаны доклады о положеніи различныхъ странъ. Единственно только представитель Испаніи, Фарга Пелисье, могъ сообщить благоприятныя новости: тамъ было болѣе семи сотъ различныхъ ассоціацій съ пятьюдесятью тысячами членовъ, и можно надѣяться, что скоро рабочіе

большихъ городовъ возстануть массами, чтобы доставить торжество принципу анархіи. Замѣтно было, что Бакунинъ былъ апостоломъ социализма въ Испаніи. Съ 1871 года и по 1872 годъ, социалистическая пропаганда была такъ дѣятельна, что министръ иностранныхъ дѣлъ короля Амедея разослалъ всѣмъ дипломатическимъ агентамъ циркуляръ, отъ 9 февраля 1872 года, предлагая всѣмъ правительствамъ дѣйствовать сообща, чтобы повсюду остановить ее. Лордъ Гренвилль отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на право убѣжища, признаваемое англійскими законами, и этотъ проектъ крестоваго похода не имѣлъ послѣдствій. Беспорядки, театромъ которыхъ вскорѣ сдѣлался полуостровъ, доказали, что опасность не была воображаемою. Безотрадны были новости изъ другихъ странъ. Разногласія между жокаками остановили пропаганду. Пренія не представляли ничего интереснаго. Идеи автономистовъ безъ затрудненія одержали верхъ. Общій совѣтъ былъ уничтоженъ, при восторженныхъ аплодисментахъ собранія. Нѣтъ больше власти, нѣтъ больше управленія, таковъ идеаль. Каждый съѣздъ опредѣляетъ мѣсто, гдѣ долженъ будетъ собраться слѣдующій съѣздъ, а федерація этой мѣстности ведетъ сношенія, служитъ посредникомъ и приготовляетъ къ обсужденію вопросы. Никакого вознагражденія не полагается. Значить нѣтъ ни правительства, ни бюджета. Такимъ образомъ достигнуто почти абсолютное совершенство, которое состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить все.

Подмастерье Ванъ-денъ Абеле сдѣлалъ такое возраженіе: «мы, голландцы, говоритъ онъ, партизаны экспериментальнаго метода. Центральная власть была дурна. Попробуемъ учредить три комиссіи. Я допускаю анархію, но достаточно-ли мы сильны, чтобы примѣнить ее немедленно? — «Какъ! отвѣчаетъ французскій делегатъ Бруссъ, вы хотите разрушить зданіе власти; ваша программа анархія, и вы отступаете передъ послѣдствіями вашего дѣла! Еще одинъ ударъ топора и все рушится». Дѣйствительно они работали надъ тѣмъ, чтобы похоронить свою ассоціацію. Должны были получиться естественные

результаты ихъ принциповъ. Отъ безсилія дѣло пришло къ несуществованію.

Эккаріусъ, намѣстникъ Маркса, съ которымъ онъ только что разстался, одинъ имѣвшій какое-нибудь значеніе между присутствовавшими «автономистами», въ своей заключительной рѣчи резюмировалъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію *интернационали*: «старая *интернациональ*, первый камень которой былъ положенъ въ Saint-Martin's голлѣ, 28 сентября 1864 года, и зданіе котораго было окончено на съѣздѣ въ Женевѣ, въ 1866 году, перестала существовать. Та, которую мы учреждаемъ, совершенно иная. Инициатива ея вышла изъ союзовъ лондонскихъ ремесленниковъ, которые хотѣли чтобы обращено было вниманіе на вопросы политическіе, и отъ прудонистовъ, которые этого совсѣмъ не желали. Первые преслѣдовали примѣненіе принциповъ уніонизма, т.-е. возвышеніе рабочей платы посредствомъ коалицій и стачекъ; вторые добивались осуществленія своихъ теорій соціальной реформы. Въ Базелѣ прудонисты пали, но въ то-же время уничтожился элементъ уніонистовъ вслѣдствіе личныхъ соперничествъ въ средѣ общаго совѣта. Въ Парижѣ, напротивъ, уніонисты одержали верхъ надъ прудонистами. Въ 1870 году, еще можно бы было возстановить согласіе, но этому помѣшала война. Уже ранѣе съѣзда въ Гагѣ, совѣтъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, и когда онъ получилъ право исключенія, то нанесъ смертельный ударъ старой ассоціаціи».

Интернациональ марксистовъ продолжала свои засѣданія съ 8-го по 13-е сентября. Самъ Марксъ здѣсь не присутствовалъ. На съѣздѣ было около тридцати делегатовъ, представителей Германіи, Франціи, Англіи, Швейцаріи и Голландіи. Доказательствомъ, какое небольшое вліяніе имѣла ассоціація, служить то, что отъ Германіи, гдѣ соціализмъ принималъ такое страшное развитіе, явился только одинъ делегатъ, Буркгардъ. Если я одинъ, говорилъ онъ, то это вслѣдствіе «значительныхъ издержекъ, которыхъ требуетъ посылка представителя въ столь отдаленный городъ какъ Женева.» Этимъ хорошо обрисовывается положеніе. Предъявленные съѣзду различные доклады, показы-

вають успѣхи социалистическихъ идей, но не указываютъ, чтобы онѣ приводили логически къ *интернаціонали*. Были разсмотрѣны два главные вопроса: во-первыхъ, должны ли рабочіе классы принимать участіе въ политической борьбѣ, или воздерживаться отъ нея и въ тихомолку приготавливать социальную революцію? Рѣшили, какъ и прежде, что они должны заниматься политической и, въ случаѣ надобности, соединиться съ буржуазіей для полученія всѣхъ полезныхъ для рабочихъ реформъ. Второй пунктъ: рабочіе повсюду должны соединиться въ ремесленные корпораціи; изъ нихъ формируются національныя федераціи, которыя въ свою очередь соединятся между собою, чтобы учредить всемірную лигу для каждого ремесла. Эта лига имѣла-бы задачей сообщать правильныя свѣдѣнія о положеніи труда и защищать его интересы въ различныхъ странахъ. Видно, что это та же идея породившая *интернаціональ*, но специализированная, примѣненная къ каждому ремеслу. Это былъ послѣдній съѣздъ организованный марксистами. Ихъ глава, авторъ знаменитаго сочиненія *Das Kapital*, казалось съ тѣхъ поръ совершенно удалился отъ активной жизни, чтобы приготовить въ своемъ уединеніи, въ Лондонѣ, второй, давно объявленный томъ своего труда.

Автономисты созвали общее собраніе въ Брюсселѣ, 7-го ноября 1874 г. Въ официальномъ отчетѣ мы видимъ, что въ немъ ничего не было интернаціональнаго кромѣ названія. Тамъ фигурируютъ только около двадцати делегатовъ, все бельгійцы, кромѣ Гомеца отъ Испаніи, Цвитцгебеля отъ юрской федераціи и Эккаріуса отъ отдѣла Бетналь-Гринъ изъ Лондона. Отчетъ не представляетъ ничего интереснаго, кромѣ длиннаго доклада делегата Пепе объ общественной службѣ и весьма любопытнаго адреса *Итальянскаго комитета для социальной революціи*. Дѣйствительно, онъ въ совершенствѣ обрисовываетъ своеобразный характеръ социалистическаго движенія въ Италіи, и доказываетъ, какъ опасно исключать это движеніе изъ общаго права, отнимая у него возможность дѣйствовать открыто. Прежде всего адресъ констатируетъ, что «массы итальянцевъ болѣе распо-

ложены къ заговору» и принимаютъ *интернаціональ* съ большимъ недоувѣріемъ... Его явная организація есть нелѣпая система... Свобода слова, сходокъ, прессы, и другіе виды свободы внесенные въ итальянскій статутъ — это все западни, которыми наши враги умѣютъ пользоваться. Поэтому всѣ требуютъ радикальнаго измѣненія системы, и уже обширный и прочный, социалистически-революціонный заговоръ начинаетъ сильно пускать корни, проникающіе въ самые глубокіе слои итальянскаго пролетаріата... Закрытія и запрещенія, произведенныя правительствомъ въ обширныхъ размѣрахъ, привели насъ къ абсолютно тайнымъ заговорамъ. И такъ какъ эта организація выше первой, то мы можемъ только радоваться тому, что преслѣдованія положили конецъ явной *интернаціонали*. Мы будемъ продолжать идти по принятому нами тайному пути, какъ единственному, который можетъ привести къ нашей конечной цѣли, социальной революціи.» Гнетъ, испробованный въ это время въ Германіи, имѣлъ тѣ же результаты. Соціализмъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать явно, преобразовался въ заговоръ, успѣхи котораго были также быстры, что и доказали послѣдніе выборы, и опасность котораго гораздо дѣйствительнѣе. Свобода имѣетъ двоякую выгоду: она скоро разоблачаетъ безсиліе и ничтожество ложныхъ доктринъ, и съ другой стороны, предупреждаетъ консерваторовъ быть осторожными и совершать реформы, требуемая справедливостью и общимъ интересомъ.

Восьмой съѣздъ, собравшійся въ Бернѣ, 26-го октября 1876 года, былъ столь же мало международнымъ какъ и предыдущій. Онъ состоялъ почти исключительно изъ делегатовъ юрской федераціи, къ которымъ присоединились одинъ бельгіецъ, два испанца, два француза и нѣсколько итальянцевъ. Доклады различныхъ странъ констатируютъ, что почти повсюду число членовъ *интернаціонали* уменьшается. Знаменитая ассоціація умираетъ. Чтобы спасти ее, рѣшаютъ въ слѣдующемъ году созвать въ Гентѣ всеобщій съѣздъ социализма. Этимъ средствомъ надѣялись снова выиграть проигранную почву. Въ отчетѣ я считаю нужнымъ отмѣтить только споръ между бельгійскимъ делега-

томъ, Цезаремъ Пепе, защищающимъ государство и итальянскимъ делегатомъ, Малатестю, который, во имя «анархистовъ», требуетъ его уничтоженія. Интересно видѣть, до какой степени идеи «анархистовъ» сходны съ идеями крайнихъ экономистовъ: «Общество, говоритъ Малатеста, не есть искусственная агрегация, составленная силою или по договору личностей естественно конечно вѣроломныхъ. Это живое органическое тѣло, въ которомъ люди суть клѣтки вмѣстѣ содѣйствующія жизни и развитію цѣлаго. Оно управляется постоянными, необходимыми, непреложными законами, какъ всѣ естественные законы. Соціального договора не существуетъ, но существуетъ соціальный законъ. Что же въ такомъ случаѣ государство? Паразитической вторичный зародышъ (экономисты говорили язва), — который живетъ на счетъ соціального тѣла и не имѣетъ другой цѣли и другаго дѣйствія, кромѣ организаціи и поддержки эксплуатаціи рабочихъ. Вотъ почему мы хотимъ уничтожить государство. Какимъ-же образомъ затѣмъ организуется общество? Мы не можемъ этого знать. Мы не довѣряемъ всякимъ утопическимъ рѣшеніямъ. Мы не хотимъ болѣе искусственнаго социализма, призрачнаго, анти-научнаго, «кабинетнаго социализма», и мы боремся съ нимъ какъ съ реакціонеромъ. Единственной нашей цѣлью должно быть уничтоженіе государства. Только посредствомъ свободнаго и плодотворнаго дѣйствія естественныхъ законовъ общества совершатся судьбы человѣчества.» Это есть выраженіе идей, которыя все болѣе и болѣе распространяются и преобладаютъ между социалистами во Франціи, Италіи и Испаніи. Вліяніе на нихъ позитивизма и Герберта Спенсера очевидно.

Прежде чѣмъ отправиться въ Гентъ, «анархисты» собрались въ Вервье, въ Бельгіи, съ 5-го по 8-е сентября 1879 года: они дали этому собранію, гдѣ находилось всего около десяти иностранныхъ делегатовъ, громкое названіе: «Девятый общій конгрессъ *интернаціональнаго союза рабочихъ*». Разбравшіеся на немъ вопросы свидѣтельствуютъ о крайней наивности. Такъ напр.: «въ какихъ бы странахъ пролетаріатъ ни восторжество-

валь, абсолютная необходимость требуетъ распространить это торжество на всѣ другія страны». О томъ, какъ это сдѣлать, конечно не говорится. «Какія средства пригодны для возможно скорѣйшаго осуществленія соціальной революціи?» Рѣшено перейти къ очереднымъ дѣламъ. «Какія есть средства для пропаганды между египетскими подмастерьями?» Остается еще изучить вопросъ. Это просто ребячество.

Въ Гентѣ, 9 сентября, открылся «всеобщій соціалистическій съѣздъ». Кортель, состоящій изъ четырехъ тысячъ рабочихъ, съ краснымъ флагомъ во главѣ, прошелъ по городу подъ звуки *марсельезы*. Полиція не мѣшала и публика относилась безучастно. Никто не боялся и порядокъ ни на минуту не былъ нарушенъ. Засѣданія объявлены публичными. Но почти никто не присутствуетъ на нихъ, даже рабочіе завербованные въ *интернаціональ*. На лицо оказалось сорокъ шесть делегатовъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ, и большинство были представителями незначительныхъ группъ. Была надежда примирить анархистовъ съ признающими власть; но бой не замедлилъ начаться по поводу государства и вопроса о роли, какую должны играть рабочіе въ политическихъ вопросахъ. Либкнехтъ, депутатъ нѣмецкаго рейхстага, и Цезарь Пепе поддерживали, что функціи государства долны быть расширены; что оно должно сдѣлаться собственникомъ орудій труда, а въ ожиданіи этого рабочіе должны принять участіе въ политической борьбѣ и добиться послѣдовательныхъ улучшеній. Джемсъ Гильомъ, основатель *юрской федерации*, защищалъ положенія «автономистовъ». Капиталь и производительные фонды должны принадлежать обществамъ рабочихъ, т. е. ремесленнымъ корпораціямъ. Идеаль этотъ можетъ быть достигнутъ только посредствомъ революціи. Рабочимъ ничего нельзя ожидать отъ политическихъ партій, даже отъ самыхъ радикальныхъ, которыя всегда обманывали и эксплуатировали народъ. Парламентскій режимъ и всеобщая подача голосовъ только обманъ. Что касается улучшеній въ разныхъ мелочахъ, то они представ-

ляютъ только опасности. Давъ нѣкоторое удовлетвореніе народу, они погасяютъ революціонныя чувства.

Пепе отвѣчалъ Джемсу Гильому, развивая глубокую мысль, превосходно выраженную Токвиллемъ, въ XVII главѣ *Старого Режима*: когда народъ задавленъ нищетою, онъ покоряется. Но когда онъ поправляется и глядитъ выше себя, тогда онъ бываетъ расположенъ къ возмущеніямъ.

При вотированіи анархисты оказались въ меньшинствѣ. Тогда они объявили, что принципы обѣихъ школъ были слишкомъ противоположны, чтобы возможно было дѣйствовать сообща и раздѣленіе окончательно совершилось. Анархическій принципъ исполнилъ свое дѣло разложенія. Вторая *интернаціональ* также исчезла какъ и марксовская. Слово это еще часто употребляется для обозначенія извѣстныхъ группъ воинствующаго социализма; но въ настоящее время болѣе не существуетъ никакой общей ассоціаціи, къ которой могло бы примѣняться это названіе. Между тѣмъ призракъ ея все еще живетъ и продолжаетъ дѣйствовать, какъ будто онъ имѣетъ еще какую нибудь реальность. Впрочемъ *интернаціональ* и всегда была только тѣнью, т. е. идеею, которая не могла воплотиться.

Резюмируемъ этотъ очеркъ возвышенія и паденія *интернаціонали*. Какъ говорить одинъ изъ ея вожаковъ, Эккаріусъ, она родилась отъ соединенія двухъ тенденцій: тенденціи англійскихъ рабочихъ союзовъ (trade unions), преслѣдующихъ увеличеніе рабочей платы посредствомъ коалицій и стачки на экономическо-практической почвѣ, и тенденціи французскаго и нѣмецкаго социализма, добывающагося радикальнаго измѣненія основъ настоящаго социальнаго порядка. Первая изъ этихъ тенденцій господствовала до 1869 года. Съ тѣхъ поръ, а особенно послѣ паденія коммуны, революціонный элементъ взялъ верхъ надъ нею. Что способствовало быстрому и повидимому такому страшному успѣху *интернаціонали*, это то, что она отвѣчала чувству недовольства и возмущенія, которое мало по малу распространилось въ рабочихъ классахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Такъ какъ вездѣ были одни и тѣже раздраженія, вез-

дѣ бродили одинаковыя стремленія, то не трудно было установить между ними общую связь; но реальная сила, которою располагала ассоціація, была всегда ничтожна. Она никогда не знала, даже приблизительно, числа своихъ членовъ. Такимъ образомъ, какъ говоритъ одинъ изъ ея старыхъ членовъ Фрибургъ, присоединиться къ *интернаціонали* было также просто «какъ выпить рюмку вина». Съ 1866 года по 1870, большая часть рабочихъ и социалистическихъ обществъ черезъ одного изъ своихъ членовъ заявляли о вступленіи въ ассоціацію и этого было достаточно. Такимъ образомъ, Камеронъ, делегатъ Соединенныхъ Штатовъ на базельскомъ съѣздѣ, привезъ какъ мы видѣли, заявленія о присоединеніи отъ массы восьми сотъ тысячъ рабочихъ, но эти присоединенія были совершенно платоническія. Они не приносили для ассоціаціи ни авторитета, ни денегъ.

Думаютъ, что *интернаціональ* играла значительную роль въ стачкахъ, сдѣлавшихся столь многочисленными въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Но это заблужденіе. Конечно, очень часто участники стачекъ номинально принадлежали въ ассоціаціи. Но во первыхъ главы *интернаціонали* считали стачку дурнымъ исходомъ. Во вторыхъ, они боялись ее совѣтовать, зная что если не будетъ успѣха, то тѣмъ подорвется ихъ кредитъ. Наконецъ, имъ положительно не доставало средствъ. Въ сочиненіяхъ Оскара Тестю *) мы находимъ любопытныя подробности по этому предмету. Во всѣхъ случаяхъ общій совѣтъ признавался, что у него нѣтъ денегъ, или онъ посылалъ самыя незначительныя суммы. Самый послѣдній изъ англійскихъ *trade union* имѣетъ болѣе полную кассу. На всѣхъ съѣздахъ, искали, но не находили средствъ, чтобы побудить членовъ дѣлать взносы, которые состояли всего только изъ 10 сантимовъ въ годъ. Не *интернаціональ* поддерживала стачки, но стачки развили *интернаціональ*.

Быстрыя причины упадка знаменитой ассоціаціи легко отыс-

*) Internationale au ban de l'Europe и Internationale. Парижъ, Лашо, 1873 года.

кать, и онѣ поучительны. Впервыхъ, ассоціація, какъ организаторъ стачекъ, которыя были ея главною и праптическою цѣлью, оказалась робкою и безсильною. Ремесленные корторациі скоро замѣтили это и оставили ее. Затѣмъ она взяла девизомъ: «эманципація рабочихъ посредствомъ самихъ рабочихъ». Хотѣли обойтись безъ радикальныхъ буржуа, «фразеровъ» «интригановъ», которые послѣ того какъ совершится революція, достигаютъ власти и оставляютъ рабочихъ въ томъ же положеніи какъ прежде. Тѣмъ не менѣе большинство делегатовъ были «буржуа»; но всегда глубоко коренилось чувство неудовольствія противъ аристократическаго управленія наиболѣе разумныхъ людей; въ особенности сильно было это чувство противъ Карла Маркса, истиннаго основателя *интернаціонали*, единственной политической головы, какая была въ ней. Но давать жизнь обширной ассоціаціи, состоявшей изъ многочисленныхъ группъ различныхъ національностей и иногда находившихся подъ вліяніемъ противоположныхъ идей, пользоваться гласностью, единственнымъ средствомъ для пропаганды, и въ тоже время избѣгать репрессивныхъ законовъ различныхъ государствъ, это было очевидно очень трудное дѣло. Какимъ образомъ оно могло продолжаться послѣ того какъ единственный человѣкъ способный руководить имъ былъ вытѣсненъ изъ нея? Причина паденія не была случайна: она лежала въ самомъ характерѣ этой попытки. Рабочіе не хотятъ болѣе слѣдовать за радикальными буржуа, потому что политическая свобода, республика и даже всеобщая подача голосовъ, которой они требуютъ или которую декретируютъ, не измѣняютъ отношеній труда и капитала, а между тѣмъ съ другой стороны рабочій очевидно неспособенъ управлять революціоннымъ движеніемъ, которое должно разрѣшить тысячу затрудненій, вытекающихъ изъ всякой перемѣны въ экономическомъ порядкѣ. Революціонный социализмъ приводитъ такимъ образомъ къ безвыходному положенію и къ практическому безсилію.

Еще и другая причина способствовала быстрому паденію *интернаціонала*: это личныя соперничества. Какъ въ коммунѣ,

такъ и здѣсь мы видимъ несогласія, подозрѣнія, взаимныя обиды, приводящія къ окончательному разрыву. Не было внушительнаго авторитета. Соглашеніе становилось невозможнымъ; дѣло дошло до анархіи, до безсилія и, если позволено употребить хоть и вульгарное слово но хорошо выражающее положеніе, до кавардака. И въ этомъ есть еще поучительный урокъ. Какъ? вы хотите уничтожить государство и хозяина промышленности, и рассчитываете, что порядокъ возникнетъ естественнымъ образомъ изъ свободной инициативы соединенныхъ между собою ассоціаций? Но если вы сами, которые повидимому составляете лучшую часть рабочаго класса, не могли согласиться между собою настолько, чтобы поддержать жизнь общества, которое никакой жертвы отъ васъ не требуетъ и у котораго одна желаемая всѣми цѣль, «война съ постыднымъ капиталомъ», то какимъ же образомъ можетъ поддерживаться согласіе между простыми рабочими тогда, когда дѣло будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ ежедневныхъ сношеніяхъ регулировать интересы, находящіеся въ постоянной борьбѣ, и принимать рѣшенія, затрагивающія вознагражденіе каждаго? Вы не хотѣли подчиниться общему совѣту, который ничего не навязывалъ вамъ; какимъ же образомъ въ мастерской вы станете повиноваться управляющимъ, которые должны будутъ опредѣлять вашу работу и направлять вашъ трудъ?

Интернаціональ умерла не вслѣдствіе строгости законовъ или правительственныхъ преслѣдованій, но естественной смертью, отъ анеміи. Но во всякомъ случаѣ, ея жизнь, какъ она ни была коротка, оставила въ современной жизни слѣды, которые не скоро исчезнутъ. Она дала страшный толчекъ воинствующему социализму, главнымъ образомъ въ латинскихъ странахъ. Она сдѣлала изъ вражды рабочихъ къ хозяевамъ хроническое зло, убѣдивши рабочихъ, что они составляютъ классъ фатально обреченный на нищету вслѣдствіе несправедливыхъ привилегій капитала. Это будетъ видно еще лучше, если прослѣдить развитіе *интернаціонали* въ различныхъ государствахъ.

ГЛАВА IV.

Всемирный союзъ Демократіи и Апостоль все- мірнаго разрушенія.

Когда Данте, спускаясь въ нѣдра ада, достигъ самой глубины «царства безъ надежды», то онъ очутился предъ страшнымъ властелиномъ возмутившихся ангеловъ:

L'imperador del doroloso regno.

Такимъ же образомъ, когда мы спустимся до послѣднихъ слоевъ революціоннаго социализма, то встрѣтимъ тамъ Бакунина. Далѣе некуда идти; потому что онъ апостоль всемірнаго разрушенія, абсолютнаго анархизма, или какъ онъ самъ назвалъ свою доктрину, «аморфизма». Онъ заимствовалъ названіе и организацію *интернаціонали*, распространилъ анархическій социализмъ во всѣхъ латинскихъ странахъ. Его идеи, какъ мы докажемъ, преобладали въ парижской коммунѣ. Они-жъ составляютъ и теперь основу программъ принятыхъ большинствомъ социалистическихъ ассоціацій въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Испаніи и даже во Франціи. Каковы эти идеи, откуда они взялись, и кто такой Бакунинъ? Весьма важно знать это; потому что это врагъ, съ которымъ долго еще настоящему порядку придется бороться.

§ 1.

Прудонъ—блистательный діалектикъ, но онъ ни о чемъ не имѣлъ ясныхъ идей, и поэтому онъ полонъ противорѣчій. Съ одной стороны, онъ уничтожаетъ собственность и оставляетъ

индивидуумамъ только владѣніе ею; но какого рода владѣніе, — пожизненное, тридцати-лѣтнее или каждую минуту могущее быть отнятымъ, — онъ объ этомъ не говоритъ; но, во всякомъ случаѣ, коллективнымъ собственникомъ будетъ государство, которое централизуетъ всѣ орудія труда. Съ другой стороны, доводя до крайности враждебность экономистовъ къ вмѣшательству государства, онъ превозноситъ «анархію», т. е. уничтоженіе государства. Онъ до крайности преувеличиваетъ значеніе индивидуализма и свободы. По его мнѣнію, порядокъ возникнетъ изъ инициативы индивидуумовъ, освобожденныхъ отъ всякаго рода стѣсненій, которыми въ настоящее время ихъ обремѣняютъ и раззоряютъ. Бакунинъ повторяетъ эти идеи, но облакаетъ ихъ въ русскую одежду. Онъ требуетъ коллективной собственности на землю и орудія труда; но предоставляетъ эту собственность общинѣ, какъ это существуетъ относительно земель въ деревняхъ Великороссіи. Онъ хочетъ «анархіи», но съ какимъ-то мистическимъ энтузіазмомъ, какого совсѣмъ не было у Прудона. Онъ мечтаетъ о совершенномъ разрушеніи всѣхъ существующихъ учреждений и объ «аморфномъ» обществѣ, т. е. неимѣющемъ никакой формы, что въ дѣйствительности означаетъ возвращеніе къ дикому состоянію. Чтобы достигъ этого, ему нужна безжалостная революція, которая огнемъ и мечемъ истребитъ до послѣдняго слѣда старый соціальныи порядокъ. Итакъ конечная цѣль есть коллективизмъ или лучше «аморфизмъ», а средство къ достиженію его «всеразрушеніе».

Эти фантазіи, которыя можно назвать фантазіями буйнаго умопомѣшательства, имѣютъ однако свои прецеденты въ исторіи человѣческой мысли. Въ извѣстныя бурныя эпохи, души жаждавшія идеала негодовали и возмущались при видѣ зла и несправедливостей, угнетавшихъ человѣчскій родъ. Онѣ видятъ впереди лучшей порядокъ, гдѣ будетъ царствовать справедливость, но думаютъ, что достигнуть этого невозможно медленными и послѣдовательными реформами. Тогда онѣ стремятся къ разрушенію стараго порядка, чтобы на его развалинахъ воскресла новая жизнь. Таковы были идеи первобытнаго христіан-

ства. Чтобы пришло «царство Божіе», этотъ нечестивый міръ долженъ погибнуть, правда не отъ политической или соціальной революціи, но отъ космическаго переворота. Все должно быть истреблено не поджигающимъ факеломъ, какъ того въ настоящее время хотятъ нѣкоторые «анархисты», но небеснымъ огнемъ.

Dies irae, dies illa
Solvat Saeclum in favilla *)

*) Идея обновленія возникла изъ стремленія рѣшить проблему зла. Добрые страдаютъ, а злые торжествуютъ, земля мятежна: откуда все это происходитъ, если Богъ добръ и справедливъ? Вопросъ этотъ подробно разсматривъ въ замѣчательной поэмѣ о Іовѣ, какъ это показалъ Реванъ. Вѣчный споръ между оптимизмомъ и пессимизмомъ былъ снова поднятъ Вольтеромъ и Руссо по поводу знаменитой поэмы о лиссабонскомъ землетрясеніи. Вѣрованіе, что этотъ міръ, глубоко испорченный, долженъ погибнуть въ пламени, чтобы уступить мѣсто „новымъ небесамъ и новой землѣ“, существуетъ во всѣхъ древнихъ религіяхъ. Въ маизмѣ, послѣдовательные циклы человѣческаго развитія на этой землѣ заканчиваются пожаромъ, за которымъ слѣдуетъ всеобщее обновленіе. Въ *Волжстѣ* Эдды обновленіе представляется почти также какъ въ Евангеліи. „Солнце начинаетъ меркнуть. Суша погружается въ океанъ. Влестія звѣзды исчезаютъ съ неба. Дымъ клубится вокругъ огня истребителя земли. Гигантское пламя поднимается до небесъ. Вала видить, какъ снова показывается изъ Океана земля покрытая удивительною зеленью. Азы снова появляются въ равнинѣ Иды: они засѣдаютъ какъ могущественные судьи подъ деревомъ міра. Поля производятъ, хотя не были засѣяны. Всякое зло исчезнетъ. Балдуръ возвратится, чтобы жить съ Годуромъ въ священныя жилищахъ боговъ. Вѣрные народы будутъ наслаждаться вѣчнымъ міромъ. Тогда съ высоты небесъ сойдетъ предѣдать на судьбищахъ сильныхъ могущественный властелинъ управляющій вселенной. Онъ успокоитъ распри и дастъ навсегда ненарушимые законы“. Въ прекрасныхъ стихахъ въ четвертой эклогѣ Виргилія мы находимъ отголосокъ надеждъ на обновленіе, существовавшихъ въ древности и въ особенности въ стихахъ сивиллинныхъ.

Magnus ab integro saeclorm nascitur
Ordo jam nova progenies coelodimittitur alto.
... Ac toto surget gens aurea mundo
.... Omnis feret omnia tellus.

Виргилій рисуетъ обновленіе природы; Эдды же и Евангеліе провозглашаютъ скорѣе соціальное обновленіе и торжество справедливости. Фурь также имѣлъ свое обновленіе съ его антильвами, анти-китами и океаномъ лимонаду; но можно предпочесть ему Волжупу и Евангеліе. Пьеръ Леру, въ

Первые христіане долго ожидали «всеразрушенія» и пришествія царства. Но такъ какъ этого пришествія не было, то тѣ, которые упорствовали въ этихъ надеждахъ, и вѣрили въ это тысячелѣтнее царство, были объявлены еретиками. Пустытники и аскеты также бѣжали отъ міра совершенно преданнаго злу. Наконецъ ту же мысль внушаетъ Руссо въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о наукахъ и о происхожденіи неравенства. Жанъ-Жакъ пораженъ зломъ и несправедливостями соціального порядка. Гражданскія учрежденія освящаютъ неравенство и ответственность, откуда происходятъ рабство и нищета большинства. Просвѣщеніе, науки и искусства, которыми мы такъ гордимся, производятъ только деморализацію. Цивилизація есть источникъ всѣхъ золъ. Есть ли средства помочь этому? Руссо видитъ только одно, но и его считаетъ невозможнымъ: возвращеніе къ первобытной жизни. Нужно слѣдовательно, какъ говоритъ Вольтеръ, удалиться въ лѣса и ходить тамъ на четверенькахъ.

Тотъ же рядъ выводовъ дѣлаютъ и революціонеры нашего времени. Прежде они требовали, какъ панацеи противъ соціального безпорядка, всеобщей подачи голосовъ и республики. Въ Америкѣ всѣ эти вещи существуютъ и кромѣ того еще общинная автономія и всякого рода свобода; и однако же прогрессъ цивилизаціи создалъ тамъ положеніе такое-же, какъ и въ монархической Европѣ. Утопическія системы Овена, Фурье, Кабе и Луи Блана были испробованы и не имѣли успѣха. Трудность экономическихъ реформъ доказана наукой и фактами. слѣдовательно остается ждать того, чтобы постепенное развитіе просвѣщенія и равенства привело къ лучшему положенію? Но въ такомъ случаѣ можетъ быть придется выносить существующій адъ еще нѣсколько столѣтій. Нѣтъ, это слишкомъ. Да будетъ же проклято общество! Долой его учрежденія и его законы!

своей книгѣ *Humanité*, II, 6, показалъ, какимъ образомъ идеи обновленія распространенныя по всей древности, связывались съ астрологіей и съ нѣкоторыми понятіями о комическихъ періодахъ.

Ниспровергнемъ все существующее и, какъ того хотѣлъ Руссо, возвратимся скорѣе къ дикой жизни.

Этотъ генезисъ крайней революціонной идеи нашего запада принимаетъ у Бакунина своеобразный оттѣнокъ экзальтаціи и мистицизма, который, я думаю, происходитъ отъ особенностей русскаго характера. Вслѣдствіе-ли расовыхъ особенностей или вслѣдствіе вліянія соціальной среды, но мы видимъ въ Россіи такіе соціальные феномены, которые кажутся невозможными у другихъ народовъ. Такъ напр. извѣстно, что тамъ существуетъ довольно многочисленная секта, которая, не смотря на строгія уголовныя наказанія, систематически практикуетъ изувѣчіе, которому нѣкогда подвергъ себя Оригенъ и которое называется оскотченіемъ. Я видѣлъ въ Петербургѣ возлѣ хлѣбнаго рынка (?) улицу, гдѣ почти исключительно живутъ мѣнялы, принадлежащіе къ этой странной сектѣ. Стойкость, самоотверженіе и дерзость заговорщиковъ нигилистовъ, въ сравненіи съ которыми заговоры карбонаризма кажутся дѣтскою игрою, представляютъ столь странный фактъ съ точки зрѣнія нашихъ нравовъ, что мы едва можемъ понять его. И однакоже эти чувства, кажушіяся противоестественными, Бакунинъ умѣлъ внушить всѣмъ своимъ сеидамъ въ западныхъ странахъ, также какъ и въ своей родинѣ. Нестранно-ли, что этотъ москвитъ, котораго умъ и образованіе были далеко незамѣчательны, могъ сдѣлаться инициаторомъ движенія идей, которое играетъ столь важную роль въ ходѣ современныхъ событій? Онъ не только отецъ нигилизма въ Россіи, но и апостоль анархическаго интернаціональнаго социализма во всей южной Европѣ, и сущность его доктринъ мы находимъ даже въ революціи 18 марта.

Михаилъ Бакунинъ родился въ 1814 году, въ Тверской губерніи, близъ Москвы. Его семейство принадлежитъ къ русской аристократіи. Одинъ изъ его дядей былъ посланникомъ въ царствованіе Екатерины II. Онъ былъ въ свойствѣ съ генераломъ Муравьевымъ, усмирителемъ возстанія въ Польшѣ. Онъ учился въ артиллерійскомъ училищѣ въ Петербургѣ и поступилъ на службу офицеромъ. Стоя съ своей батареей въ польскихъ про-

винціяхъ, и видя гнеть, которому подвергались эти провинціи, онъ не хотѣлъ больше служить. Онъ подалъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ изучалъ философію. Около 1846 года онъ отправился въ Германію. Гегелевскія идеи увлекли его; онъ примкнулъ къ крайней лѣвой этой школы, въ которой тогда бродила сильная революціонная закваска. Въ 1847 году, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ познакомился съ Жоржъ-Зандомъ и Прудономъ. Но онъ былъ изгнанъ оттуда, вѣроятно за рѣзкость его рѣчей. Возвратясь въ Германію, онъ принялъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ, вспыхнувшихъ тогда во многихъ мѣстахъ и весной, 1849 года сдѣлался однимъ изъ главныхъ вожаковъ возстанія въ Дрезденѣ, державшаго въ рукахъ городъ въ продолженіе трехъ дней. Затѣмъ онъ былъ арестованъ и осужденъ на смерть. Это наказаніе было смягчено пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которому онъ сначала былъ подвергнутъ въ одной австрійской крѣпости. Вытребованный Россіею, онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость въ Петербургѣ, гдѣ оставался восемь лѣтъ. Тюрьма произвела на него то же дѣйствіе, какъ и на Бланки. Она превратила его революціонныя идеи въ фанатизмъ, въ нѣкотораго рода религію. Онъ охотно сравнивалъ себя съ Прометеемъ, Титаномъ, благодѣтелемъ людей, прикованнымъ къ одной изъ скалъ Кавказа по приказанію властителя Олимпа. Онъ, говорятъ, даже мечталъ написать драму на этотъ сюжетъ и впоследствии иногда распѣвалъ сочувственную пѣснь Океанидъ, принесшихъ свои утѣшенія жертвѣ Юпитеровскаго мщенія. Само собою разумѣлось, что Бакунинъ—это и есть новѣйшій Прометей, который принесъ людямъ свѣтъ и истину.

Императоръ Александръ II смягчилъ наказаніе и замѣнилъ постоянное заточеніе ссылкой въ Сибирь, куда Бакунинъ прибылъ въ 1857 году. Въ то время губернаторомъ былъ тамъ Муравьевъ-Амурскій, кузень другаго Муравьева, а слѣдовательно и его родственникъ. Поэтому онъ пользовался исключительной снисходительностью и полнѣйшей свободой. Извѣстный московскій журналистъ, Катковъ, старый пріятель Бакунина,

увѣрялъ, будто онъ имѣеть отъ него письма, доказывающія, что онъ бралъ деньги съ купцевъ за то, чтобы рекомендовать ихъ губернатору. Онъ получилъ дозволеніе объѣхать всю Сибирь, для ознакомленія съ ея средствами. Пріѣхавъ въ Николаевскій портъ, онъ успѣлъ сѣсть на судно, и, черезъ Японію и Америку, уѣхалъ въ Англію въ 1861 году. Здѣсь Бакунинъ писалъ въ извѣстной газетѣ *Колоколъ*, редактируемой Герценомъ и Огаревымъ. Во время возстанія въ Польшѣ въ 1863 году онъ хотѣлъ отправиться въ Литву, чтобы поднять тамъ крестьянъ, но не могъ добраться далѣе Мальме, въ Швеціи. Вскорѣ послѣ того, около 1865 года, мы его видимъ въ Италіи, разжигаемъ и организуемъ социализмъ. Онъ тогда, въ теченіи нѣкотораго времени, отдалъ свою дѣятельность къ услугамъ *интернаціонали*; но онъ не допускалъ, подобно ей, что слѣдуетъ ожидать лучшаго будущаго отъ реформы существующихъ учреждений. Онъ мечталъ о разрушеніи ихъ.

На конгресѣ *Лиги мира и свободы*, собиравшемся въ Бернѣ въ 1869 году, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, Бакунинъ, съ нѣсколькими своими друзьями, пытался заставить вотировать коммунистическія рѣшенія. Онъ получилъ только 30 голосовъ противъ 80. Возмущенный глупостью и низостью демократовъ буржуа, онъ основалъ новое общество, которое должно было быть органомъ его идей, *Союзъ социальной демократіи*.

Достаточно одного извлеченія изъ его программы, чтобы видѣть его тенденціи: «*Союзъ* объявляетъ себя атеистомъ. Онъ хочетъ окончательнаго и полнаго уничтоженія классовъ, и желаетъ равенства политическаго, экономическаго и социальнаго для обоихъ половъ. Союзъ хочетъ, чтобы земля, орудія труда, какъ и всякій другой капиталъ, ставши вполнѣ коллективной собственностью, могли быть утилизируемы исключительно рабочими, т.-е. земледѣльческими и промышленными ассоціями. Онъ признаетъ, что всѣ политическія и управляемыя властью государства, существующія въ дѣйствительности, должны исчезнуть въ всемірномъ союзѣ свободныхъ ассоціій».

Какимъ образомъ осуществить это радикальное измѣненіе? Очевидно посредствомъ силы, не щадя ничего: Бакунисты не скрывали этого. Одинъ изъ нихъ, Жакляръ, на этомъ конгрессѣ, имѣвшимъ цѣлью основать всемірный миръ, говорилъ: «Вы хотите сохранить настоящія учрежденія, чтобы улучшить ихъ? Напрасная попытка. Онѣ могутъ быть только орудіями тирани и хищенія. Мы логичны: мы хотимъ все уничтожить. Мы расходимся съ вами и заявляемъ вамъ: у васъ будетъ война и она будетъ ужасна. Она поднимется противъ всего существующаго. Да, надо покончить съ буржуазіей и ея учрежденіями. Только на ихъ дымящихся развалинахъ оснуется окончательная республика. На развалинахъ покрытыхъ,—я не скажу ихъ кровію, потому-что уже давно ея нѣтъ въ ихъ жилахъ,—но грудями ихъ остатковъ, мы водрузимъ знамя соціальной революціи».

Союзъ объявилъ, что присоединяется къ *интернаціонали*; но общій совѣтъ отказался принять его, говоря, что разъ совѣтъ объявилъ себя международнымъ, то онъ не можетъ войти въ кадры *интернаціонали*. Тогда союзъ объявилъ, что онъ закрывается, и его секціи были приняты, каждая отдѣльно, въ *интернаціональ*. Поселившись въ Женевѣ, Бакунинъ основалъ тамъ журналъ *Egalité*. Своими статьями въ *Progres*, издававшемся въ Локлѣ, онъ побудилъ юрскихъ соціалистовъ отдѣлиться отъ радикаловъ романской Швейцаріи. Онъ составилъ тамъ такимъ образомъ группу «автономистовъ», соперниковъ «авторитарныхъ» марксистовъ. Его идеи, принесенныя въ Испанію интернаціоналами, распространились тамъ съ неимоверной быстротой. «Анархисты» приобрѣли также себѣ приверженцевъ между французскими соціалистами.

28 сентября 1870 года, Бакунинъ организовалъ возмущеніе въ Лионѣ, которое не удалось вслѣдствіе множества несообразностей. Онъ уже приготовилъ было декретъ, которымъ объявлялъ уничтоженіе государства. Но, какъ говоритъ его противникъ Марксъ, двухъ ротъ національной гвардіи буржуа было достаточно, чтобы живо спровадить его обратно по дорогѣ въ Женеву. Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ *Lettres à un Français* (сентябрь

1870), онъ излагаетъ программу дѣйствія, которую онъ рекомендовалъ революціонерамъ во Франціи, и которой революція 18 марта слѣдовала почти буквально. Вотъ главные пункты этой программы: «Возмутившаяся столица составляетъ изъ себя коммуну. Постоянно дѣйствуетъ федерація баррикадъ. Коммунальный совѣтъ формируется изъ делегатовъ по одному изъ баррикады или квартала; депутаты отвѣтственны и всегда смѣняемы. Совѣтъ выбираетъ изъ своей среды исполнительные комитеты отдѣльные для каждой отрасли «революціонной администраціи коммуны». Столица объявляетъ, что такъ какъ все центральное правительство уничтожено, то она отказывается управлять провинціями. Она пригласитъ другія коммуны городскія и сельскія преобразоваться революціоннымъ порядкомъ и послать въ назначенную мѣстность делегатовъ съ повелительнымъ и отмѣняемымъ полномочіемъ, чтобы учредить федерацію автономныхъ коммунъ и организовать революціонную необходимую силу для торжества надъ реакціей. Эта организація не ограничивается возставшей страной. Другія провинціи или другія страны могутъ присоединяться къ ней. Общины, которыя выскажутся за реакцію, будутъ исключены.»

За исключеніемъ того, что Бакунинъ не признаетъ принципа національностей, этого множителя этнографическихъ единицъ, который еще далеко не дошелъ до своихъ послѣднихъ выводовъ и находится въ настоящее время въ полной дѣятельности, — режимъ, предложенный здѣсь Бакунинымъ, совершенно сходенъ съ тѣмъ, который существуетъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ. По странному контрасту нынѣшніе революціонеры хотятъ довести до раздробленія отечества принципъ федерализма, это преступленіе противъ «Франціи единой и нераздѣльной», изъ-за которой жирондисты шли на эшафотъ.

Въ 1872 году, какъ мы уже видѣли, Марксъ исключилъ Бакунина изъ *интернаціонали*. Годъ спустя, когда *юрская федерація* учредила новую всеобщую ассоціацію, Бакунинъ удалился отъ дѣятельной жизни и поселился возлѣ Локарно, въ маленькой виллѣ, которую ему далъ его старый пріятель Кафьеро.

Здоровье его было слишкомъ разстроено. Приѣхавъ для леченія въ Бернъ къ своему другу доктору Фохту, онъ умеръ 2 іюля 1876 года. Его сочиненія немногочисленны и неважны; изъ нихъ одно трактовало объ отношеніи Германіи и Россіи къ соціальной революціи, а другое объ отношеніи Мадзини къ *интернаціонали*. Какъ всѣ апостолы, онъ производилъ большое вліяніе только устной пропагандой при посредствѣ восторженныхъ послѣдователей и сформированныхъ имъ учреждений. Посмотримъ же, каковы эти учрежденія и какія доктрины они должны были распространять.

Союзъ социалистической демократіи, основанный Бакунинымъ въ 1869 году, былъ частью гласнымъ, какъ *интернаціональ*, и частью тайнымъ, какъ карбонаризмъ. Онъ состоялъ изъ трехъ секцій. Первая подъ названіемъ «братъевъ интернаціоналовъ», состояла изъ ста человекъ. Всѣ они были вожаками движенія; знали другъ друга, но не были извѣстны непосвященнымъ. «У нихъ нѣтъ другой родины, кромѣ всемірной революціи, и нѣтъ другихъ враговъ кромѣ реакціи»; они должны принять программу со всѣми ея теоретическими и практическими послѣдствіями, соединять съ умомъ осторожность, вполнѣ революціонную страстность, и «имѣть дьявола въ тѣлѣ». Вторая секція состоитъ изъ: «братъевъ націоналовъ», избранныхъ «братьями интернаціоналами», для подготовленія революціи, независимо въ каждой странѣ. Они не должны и подозрѣвать о существованіи интернаціональной организаціи. Третья секція состоитъ изъ простыхъ членовъ, которые составляютъ мѣстныя социалистическія ассоціаціи, являются на съѣздахъ и образуютъ собою великую армію инсurreкціи.

Союзъ выходитъ изъ идеи, что революціи дѣлаются не индивидуумами и не тайными обществами. Они являются сами собою какъ продукты движенія идей и фактовъ... Все что можетъ сдѣлать тайное общество, это распространять въ массахъ идеи, возбуждающія ихъ къ революціи, и затѣмъ составить революціонный главный штабъ, способный управлять возстаніемъ, когда оно начнется. Для интернаціональной же организаціи рево-

люціи достаточно ста человекъ преданныхъ и тѣсно связанныхъ. Бакунинъ, который проповѣдывалъ анархію и возставалъ противъ Маркса и его общаго совѣта, за присвоеніе ими чрезмѣрнаго авторитета, съ вопіющимъ противорѣчіемъ возвращается къ идеямъ Мадзини и создаетъ центральную организацію по образцу іезуитовъ, держа, также какъ и они, рукоятку въ рукахъ, а лезвее повсюду. Назначенія и инициатива исходятъ свыше.

Интернаціональ преслѣдовала идею повышенія рабочей платы и социальной реформы посредствомъ обсуждения, пропаганды, прессы, однимъ словомъ посредствомъ гласности. Бакунинъ, напротивъ, возвращается къ старымъ приемамъ заговора. Эта система можетъ имѣть смыслъ при деспотическомъ правленіи, чтобы замѣнить его другимъ лучшимъ политическимъ режимомъ. Но кого-же вы хотите ниспровергнуть въ странахъ свободныхъ, какъ Швейцарія и Франція, которыя управляются сами собою и въ которыхъ остается только произвести экономическія реформы? Вы хотите свергнуть людей, избранныхъ подачей голосовъ? Но тогда вмѣсто анархизма, вы учредите диктатуру. Вы открыли самый совершенный социальный порядокъ, на примѣръ абсолютный аморфизмъ и безграничный коллективизмъ; но какимъ образомъ ввести его и заставить дѣйствовать, когда массы, долженствующія примѣнять его на практикѣ, не имѣютъ даже о немъ понятія? Этого не могъ бы сдѣлать и диктаторъ, хотя бы онъ былъ и всемогущъ.

Программа *союза* есть программа нигилизма. Вотъ она: «Ассоціація братьевъ интернаціоналовъ желаетъ социальной, и въ тоже время философской, экономической и политической революціи, чтобы отъ настоящаго порядка вещей, основаннаго на собственности, эксплуатаціи, на принципѣ авторитета, какого бы то ни было, религіознаго, метафизическаго, буржуазно доктринернаго или даже якобински революціоннаго, не осталось камня на камнѣ сначала во всей Европѣ и затѣмъ во всемъ свѣтѣ. При крикахъ: «миръ рабочимъ! свобода всѣмъ угнетеннымъ!» и «смерть всѣмъ властвующимъ, эксплуататорамъ и всякаго рода опеку-

намъ!»—мы хотимъ уничтожить всё государства и всё церкви, со всёми ихъ учрежденіями и законами религиозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, международными, экономическими и социальными для того, чтобы всё эти милліоны бѣдныхъ человѣческихъ существъ, обманутые, порабощенные, терзаемые, эксплуатируемые,—избавившись отъ всёхъ своихъ управителей и благодѣтелей оффиціальныхъ и офиціозныхъ, какъ коллективныхъ такъ и индивидуальныхъ,—могли вздохнуть наконецъ вполне свободно». Это очевидно идея Руссо, выраженная съ восточнымъ краснорѣчіемъ и съ татарской жестокостью. Человѣкъ, особенно рабочій, задавленъ излишними надстройками социальнаго зданія, воздвигаемаго вѣками. Какимъ образомъ избавить его? Есть одно средство: надо все разрушить и все скрыть до основанія. Нужно все уничтожить, «чтобы произвести совершенный аморфизмъ», потому что если хотя одна старая форма уцѣлѣетъ, то «она сдѣлается зародышемъ, изъ котораго возродятся всё старыя социальныя несправедливости».

Однако, какъ бы совершененъ ни былъ «аморфизмъ», какъ бы далеко ни шло разрушеніе, всетаки еще останутся живые люди работающіе рядомъ. Какая же политическая связь соединить ихъ? Какимъ образомъ будутъ регулироваться собственность и распределеніе продуктовъ? Мы находимъ въ программѣ *союза* только неопредѣленные указанія по этому предмету. Идеаль будущаго очевидно заимствованъ изъ порядковъ существующихъ въ Россіи. Земля будетъ коллективной собственностью общины, которая будетъ распределѣть ее между своими жителями. Рабочіе разныхъ родовъ промышленности соединятся въ «артели», т. е. въ кооперативныя общества. Но это уже есть преступленіе—стараться предуказать организацію будущаго общества. «Всѣ разсужденія о будущемъ преступны, потому что онѣ мѣшаютъ безусловному разрушенію и препятствуютъ ходу революціи».

Въ своихъ *Paroles adressées aux étudiants*, Бакунинъ, какъ и Руссо, возстаетъ противъ науки и образованія, и превозноситъ

«святое и благотворное невѣжество». Поэтому молодые люди должны бросить школы и университеты и жить съ народомъ, чтобы способствовать его освобожденію. «Не заботьтесь объ этой ложной наукѣ, во имя которой вамъ хотятъ связать руки». — «Разбойникъ есть истинный герой, народный мститель, непримиримый врагъ государства, настоящій революціонеръ, дѣйствующій безъ фразъ и риторики почерпнутой изъ книгъ».

Здѣсь замѣтно, что Бакунинъ читалъ Шиллера и что онъ вспомнилъ Карла Мора. Марксъ, насмѣхаясь надъ напыщенной риторикой своего противника, замѣчаетъ, что на дѣлѣ разбойниковъ нѣтъ болѣе въ Россіи, за исключеніемъ развѣ мелкихъ воровъ, занимающихся ремесломъ конокрадства въ пользу нѣкоторыхъ торговыхъ предпріятій (?), дающихъ впрочемъ довольно хорошей дивидентъ. Но это правда, что когда социальный механизмъ доводитъ населеніе до отчаянія, то разбойники умножаются и дѣлаются популярными, какъ это водится съ давнихъ поръ въ Сициліи и Калабріи. Но, въ Россіи, считаетъ притѣсненнымъ себя только средній классъ, а не народъ.

Въ другомъ летучемъ листкѣ, напечатанномъ на русскомъ языкѣ для Россіи въ Женевѣ, и озаглавленномъ: *Принципы Революціи*, Бакунинъ указываетъ средства, которыя нужно употребить, чтобы разрушить все и основать аморфизмъ. «Не допуская иной дѣятельности кромѣ разрушенія, мы объявляемъ, что формы, въ которыхъ должна выразиться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно разнообразны: ядъ, кинжалъ, затяжная петля. Революція освящаетъ все безъ различія». Эти средства въ настоящее время покажутся немного устарѣлыми, но десять лѣтъ назадъ керосинъ и динамитъ не занимали еще въ революціонномъ арсеналѣ того мѣста, которое въ настоящее время обезпечено за ними. Чтобы достичь «всеразрушенія», во первыхъ нужны «рядъ покушеній и дерзкихъ предпріятій, даже безумныхъ, устрашающихъ властей и возмущающихъ народъ, до тѣхъ поръ пока не повѣрятъ въ торжество революціи». Эта адская программа покажется дурнымъ сномъ или фантазіей, а между тѣмъ она практикуется въ Россіи. Непонятно какимъ образомъ

ужасное дѣло всеразрушенія можетъ внушать людямъ, принадлежащимъ къ зажиточнымъ классамъ, тотъ жестокой фанатизмъ, который заставляетъ ихъ жертвовать своей жизнью для исполненія приказаній тайнаго суда. Нужно полагать, что въ русскомъ характерѣ существуетъ еще сильная мистическая экзальтація, которая исчезла у другихъ народовъ. Чтобы найти подобный феноменъ, нужно возвратиться къ сеидамъ *Старца Горы*, въ XIII столѣтіи.

Организація секты не осталась неизвѣстной: она была формулирована Бакуниномъ въ шифрованномъ *революціонномъ катехизисѣ*, который былъ захваченъ полиціей и приведенъ въ обвинительномъ актѣ на процессѣ Нечаева, 8 Іюля 1871 года *).

Въ одной изъ своихъ брошюръ (1862 года) Бакунинъ восторженно излагаетъ программу панъ-славизма: «О! война нѣмцамъ, восклицаетъ онъ, прекрасная задача и необходимая для славянъ. Надо освободить славянъ, стонущихъ подъ игомъ тевтоновъ и турокъ. Союзъ съ Италіей, Венгріей, Румыніей и Греціей противъ Пруссіи, Австріи и Турціи. Осуществленіе этой любимой мечты всѣхъ славянъ: учрежденіе великой и свободной панъ-славянской федераціи». Въ это время Бакунинъ былъ еще пропитанъ «узкой» идеей національности. Позднѣе онъ поднялся до болѣе высшаго понятія уничтоженія государствъ, замѣненныхъ «аморфизмомъ» автономныхъ и федеральныхъ общинъ. Однакоже ненависть къ нѣмцамъ была, такъ сказать, въ его крови. Она никогда не угасала, и обнаружилась особенно рѣзко и неумолимо, въ борьбѣ противъ Маркса. Бакунинъ господствовалъ въ *интернаціонали* начиная съ 1870 года, и когда, вслѣдствіе раздѣленія, она потеряла всякое вліяніе, то *союзъ* бакунистовъ организовалъ въ Европѣ пропаганду революціоннаго социализма.

*) Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ подробный рассказъ о Нечаевскомъ дѣлѣ, которое извѣстно русскимъ читателямъ: поэтому мы пропускаемъ этотъ рассказъ. *Перевод.*

§ 2.

Въ Англіи и Франціи, въ этихъ двухъ странахъ, гдѣ рабочіе классы были сильнѣе организованы для борьбы, *интернаціональ* оказывала менѣе вліянія. Она основалась въ Лондонѣ, и имѣла въ своемъ общемъ совѣтѣ нѣсколькихъ предводителей рабочаго движенія въ Англіи, каковы были Оджеръ, Аплегартъ, Люкрафтъ и Галесъ; многіе изъ рабочихъ союзовъ выразили ассоціаціи свои симпатіи, а нѣкоторые даже присоединились къ ней. Но они дали ей слишкомъ мало денегъ и не заимствовали отъ нея революціоннаго духа. Это ясно можно видѣть въ письмѣ одного изъ членовъ *интернаціонали*, Евгенія Дюпона отъ 1-го января 1870 г.: «Революціонная инициатива, пишетъ онъ, должна исходить изъ Франціи, но самымъ радикальнымъ образомъ она совершится въ Англіи. Крестьянинъ собственникъ тамъ исчезъ. Собственность принадлежитъ меньшинству. Вся промышленность ведется централизаціей большихъ капиталовъ; именно здѣсь развился капитализмъ и подготовилъ такимъ образомъ причины своего разрушенія; но опять таки иностранцы должны будутъ дать здѣсь толчокъ. Англичане имѣютъ всѣ необходимыя условія для соціальной революціи: но имъ недостаетъ обобщающаго духа и революціонной страсти». Въ книгѣ Онслова Йорка, *The Secret History of the International*, очень хорошо обрисованъ контрастъ между французами и англичанами, какъ онъ обнаружился на первыхъ сѣздахъ ассоціаціи: «Я хочу, говоритъ французъ, выяснитъ истинные принципы и основать общество, гдѣ господствуетъ справедливость.—Я, говоритъ англичанинъ, требую повышенія рабочей платы и билля, который бы сократилъ рабочій день до девяти часовъ.—Французъ ворчитъ про себя: «Экое безтолковое животное этотъ англичанинъ; нѣтъ у него ни общихъ идей, ни воображенія, ни тѣни синтезиса. *What a sorry beast this John Bull; no ideas, no imagination, not a bit of a synthese.*

Съ 1867 года интернаціональ насчитывала въ Англіи около тридцати тысячъ членовъ. Всеобщій сѣздъ рабочихъ союзовъ

бывшій въ Бирмингамѣ приглашалъ всѣ англійскія ассоціаціи къ нему присоединиться. Одна изъ принятыхъ резолюцій гласила: «расширеніе принципа свободнаго обмѣна вызываетъ всемірную конкуренцію, для которой пониженіе рабочей платы есть главное оружіе; общества защиты для достиженія своей цѣли должны войти въ соглашеніе съ обществами другихъ странъ; принципы *интернаціонали* приведутъ къ прочному миру между націями».

Принципъ коллективности земли, принятый на бруссельскомъ съѣздѣ (1868) и въ Базелѣ (1869), былъ внесенъ въ программу крайней группой партіи аграрной реформы (Land reform): «Такъ какъ монополія поземельной собственности составляетъ источникъ всякаго соціальнаго, моральнаго и политическаго зла, отъ котораго страдаетъ общество; такъ какъ облегчить это зло можно только возвращеніемъ земли ея законному владѣльцу,— то земля должна быть отдана государству, которое будетъ предоставлять право пользованія ею на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены впослѣдствіи. Нынѣшніе собственники будутъ вознаграждены государственными процентными билетами. Упраздненіе постоянной арміи, прибыли національнаго банка и прямой прогрессивный налогъ, замѣняющій всѣ другіе налоги, дадутъ ресурсы необходимые для этой реформы». Даже въ этихъ крайнихъ предложеніяхъ видѣнъ юридическій духъ англичанъ. Когда на континентѣ предлагали конфисковать собственность, то почти не было и рѣчи о вознагражденіи собственниковъ. Какъ! Эти разбойники обворовываютъ народъ въ теченіи столькихъ вѣковъ, и имъ еще надо платить! Они могутъ себя считать счастливыми, если имъ оставятъ хоть ихъ шкуру. Но въ Англии существуетъ уваженіе къ праву собственности даже въ ту минуту, когда уничтожаютъ ее, и тамъ признаютъ справедливымъ вознаградить ихъ государственными процентными бумагами.

На конгресѣ въ Базелѣ, предсѣдатель большой ассоціаціи столяровъ Аплегаръ объявилъ, что восемь сотъ тысячъ членовъ *trade-unions* всѣ преданы *интернаціонали*. Утверждаютъ, что въ

1870 году присоединились двѣсти тридцать рабочихъ ассоціацій, съ девяносто пятью тысячами членовъ. Но всѣ эти присоединенія, чисто платоническія, не принесли ей ни рессурсовъ, ни силы. Она пыталась непосредственно учреждать секціи въ мануфактурныхъ городахъ. На одномъ съѣздѣ, созванномъ съ этой цѣлью въ Манчестерѣ, въ іюлѣ 1873 г. подъ предсѣдательствомъ Веккери, былъ принятъ для британской федераціи красный флагъ. «Красный флагъ, говорилось въ мотивахъ, есть символъ пролитой народомъ за свободу крови. Принятый социалистами всѣхъ странъ, онъ изображаетъ соединеніе и братство человѣческихъ расъ, между тѣмъ какъ національные флаги обозначаютъ вражду и войну между разными государствами». До сихъ поръ Джонъ Буллъ, *this sorry beast*, не понималъ кажется всей прелести этой теоріи цвѣтовъ. Красное знамя, когда оно появляется на *митингахъ*, или при процесіяхъ, то почти всегда его несутъ иностранцы.

Послѣ разрыва въ Гагѣ, Экаріусъ и Галесъ оставили Маркса. Болѣе ярые сдѣлались бакунистами. Большая масса рабочихъ, ограничивая свои виды настоящимъ и горизонтомъ своего острова, остались въ границахъ мѣстнаго движенія рабочихъ союзовъ, *trade-unions*. И единственно что внушила имъ *интернаціональ*, это симпатію къ революціоннымъ агитаціямъ за границей и идею коллективной собственности земли въ ихъ странѣ. Утверждаютъ, будто теперь они сдѣлались болѣе социалистами и что они поднимаются до «синтеза». Но не легко удостовѣриться въ дѣйствительности этой тайной эволюціи. Ежегодникъ социализма (*Jahrbuch der Socialwissenschaft*) доктора Людвигъ Рихтера, обзрѣвая успѣхи социализма во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ въ 1879 году, не упоминаетъ объ Англіи, «такъ какъ о ней нечего сказать».

Хотя *интернаціональ* вышла изъ нѣмецкаго социализма, потому что Марксъ формулировалъ ея принципы и создалъ ея организацію, однако ея вліяніе въ Германіи было менѣе чѣмъ въ Англіи. Говоря въ предыдущей главѣ о Лассалѣ и Марксѣ, мы изложили развитіе социальныхъ идей въ Германіи; а потому

не будемъ къ этому возвращаться. Движеніе было слишкомъ самостоятельно и слишкомъ могущественно, чтобы повиноваться дѣйствию ассоціаціи, которая не имѣла въ этой странѣ ни своего мѣстопробыванія, ни своихъ корней. Многія общества рабочихъ выразили *интернаціонали* свои сочувствія и даже заявляли о присоединеніи къ ней, но они не получили отъ нея ни принциповъ, ни лозунга.

Въ Америкѣ было иначе. Появленіе тамъ и успѣхъ воинствующаго социализма большей частью зависѣли отъ *интернаціонали*. Съ давнихъ поръ тамъ дѣлались попытки различныхъ системъ соціальной организаціи; они дѣлались или протестантскими сектами, каковы напр. мормоны и коммунисты на Онеидѣ или французскими сектами 1848 года, какъ напр. икарійцами Кабе и фаланстеріанцами Консидерана. Но эти попытки реформъ имѣли въ виду скорѣе дать примѣръ справедливаго соціального порядка, а не организовать борьбу труда противъ капитала. Эта послѣдняя задача была дѣломъ *интернаціонали*. *Trade unions* были основаны въ различныхъ ремеслахъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1866 года шестьдесятъ шесть делегатовъ отъ союзовъ собрались на съѣздъ въ Балтиморѣ *). На немъ было рѣшено, что слѣдуетъ освободить рабочихъ «отъ рабства рабочей платы». Вскорѣ возникла общая федерація рабочихъ обществъ подъ названіемъ *National Labour-Union*. Она вошла въ сношенія съ общимъ совѣтомъ *интернаціонали* и послала делегатовъ на ея съѣзды. Нѣмецкіе эмигранты, проникнутые идеями Лас-саля и Маркса, распространили ихъ по всѣмъ штатамъ Сѣверной Америки. Одинъ баденецъ основалъ въ Санъ-Франциско, съ 1868 года, секцію *интернаціонали*, которая издавала газеты *Abendpost*. Другіе нѣмцы основали секціи въ Чикаго, органомъ

*) Объ исторіи *интернаціонали* лучшая книга для справокъ есть безъ сомнѣнія *Der Emancipations-Kampf des Vierten Standes*, Рудольфа Мейера, социалиста консерватора и бисмаркіанца. Трудно плохо соразмѣренъ, но онъ содержитъ массу значительныхъ фактовъ, собранныхъ поспѣшишь съ удивительнымъ стараніемъ. См. также *Histoire du socialisme*, Б. Малона. Типографія Веладни, Лугано, 1879.

которыхъ былъ: *Der Deutsche Arbeiter. National Labour-Union*, который насчитывалъ тогда болѣе восьми сотъ тысячъ членовъ, на своемъ пятомъ съѣздѣ, состоявшемся въ Цинцинати, 15-го апрѣля 1870 года, рѣшилъ принять принципы *интернаціонали*. Американская федерація секцій *интернаціонали* собралась также на съѣздъ въ Филадельфіи, съ 11 по 12 апрѣля 1874 года. Она заявила, что присоединяется къ рѣшеніямъ принятымъ въ Гагѣ и предложила созвать всеобщій съѣздъ на 1875 годъ. Но этотъ съѣздъ не состоялся.

Несчастныя стачки, сильный промышленный кризисъ и въ особенности личные раздоры вожаконъ привели къ быстрому упадку. Общій совѣтъ, который по рѣшенію съѣзда въ Гагѣ долженъ былъ имѣть свое мѣстопробываніе въ Нью-Йоркѣ, не имѣлъ тамъ никакого вліянія и вскорѣ пересталъ существовать. Тѣмъ не менѣе зародыши, положенныя *интернаціональнью*, быстро развивались. Борьба рабочихъ противъ капиталистовъ въ настоящее время организована повсюду. Рабочія общества умножаются, и многія изъ нихъ празднуютъ ежегодно день учрежденія коммуны, 18 марта. Промышленныя газеты постоянно сообщаютъ о стачкахъ. Вѣроятно многіе помнятъ стачку механиковъ желѣзныхъ дорогъ, приведшую къ кровавой развязкѣ. На послѣднихъ выборахъ въ Калифорніи было выбрано большинство социалистовъ. Знаменитое предсказаніе Маколея о варварахъ, которые нѣкогда появятся среди американскихъ городовъ, не кажется теперь такимъ страннымъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Замѣчательное сочиненіе, недавно напечатанное Генрихомъ Жоржемъ, въ Санъ-Франциско, *Progress and Poverty* показываетъ, что породить этихъ варваровъ.

Единственное дѣйствительное предохранительное средство противъ революціоннаго социализма, это распространеніе собственности. Вотъ новое доказательство этого. Въ скандинавскихъ странахъ *интернаціональ* тѣмъ менѣе распространилась, чѣмъ аграрный режимъ былъ болѣе демократическій, т. е. въ Норвегіи почти не распространилась, въ Швеціи мало, въ Даніи больше. *Интернаціональ* проникла въ Данію, весной 1871 года,

немного времени спустя послѣ паденія коммуны. Апостоль союза, Пю, былъ отставнымъ военнымъ. По рекомендаціи начальника католической миссіи, Грюднера, онъ поступилъ преподавателемъ къ одной придворной дамѣ, баронесѣ Берлингъ, обращеніе которой въ католицизмъ надѣлало много шума въ странѣ исключительно протестантской. Пю оставилъ этотъ домъ и отправился въ Женеву, чтобы присоединиться къ *интернационали*. Возвратясь въ Копенгагенъ, онъ печаталъ брошюры, разъяснявшія его цѣль, учредилъ секцію и издавалъ газету, *Socialisten*, которую скоро превратилъ въ ежедневную. Онъ нашелъ преданнаго помощника въ Полѣ Гелеффѣ, который писалъ въ ультрамонтанской газетѣ *Heimdal*. Гелеффѣ объѣзжалъ разные города, проповѣдуя благую вѣсть. Онъ успѣлъ основать секціи въ Альборгѣ, Рандерсѣ, Аргусѣ, Скандерборгѣ, Горсенсѣ, Оденсѣ и въ Насковѣ. Въ началѣ 1879 года эти секціи насчитывали уже 8 тысячъ членовъ, изъ которыхъ 5 тысячъ насчитывалось въ столицѣ. Многія женщины примкнули къ движенію. Съ этого времени начались многочисленныя стачки. Пю и Гелеффѣ созвали большой *митингъ* на открытомъ воздухѣ, въ Норденфедѣ, но полиція его запретила. Они бросились въ рукопашную и дѣло дошло до кровопролитія. Вожаки были арестованы, потомъ осуждены на нѣсколько лѣтъ тюремнаго заключенія. Въ то же время по распоряженію министра юстиціи, на основаніи 87 параграфа конституціи, *интернациональная ассоціація рабочихъ* была запрещена въ Даніи. Мѣра эта оказалась недѣйствительной. Соціалисты основали *демократическій союзъ рабочихъ*, и нашли въ столярѣ Пилѣ дѣятельнаго и искуснаго главу.

Отъ времени до времени составлялись многочисленныя собранія на открытомъ воздухѣ, на англійскій манеръ. 5-го іюня 1874 года болѣе 15 тысячъ рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ секціямъ интернационали, собрались въ Дюргартенѣ, въ окрестностяхъ Копенгагена. Знамена ремесленниковъ и 22 красныхъ флага развѣвались по вѣтру. Всеобщая подача голосовъ существуетъ въ Даніи; но тамъ только одинъ большой

городъ, столица, и крестьяне, которые по большей части собственники, составляютъ въ палатѣ демократическую партію. Они требуютъ самой строгой экономіи, простоты нравовъ, и возстаютъ противъ издержекъ дѣлаемыхъ въ городахъ. Они составляютъ прочный оплотъ противъ крутыхъ и насильственныхъ нововведеній. Либеральная партія также употребляла всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти вліяніе на рабочихъ. Риместодъ и Зонъ способствовали возникновенію рабочихъ союзовъ въ родѣ тѣхъ, которые основаны были въ Германіи подъ руководствомъ Шульце-Делича и Макса Гирша. Ихъ уже существуетъ болѣе ста, распространенныхъ по всей странѣ. Соціалистическая партія была очень потрясена недобросовѣтностью двухъ своихъ вожаковъ, Піо и Гелеффа, которые, подъ предлогомъ основанія пробной колоніи въ Америкѣ, похитили кассу ассоціаціи. Одна женщина авторъ, Жакетъ Лиліенкрантцъ, стала во главѣ рабочаго движенія, которому она отдала свое перо, свое время и свои ресурсы. Вообще и въ другихъ странахъ, напр. въ Россіи, женщины начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ соціалистической пропагандѣ.

Въ Швеціи была еще менѣе благоприятная почва для развитія соціализма, потому что 85% народонаселенія живутъ въ деревнѣ, и земледѣльческія семейства продолжаютъ еще сами фабриковать множество предметовъ потребленія: домашнюю утварь, посуду, земледѣльческія оружія, холстъ и простыя матеріи. Крупная промышленность существуетъ только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Страна имѣетъ превосходную администрацію. Благосостояніе повсюду. Образование распространено во всѣхъ классахъ. Швеція и Норвегія показались мнѣ самыми счастливыми странами въ Европѣ и самыми достойными такого счастья. Правда соціалистическія идеи проникали туда какъ и повсюду и тамъ отъ времени до времени бывають стачки, именно между рудничными рабочими. Но *интернаціональ* не могла пустить тамъ сильныхъ корней. Соперникъ Шульце-Делича, Аксель Крокъ, вызвалъ основаніе кооперативныхъ обществъ для производства и потребленія.

Въ Норвегіи знаменитая ассоціація имѣла еще менѣе успѣха. Въ сентябрѣ 1873 года, одинъ рабочій сѣдельщикъ изъ Копенгагена, Янсенъ, отправился въ Христіанію для проповѣдыванія тамъ социализма. Но никто не хотѣлъ отдать ему въ наймы помѣщенія, даже трактирщики. Наконецъ въ окрестностяхъ Тиренгольмена онъ могъ созвать *митингъ*. На немъ собралось до тридцати человѣкъ. Одинъ столяръ норвежецъ, Гагенъ, присоединился къ нему для распространенія социалистическихъ идей, но опирающихся на христіанство. Нѣсколько человѣкъ студентовъ пристали къ нимъ и было основано общество. Однако же эти попытки пропаганды нигдѣ не встрѣтили поддержки. Одна нѣмецкая социалистическая газета въ Гамбургѣ резюмировала довольно печальные результаты этой компаніи такъ: «Все болѣе и болѣе выясняется, что Норвегія очень неблагоприятное поле для попытокъ улучшенія участи человѣчества».

Примѣръ Швейцаріи и Бельгіи доказываетъ, что ничто не можетъ быть такъ дѣйствительно для ослабленія опасностей социализма, какъ свобода. Въ этихъ обѣихъ странахъ *интернаціональ* имѣла свои сѣзды. Ничто въ нихъ не препятствовало ея пропагандѣ. Она пользовалась тамъ абсолютной свободой сходовъ, прессы, ассоціаціи и слова, а между тѣмъ порядокъ никогда серьезно не былъ нарушенъ. Во Франціи право сходовъ и ассоціацій не существовало; *интернаціональ* выдержала два процесса и была окончательно запрещена; а между тѣмъ дѣло кончилось комунной. Въ Италіи не было недостатка въ преслѣдованіи, въ процессахъ, осужденіяхъ, чрезвычайныхъ мѣрахъ; и однакожь не смотря на это, тамъ были волненія, возмущенія и ужасныя покушенія. Въ Испаніи давленіе было еще сильнѣе: а между тѣмъ большая часть городовъ попадаетъ въ руки возмущившихся кантоналистовъ. Въ Германіи повторяются попытки царевубійства; то же и въ Россіи.

Во всякой странѣ существуютъ двѣ партіи: одна хочетъ сохранить все, что существуетъ или даже возстановить то, что было; а другая стремится все реформировать и иногда, при

своёмъ нетерпѣніи, и все разрушить. Подобно тому какъ движеніе, несущее по орбитѣ нашъ земной шаръ, есть равнодѣйствующая центростремительной и центробѣжной силы, такъ и общество движется впередъ отъ соединеннаго дѣйствія силъ охранительной и реформирующей. Попытайтесь остановить дѣйствіе одной какой нибудь изъ нихъ и вы вызовете то революціи, то реакціи: предоставьте же имъ свободное движеніе и прогрессъ совершится рядомъ мирныхъ сдѣлокъ и улучшеній, какъ въ Англии, Бельгіи и Швейцаріи.

Швейцарія повидимому представляла почву превосходно подготовленную для социализма. Съ 1843 года Вейтлингъ проповѣдывалъ тамъ коммунизмъ. Убѣжавшіе туда участники возмущеній 1848 года основали тамъ ассоціаціи, и между прочимъ «союзъ нѣмецкихъ братьевъ» (*Deutsche Brüder*). *Grütliverein*, имѣвшій газету *Grütliener*, и секціи въ большинствѣ кантоновъ всѣ находились подъ вліяніемъ социалистически-демократическихъ идей. Русскіе Бакунинъ и Утинъ, итальянцы Розетти и Галино, агитаторы изгнанные изъ всѣхъ странъ пріѣзжали въ Швейцарію, въ это единственное убѣжище, остававшееся имъ на континентѣ. Апостоломъ *интернаціонали* былъ здѣсь другъ Маркса Юг. Фил. Беккеръ. Въ 1864 году ему удалось основать первую секцію ассоціаціи. Вскорѣ онѣ возникли въ большинствѣ городовъ и промышленныхъ центровъ. Одно время ихъ насчитывали до тридцати двухъ въ одной только Женевѣ. Беккеръ издавалъ газету *Vorbote*, имѣвшую большое вліяніе, и основалъ при ней центральный комитетъ, дѣйствіе котораго не ограничивалось одной Швейцаріей, но простиралось, путемъ корреспонденцій и при помощи эмиссаровъ, на Австрію, Италію и Испанію.

Во французскихъ кантонахъ секціи сгруппировались подъ названіемъ *Федерации Романской Швейцаріи*. Но вскорѣ и здѣсь отразился раздоръ между Марксомъ и Бакунинымъ. Юрскія секціи высказались за Бакунина, а большинство секцій Женевы противъ него. Такимъ образомъ составилось двѣ федераціи. Общества рабочихъ въ нѣмецкой Швейцаріи собирались на

общій съѣздъ въ Ольтенѣ въ 1873 году, и въ Винтертурѣ, въ 1874. Принятая ими программа была очень умѣренная. Въ ней не было вопроса о коллективизмѣ, но только о регламентаціи труда на заводахъ и о средствахъ умственного и технического образованія. Органомъ этой многочисленной группы былъ *Tagwacht*. Газета *Felleisen* представляла болѣе радикальный оттѣнокъ. Съ того времени какъ анти-соціалистическій законъ въ Германіи уничтожилъ всѣ соціалистическія газеты, *Tagwacht*, продолжавшій выходить два раза въ недѣлю въ Цюрихѣ, сталъ расходиться въ значительно большемъ числѣ экземпляровъ.

Юрскіе соціалисты, руководимые Джемсомъ Гильомомъ, приняли крайнія идеи Бакунина. Въ этомъ центрѣ издавалась газета *Avant-garde*, гдѣ одинъ эмигрантъ, Бруссъ, помѣстилъ по поводу царевубійства статью, за которую его осудили въ Женевѣ. Для этой группы, уничтоженія и убійства кажутся единственными средствами для улучшенія положенія человѣчества. Вотъ напр. какая интересная статья была замѣчена мною въ *Bulletin* юрской федераціи отъ 4 марта 1876 года. Группа французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Нью-Йоркѣ и называющихъ себя авторитативными революціонерами, издала манифестъ, въ которомъ заявляла, что нужно безжалостно избивать всѣхъ революціонеровъ. *Bulletin* отвѣчаетъ, что ненависть плохой совѣтчикъ, и что реакціонеровъ цѣлые милліоны, такъ какъ реакціонеры не только судьи, священники, чиновники, и собственники, но и большая масса народа, который ничего не понимаетъ въ гуманитарномъ коллективизмѣ. При всеобщей подачѣ голосовъ, говоритъ *Bulletin*, мы будемъ имѣть не больше полъ-милліона голосовъ: всѣхъ остальныхъ значить слѣдуетъ перерѣзать, что было бы невозможно. Но главное дѣло заключается въ томъ, чтобы избавиться отъ руководителей: а для этого достаточно уничтожить только нѣсколько тысячъ головъ.

Эти выходки не беспокоятъ Швейцарію. Тамъ даютъ всякому волю говорить и дѣлать. Каждую минуту появляются и исчезаютъ новыя газеты и новыя соціалистическія общества. Но лучшія ихъ силы употребляются на истребленіе другъ друга. Соціаль-

ному порядку не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. Правда впрочемъ, что онъ здѣсь покоится на очень широкихъ и демократическихъ основаніяхъ. Швейцарія имѣетъ не только всеобщую подачу голосовъ, но управляется прямо народнымъ собраніемъ (*Landsgemeinde*), какъ въ древнихъ кантонахъ, или посредствомъ *referendum*, т. е. плебисцитомъ, какъ въ другихъ кантонахъ. Пересмотръ федеральной конституціи въ 1874 году былъ вотированъ 334,000 утвердительными голосами противъ 195,000 отрицательныхъ. Изъ 580,000 избирателей, 535,000 или 90%, принимали участіе въ вотированіи. Коллективная общинная собственность осуществлена въ древнемъ учрежденіи *Allmends*. Въ Швейцаріи нѣтъ постоянной арміи, почти нѣтъ налоговъ, очень мало полиціи; есть автономная община, кантонъ, состоящій изъ федераціи этихъ общинъ, и нація, состоящая изъ федераціи кантоновъ. Чего еще больше можетъ требовать «анархизмъ»? Правда, что все-таки это еще не «аморфизмъ» Бакунина.

Интернаціональ утвердилась въ Бельгіи съ 1865 года. Но только въ декабрѣ 1866 года учредилась первая ея секція и это было въ Лютихѣ. Мы видимъ изъ доклада делегата Пепе на съѣздѣ въ Лозаннѣ, что въ Брюсселѣ основалась очень дѣятельная секція и что она присоединила къ себѣ общества рабочихъ въ Гентѣ и Антверпенѣ. На Брюссельскомъ съѣздѣ въ 1868 году делегатъ Фреръ заявилъ, что нѣсколько секцій, очень многочисленныхъ, основались въ каменноугольномъ бассейнѣ въ Шарльруа и что въ Вербье «свободные рабочіе» присоединились къ ассоціаціи и даже основали газету *Mirabeau*, которая существуетъ и до сихъ поръ, — что составляетъ рѣдкость. Въ Брюгѣ сформировалась секція съ газетой *Vooruit*, а затѣмъ въ Антверпенѣ появилась *Werker*, имѣвшая большое вліяніе на рабочихъ фламандскихъ городовъ. Въ декабрѣ всѣ секціи соединились. Былъ избранъ общій совѣтъ изъ шестнадцати членовъ и основана газета *Internationale*. Секціи группировались по бассейнамъ. Всѣ онѣ должны были посылать делегатовъ на ежегодный общій съѣздъ. Это была почти копія съ главной

ассоціаціи. Стачки и столкновенія, происходившія въ окрестностях Шарльруа и въ Серенгѣ, доставили *интернаціонали* большую извѣстность. Между тѣмъ вожаки не были расположены возбуждать стачки изъ опасенія неудачъ. Такъ на второмъ національномъ съѣздѣ въ Антверпенѣ (съ 1 по 15-е августа 1873 года), рѣшено было, что федераціи должны все приготовить для общей стачки, но что слѣдуетъ совершенно отказаться отъ частныхъ стачекъ, исключая «случаевъ законной защиты».

Въ эпоху своего наибольшаго распространенія въ Бельгии *интернаціональ* насчитывала восемь федерацій: въ Брюсселѣ, Тентѣ, Антверпенѣ, Лютихѣ, Вездрѣ, Боринажѣ, Сантрѣ и Шарльруа. Что касается числа присоединившихся, то ихъ полага ли отъ ста тысячъ до двухсотъ тысячъ. Но такъ какъ поступленіе въ члены бываетъ чисто платоническимъ, то невозможны точныя статистическія данныя. Однако же здѣсь организація была болѣе полная, нежели въ другихъ мѣстахъ. Послѣ разрыва въ Гагѣ, бельгійскіе интернаціоналисты высказались противъ исключенія Бакунина, но не присоединились къ его доктринамъ. Съ тѣхъ поръ какъ всемірная ассоціація перестала дѣйствовать, партія бельгійскихъ социалистовъ старалась вновь организоваться на національномъ основаніи. Существуютъ двѣ тенденціи: одни хотятъ, какъ нѣмецкіе социалисты, завладѣть властью посредствомъ выборовъ, и требуютъ всеобщей подачи голосовъ, дѣйствуя согласно съ радикалами буржуазіи; другіе же, органомъ которыхъ служитъ газета *Mirabeau*, утверждаютъ, какъ нигилисты, что прежде всего нужно все уничтожить. «Кто, говоритъ эта газета, не носилъ лохмотьевъ нищеты, не можетъ желать истинной революціи. Единственно только рабочей произведетъ ее. Противъ него употребляютъ всякія оружія, т. е. око за око, зубъ за зубъ. Пустимъ въ дѣло огонь, мечъ, ядъ и керосинъ. Сдѣлаемъ *tabulam rasam*. Разрушимъ это гнилое общество, для котораго наша нищета и невѣжество служатъ основой. Сдѣлавшись побѣдителями, мы воздвигнемъ новое общество, основанное на трудѣ и справедливости».

Преслѣдованія, направленные противъ этихъ воззваній къ силѣ, привели только къ тому, что придали имъ значеніе, котораго они сами по себѣ не имѣли; и потому эти преслѣдованія были прекращены. Въ послѣдніе годы социализмъ кажется не приобрѣлъ почвы. Между тѣмъ Бельгія представляетъ исключительно благоприятныя условія для его развитія. Число рабочихъ очень значительно и, такъ какъ населеніе здѣсь гуще чѣмъ въ остальной Европѣ, то рабочая плата менѣе высока чѣмъ въ другихъ западныхъ странахъ.

Интернаціональ проникла въ Голландію только около 1869 года. Секція учредилась въ Амстердамѣ съ газетой *De Standaard des Volks*. Она не замедлила пустить отростки и основать другія секціи въ главныхъ городахъ, въ Арнгемѣ, Утрехтѣ, Гарлемѣ, Лейварденѣ и въ Роттердамѣ. Эмиссары посѣтили мелкіе города и привлекли нѣсколько отдѣльныхъ личностей. Появились двѣ новыя газеты: *Werkman* и *Volksblad*. Учредилась общая ассоціація, имѣвшая въ виду сгруппировать всѣ рабочія общества въ странѣ, *Het Nederlandsch Werklieden-Verbond*. Но мѣстный духъ и индивидуализмъ, слишкомъ сильныя въ Голландіи, вызвали многочисленныя сопротивленія. Послѣ перваго момента горячности и энтузіазма, *интернаціональ*, еще прежде своей смерти, потеряла часть своихъ завоеваній. Однако социалистическое движеніе еще проявляется въ нѣсколькихъ группахъ въ газетахъ *Oost en West* и *Recht voor allen*. Но и здѣсь также абсолютная свобода предупредила всякіе взрывы.

§ 3.

Социализмъ изъ Германіи проникъ въ Австрію въ 1866 году. *Интернаціональ* пыталась организовать его, начиная съ 1868 года, главнымъ образомъ стараніями Бернгардта Беккера. Чтобы требовать всеобщей подачи голосовъ, она устраивала нѣсколько разъ митинги, на которыхъ присутствовали тысячи рабочихъ. Органомъ ея былъ *Arbeiter-Blatt*. Въ январѣ 1869 года, число присоединившихся состояло по меньшей мѣрѣ изъ двад-

цати тысячъ, изъ которыхъ десять тысячъ были только въ одной Вѣнѣ. Въ февралѣ того же года присоединилась большая ассоціація чешскихъ рабочихъ и распространила свои развѣтвленія въ Прагѣ. 30 мая социалисты создали большое собраніе, въ которомъ приняли участіе около тридцати тысячъ лицъ. 13 октября, въ день открытія парламента, болѣе ста тысячъ рабочихъ собрались передъ дворцомъ, гдѣ собрался парламентъ, и одиннадцать делегатовъ были уполномочены представить петицію президенту совѣта, графу Таафе. Это произвело переполохъ. Были начаты судебныя преслѣдованія и нѣкоторыхъ осудили. Полиція не давала покоя газетамъ и социалистическимъ ассоціаціямъ. Два главныхъ листка, *Gleichheit* и *Volkswille*, часто задерживаемые и приостанавливаемые, перестали появляться.

Въ Венгріи, странѣ болѣе свободной, организовался комитетъ пропаганды и газета *Allgemeine Arbeiter Zeitung* печаталась по нѣмецки и по венгерски. Въ іюнѣ 1871 года состоялась большая демонстрація въ честь коммуны. Рабочіе, приостановивши свои работы, образовали собою длинныя колонны и проходили по улицамъ Пешта, неся крепъ и черныя знамена. Это обстоятельство повлекло за собою процессъ о государственной измѣнѣ. Главный вожакъ Сигмунтъ Полликеръ былъ присужденъ къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе социалистическая пропаганда проникла во всѣ города имперіи. Странная вещь, она даже охватила было деревни; образовались социалистическія общества крестьянъ въ деревняхъ Каринтіи, подъ названіемъ *Freie Bauernvereine*. Они имѣли своимъ органомъ *Bauernwille*, редактируемый сыномъ земледѣльца, Карломъ Ашаромъ. Но несогласія и взаимныя обвиненія двухъ главныхъ вождей социализма, Обервиндера и Шея, остановили эти успѣхи. Идеи, распространяемыя *интернаціональю*, имѣютъ еще значительное число приверженцевъ между рабочими различныхъ провинцій Австро-Венгріи; только послѣднее время ихъ настроеніе сдѣлалось менѣе революціоннымъ. Агитація національностей, всегда столь горячая, послужила здѣсь диверсіей.

То, что называется рабочимъ движеніемъ, шло очень дѣя-

тельно въ Италіи. Когда я посѣтилъ эту страну, въ прошломъ году (1879), я нашелъ въ городахъ большое число рабочихъ обществъ: народные банки, подъ управленіемъ итальянскаго Шульце-Делича, знаменитаго депутата Люццати; общества вспомошествованія, часто подъ покровительствомъ извѣстныхъ личностей, какъ на примѣръ Пеполи въ Болоньѣ и Теано въ Римѣ; кооперативныя общества; общества социальныхъ наукъ; ремесленныя ассоціаціи и *trade unions*, не считая республиканскихъ клубовъ, тайныхъ обществъ и знаменитыхъ *circoli* Барзанти, *)), которые уже вызвали паденіе одного министерства. Какъ исключеніе относительно остальной Европы, кромѣ можетъ быть Испаніи, социализмъ здѣсь захватываетъ деревни. Крестьяне доведены до крайней нищеты чрезмѣрными рентой и налогами. Рабочая плата совершенно недостаточна. Рабочіе земледѣльцы живутъ скученно въ мѣстечкахъ и находятъ только прерывающіяся занятія. Такимъ образомъ образуется сельскій пролетаріатъ, болѣе несчастный нежели промышленный. Не имѣя собственности вслѣдствіе *латифундіи*, онъ становится врагомъ давящаго его социальнаго порядка, тогда какъ въ другихъ странахъ, а именно во Франціи, «сельчане» въ комисіяхъ, въ собраніяхъ и въ арміи оказываютъ преданную поддержку настоящему режиму. Но предстоитъ серьезная опасность, когда идеи разрушенія будутъ занесены въ полки сыновьями поселянъ.

Недавніе процессы хорошо обрисовываютъ два вида социализма въ Италіи: сельскій социализмъ произведенный нищетою и космополитическій социализмъ нигилизма. Вотъ первый фактъ. Въ началѣ апрѣля 1877 г. явились неизвѣстно

---

*) Шестъ лѣтъ тому назадъ, было возмущеніе въ казармѣ въ Павіи, и сержантъ Барзанти, считавшійся зачинщикомъ, былъ расстрѣлянъ. Утверждаютъ, что онъ не виновенъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ его даже не было въ то время въ казармѣ; и чтобы возстановить его честное имя, революціонеры основали ассоціаціи носящія его имя: *Circoli Barsanti*. Ихъ цѣль была привлекать солдатъ и унтеръ-офицеровъ, чтобы вербовать ихъ въ свою партію.

откуда около тридцати лицъ, собиравшіеся каждый вечеръ въ нанятомъ ими домѣ въ одной деревушкѣ Беневента, въ Санъ-Люпо. Въ ночь на 6-е апрѣля, въ карабинеровъ, наблюдавшихъ за домомъ, было произведено два ружейныхъ выстрѣла и двое изъ нихъ были сильно ранены. Послѣ этого подвига, банда направляется къ сосѣдней деревнѣ Летино. Ей предшествовали красное и черное знамя. Она занимаетъ муниципальное зданіе. Совѣтники требуютъ оправдательной квитанціи; она была имъ дана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы, нижеподписавшіеся, объявляемъ, что мы заняли муниципію Летино вооруженной рукой, во имя соціальной революціи». Слѣдуютъ подписи. На площадь, гдѣ возвышается крестъ, къ его подножію приносятъ кадастровые списки и гражданскія метрики и сжигаютъ ихъ. Крестьяне сбѣгаются толпой. Одинъ изъ бунтовщиковъ произноситъ длинную рѣчь. Онъ объявляетъ, что движеніе стало общимъ и что народъ освобожденъ. Король низвергнуть и провозглашена соціальная республика. Ему аплодируютъ. Женщины требуютъ немедленно приступить къ раздѣлу земель. «Вы имѣете оружіе, отвѣчаютъ имъ вожаки, вы свободны. Дѣлайте раздѣлъ между собой». Приходскій священникъ Фортина, онъ же и муниципальный совѣтникъ, взбирается на пьедесталь креста и говоритъ, что эти люди, пришедшіе установить равенство, суть истинные апостолы Господа и поступаютъ согласно требованію евангелія. Онъ дѣлается проводникомъ банды и ведетъ ее въ сосѣднюю деревню Галло, при крикахъ: «Да здравствуетъ соціальная революція»!

Приходскій священникъ въ Галло Тамбурины принимаетъ ихъ и рекомендуетъ своей паствѣ: «Ничего не бойтесь, говоритъ онъ, это хорошіе люди; они перемѣняютъ правительство и жгутъ списки. (*Buona gente: non temete. Cambiamento di governo et incendio di carte*). Толпа въ восторгѣ. Ей раздають ружья національной гвардіи. Принесенные на площадь списки даютъ огромное пламя. На мельницѣ уничтожаютъ столь ненавистнаго счетчика налога на помоль. Энтузіазмъ необыкновенный. Викарій цѣлуетъ вожака, имѣющаго на себѣ красный поясъ. Женщи-

ны отъ радости плачутъ. Нѣтъ болѣе налога и арендной платы; все равно; общая эмансипація. Но вскорѣ узнаютъ, что приближаются войска. Банда спасается въ большой лѣсъ Матеза. Къ несчастію, стихія не такъ милостива, какъ крестьяне. Снѣгъ покрываетъ все. Дѣлается сильный холодъ. Освободители умираютъ отъ голода. Они были взяты и, въ августѣ мѣсяцѣ 1878 года, появляются передъ судомъ присяжныхъ въ Капуѣ. Предводителями были графъ Г. изъ Имола, С. докторъ правъ, и М. химикъ. Оба приходскіе священника фигурировали въ числѣ тридцати семи обвиняемыхъ.

Развязка этого похождения не менѣе необыкновенна, чѣмъ его обстановка. Адвокаты защищаютъ дѣло; говорятъ, что оно составляетъ только политическій проступокъ, который подходитъ подъ амнистію дарованную королемъ Гумбертомъ, при восшествіи его на престолъ. Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ, однако же одинъ изъ карабинеровъ умеръ, другой былъ окончательно изувѣченъ. Уже ли это не похоже на главу изъ романа? Однако это событіе наводитъ на серьезныя размышленія. Оно доказываетъ, что идея социальной революціи, даже если она представляется почти въ шутовской формѣ, легко принимается народонаселеніемъ и деревенскимъ духовенствомъ. Постоянно вспыхиваютъ на сѣверѣ и югѣ мелкія аграрныя возстанія, гдѣ льется кровь. Недавно возстаніе въ Калатабіано, въ Сициліи, угрожало сильно распространиться. Маркизь Неполи, говоря о возмущеніяхъ въ Будріо и Молинедѣ, сказалъ, что это возмущаются пустые желудки. Капитанъ карабинеровъ, усмирявшій эти безпорядки, доносилъ префекту, что «это вопросъ голода». Не рѣдкость видѣть, какъ этимъ возмущеніямъ способствуютъ сами муниципальныя власти. Вотъ характеристичный фактъ, взятый изъ множества другихъ. Въ С. Джіовани-Ротондо, въ Пуили, мэръ читаетъ социалистическія лекціи и муниципалитетъ печатаетъ ихъ и распространяетъ на свой счетъ. Въ С. Никандіо и Лезинѣ мэры возбуждаютъ крестьянъ къ раздѣлу земель. Когда собственность есть

привиллегія нѣсколькихъ, то расхищеніе ея дѣлается мечтой большинства.

Теперь разсмотримъ космополитическій и нигилистическій социализмъ. Недавно во Флоренціи разбирался процессъ противъ ассоціаціи интернаціоналистовъ. Обвиняемые, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, были почти всѣ искусные рабочіе. Они были завербованы двумя дамами, изъ которыхъ одна русская, госпожа Кулишева, а другая итальянка, госпожа Пецци. Кулишева очень образованная женщина. Она говоритъ на многихъ языкахъ и занимается науками. Проходила университетскій курсъ въ Пизѣ. Въ залѣ суда она острила. Когда раздавали обвинительный актъ, она сказала: «вотъ это хорошо, всегда раздаютъ афиши передъ представленіемъ». Она смѣло излагала свои коммунистическія теоріи. Пецци есть глава флорентійской секціи дамъ интернаціоналистокъ. Главный обвиняемый Натта, очень способный механикъ, развиваетъ программу той социалистической партіи, къ которой принадлежитъ. Онъ хочетъ анархіи, коллективизма, разрушенія юридической семьи и уничтоженія всѣхъ официальныхъ религій. Во всемъ этомъ тотчасъ можно узнать доктрины Бакунина.

Меня увѣряли, что въ Италіи повсюду социализмъ увлекаетъ рабочихъ и молодежь. Въ Неаполѣ студенты мнѣ говорили: «передовые у насъ почти болѣе не республиканцы. Зачѣмъ низвергать короля, болѣе преданнаго странѣ, чѣмъ лучшей президентъ? Но многіе изъ насъ социалисты.» Въ Болонѣ префектъ, маркизь Гравина, сказалъ мнѣ: «Я не думаю, что бы было болѣе пятисотъ человѣкъ рабочихъ, присоединившихся къ *интернаціонали*, но почти всѣ раздѣляютъ ея идеи». Въ рабочихъ обществахъ, которыя я посѣщалъ, мнѣ вездѣ повторяли: «Тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, живутъ въ изобиліи; мы же работаемъ и живемъ въ нищетѣ. Такъ не можетъ продолжаться.»

Первыя рабочія общества были основаны въ Италіи подъ вліяніемъ Мадзини. Онѣ относятся къ 1848 году. Въ 1863 году ихъ насчитывали 453, съ 111,608 членовъ, а въ 1875 году

болѣе 1,000, имѣвшихъ около 200,000 членовъ. Большинство между ними, болѣе 300, соединились для составленія «*братскаго союза рабочихъ обществъ*». Они имѣютъ распорядительный комитетъ, засѣдающій въ Римѣ. Тамъ, почти ежегодно, бываетъ съѣздъ. Мадзини послѣ выхода изъ *интернаціонали* относился къ ней все болѣе и болѣе враждебно, по мѣрѣ того какъ она все болѣе поддавалась вліянію Бакунина. Онъ упрекалъ ее, во первыхъ, за отрицаніе Бога, единственной основы права, во имя котораго рабочіе могутъ требовать справедливости; во вторыхъ, за уничтоженіе отечества, которое есть существенная форма братства человѣчества, и наконецъ въ третьихъ, за уничтоженіе собственности, которая есть единственный мотивъ, заставляющій людей производить то, что превышаетъ ихъ непосредственныя нужды, и слѣдовательно, единственный агентъ экономическаго прогресса. Онъ не отвергалъ соціальныхъ реформъ, а, по его словамъ, отыскивалъ систему, обезпечивающую соединеніе капитала съ трудомъ и способную преобразовать собственность, не уничтожая ея, но онъ чувствовалъ отвращеніе къ коммунизму. Онъ съ негодованіемъ относился къ парижской коммунѣ, какъ и въ 1848 году онъ проклиналъ Іюньскіе дни. «Анархисты» грубо упрекали его, за это, а Бакунинъ взялся покарать его въ своей брошюрѣ озаглавленной: *La théologie politique de Mazzini et Internationale*. (1871 года, безъ указанія типографіи и мѣста напечатанія).

Мадзини не былъ экономистомъ. Онъ ожидалъ спасенія отъ морализующихъ вліяній республиканскихъ учреждений. Его ученики унаслѣдовали его ненависть къ *интернаціонали*. Одинъ изъ нихъ, занимавшій болѣе видное положеніе въ республиканской партіи, Альберто Маріо, не упускалъ случая неистово нападать на интернаціоналистовъ, называя ихъ поджигателями и убійцами. Недавно республиканскій клубъ д'Оссимо заявлялъ, чтобъ его не считали соціалистическимъ, потому что онъ мадзинистъ. Соціалистическій миланскій журналъ, *la Plebe* воскликнулъ по этому поводу: «можно ли послѣ этого говорить, что мадзинисты не реакціонеры». Гарибальди менѣе держался

республики, но болѣе склонялся къ социализму, не приставаая ни къ какой частной системѣ. Онъ сожалѣлъ о паденіи коммуны. Въ письмѣ, напечатанномъ въ *Gazzettina rosa*, въ 1873 году, онъ говоритъ: «Паденіе парижской коммуны есть несчастіе для человѣчества, потому что оно оставляетъ намъ бремя содержанія постоянной арміи, которою будетъ пользоваться каждая партія желающая господствовать... Я говорю съ гордостью: я интернационалистъ, и если бы учредился союзъ изъ демоновъ, чтобы бороться съ священниками и деспотизмомъ, то я бы вступилъ въ его ряды». Послѣ смерти Мадзини, мадзинисты и гарибальдійцы соединились для основанія обширной ассоціаціи, долженствующей соединить всѣхъ демократовъ полуострова. Они приняли названіе *i franchi cafoni*. Газета ихъ была *Spartacus*. Этотъ великій проэктъ не могъ осуществиться и *cafoni* обратились почти всѣ къ социализму.

Бакунинъ внесъ *интернаціональ* въ Италію. Въ 1865 году онъ организовалъ тамъ группу очень дѣятельныхъ социалистовъ, которые издавали газету *Liberta e Giustizia*. Они образовали неаполитанскую секцію *интернаціонали*, первую въ Италіи. Въ 1867 году секція учредилась въ Генуѣ и Миланѣ. «Сыны труда» въ Катанѣ присоединились къ ней въ 1868 году. Въ 1869 году была основана въ Неаполѣ центральная секція; она сдѣлала воззваніе къ другимъ секціямъ объ учрежденіи національной федераціи; но полиція начала противъ нихъ преслѣдованія. Въ 1870 и 1871 годахъ учредились многочисленныя секціи въ Романьи и соединились подъ именемъ *Fascio operaio*. 12 марта 1872 года они имѣли съѣздъ въ Болоньѣ, гдѣ были представители отъ тринадцати городовъ. 6 августа делегаты *Fascio operaio* собрались снова въ Римини, чтобы объявить, «передъ рабочими всего міра,» что итальянская федерація прекратила всякія сношенія съ общимъ совѣтомъ *интернаціонали*. Итальянскіе социалисты отдѣлились окончательно отъ Маркса и высказались за Бакунина, который и дѣйствительно былъ ихъ мессіей.

Съ тѣхъ поръ какъ *интернаціональ* перестала существовать, этимъ словомъ продолжали называть социалистическія ассоціа-

ціи, и сами себя они называютъ *секціи итальянской федераціи интернаціональнаго союза рабочихъ*. Число ихъ не переставало расти въ Италіи. Можно утверждать, что они существуютъ во всѣхъ городахъ. Въ послѣднее время, во избѣжаніе строгостей полиціи, они приняли названіе «Кружка для занятій социальными науками». Отъ времени до времени они печатаютъ манифесты и собираютъ по временамъ областныя сѣзды. Ведутъ дѣятельную пропаганду. Хотя итальянская конституція не провозгласила свободы ассоціацій на ряду съ другими необходимыми видами свободы, однако пользованіе этимъ правомъ вошло въ нравы, и признано на практикѣ какъ гарантированное конституціей. Чтобы подвергнуть преслѣдованію ассоціаціи, названныя интернаціональными, правительственныя юристы должны были разсматривать ихъ какъ ассоціаціи злонамѣренныхъ людей, замышляющихъ преступленія противъ общаго права, т.-е. убійство и воровство *). На этомъ основаніи ихъ закрываютъ и привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности ихъ членовъ. Въ 1874 году были арестованы всѣ провинціальныя комиссіи, всѣ секціи были закрыты и были секвестрованы книги и бумаги. Но часто присяжные оправдывали обвиняемыхъ. Эти преслѣдованія послужили только къ тому, что ассоціаціи преобразова-

*) 14 августа 1871 года по министерскому распоряженію была закрыта неапольская секція, на томъ основаніи, что „интернаціональное общество рабочихъ, по своимъ принципамъ и дѣйствіямъ, составляетъ постоянное колебаніе законовъ и основныхъ учрежденій націи и угрожаетъ общественному порядку, который правительство должно поддерживать“. Высшіе суды приняли такое толкованіе существующихъ законовъ. Недавно еще кассационный судъ во Флоренціи, въ приговорѣ 5 февраля 1879 года, постановилъ: „каждаго индивидуума, принадлежащаго къ ассоціаціи интернаціоналистовъ можно присудить къ выговору, такъ какъ эти ассоціаціи могутъ быть признаны состоящими изъ злонамѣренныхъ людей, и слѣдовательно ихъ члены могутъ быть подозрѣваемы въ приготовленіи къ покушеніямъ на жизнь и собственность лицъ“. Для исторіи *интернаціонали* въ Италіи, кромѣ уже цитированнаго сочиненія Рудольфа Мейера, можно просмотрѣть *Еженіо-Форни, Internazionale e lo Stato; Туллио Мартелло, Storia dell'Internazionale e lo Stato, и Jahrbuch der Socialwissenschaft, Людвигъ Рихтера, 1879.*

лись въ тайныя общества, что значительно увеличило ихъ престижъ, ихъ вліяніе и популярность, потому что тайныя общества болѣе соотвѣтствуютъ страсти къ заговорамъ, укоренившейся въ этой странѣ.

Въ письмѣ изъ Локарно, отъ 5 апрѣля 1872 года, къ Франческо Мора въ Мадридъ, Бакунинъ описывалъ социалистическое движеніе въ Италіи такимъ образомъ: «Вы конечно знаете, что въ Италіи въ это послѣднее время *интернаціональ* и нашъ дорогой *союз* стали сильно развиваться. До сихъ поръ ощущался недостатокъ не въ инстинктахъ, а въ организаціи и идеѣ. То и другое теперь развивается, такъ что Италія, послѣ Испаніи, есть можетъ быть самая революціонная страна. Въ Италіи есть то, чего недостаетъ въ другихъ мѣстахъ: пылкая, энергичная молодежь, безъ карьеры, безъ исхода, которая, не смотря на свое буржуазное происхожденіе, не испорчена ни морально, ни интеллектуально, какъ въ другихъ странахъ. Въ настоящее время она бросается очертя голову въ революціонный социализмъ по нашей программѣ, по программѣ *союза*. Мадзини, нашъ «геніальный» и могущественный соперникъ, умеръ. Партія мадзинистовъ совершенно разстроена, а Гарибальди все болѣе и болѣе увлекается той молодежью, которая носить его имя, но которая идетъ безконечно дальше чѣмъ онъ.»

Въ Италіи существуютъ революціонные элементы, какъ говоритъ Бакунинъ; но что дѣлаетъ тамъ революцію почти невозможной, это отсутствіе революціонной столицы. Предусмотрительные американцы избираютъ главными городами штатовъ маленькіе города. Французскіе республиканцы, менѣе предусмотрительные, снова перевели свои палаты въ Парижъ, что составляетъ огромную ошибку. Маларія, дѣлающая Римъ необитаемымъ въ теченіи одного времени года, предохранить его еще на долгое время отъ опасности сдѣлаться мѣстопребываніемъ новой коммуны.

Социалистическія газеты размножились въ Италіи, благодаря неограниченной свободѣ прессы. Но онѣ имѣли очень кратко-временное существованіе за недостаткомъ подписчиковъ: онѣ

умирали, поглотивъ небольшіе фонды, составленные восторженной группой. Миланская Plebe составляетъ исключеніе: она существуетъ уже пятнадцать лѣтъ. Одинъ молодой и ученый профессоръ Палермскаго университета, Кузумано, составилъ списокъ «красныхъ» газетъ, которыя появлялись и исчезали. Ихъ было болѣе 80. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ очень характеристичныя названія: Напримѣръ Il Communardo, въ Фано; Satana, Ateo и il Lardo (воръ) въ Ливорно, La Canaglia, въ Павіи; Il Lucifero, въ Анконѣ; Spartaco и La Campana, въ Неаполѣ, L'eguaglianza, и Giustizia въ Джирдженти; Il Petrolio въ Феррарѣ; Il Povero, въ Палермо; L'Anticristo въ Миланѣ, Il Proletario въ Туринѣ.

Я заимствую у Рудольфа Мейера нѣкоторыя выдержки изъ газетъ, показывающія тенденціи крайняго социализма. Во первыхъ, объявляется война всякой религіозной идеѣ. Нѣтъ болѣе вѣры въ сверхъ естественное и повиновенія ему, говоритъ Almanaco repubblicano, только при этомъ условіи матеріалистическая демократія можетъ создать новое общество».—Нѣтъ болѣе отечества и націи; ничего нѣтъ кромѣ коммуны и человѣчества. Отечество, говоритъ Campana, есть абстрактная и пустая идея, во имя которой короли побуждаютъ народъ убивать другъ друга... Отечество есть *физиологическій фактъ*, и его представляетъ домъ, въ которомъ ты живешь, община, въ которой ты работаешь. Выше этого есть только клубъ, въ которомъ царствуютъ одни и тѣ же принципы и существуетъ солидарность одинаковыхъ нуждъ. Говоря о космополитической идеѣ, La Plebe возмущается движеніемъ *Italia irredenta*: «какъ, говоритъ она, вы хотите воевать съ Австріей, чтобы отнять у нея часть Тироля и Триестъ, но посмотрите же на нашу *terre redente*, на нашу освобожденную территорію: въ ней умираютъ отъ проказы и голода». Нѣтъ болѣе правительства и властей; анархія—такова конечная цѣль. «Новая эра, говоритъ Campana, дастъ свободный ходъ всѣмъ человѣческимъ стремленіямъ. Всякая власть человѣческая или божественная должна исчезнуть».

А вотъ нѣсколько выдержекъ изъ социалистическихъ манифестовъ. Въ манифестѣ интернаціоналистовъ изъ Апуліи (въ

августъ 1878 года), мы читаемъ: «цѣль, къ которой нужно стремиться, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить людямъ ихъ счастье на сколько возможно полнѣе посредствомъ полного развитія всѣхъ ихъ способностей. Женщина должна быть подругой мужчины, а не рабой или орудіемъ удовольствія. Любовь должна быть свободна и освобождена отъ законовъ и требниковъ. Каждый долженъ получить полное образованіе, чтобы выбрать себѣ занятіе сообразно своему призванію. Свободная федерація индивидуумовъ, группъ, ассоціацій и общинъ составляетъ конференцію человѣческаго рода. Революція не есть заговоръ, который стремится въ одинъ день измѣнить все общество. Это постоянная борьба, матеріальная, моральная и интеллектуальная, противъ нынѣшней организаціи, чтобы замѣнить ее свободной ассоціаціей». 6 мая 1877 года, дамы интернационалистки женскихъ секцій изъ Романьи и Неаполя обратились съ манифестомъ ко всѣмъ работницамъ полуострова: «такъ какъ наша рабочая плата недостаточна, говорятъ онѣ, то наше существованіе зависитъ отъ мужчинъ. Эмансипація женщины есть въ сущности эмансипація рабочаго. И рабочій и женщина суть жертвы капитала. Нынѣшнее общество говоритъ намъ: «Продайся, или умирай съ голоду». Будущее общество скажетъ намъ: «живи, трудись, люби.»—Клубъ для изученія соціальныхъ наукъ въ Римѣ напечаталъ свою программу (въ іюлѣ 1878 г.). Принципы ея слѣдующія: 1) уничтоженіе всякой привилегіи; 2) производительный трудъ—единственный источникъ законнаго богатства; 3) орудія труда составляютъ собственность рабочихъ; 4) эмансипація и возстановленіе индивидуальнаго и коллективнаго чело­вѣка».—Въ іюнѣ 1878 года интернациональная федерація въ Римини издала манифестъ, въ которомъ говорится: «Нѣтъ болѣе привилегированной собственности, а долженъ быть коллективизмъ, т.-е. общинное владѣніе землей и всѣми орудіями труда. Нѣтъ болѣе хозяевъ, ростовщиковъ, воровъ; трудъ, хлѣбъ, богатство, образованіе, справедливость, свобода для всѣхъ. Земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ, машина тому, кто ею работаетъ, домъ тому, кто въ немъ живетъ».

Это неосмысленное смѣшеніе коммунизма и индивидуализма.— Программа социалистическаго клуба въ Піаченцѣ (въ апрѣлѣ 1878 года) гласитъ: «Земля и все орудія труда должны сдѣлаться коллективной собственностью цѣлаго общества, для того чтобы ихъ утилизировали земледѣльческія и промышленныя ассоціаціи: гдѣ начинается наука, тамъ исчезаетъ вѣра. Каждый имѣетъ право на необходимое. Никто не имѣетъ права на излишнее. Нѣтъ правъ безъ обязанностей, нѣтъ обязанностей безъ правъ». Въ манифестѣ интернаціоналистовъ въ Монтенеро, Антиньяни, Арденца и Санъ-Жакопо теорія анархизма формулирована ясно: «Государство есть отрицаніе свободы; потому что кто бы ни начальствовалъ, но все ему служить. Власть ничего не создала, а все портитъ. Всякое государство, даже демократическое, есть орудіе деспотизма. Лучшее правительство есть то, которому удастся сдѣлаться бесполезнымъ. Измѣненіе политическаго режима ни къ чему не послужитъ. Человѣкъ, имѣющій занозу въ ногѣ, думаетъ облегчить себя, перемѣнивъ сапоги; но онъ продолжаетъ страдать попрежнему. Нужно вынуть занозу. Свободный человѣкъ въ свободной общинѣ; и въ человѣчествѣ ничего кромѣ федераціи общинъ, вотъ будущее».

Между итальянскими социалистами, какъ и повсюду въ настоящее время въ Европѣ, существуютъ два отгѣнка: «коллективисты авторитативные», которые требуютъ вмѣшательства государства, и «анархисты революціонеры», желающіе уничтоженія государства, и всякой власти. Я заимствую изъ *Histoire du socialisme* Малона два извлеченія, которыя могутъ дать намъ понятіе объ этихъ двухъ отгѣнкахъ. Вотъ прежде всего принципы коллективистовъ, напечатанные сначала въ *Povero* и затѣмъ перепечатанные въ *Plebe* въ Миланѣ (1877 г.):

- 1) Коллективная собственность земли и орудій труда;
- 2) Замѣна семьею равною и свободною семьи безнравственной и угнетающей, которая дѣлаетъ изъ женщины и ребенка рабовъ мужа и отца;
- 3) Замѣна нынѣшняго государства социальнымъ организмомъ

основаннымъ на полнѣйшей автономіи группъ и федеральныхъ общинъ, съ цѣлью организаціи общественной службы, полной обработки земли, украшенія земнаго шара и общаго счастья;

4) Равенство гражданское, политическое и экономическое, для всѣхъ человѣческихъ существъ, безъ различія пола, цвѣта расы и національности;

5) Гарантія индивидуальной независимости достигаемая тѣмъ, что каждому производителю достается добавочная цѣнность, получаемая отъ его труда примѣненнаго къ какому-нибудь веществу;

6) Гарантія того, что каждый членъ общества получить на коллективныя средства полное и профессиональное образованіе, соответствующее суммѣ познаній его времени.

Въ программѣ *Федерации Мархін и Умбрін* такъ опредѣляется цѣль преслѣдуемая «анархистами»:

«Принимая во вниманіе, что эмансипація рабочаго должна быть дѣломъ самаго рабочаго, что потому самому, что онъ не хочетъ быть управляемъ никакой вышею властью, рабочій по существу антиавторитативенъ и анархистъ; что эмансипація рабочаго имѣетъ цѣлью равенство правъ и обязанностей и уничтоженіе классовъ; что эта эмансипація невозможна при существующей организаціи государства и собственности,—уничтоженіе государства во всѣхъ его проявленіяхъ есть великая цѣль социальной революціи, которая стремится преобразовать общество, на основаніяхъ анархіи и коллективизма». Исключая идеи всеразрушенія, все остальное не ясно. Анархистъ Коста объясняетъ эту программу въ письмѣ своемъ въ *Egalité* въ Парижѣ (1878 года): «Что касается доктринъ, то мы можемъ сказать, что имѣемъ ихъ очень не много. Мы анархисты, вотъ и все. Мы желаемъ, чтобы каждому были даны возможность заявлять о своихъ нуждахъ и средства для ихъ удовлетворенія, однимъ словомъ *чтобы каждый могъ дѣлать то, что хочетъ*». И дѣйствительно, ничто такъ не желательно какъ всеобщая свобода; но какимъ образомъ осуществить ее? Все уничтожить,— вотъ единственное практическое заключеніе.

Эти выдержки достаточны, чтобы показать, что программа воинствующаго социализма въ Италіи въ сущности ничто иное, какъ программа Бакунина. Тоже и въ Испаніи.

§ 4.

Исторія *интернаціонали* въ Испаніи сколько трагична, столь же и поучительна. Хотя въ этой странѣ мало рабочихъ, работающихъ въ крупной промышленности, но тѣмъ не менѣе *союзъ* одержалъ тамъ быстрыя побѣды. Одно время, вслѣдствіе успѣшныхъ возстаній, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ много городовъ; но вскорѣ онъ самъ палъ среди безпорядковъ и анархіи, имъ же созданной. До 1867 года рабочее движеніе, направляемое газетой *Obrero*, не имѣло ничего революціоннаго; основались общества взаимной помощи, сбереженія и производства. Послѣ ниспроверженія трона Изабеллы, *интернаціональ* послала въ Испанію делегатовъ, которые были очень хорошо приняты. 21 октября 1868 года, общій совѣтъ обратился съ манифестомъ къ испанскимъ рабочимъ, чтобы побудить ихъ требовать социальныхъ реформъ. «Безъ экономическаго равенства, говорилось въ немъ, политическая свобода, которую вамъ предлагаютъ, есть только приманка. Даже республика, безъ ниспроверженія нынѣшнихъ гражданскихъ учреждений, не послужила-бы вамъ ни къ чему. Слѣдуетъ стремиться къ социальной революціи». На первомъ съѣздѣ *интернаціонали* въ Брюсселѣ, появился испанскій делегатъ, Сарро Магалланъ, изъ Барцелоны. 2 марта 1867 года въ этомъ большомъ промышленномъ городѣ основалась первая секція и начала выходить газета, *La Federacion*. Вскорѣ была учреждена центральная секція въ Мадридѣ. Главными вожаками были Мораго и Франческо Мора. Они также издавали газету, *La Solidaridad*. Полиція начала преслѣдованія. Но тѣмъ не менѣе число секцій быстро увеличилось; въ концѣ 1869 года, ихъ насчитывали 195, болѣе чѣмъ съ 20,000 членовъ *).

*) Въ бытность мою въ Испаніи въ 1869 году я присутствовалъ на нѣсколькихъ засѣданіяхъ этихъ социалистическихъ клубовъ. Они обыкновенно

дѣятельная секція, въ Пальмѣ, на островѣ Маіоркѣ, которая имѣла также свой органъ, *La Justicia sociale*. Земледѣльцы рабочіе принимали участіе въ движеніи и группировались особенно въ Андалузіи, гдѣ латифундіи мѣшали земледѣльцамъ сдѣлаться владѣльцами земель, и они принуждены были довольствоваться недостаточной рабочей платой.

Въ февралѣ 1873 года министр Сагаста, испуганный столь быстрымъ успѣхомъ ассоціаціи, разослалъ циркуляръ къ губернаторамъ провинцій объ искорененіи ея во чтобы то ни стало, и онъ даже обратился къ иностраннымъ правительствамъ, чтобы организовать противъ этой ассоціаціи европейскій крестовый походъ. Вожаки *интернационали* принуждены были искать убѣжища въ Португаліи. Въ то же время въ социалистической партіи произошло раздѣленіе. Приверженцы *союза* Бакунина хотѣли управлять движеніемъ. Они основали газету въ Мадридѣ, *El Condénado*, программа которой резюмируется тремя словами: атеизмъ, анархія и коллективизмъ.

Послѣ разрыва въ Гагѣ между Марксомъ и Бакунинымъ большинство испанскихъ интернаціоналовъ объявили себя за послѣдняго. Областной съѣздъ былъ созванъ въ Кордовѣ, въ декабрѣ 1872 года, и на немъ образовалась независимая федерація, которая выпустила манифестъ къ братьямъ всего міра, призывая ихъ на помощь. Онъ заканчивался такъ: «Да здравствуетъ социальная ликвидація! Да здравствуетъ *интернаціональ*! Спасеніе и солидарность, анархія и коллективизмъ». Партизаны Маркса, Лафаргъ, его зять, и Фарга, основали въ Мадридѣ *новую мадридскую федерацію*, къ которой они пытались снова присоединить свои отряды, поколебленные проклятіями и взаимными обвиненіями обѣихъ враждующихъ партій. Но въ то

помѣщались въ церквахъ отнятыхъ у богослуженія. Съ высоты кафедр ораторы нападали на все, что прежде превозносилось съ нею: на Бога, религію, священниковъ, богачей. Рѣчи были горячи какъ раскаленное до бѣла желѣзо, слушатели же оставались спокойными. Многія женщины сидѣли на землѣ, работая, кормя грудныхъ дѣтей и со вниманіемъ слушая, какъ будто церковную проповѣдь. Это была картина въ духѣ 93 года.

время какъ марксисты хотѣли оставаться на почвѣ экономической, бакунисты соединились съ радикалами буржуа, чтобы низвергнуть новаго короля Амедея и учредить республику. Послѣ возмущенія, подавленнаго въ декабрѣ 1872 года въ Мадридѣ, Емансипаціон марксистовъ обсуждала это возстаніе такимъ образомъ: «Мы знаемъ достаточно личный составъ республиканской партіи, чтобы сказать, что это движеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ революціонныхъ попытокъ, посредствомъ которыхъ высшіе элементы буржуазіи стараются обдѣлывать свои дѣлишки, и которыя стоятъ рабочимъ столько крови, но не приносятъ имъ никакой пользы. Мы можемъ повторять только одно нашимъ друзьямъ: эмансипація рабочихъ не можетъ совершиться иначе, какъ самими же рабочими. Всякая революція руководимая буржуазіей можетъ быть полезна только буржуазіи». Эти совѣты не были приняты. Послѣ отреченія короля Амедея, состоявшагося 10 февраля 1873 года, партія анархистовъ убѣдила рабочихъ присоединиться къ радикаламъ, чтобы приготовить новую революцію.

Докладъ испанскаго делегата, Гарсія Винаса, женеvскому съѣзду въ сентябрѣ 1873 года знакомитъ насъ съ положеніемъ *интернаціонали* за то время. Она насчитывала 270 областныхъ федерацій, состоящихъ изъ 537 ремесленныхъ секцій и 117 секцій различныхъ рабочихъ: всего 674, съ 300,000 членами. Она имѣла слѣдующія газеты: *La Solidaridad* и *La Federacion* въ Барцелонѣ; *El Orden* въ Кордовѣ; *El Obrero* въ Гренадѣ; *la International* въ Малагѣ; *El Condenado*, *Los Decamisados* и *El Petroleo* въ Мадридѣ, и *La Rivista Social* въ Грація. — Всѣ онѣ защищали программу Бакунина, анархію или коммунализмъ, т.-е. абсолютную независимость каждой общины. Нападенія на религію отличались неслыханною рѣзкостью. Большинство говорило о повтореніи парижскаго разгрома и пожара, какъ это видно изъ заключенія одной статьи въ *Petroleo*: «А если сила помѣшаетъ намъ достигнуть нашей цѣли, т.-е. возсѣдать въ свою очередь на жизненномъ пирѣ, тогда явится мститель, котораго бояться привилегированные, т.-е. керосинъ, и явится

не только для того, чтобы совершить дѣло разрушенія, но и для того, чтобы совершить актъ святаго и высшаго правосудія. Уравниваніе, въ случаѣ нужды даже топоромъ или огнемъ, вотъ чего требуетъ достоинство пролетарія, столь долго попиравшееся ногами».

Въ Андалузїи, Эстрамадурѣ и въ провинціи Бадахось крестьяне производили раздѣлъ земель. Начались кантоналистскія возстанія. Это были подражанія парижской коммунѣ. Съ 13-го февраля 1873 года въ Барселонѣ тридцать тысячъ рабочихъ собрались, провозгласили федеральную республику, и обязательно установили продолжительность рабочаго дня и размѣры рабочей платы. 8-го марта вспыхнуло возстаніе въ Малагѣ: гарнизонъ далъ себя обезоружить; казармы были подожжены. Между тѣмъ старые республиканцы управляли испанской республикой. Кастильяръ, Сунеръ, Пи и Маргаль и Сальмеронъ составляли правительство, но ихъ считали измѣнниками. 7-го іюля была устроена общая стачка въ промышленномъ городѣ Алькой. Дѣло дошло до насилій. Алькадь и нѣсколько жандармовъ защищаются въ продолженіи двухъ дней въ зданіи муниципалитета. Инсургенты берутъ священниковъ и фабрикантовъ какъ заложниковъ. Алькадь и жандармы, сдавшіеся въ плѣнъ, убиты толпой, и шесть зданій были преданы пламени.

27-го іюля вспыхнуло большое возстаніе въ Карфагенѣ. Матросы и морскіе солдаты братаются съ социалистами. Броненосныя суда отдаются въ ихъ руки. Генераль Контрерасъ становится во главѣ ихъ и бомбардируетъ городъ Альмерию. Онъ вѣроятно завладѣлъ бы и другими морскими портами, еслибы не вмѣшались иностранныя флоты. 20-го іюля кантоналисты, съ которыми побратались жандармерія и войска, сдѣлались хозяевами провинціи Кастильонъ. Комитетъ общественнаго спасенія царствуетъ въ Севильѣ. Продолжительность рабочаго дня ограничивается восемью часами. Отношенія между хозяевами и рабочими должны быть установлены на основаніи «абсолютной свободы». Чтобы приготовить «соціальную ликвидацію», всѣ наемныя платы уменьшены на половину, церковныя иму-

щества конфискованы, всё пенсіи уничтожены. Закрытыя фабрики и мастерскія, также какъ и земли не эксплуатируемыя, отданы тѣмъ, кто можетъ пустить ихъ въ дѣло. Въ Гренадѣ кантоналисты рѣшили, что нужно продать церкви, переплавить колокола на размѣнную монету, наложить тяжелый налогъ на богатыхъ. Въ Кармонѣ сраженіе на улицахъ продолжается цѣлый день. Кадиксъ, Мурсія, Санъ-Фернандо, Валенсія, Саламанка также присоединяются къ кантоналистскому движенію. Повидимому оно повсюду торжествуетъ. Но тѣ революціонеры, которые провозгласили анархію, сами должны были пасть черезъ нее. Посреди всеобщей дезорганизаціи, приказанія начальниковъ не исполнялись. Они не имѣли никакой дѣйствительной силы. Достаточно было для генерала Павіа собрать нѣсколько вѣрныхъ полковъ и повести ихъ въ атаку на города извнѣ, чтобы покорить въ короткое время всё возмущившіеся города. Въ Севильѣ анархисты защищались упорно, и чтобы во всемъ подражать своимъ парижскимъ братьямъ, они сожгли при помощи керосина оставленныя ими зданія. Чтобы взять Карфагенъ, очень сильную крѣпость, морской арсеналъ которой наполненъ былъ сильными средствами для защиты, нужно было вести правильную осаду, продолжавшуюся до января 1874 года. Последнимъ эпизодомъ драмы, въ теченіи этого мѣсяца, была кровавая битва на улицахъ Барцелоны, въ которой кантоналисты дрались съ отчаянной энергіей.

Движеніе окончилось, какъ обыкновенно, 18 брюмера. Побѣдитель кантоналистовъ, генералъ Павіа, вошелъ въ соглашеніе съ генераломъ Серрано. Онъ послалъ Сальмерону, президенту кортесовъ, записку, прося его распустить собраніе. Депутаты провозгласили Кастеляра диктаторомъ при взрывахъ неописаннаго энтузіазма. Они поклялись умереть на своихъ скамьяхъ. Вотъ входитъ въ залу рота солдатъ; раздаются звуки выстрѣловъ; происходитъ неописанное смятеніе. Спустя полчаса все было кончено: Серрано провозглашенъ диктаторомъ и вскорѣ король Альфонсъ взошелъ на престолъ своихъ предковъ. Этотъ

эпизодъ поучителенъ. Онъ еще разъ доказываетъ, что анархія всегда ведетъ къ государственному перевороту.

Интернаціональ проникла въ Португалію около 1872 года, и съ тѣхъ поръ тамъ насчитывалось довольно значительное число секцій и различныхъ органовъ, между прочимъ *Journal do trabalho*, *Tribuna* и *O Rebate* въ Лиссабонѣ, *Clamor do povo* и *O Protesto* въ Порто. Недавно (въ 1880 году), докторъ Антело Квенталь, кандидатъ социалистически-революціоннаго клуба 93, издалъ манифестъ, въ которомъ онъ принимаетъ коллективизмъ. Каждый годъ португальскіе социалисты собираются на съѣздъ. Ихъ программа «умѣренный анархизмъ» безъ угрозъ отнятія собственности, безъ убійствъ и керосина. Это менѣе вызывающее положеніе ихъ объясняется различными причинами. Португальцы менѣе насильственны чѣмъ испанцы, экономическое положеніе страны ихъ лучше и наконецъ большая свобода, которою они пользуются, предупредила взрывъ народной ярости, доведенной въ другихъ мѣстахъ до крайней степени политическимъ гнетомъ.

Изъ этого краткаго очерка исторіи *интернаціонали* слѣдуетъ, что социализмъ, если и былъ неожиданно побѣдителемъ, то не могъ извлечь пользы изъ своего временнаго торжества. Политическая революція сдѣлалась легкимъ дѣломъ; социальная эволюція неизбѣжна; но социальная революція невозможна, потому что въ одинъ день и насильственно нельзя измѣнить экономическихъ учрежденій обществъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что многія правительства дѣлаютъ именно то, что способно вызвать опасные перевороты. Дѣйствительно, съ одной стороны умножающіяся непрерывныя вооруженія и тягостные налоги раззоряютъ народонаселеніе и доводятъ его до отчаянія; съ другой стороны безжалостно подавляютъ всякое выраженіе его страданій и его желаній.

Социализмъ, организованный въ видѣ воинствующей партіи, какъ мы видѣли, существуетъ повсюду; но тогда какъ въ свободныхъ странахъ, напр. въ Англіи, Швейцаріи и Бельгіи, онъ организуетъ съѣзды и банкеты, на которыхъ ораторствуютъ,

поють, пьютъ и курятъ,—въ государствахъ, гдѣ его преслѣдуютъ съ жестокостью, онъ прибѣгаетъ къ кинжалу, поджогамъ, яду и динамиту.

Правительство, отказывающее въ свободѣ, имѣетъ противъ себя всѣхъ тѣхъ, которые ее требуютъ, начиная съ лучшихъ гражданъ до послѣднихъ злодѣевъ. Пусть государство дастъ свободу, и оно будетъ имѣть врагами только тѣхъ, которые заслуживаютъ каторги, т. е. къ счастью только еще весьма немногихъ.

Разумные революціонеры очень хорошо понимаютъ, что гнетъ даетъ имъ оружіе. Вотъ что говоритъ по этому поводу гражданинъ Бруссъ, авторъ статьи въ газетѣ *Avant-Garde*, осужденной въ Женевѣ въ 1878 году. «Такъ какъ наша цѣль есть разрушеніе государства, то мы не должны желать республики, которая дастъ государству ту прочную основу, какую оно имѣетъ въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Самая выгодная для насъ форма правленія есть та, которую мы легче можемъ уничтожить, т. е. реставрація легитимизма. Мы утверждаемъ, основываясь на результатѣ социологической науки, что консервативное республиканское государство, которое учреждается во Франціи на развалинахъ радикализма, будучи послѣднимъ прогрессомъ государства, наноситъ великій вредъ европейскому пролетаріату, такъ какъ оно содѣйствуетъ неразрывному союзу всѣхъ элементовъ буржуазіи. Напротивъ, возвращеніе къ старому режиму, произвело бы постоянные раздоры среди буржуазіи, и вызвало бы внутреннюю борьбу, что открыло бы къ нашей выгодѣ эру революцій» *). Это совершенно справедливо. Самъ по себѣ социализмъ не опасенъ; но предположите политическую революцію или большія пораженія во внѣшней войнѣ, и анархисты снова воспользуются ослабленіемъ власти.

Если государи хотятъ обезоружить социализмъ, то они не достигнутъ этого ни исключительными законами, какъ въ Германіи, ни казнями, заключеніями и ссылками. Но пусть они

*) Etat à Versailles et dans l'Association des travailleurs, *Брусса*, Лондонъ, 1873 г., безъ имени издателя.

положить конецъ этому возмутительному антагонизму государства противъ государства, который есть бичъ нашего времени; пусть они сократятъ арміи, уменьшатъ налоги и тогда пускай безъ боязни предоставятъ свободу осчастливленнымъ народамъ. Утопія не исчезнетъ, потому что она древнѣе Платона, и общество будетъ продолжать преобразовываться, какъ оно это дѣлаетъ съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ; но утопія не будетъ болѣе мечтой о всемірномъ разрушеніи, и преобразованія будутъ мирными.

ГЛАВА V.

Отношенія политической экономіи къ морали, праву, политикѣ и исторіи.

Юристы, и ихъ главный органъ въ прессѣ, горячо нападали на проектъ введенія преподаванія политической экономіи на юридическихъ факультетахъ и на обязательное изученіе этой науки студентами, предназначающими себя на судебныя должности. Политическая экономія, говорятъ, не есть наука; это есть собраніе мнѣній, часто противорѣчивыхъ, изъ которыхъ ни одно недоступно строгому доказательству: кратко сказать, она есть скучный родъ литературы. Зачѣмъ навязывать изучающимъ право науку, которая не имѣетъ никакого отношенія къ *Institutes* или къ гражданскому кодексу, и которая слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не будетъ имъ полезна въ ихъ дѣятельности? Эти возраженія были повторены даже въ собраніи въ Версали, гдѣ они вызвали короткій, но краснорѣчивый и рѣшительный отвѣтъ со стороны Леонса де Лаверня.

Съ тѣхъ поръ политическая экономія была включена въ число предметовъ изученія на юридическихъ факультетахъ. Но юристы, какъ меня увѣряютъ, не сдѣлали хорошаго приѣма навязанному имъ предмету. Многія кафедры политической экономіи остаются незанятыми; другія замѣщены временно, конечно очень учеными профессорами, но мало занимавшимися политической экономіей. Было бы необходимо заняться этимъ вопро-

сомъ, который имѣеть гораздо большее значеніе, чѣмъ это думаютъ. Дѣйствительно, мнѣ кажется, я могу доказать, что послѣднія несчастія Франціи, и важный кризисъ, который она недавно перенесла, произошли прежде всего отъ невѣжества по части политической экономіи.

Начало нынѣшняго положенія восходитъ къ 1848 году. Февральская революція, вспыхнувшая какъ результатъ требованія политическихъ правъ, приняла скоро характеръ социальной революціи. Со времени Сенъ-Симонистскаго движенія въ 1830 году идея кореннаго преобразованія общества мало по малу распространялась между парижскими рабочими и рабочими большихъ городовъ. Эти стремленія были не ясны, но пламенны; они имѣли цѣлью, ни больше, ни меньше какъ новую организацію труда, которая устранила бы трудъ по найму. Исключая нѣсколькихъ экономистовъ, какъ на примѣръ Бланки, Бюретта и Воловскаго, государственные люди, финансисты и правящіе классы и не подозрѣвали глухого броженія овладѣвающейаго духомъ народа. Поэтому удивленіе, а вскорѣ и ужасъ были очень велики, когда на сценѣ появился социализмъ, вооруженный всеобщей подачей голосовъ и требующій отмѣны урочной работы, ограниченія часовъ работы, организаціи кооперативныхъ обществъ и права на трудъ, и посылающій въ палату подавляющимъ большинствомъ знаменитыхъ представителей всѣхъ своихъ отѣнковъ: Луи Блана, Прудона, Пьера Леру, Консидерана, Кабе. Затѣмъ изъ городовъ онъ проникъ въ деревни, и испуганному воображенію уже казалось, что онъ скоро завладѣетъ властью. Знаменитые члены института Тьеръ, Пасси, Тролонъ и небольшая, но неустрашимая фаланга экономистовъ: Мишель Шевалье, Бастіа, Молинару, Леонъ Фоше, бросились на брешь, главнымъ образомъ въ *Revue des Deux Mondes*, чтобы отражать своими аргументами нападенія реформаторовъ.

Къ несчастію, между народомъ и буржуазіей было глубокое взаимное непониманіе и обѣ стороны обнаруживали одинаковое невѣжество. Рабочіе воображали, что достаточно нѣсколькихъ декретовъ для существеннаго и полнаго преобразованія социаль-

наго порядка и установленія равенства. Люди зажиточные, обезумѣвшіе отъ ужаса, думали, что социалисты, захвативши въ свои руки власть, приступятъ къ всеобщему отнятію собственности и раздѣлу имущества. Если бы экономическія знанія были болѣе распространены, то рабочіе съ одной стороны знали бы то, что они теперь начинаютъ понимать, а именно, что пере-мѣны въ социальномъ порядкѣ могутъ совершаться только по-степенно, и что даже самая абсолютная, самая безжалостная диктатура, хотя бы она разрушила до основанія всѣ прежнія учрежденія и всѣ прибрѣтенныя права, не могла бы вдругъ превратить рабочихъ по найму въ кооперативныхъ собственни-ковъ или хозяевъ промышленности; но съ другой стороны и консерваторы увидѣли бы, что въ странѣ, гдѣ граждане, вла-дѣющіе большею или меньшею частью движимаго или недви-жимаго національнаго имущества, составляютъ большинство, соб-ственности не можетъ угрожать опасность даже при всеобщей подачѣ голосовъ. Но они захотѣли въ нѣсколько дней закрыть національныя мастерскія, и февральская революція, самая миро-любивая, наименѣе кровавая изъ всѣхъ пережитыхъ Франціей, привела къ ужаснымъ іюньскимъ днямъ. Смятеніе буржуазіи было невообразимо; она до того переполошилась, что стала на-конецъ искать защиты въ государственномъ переворотѣ, кото-рый былъ произведенъ не великимъ человѣкомъ, какъ въ 1799 году, а на этотъ разъ шайкою авантюристовъ.

Популярность имперіи создали экономическій прогрессъ, раз-вившійся въ это время вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ, развитіе кредита и промышленныхъ обществъ и толчокъ, дан-ный международной торговлѣ торговыми трактатами и прили-вомъ золота. Но матеріальное благосостояніе не могло заста-вить благородную націю, созрѣвшую для самоуправленія, забыть о свободѣ. Когда Наполеонъ III почувствовалъ, что почва усколь-заетъ подъ нимъ, онъ искалъ диверсіи во внѣшней войнѣ, ко-торая привела къ нашествію на Францію и къ ея раздробле-нію. Итакъ экономическія причины привели къ паденію рес-публики въ 1852 году и учрежденію имперіи, и онѣ же заста-

вили забыть на вѣкоторое время то, что этотъ режимъ имѣлъ въ себѣ пагубнаго для нравственности, интеллектуальной дѣятельности и опаснаго для внѣшней безопасности.

Когда часть высшихъ классовъ стремится свергнуть республику, то это потому, что она воображаетъ, будто единственно только деспотизмъ можетъ спасти ее отъ «соціальной опасности», которую въ настоящее время называютъ радикализмомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сущности ею руководятъ хотя и воображаемые, но очень реальные страхи. Воспоминанія о коммунѣ 1871 года производятъ въ настоящее время тоже дѣйствіе, какое производили въ 1852 году воспоминанія объ іюньскихъ дняхъ. Еслибы такъ называющіе себя консерваторы, желающіе уничтожить республиканскія учрежденія, имѣли болѣе ясныя познанія въ политикѣ и политической экономіи, то они увидали бы, что единственно только возстановленіе деспотическаго режима могло бы вызвать потрясеніе общества и возобновленіе ужасовъ коммуны.

Конечно, когда собственность въ опасности, то свобода всегда приносится въ жертву, какъ это доказываетъ исторія древней Греціи. Причина проста: чтобы жить свободно, нужно же вообще жить, а въ нашихъ промышленныхъ обществахъ анархія ведетъ къ деспотизму скорѣе чѣмъ въ прежнія времена, потому что раздѣленіе труда и многократность обмѣновъ необходимо требуютъ еще большей безопасности. Но во-первыхъ социализмъ, чрезвычайно опасный въ Германіи и въ Англіи, совершенно исчезъ во Франціи, такъ что тамъ даже не осмѣливаются произносить его имя какъ пугало, и сами рабочіе въ настоящее время понимаютъ всѣ трудности экономическаго преобразованія. Во-вторыхъ, если бы эта опасность существовала, то никакая другая форма правленія, кромѣ республики, не могла бы защитить отъ этой опасности, потому что въ республикѣ для защиты существующаго порядка, кромѣ обыкновенныхъ солдатъ, существуютъ еще консерваторы, всѣ партизаны демократіи, которые при монархіи обыкновенно бываютъ въ оппозиціи.

Народное правительство необходимо будетъ гораздо сильнѣе,

чѣмъ правительство автократическое или олигархическое. При первомъ, всѣ находятся на мѣстѣ, и потому ему угрожаютъ только люди негодные, безумцы и злодѣи. При второмъ, такъ какъ въ немъ участвуютъ только привилегированные, вся остальная нація, желающая проникнуть въ него, ведетъ противъ него осаду, и въ день приступа мошенники бросаются впередъ вмѣстѣ съ честными людьми и вскорѣ овладѣваютъ властью. Это неперемѣнно и случится, если установится деспотизмъ среди народа, который не можетъ его переносить.

Максимъ дю-Канъ, кончая послѣдній изъ томовъ, посвященныхъ имъ описанію Парижа, бросаетъ грустный взглядъ на великій и прекрасный городъ, который еще разъ, по его мнѣнію, будетъ преданъ пламени и разрушенію. И дѣйствительно это было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ паденія третьей имперіи. Она не могла бы существовать иначе, какъ подавляя самую интеллигентную, самую трудолюбивую, самую живучую часть націи, и опираясь на духовенство, дворянство и армію. Мы снова увидали бы повтореніе борьбы, приведшей къ низверженію Карла X, Луи-Филиппа и Наполеона III. Клерикальной имперіи грозила бы еще большая опасность, нежели предшествующимъ режимамъ, потому что кромѣ внутреннихъ многочисленныхъ и горячихъ противниковъ, для обузданія которыхъ потребовалось бы больше насилій и противозаконностей, она и извнѣ вызвала бы враждебность цѣлой Европы, которую тревожатъ возрастающія притязанія ультрамонтанизма. Пользуясь такой общей оппозиціей, анархической социализмъ пріобрѣлъ бы силу, и въ тотъ моментъ, когда тронъ рушился бы ударами иностранцевъ или подъ ударами гражданъ, нашлись бы чудовища, готовые повторить жестокости 1871 г. Чтобы положить конецъ этому ходу связанныхъ между собою революцій и реакцій, достаточно было бы того, чтобы экономическія знанія, распространенныя повсюду, дали людямъ возможность видѣть вещи такими, какъ онѣ есть, — что съ одной стороны разогнало бы напрасные страхи, съ другой разрушило бы иллюзіи и утопіи. Нужно не много знанія, чтобы убѣдиться въ томъ, что красный

призракъ и ссылки на радикализмъ суть только приманки, употребляемыя клеветами деспотизма, чтобы привлечь на свою сторону глупцовъ и трусовъ.

Политическая экономія въ особенности необходима для адвокатовъ и юристовъ. Большая часть и при томъ самыхъ важныхъ законовъ относится къ экономическимъ вопросамъ, каковы напр. налоги, финансы, таможи, торговые договоры, желѣзныя дороги и морское дѣло. А при представительномъ режимѣ, граждане сами управляютъ дѣлами черезъ своихъ представителей; и если они сдѣлаютъ дурной выборъ и ихъ депутаты, не зная ихъ истинныхъ интересовъ, создадутъ дурные законы, то благосостояніе страны пострадаетъ. Во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, адвокаты всегда играли важную роль, потому что они имѣютъ навыкъ говорить. Не составляетъ ли поэтому насущной необходимости то, чтобы науку о богатствѣ знали тѣ, которые призваны вотировать законы и отъ которыхъ зависитъ увеличеніе благосостоянія? Я скажу даже, что имъ труднѣе всего обойтись безъ знанія этой науки. И попытаюсь подтвердить это указаніемъ на тѣсныя отношенія, связывающія политическую экономію съ другими науками той же группы, съ религіею или философіею, моралью, правомъ и политикою.

§ 1.

Не слѣдуетъ удивляться тому, если иные утверждаютъ, будто не существуетъ никакого отношенія между политической экономіей и другими социальными науками. Большинство старыхъ экономистовъ не замѣчали этого отношенія и даже пробовали доказать, что оно не существуетъ. Политическая экономія, по ихъ мнѣнію, имѣла свою, рѣзко ограниченную область, въ которой она строго развивалась, выходя изъ принциповъ, точно установившихся внѣ всякаго посторонняго вліянія. Ее опредѣляли какъ науку, показывающую какимъ образомъ производится, распредѣляется и потребляется богатство. Ограничиваясь такимъ образомъ анализомъ и констатированіемъ фактовъ, изъ нея дѣлали науку положительную и описательную, которая могла

существовать сама по себѣ и которая не имѣла надобности ни заимствовать свѣтъ отъ другихъ отраслей человѣческихъ познаній, ни сообщать его имъ. Но это общепринятое опредѣленіе вполнѣ ложно и не даетъ никакой идеи о томъ, что такое въ дѣйствительности политическая экономія. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить какимъ образомъ производится богатство, это значитъ указать процессы фабрикаціи, средства употребляемыя земледѣльцемъ для эксплуатаціи земли и рудокопомъ для эксплуатаціи подземныхъ богатствъ, а возчикомъ и морякомъ для транспортированія товаровъ. Это дѣло технологіи, а не политической экономіи. Конечно, не этимъ и занимались экономисты, но таковъ былъ смыслъ ихъ опредѣленія. Показать, какимъ образомъ распределяется богатство, это значитъ показать, какая часть достается собственнику, какая капиталисту, рабочему, и опредѣлить доходъ каждаго класса общества. Это дѣло статистики, а не политической экономіи. Опредѣлить какимъ образомъ потребляется богатство, это значитъ описать, въ какихъ помѣщеніяхъ живетъ народонаселеніе, какъ оно одѣвается, и чѣмъ питается. Это будетъ описаніе нравовъ, домашней утвари, обѣдовъ, а не политическая экономія.

Третья часть науки, трактующая о потребленіи, казалась столь маловажною, что на нее часто не обращали вниманія, и даже Стюартъ Милль предлагалъ ее уничтожить. А между тѣмъ именно на этомъ пунктѣ сосредоточивались всѣ размышленія древнихъ писателей, которые занимались «экономіей», какъ на примѣръ, Аристотель, Ксенофонтъ и Платонъ. Прежде всего они были моралистами и поучали людей, какъ они должны жить, чтобы сдѣлать себя и отечество счастливыми. По этому, какъ прекрасно выразился Рошеръ, *) нѣкоторыя правила этихъ

---

*) «Никто столько не научилъ меня политической экономіи, какъ Фукидидъ, говорить Рошеръ... Тогда какъ теперь намъ лучше извѣстно производство богатства, древніе лучше нашего изучили его распределеніе. Они не сдѣлали той большой ошибки, чтобы забывая о людяхъ, заниматься только одними богатствами».—«Всякое богатство, говоритъ Ксенофонтъ, полезно только для того, кто сумѣетъ изъ него сдѣлать хорошее употреб-

авторовъ, трактующихъ о богатствѣ, имѣютъ болѣе значенія чѣмъ масса большихъ трактатовъ, съ ученымъ видомъ анализировавшихъ дѣйствія закона спроса и предложенія. Послѣдніе показываютъ необходимыя слѣдствія извѣстныхъ фактовъ. Первые обращаются къ свободной волѣ и указываютъ человѣку лучшій путь, по которому должны слѣдовать онъ и другіе.

Производство зависитъ отъ потребления. Дѣйствительно промышленность работаетъ для удовлетворенія потребностей; измѣните потребности и вы немедленно же и сразу измѣните всю промышленность. Сдѣлайте народъ сибаритомъ, и производительныя силы будутъ обращены на производство предметовъ роскоши и фантазіи. Если вы имѣете націю состоящую изъ разумныхъ людей или изъ квакеровъ, то трудъ будетъ обращенъ на производство полезныхъ вещей. Итакъ, то направленіе, какое дается потребленію, есть весьма важная вещь. А многіе ли экономисты занимаются этимъ *)? Итакъ, обыкновенное опредѣленіе политической экономіи пренебрегаетъ существеннымъ пунктомъ и примѣняется только

леніе». Этимъ однимъ правиломъ онъ дѣлаетъ экономію наукой соціальной. (См. *Ansichten der Volkswirtschaft*, I Этюдъ. Гильоменъ издалъ переводъ этого сочиненія, сдѣланный Ривьеромъ, подъ заглавіемъ *Recherches sur des sujets d'economie politique*.)

*) Нужно впрочемъ замѣтить, что Клиффе Лесли всегда настаивалъ на важности и необходимости теоріи потребления, но, прибавляетъ онъ, нельзя опредѣлить дѣйствіе потребления на природу и производство богатства, не изучивъ исторіи строенія общества и законовъ, проявляющихся въ нихъ. Стенли Джемонсъ также опровергалъ (см. *The Theory of political Economy*; p. 46) слѣдующее мѣсто у Милля: „Я не знаю законовъ потребления богатства, которые могли бы быть предметомъ спеціальной науки о богатствѣ. Это просто законы удовлетвореній человѣка. — „Но, возражаетъ Джемонсъ, вся политическая экономія держится на законахъ человѣческихъ удовлетвореній. Мы трудимся чтобы производить, имѣя въ виду потребленіе; природа и масса богатствъ опредѣляются нашими потребностями. Каждому производителю извѣстно, до какой степени необходимо знать и предвидѣть вкусы погребителей; отъ этого зависятъ его успѣхи, и даже вся теорія политической экономіи зависитъ отъ вѣрной теоріи потребления“.

къ тому, о чемъ не можетъ быть и вопроса. Постараемся же разъяснить ея предметъ и задачу.

Человѣкъ имѣеть многочисленныя потребности: потребность питаться, одѣваться и имѣть жилье; все это существенныя нужды, видоизмѣненныя утонченностями цивилизаціи на тысячу различныхъ манеровъ. Для удовлетворенія ихъ, природа предлагаетъ человѣку свои богатства, а человѣкъ имѣеть свои руки. Прежде всего онъ работаетъ для того, чтобы прокормить себя, потомъ, чтобы выдѣлать орудія и инструменты, которые уменьшаютъ его усилія или увеличиваютъ продуктъ. Чѣмъ совершенѣе эти орудія, и чѣмъ человѣкъ лучше умѣеть владѣть ими, тѣмъ болѣе онъ получитъ продукта при одномъ и томъ же количествѣ усилій, тѣмъ значить лучше будетъ обезпеченъ всѣмъ необходимымъ, полезнымъ и пріятнымъ; однимъ словомъ, тѣмъ больше будетъ его благосостояніе. Чтобы сдѣлать челнъ каменнымъ топоромъ, на это нужно употребить годъ, а желѣзными или стальными орудіями можно его сдѣлать мѣсяць, а помощью машинъ въ недѣлю. Прогрессъ громаднѣйшій, но мы обязаны имъ улучшенію процесовъ фабрикаціи, примѣненію науки къ промышленности, или, какъ говорятъ, разумному употребленію капитала; но все это еще не политическая экономія. Последняя является только тогда, когда возникаетъ вопросъ о раздѣлѣ и хорошемъ употребленіи пріобрѣтеннаго богатства; да и то, когда дѣло касается одного человѣка или отдѣльной семьи, это есть домашняя экономія.

Политическая экономія имѣеть мѣсто только среди цѣлой группы семействъ, въ общинѣ, въ государствѣ. Дѣйствительно, ея названіе происходитъ отъ трехъ греческихъ словъ: *οικος* домъ, *νομος* законъ, и *πολις* городъ, государство, и слѣдовательно оно значить законъ, хорошее управленіе общимъ домомъ, т. е. государствомъ. Дѣло заключается не только въ общественныхъ финансахъ, но также и въ благосостояніи гражданъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы найти, какимъ образомъ люди, соединенные въ общество, должны устроиться, какія учрежденія и законы должны они принять, чтобы каждый могъ получить за

свой трудъ и пропорціонально своимъ усиліямъ возможно больше полезныхъ вещей, для удовлетворенія своимъ рациональнымъ потребностямъ. Наилучше благоприятными законами для приращенія благосостоянія будутъ тѣ, которые наилучше будутъ способствовать производительности труда. Трудъ будетъ болѣе производительнымъ, если онъ будетъ совершаться съ умомъ и знаніемъ, съ тщательностью и усердіемъ. Для того чтобы въ немъ были умъ и знаніе, нужно распространять просвѣщеніе, и это дѣло политики; чтобы въ немъ были тщательность и усердіе, слѣдуетъ организовать отвѣтственность, т. е. сдѣлать такъ, чтобы каждый получалъ всѣ плоды и ничего больше какъ только плоды своего труда: это дѣло законодательства. Собственно это дѣло юстиціи, которая состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому по его заслугамъ и обезпечить за каждымъ свое *cuique suum tribuere*, какъ говоритъ Цицеронъ. Организація отвѣтственности, и примѣненіе къ практикѣ справедливости, есть существенная вещь въ политической экономіи. Уже и теперь всѣ начинаютъ замѣчать тѣсную связь между правомъ и политикой; но въ будущемъ она будетъ еще виднѣе.

Большинство ортодоксальныхъ экономистовъ хотѣли совершенно исключить изъ своихъ разсужденій вмѣшательство государства; они только и занимались что устраненіемъ его. Они хотѣли, чтобы политическая экономія не была политической. Дѣйствительно, она дѣлается «политической» только тогда, когда предметомъ ея становится дѣйствіе *полк*, государства, т. е. его законы. Нѣтъ сомнѣнія, что тщательно разбирая отношенія причины и дѣйствія, связывающія одни съ другими экономическіе факты, анализируя раздѣленіе труда, колебанія цѣнъ, законъ спроса и предложенія, колебанія рабочей платы, прибыль, процентъ и ренту, и другіе вопросы тогоже рода, экономисты оказали большія услуги человечеству; но это только азбука науки, а не самая наука, такъ точно какъ каллиграфія не есть еще искусство писанія.

Настоящій предметъ политической экономіи есть вліяніе законовъ и учрежденій на развитіе богатства, и это до того вѣрно,

что экономисты, на своихъ сѣздахъ, митингахъ и политическихъ собраніяхъ, словомъ вездѣ, гдѣ только они обращаются не къ своимъ ученикамъ, только и говорятъ что о реформѣ или принятіи законовъ. Они занимаются не мнимыми естественными и необходимыми законами, оставляя ихъ для своихъ учебниковъ, но законами государства, свободно составленными законодателемъ.

Должно ли или нѣтъ государство налагать пошлыны на нѣкоторые привозные товары, и если да, то на какіе? Какую монетную систему должно принять государство, простой или двойной монетной единицы? Какіе налоги слѣдуетъ ввести, налогъ на капиталъ, налоги на контракты, транспорты, на потребление, налогъ прямой или косвенный, налогъ пропорціональный или прогрессивный? Должно ли государство, какъ того хотятъ въ Германіи и какъ то дѣлается въ Бельгіи и Италіи, стать владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, или же напротивъ должно предоставить ихъ частнымъ компаніямъ? Должно ли государство провозгласить свободу банковъ выпускающихъ свои билеты, или предоставить эту монополію одному учрежденію, или же сохранить ее единственно за собою? слѣдуетъ ли чтобы государство, какъ того требуютъ въ Англіи и какъ это дѣлается въ Ирландіи, обязательно регламентировало отношенія между землевладѣльцами и арендаторами? Должно-ли государство въ правахъ наслѣдванія сохранить режимъ ограниченія, какъ во Франціи, или же держаться свободы завѣщаній, какъ въ Англіи? Не слѣдуетъ ли сократить степени правонаслѣдія? Я не буду продолжать вопросовъ. Переберите послѣдовательно всѣ вопросы, о которыхъ идутъ споры между экономистами, и вы убѣдитесь, что всѣ они касаются дѣйствій государства. Итакъ я считаю доказаннымъ, что цѣль политической экономіи, какъ я уже говорилъ, состоитъ въ изысканіи такихъ законовъ и учреждений, которые наиболѣе благопріятствуютъ производительности труда, а слѣдовательно увеличенію богатства и правильному его распределенію. Руссо, въ началѣ своего *Contrat social*, почти опредѣлилъ задачу политической экономіи, сказавъ: «Я желаю изслѣдовать, возможно ли въ гражданскомъ порядкѣ какое нибудь

правило законной и твердой администраціи, если брать людей такъ, какъ они есть, а законы такъ, какъ они должны быть. Въ этомъ изслѣдованіи я постараюсь всегда соединять то, что позволяетъ право, съ тѣмъ, что предписываетъ интересъ, для того чтобы справедливость и польза не были раздѣлены». Союзъ права и интереса, справедливости и пользы,—вотъ существенный пунктъ.

Нынѣшніе экономисты совсѣмъ забываютъ, что творцы политической экономіи, физиократы во Франціи и Адамъ Смитъ въ Англіи, именно такимъ образомъ понимали основанную ими науку. «Политическая экономія, говоритъ Смитъ, разсматриваемая какъ отрасль науки о человѣкѣ, государствѣ и законодательѣ, имѣетъ собственно двѣ цѣли: сдѣлать гражданъ искусными въ отысканіи для себя изобильныхъ средствъ существованія и доставить правительству доходъ пропорціональный его общественной услугѣ, словомъ обогатить народъ и государя. Дѣло заключается значить въ государственныхъ, а не въ естественныхъ законахъ. Но, говорятъ, это не наука, а искусство, и потому было предложено установить съ одной стороны науку, занимающуюся общими и необходимыми законами, а съ другой искусство, которое ищетъ способовъ пракческаго ихъ примѣненія. Но при этомъ очевидно, что если называть искусствомъ всякій отдѣлъ знаній, преслѣдующихъ практическую цѣль, тогда всѣ моральныя науки должны называться искусствомъ. Дѣйствительно мораль недовольствуется описаніемъ человѣческихъ страстей, она говоритъ о томъ, что люди должны дѣлать, какія обязанности они должны исполнять, и какія добродѣтели они должны осуществлять. Право опредѣляетъ законы, которые необходимо ввести для того, чтобы царствовала справедливость. Политика ищетъ тѣхъ формъ правленія и тѣхъ учреждений, которыя народъ долженъ ввести у себя для того, чтобы достигнуть той степени цивилизаціи и благоденствія, которая возможна для него. Моральныя науки имѣютъ ту же цѣль, а именно привести людей къ благу, счастью и совершенству. Слѣдуетъ ли поэтому называть ихъ искусствами? Я этого не думаю. Искусство

начинается только тамъ, гдѣ изучаются средства для приведенія въ дѣйствіе правилъ открытыхъ этими науками.

Часто еще спорятъ о методѣ свойственномъ политической экономіи. Одни утверждаютъ, что она наука «дедуктивная» т. е. выводимая а priori изъ принциповъ, которые очевидны сами по себѣ. Другіе говорятъ, что она наука «индуктивная» т. е. что она основывается на индукціяхъ, выведенныхъ изъ наблюденія надъ фактами. «Политическая экономія разсматриваемая въ томъ, что есть въ ней общаго, говоритъ Росси, есть скорѣе наука умозрѣнія, чѣмъ наука наблюденія». Милль, Сениоръ, Кернсъ высказывали подобное же мнѣніе. «Политическая экономія, говоритъ Сениоръ, держится на небольшомъ числѣ общихъ положеній, основаніемъ которыхъ служитъ та аксіома, что всякій человѣкъ желаетъ увеличить свое богатство (wealth) съ возможно наименьшими пожертвованіями». Это желаніе тамъ, гдѣ существуетъ свобода и безопасность, ведетъ къ труду, созданію и накопленію капитала, къ раздѣленію труда, къ употребленію денегъ, къ завладѣнію землей; вслѣдствіе этого возникаетъ постоянное увеличеніе продуктовъ, которые дѣлятся на рабочую плату, прибыль, проценты и ренту пропорціонально труду, капиталу и землѣ, участвовавшимъ въ дѣлѣ производства, и все это регулируется высшимъ закономъ спроса и предложенія. Вотъ резюме всей «дедуктивной» политической экономіи.

Клиффе Лесли недавно показалъ, съ тонкостью анализа и ясностью, отличающими всѣ его сочиненія, что невозможно построить точную науку на этомъ основаніи всеобщаго желанія богатства, потому что это чувство принимаетъ самыя различныя формы у каждаго народа и даже у каждаго индивидуума. Восточный человѣкъ все свое богатство видитъ въ драгоценностяхъ украшающихъ его чалму; французскій крестьянинъ цѣнитъ только землю; одинъ жертвуетъ всѣмъ ради обладанія картинами или книгами, другой разоряется на лошадей, на сады или просто на ѣду. Словомъ, предметъ составляетъ богатство потому, что онъ отвѣчаетъ потребности. Но потребности видоизмѣняются смотря по климату, общественному мнѣнію, по модѣ

и индивидуальнымъ вкусамъ. Мѣха или коньки, перевезенные въ экваторіальныя страны, теряютъ всякую цѣнность. Какую цѣнность можетъ имѣть вино у мусульманъ, религія которыхъ запрещаетъ его пить? Въ католическихъ странахъ, мощи посѣщаемыя богомольцами, составляютъ большое богатство, и если въ деревнѣ есть какой нибудь бичующій себя аскетъ или чудотворный источникъ, то богатство ея обезпечено *). Но лишь только туда проникнетъ реформація, богатство деревни рушится. Очки для близорукаго составляютъ сокровище и орудіе труда. Но что станеть дѣлать съ ними человѣкъ съ хорошимъ зрѣніемъ? Итакъ, качество богатства есть дѣло относительное и постоянно измѣняющееся. Оно заключается въ отношеніи между человѣческими потребностями, измѣняющимися каждую минуту, и между свойствами предметовъ, которые также постоянно измѣняются. Поэтому напрасна попытка Курно и Вальраса, желавшихъ перевести экономическія задачи въ алгебраическія формулы, также какъ и попытка Росси и Сеніора, «вывести» принципы науки о богатствѣ изъ нѣсколькихъ придуманныхъ a priori аксіомъ.

Слѣдуетъ ли принять тотъ или другой законъ, благопріятствующій увеличенію богатства? Безъ сомнѣнія, знаніе общихъ потребностей и побужденій человѣка можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ; но такъ какъ эти потребности и инстинкты бываютъ различны смотря по климату, расѣ, религіи, правительству, традиціямъ, то необходимо принимать въ соображеніе всѣ эти вліянія, и, слѣдовательно, необходимо обращаться къ опыту различныхъ эпохъ и различныхъ странъ. Итакъ экономистъ долженъ имѣть въ виду идеаль всеобщаго благосостоянія согласно съ предписаніями справедливости. Онъ станеть изслѣдовать, какіе законы и учрежденія болѣе благопріятны для этого, и при этомъ будетъ принимать въ соображеніе природу человѣка вообще и темпераментъ cadaго народа въ частности, опираясь на факты констатированные исторіей, ста-

*) Смotr. романъ Густава Дроца, *Autour d'une source*.

тистикой и описаніемъ различныхъ странъ. Онъ свяжетъ дѣйствія съ причинами и выведетъ практическія правила.

Такимъ образомъ открывается обширный горизонтъ. Главное дѣло заключается не въ констатированіи этихъ мнимыхъ естественныхъ законовъ, о которыхъ такъ много говорятъ и которые въ сущности простые *трюизмы*, т.-е. не въ анализѣ дѣйствій закона спроса и предложенія, произведенномъ съ большими или меньшими подробностями. Вся эта часть науки, въ которую старались втиснуть всю науку, была изложена въ нѣкоторыхъ руководствахъ, напимѣръ въ руководствѣ Жозефа Гарнье, съ такой ясностью и методомъ, что къ ней уже нечего и прибавить, такъ что поэтому политическую экономію можно было бы считать уже вполне законченною, тогда какъ напротивъ, это только начало ея. Пользуясь этими элементами, можно приступить къ изслѣдованію настоящей экономической проблемы, т.-е. того, какіе законы и учрежденія должны быть приняты обществами, для того чтобы достигнуть благосостоянія.

Въ этомъ направленіи намъ представляется первый вопросъ, показывающій отношеніе между политической экономіей и политикой. Какая форма правленія наиболѣе благопріятствуетъ увеличенію богатства? Этотъ пунктъ не разсматривается въ обыкновенныхъ руководствахъ, но нѣкоторые авторы, какъ напимѣръ Монтескье и Токвиль, пролили на него много свѣта. Я приведу для примѣра изъ *Esprit des lois*, слѣдующія слова: «страны считаются воздѣланными не по ихъ плодородію, а по ихъ свободѣ». «Деспотизмъ подобенъ дикарю, срубающему дерево, чтобы снять его плоды». Укажемъ еще на удивительныя главы: «Какимъ образомъ законы устанавливаютъ равенство въ демократіи и о роскоши въ Китаѣ»; послѣдняя есть ѣдкая сатира на злоупотребленія стараго режима: «Наши предки, говоритъ императоръ изъ фамиліи Тангъ, держались правила, что если былъ гдѣ-нибудь мужчина не обрабатывающій земли и женщина не прядущая, то вслѣдствіе этого кто-нибудь въ имперіи страдалъ отъ холода или голода и по этому принципу слѣдовало уничтожить множество монастырей наполненныхъ бонзами». «Если нѣсколько чело-

вѣкъ заняты шитьемъ одеждъ для одного, то будетъ ли это средствомъ для того, чтобы не было людей безъ одежды? Если десять человѣкъ на одного земледѣльца сѣдаютъ доходъ съ земель, то будетъ ли это средствомъ, чтобы не было людей не имѣющихъ пищи. Я еще соплюсь на тринадцатую книгу: *Какія отношенія имѣютъ къ свободѣ взиманіе налоговъ и величина общественныхъ доходовъ*; на восемнадцатую: *законы по отношенію ихъ къ свойствамъ почвы*; на двадцатую: *законы по отношенію ихъ къ торговлѣ*, и на всю книгу, которая трактуетъ о народонаселеніи.

Руссо иногда высказываетъ по этому предмету глубокіе взгляды, и между прочимъ когда онъ показываетъ на примѣрахъ Греціи, Рима и итальянскихъ республикъ, что волненія свободы менѣе пагубны чѣмъ спокойствіе деспотизма: «Мятежи, гражданскія войны приводятъ власти въ сильное негодованіе; но они не составляютъ истиннаго несчастія народовъ.... Только ихъ постоянное состояніе родитъ благоденствіе или дѣйствительныя бѣдствія. Когда все подавлено подъ игомъ, тогда все гибнетъ и власти уничтожаютъ все по своему произволу, *ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*». Въ прежнія времена Греція процвѣтала среди жестокихъ войнъ; кровь лилась ручьемъ, а въ то же время вся страна была многолюдна. «Казалось, говоритъ Макиавели, что среди убійствъ, ссылокъ, и гражданскихъ войнъ, наша республика сдѣлалась могущественнѣе; добродѣтели ея гражданъ, ихъ нравы, независимость, способствовали усиленію ея гораздо больше, чѣмъ могли ее ослабить всѣ ихъ распри. Небольшія волненія возбуждаютъ душевныя силы, и дѣйствительному процвѣтанію человѣческаго рода содѣйствуетъ не столько миръ, сколько свобода». Здѣсь видно, какимъ образомъ исторія освѣщаетъ экономическія задачи.

Другая фраза Руссо также поразительно справедлива: «Законы должны быть таковы, чтобы для пріобрѣтенія изобилія всегда былъ необходимъ трудъ и чтобы онъ никогда не былъ бесполезенъ». Кто хочетъ уяснить себѣ вліяніе дурнаго правительства, тотъ пусть прочтетъ исторію паденія Испаніи, начи-

ная съ Филиппа II, или пусть посѣтитъ пустынные равнины, обнаженные горы, опустошенные лихорадкой долины Малой Азіи, и при этомъ вспомнить о цвѣтущихъ городахъ, о многочисленномъ народонаселеніи, бывшихъ въ этихъ прекрасныхъ странахъ въ древности.

Токвиль показалъ очень ясно вліяніе демократіи на стремленіе къ богатству. «Всѣ причины, дающія преобладаніе въ человѣческомъ сердце любви къ благамъ этого міра, развиваютъ торговлю и промышленность. Равенство есть одна изъ этихъ причинъ. Она благоприятствуетъ торговлѣ, не только непосредственно, развивая въ людяхъ склонность къ торговлѣ, но и косвенно, укрѣпляя и обобщая въ душахъ любовь къ благосостоянію». — «Я не знаю, говоритъ онъ, можно ли указать хоть одинъ примѣръ такого торговаго и промышленнаго народа, начиная съ тирійцевъ до флорентійцевъ и англичанъ, который не былъ бы свободнымъ народомъ. Есть слѣдовательно тѣсная связь и необходимое отношеніе между этими двумя вещами: свободой и промышленностью». Онъ ясно показываетъ, какъ опасно, даже съ точки зрѣнія чисто экономической, искать спасенія въ абсолютной власти. «Люди, имѣющіе страсть къ матеріальнымъ благамъ, не такъ скоро убѣждаются въ томъ, что свобода служить для достиженія этихъ благъ, а прежде всего они обыкновенно замѣчаютъ, что волненія свободы потрясаютъ ихъ благосостояніе и потому при малѣйшемъ шумѣ общественныхъ страстей, проникающемъ въ область мелкихъ пріятностей ихъ частной жизни, они теряютъ спокойствіе и тревожатся; и долгое время страхъ анархіи непрерывно держитъ ихъ въ напряженіи и безпокойствѣ, такъ что они всегда готовы бываютъ при первомъ безпорядкѣ отказаться отъ свободы. Народъ, требующій отъ своего правительства только поддержанія порядка, есть уже рабъ въ глубинѣ своего сердца; онъ рабъ своего благосостоянія и всегда можетъ найтись человѣкъ, который сдумаетъ поработить его». Итакъ 1852 годъ былъ напередъ предсказанъ уже давно. Какая глубина заключается также въ главахъ, гдѣ онъ описываетъ отличительныя черты новѣйшей

промышленности и вытекающія изъ нея отношенія между хозяевами и рабочими.

Сочиненія Дюпона-Вита, столь блестящія и глубокомысленныя, показываютъ на каждой страницѣ отношенія существующія между политикой и экономіей, а Бодрильяръ, въ своей *Histoire du luxe*, написалъ главу въ томъ же духѣ: «Роскошь и формы правленія».

Слѣдовало бы написать другую книгу, которая содержала бы въ себѣ много параграфовъ и пикантныхъ и поучительныхъ, и въ которой слѣдовало бы разсмотрѣть вліяніе различныхъ формъ культа на производительность труда и на благосостояніе народовъ. Что дѣлаетъ трудъ производительнымъ, говорили мы, это примѣненіе науки къ промышленности и справедливость въ законахъ. Всякій культъ, осуждающій изученіе природы, или освящающій глубокія несправедливости и крупныя нечеловѣчности, препятствуетъ экономическому прогрессу. Напротивъ культъ, благопріятствующій равенству и распространенію просвѣщенія, способствуетъ увеличенію благосостоянія. Древняя китайская религія и религія Зороастра хорошую обработку земли и разведеніе деревьевъ считали благочестивымъ дѣломъ. Поэтому Китай и Персія процвѣтали, и въ настоящее время парсы въ Индіи почти всѣ очень богаты, а китайцы повсюду приобрѣтаютъ состояніе. Мозаизмъ тоже благопріятствовалъ развитію богатства. Онъ превратилъ неплодныя скалы Палестины въ страну чрезвычайно цвѣтущую, изобилующую хлѣбомъ и въ десять разъ болѣе богатую и населенную нежели теперь. На нашихъ глазахъ, послѣдователи Моисея дѣлаются вездѣ королями торговли и финансовъ, и въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народонаселеніе еще не излечилось отъ послѣдствій угнетенія, какъ на примѣръ во всей восточной Европѣ, едва только устанавливается свободная конкуренція, какъ они сразу получаютъ полный перевѣсъ, такъ что ихъ сдерживаютъ разными исключительными мѣрами, а по временамъ и избиваютъ ихъ. Магометанство раззорило всѣ страны, гдѣ оно господствовало одно, исключая Египта, который не могъ быть раззоренъ, благодаря

благодѣяніямъ Нила. Его догматы мало отличаются отъ догматовъ іудейства, но оно установило деспотизмъ, научило своихъ послѣдователей фаталистическому равнодушію и презрѣнію къ наукѣ: а этого достаточно, чтобы все сдѣлать бесплоднымъ. Культъ, дебютировавшій сожженіемъ александрійской бібліотеки, не могъ благопріятствовать распространенію просвѣщенія, а слѣдовательно и увеличенію богатства.

Христіанство, приготовляя мало по малу всеобщее освобожденіе, и распространяя идеи равенства и справедливости, произвело пышный расцвѣтъ новѣйшей цивилизаціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить христіанскія государства съ другими странами, и констатировать, что наиболѣе свободные, наиболѣе благоденствующие народы и суть главнымъ образомъ тѣ, которые путемъ реформаціи наиболѣе приблизились къ евангелическимъ принципамъ. Даже болѣе: секты, которыя примѣнили эти принципы во всей ихъ строгости, квакеры въ Англіи и въ Америкѣ, менониты въ Голландіи и Германіи, не имѣютъ бѣдныхъ и почти всѣ ихъ члены живутъ въ достаткѣ и довольствѣ. Квакеръ живетъ совершенно такъ, какъ повелѣлъ Христосъ и какъ совѣтуетъ жить политическая экономія: онъ работаетъ съ усердіемъ и постоянствомъ, онъ воздерженъ; избѣгаетъ роскоши въ своихъ одеждахъ и въ домѣ; онъ помогаетъ себѣ подобнымъ и въ тоже время дѣлаетъ сбереженія; онъ, такимъ образомъ, содѣйствуетъ промышленности и дѣлаетъ много для общаго блага. Этотъ духъ *Pilgrim-Fathers* вызвалъ удивительное развитіе Соединенныхъ Штатовъ. Я могу бѣгло указать только на нѣкоторые факты. Предметъ требуетъ долгихъ изслѣдованій. Они всегда приведутъ къ тому удивительному заключенію, что культъ истины и любви къ наукѣ ведетъ народы къ благосостоянію.

§ 2.

Мораль затрогиваетъ самые корни политической экономіи. Чѣмъ занимается послѣдняя? Увеличеніемъ богатства? Что такое богатство? Это есть все то, какъ прекрасно выразился Рошеръ,

что удовлетворяет истинно человѣческой потребности, т. е. достойной человѣческой природы и признанной разумомъ, однимъ словомъ, рациональной потребности. Кто же покажетъ, въ чемъ заключаются рациональныя потребности? Гигіена опредѣлитъ дѣйствительныя потребности тѣла, а мораль скажетъ, въ какихъ границахъ слѣдуетъ удовлетворять имъ. Съ одной стороны она осудитъ аскетизмъ, который считаетъ святымъ дѣломъ тѣлесныя лишенія и всякаго рода изнуренія организма, но съ другой стороны она осудитъ и сибарита, у котораго лепестки розъ отнимаютъ сонъ и котораго не могутъ удовлетворить услуги тысячи слугъ.

Не слѣдуетъ до такой степени ослаблять и умерщвлять тѣло, чтобы оно не могло быть орудіемъ разума, но не слѣдуетъ также и изнѣживать его до такой степени, чтобы только и заниматься постоянно что его фантазіями. Въ этомъ случаѣ греки должны намъ служить образцомъ. Они много занимались тѣломъ, но только для того, чтобы укрѣпить и закалить его, такъ чтобы оно было нечувствительно къ суровостямъ погоды, къ усталости и было почти недоступно болѣзнямъ.

Мораль во все времена проповѣдывала умѣренность желаній. Большинство экономистовъ напротивъ поздравляютъ себя съ тѣмъ, что желанія человѣка неограниченны, потому что такимъ образомъ каковъ бы ни былъ прогрессъ машинъ, всегда останутся желанія, которымъ нужно будетъ удовлетворять. Кто же правъ въ этихъ столкновеніяхъ доктринъ? Очевидно мораль. Если машина сокращаетъ время, необходимое для того, чтобы доставить удовлетвореніе рациональнымъ потребностямъ, то слѣдуетъ ли изъ этого, что нужно употребить этотъ досугъ, приобрѣтенный наукой, на производство бесполезностей единственно для того, чтобы работать? Это именно то, что Бастіа называлъ сизифизмомъ, т. е. исканіемъ усилія ради усилія; вырывать ямы и затѣмъ снова зарывать ихъ, наливать воду въ бочку Данаидъ,—вотъ этотъ сизифизмъ онъ считалъ необходимымъ для разрѣшенія вопроса машинъ. По его мнѣнію слѣдуетъ умножать и утончать свои потребности и придумывать ребяческія

фантазіи, единственно только для того, чтобы давать занятіе рабочимъ.

Разумный человѣкъ, при помощи усовершенствованныхъ процессовъ, произведетъ въ теченіи восьми часовъ то, что ему нужно, остальную часть дня не посвятить на вышиваніе манжетовъ или на чеканку брелоковъ. Подобно афинскому гражданину, онъ будетъ носить шерстяную одежду и пойдетъ слушать Сократа, аплодировать Софоклу, или вести пренія съ Демосфеномъ. Вотъ какъ должно поступать человѣчество. Бросьте взглядъ на магазины нашихъ большихъ городовъ. Какую потерю труда представляетъ это безконечное разнообразіе бесполезныхъ предметовъ и не лучше ли было бы употребить этотъ трудъ на производство необходимаго!

Высшая полезность машинъ состоитъ не въ томъ, чтобы содѣйствовать безконечному развитію роскоши, но въ томъ, чтобы обезпечить каждому необходимое и доставить людямъ досугъ, необходимый для образованія ихъ ума и для человѣческихъ разумныхъ сношеній между собою. Матеріальныя нужды составляютъ узы, которыя дѣлаютъ насъ рабами. Для ихъ удовлетворенія нужно жертвовать своимъ временемъ, драгоценнымъ, но короткимъ даромъ жизни и отказаться отъ свободы, чтобы спокойно предаваться удовольствіямъ, которыя доставляетъ удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Экономисты не правы въ этомъ случаѣ, что они не слушаютъ языческихъ и христіанскихъ моралистовъ. Истинная экономія всегда согласна съ истинной моралью.

Мораль также разрѣшить и слѣдующій фундаментальный вопросъ: можно ли считать богатствомъ все то, что имѣетъ мѣновую цѣнность? Дюпонъ-де-Немуръ, послѣдній изъ физиократовъ, изгнанный изъ Франціи реставраціей, писалъ отъ 22 апрѣля 1815 года Ж. Б. Сею, съ корабля увозившаго его въ Америку, упрекая его за то, что онъ слишкомъ сѣузиль область политической экономіи, которая по его мнѣнію, есть «наука о справедливости примѣненной ко всѣмъ социальнымъ отношеніямъ». Вы утверждаете, говоритъ онъ, что все то, что обмѣ-

нивается, есть богатство. Фрины и Лаисы обмѣниваютъ свои прелести на большія деньги; слѣдуетъ ли изъ этого, что они производятъ богатство, и что страна тѣмъ больше благоденствуетъ, чѣмъ больше въ ней женщинъ, торгующихъ своими прелестями? «Нѣтъ, остроумно отвѣчаетъ онъ, честныя женщины составляютъ истинное сокровище, цѣна котораго обратно пропорціональна его обращенію».

Положимъ, какойнибудь авторъ написалъ дрянную книгу, которая расходится въ восьмидесяти изданіяхъ и приноситъ ему 100,000 франковъ. Тѣ, которые ее покупаютъ, стоятъ менѣе послѣ того какъ ее прочтутъ: они хуже исполняютъ свои обязанности. Эта книга, продажа которой принесла такой барышъ автору и издателю, есть ли она богатство? Англичане продаютъ китайцамъ на 300 милліоновъ опиума: есть ли это истинное богатство? Очевидно нѣтъ. Дѣйствительно, если бы китайскій императоръ повелѣлъ выбросить въ море весь этотъ опиумъ, то Китай не только ничего не потерялъ бы, но еще выигралъ, потому что тогда въ немъ было бы менѣе людей опьяняющихся и не способныхъ къ работѣ. Можно ли назвать богатствомъ предметъ, потеря котораго васъ обогащаетъ? Опиумъ есть цѣнность въ рукахъ торговца, который находитъ настолько безразсудныхъ людей, что они даютъ взамѣнъ его золото, на которое онъ купитъ себѣ полезныя вещи. Но для націи, для человечества, это не есть цѣнность; потому что служитъ причиною отупѣнія и идиотизма. То же, но только въ меньшей степени, примѣнимо къ табаку и крѣпкимъ напиткамъ; это яды, которые стоятъ труда, которые обмѣниваются, а слѣдовательно въ глазахъ нѣкоторыхъ экономистовъ составляютъ богатство; а между тѣмъ уничтоженіе ихъ было бы благодѣніемъ. Слѣдуетъ различать истинное и ложное богатство; но только благодаря указаніямъ гигиены и морали, мы въ состояніи будемъ сдѣлать это существенное различіе.

Въ экономическихъ вопросахъ вліяніе морали ощущается на каждомъ шагу. Основа кредита есть довѣріе, а довѣріе пропорціонально честности подтверждаемой хорошими законами. Тамъ,

гдѣ не достааетъ торговаго довѣрія, не существуетъ кредита или бываетъ непомѣрный размѣръ процентовъ. Если будутъ все только такіе кассиры, которые опустошаютъ кассу, только такіе конторщики, которые утаиваютъ суммы получаемыя ими по счетамъ, только такіе управляющіе, которые составляютъ фальшивыя балансы, чтобы скрывать свои растраты, и только такіе дѣльцы, которые ищутъ себѣ концессій съ единственною цѣлью обворовать публику, тогда конецъ всякой промышленности. Въ Бондійскихъ лѣсахъ не будутъ умножаться заводы и процвѣтать торговля; и понятно также, почему Востокъ не похожъ на Англію.

Страны, гдѣ не достааетъ честности у чиновниковъ, жестоко страдаютъ вслѣдствіе этого. Сколько разъ гибли храбрыя арміи вслѣдствіе злоупотребленій интенданства!

Нравственная сила дѣйствуетъ могущественно на производительность труда. Рабочій, который, какъ говорятъ, всѣмъ сердцемъ расположенъ къ труду и который исполняетъ свое дѣло по чувству долга, или даже изъ самолюбія, сдѣлаетъ его гораздо лучше. Если бы онъ думалъ только о примѣненіи знаменитаго правила интереса, вѣрно понятаго, которое состоитъ въ томъ, чтобы давать какъ можно меньше за возможно высокою цѣну, то онъ не наработалъ бы и на половину меньше прежняго.

Нечего и говорить, какое важное значеніе имѣетъ торговая честность при отпускѣ товаровъ. Продавецъ, обманывающій своихъ кліентовъ, особенно иностранныхъ, закрываетъ заграничный сбытъ не только для самаго себя, но также для всей страны, къ которой онъ принадлежитъ. Землевладѣлецъ, не прижимающій своихъ арендаторовъ, а даже помогающій имъ въ несчастіи и такимъ образомъ устанавливающій съ ними моральную связь, предупредить эту враждебность между классами, которая грозитъ опасностью будущему.

Знаменитый вопросъ о народонаселеніи, который въ политической экономіи господствуетъ надъ всѣми другими, разрѣшается главнымъ образомъ при помощи соображеній моральнаго

порядка. Что нужно для того, чтобы число жителей не превышало ресурсовъ съѣсныхъ припасовъ? Нужны предусмотрительность, благоразуміе и воздержаніе, нужны всѣ добродѣтели, которыя предполагаютъ моральную силу.

Скопленіе капитала есть часто актъ добродѣтели, особенно со стороны мелкихъ людей. Нужно отказаться отъ настоящаго наслажденія въ виду будущихъ благъ. Здѣсь тоже дѣйствуетъ моральная сила. Что касается потребленія, которое, какъ мы уже сказали, повелѣваетъ производствомъ, то оно всецѣло опредѣляется тѣмъ болѣе или менѣе моральнымъ направленіемъ, которое дается жизни. Только распушенность нравовъ дѣлаетъ то, что народъ тратитъ на крѣпкіе напитки то, что было бы достаточно для освобожденія его отъ нищеты, а богатые подаютъ примѣръ расточительности и безпорядка.

Древніе, и даже Монтескье, думали, что увеличеніе богатства ведетъ націи къ расслабленію и упадку. Такимъ образомъ они объясняли паденіе государствъ. Если въ дѣйствительности народъ выходитъ изъ первобытной простоты и быстро обогащается, но въ тоже время не пріобрѣтаетъ моральной силы, необходимой для того чтобы дѣлать изъ него хорошее употребленіе, то его богатство становится источникомъ безнравственности и причиною его гибели. Такое зрѣлище представляютъ намъ въ настоящее время Соединенные Штаты. Прибавьте къ этому еще несовершенство законовъ: то, что всегда губило демократіи, это скорѣе излишекъ неравенства чѣмъ излишекъ богатствъ. Для развитія этихъ соображеній потребовалась бы цѣлая книга. Къ счастью можно указать читателямъ на прекрасныя сочиненія Бодрильяра, Дамета и Мингетти. *).

Не смотря на возраженія и насмѣшки противниковъ, нѣмецкіе экономисты новой школы, Германнъ Ресслеръ, Нассе, Шмоллеръ, Brentano, Адольфъ Гельдъ **) Нейманъ, Шенбергъ

*) Le juste et l'utile, *Дамета*.—Des rapports de la morale et de l'economie politique, *Бодрильяра*.—Des rapports de l'economie politique avec la morale et le droit, *Мингетти*.

**) Ueber einige neuere Versuche zur Revision der Grundbegriffe der

фонъ Шель, Дюрингъ, Ланге, Штейнъ, Адольфъ Вагнеръ, Шеффле, держатся того взгляда, что политическая экономія есть существенно наука моральная, eine ethische Wissenschaft. Они главнымъ образомъ хотятъ доказать, что эгоизмъ не есть единственный двигатель экономическаго міра, какъ то утверждала прежняя англійская школа, что такой двигатель есть весь человѣкъ, со всеми своими побужденіями и чувствами чести, благотворительности, долга и справедливости. Изъ этого они выводятъ такое заключеніе, что свободное развитіе личнаго интереса недостаточно для того чтобы привести общество къ высшему благоденствію, что нужно разсматривать націю какъ органическое цѣлое, а государство какъ необходимый элементъ, а также принимать въ соображеніе связи, какъ юридическія, такъ и сердечныя, связывающія людей между собою.

§ 3.

Юристы не хотятъ изучать политическую экономію, а между тѣмъ безъ политической экономіи нельзя проникнуть глубоко въ право, также какъ и безъ права нельзя проникнуть въ глубь политической экономіи. Лучшими юристами будутъ тѣ, которые въ тоже время и экономисты, а лучшими экономистами будутъ тѣ, которые будутъ также и юристами. И та и другая сторона этого не знала, и вотъ почему обѣ онѣ бывають часто поверхностны.

Старая экономическая школа почти не обращала вниманія на вопросы права. Она воображала себѣ человѣка дѣйствующимъ вполнѣ свободно, согласно съ неизбѣжными и вездѣ одинаковыми экономическими законами. Въ этой абстрактной области они не занимались гражданскими учрежденіями, установленными законами. Все, чего они требовали,

---

Nationalökonomie, проф. Гельда — Гельдъ обѣщалъ сдѣлаться однимъ изъ замѣчательныхъ экономистовъ нашего времени, но погибъ трагическимъ образомъ въ прошломъ году (Сент. 1880 г.). Онъ утонулъ въ Аарѣ, близъ Туна, на глазахъ своей жены.

это полнаго устраненія вмѣшательства государства, а подъ этимъ разумѣлось уничтоженіе нѣкоторыхъ стѣсненій, мѣшающихъ индивидуальной свободѣ, каковы на примѣръ таможни, цеховыя управы и назначеніе законнаго процента. При этомъ совершенно забывалось, что вмѣшательство государства состоитъ также въ томъ, что оно указываетъ извѣстныя формы собственности и наслѣдственности, словомъ, даетъ гражданскій законъ; и что слѣдовательно требовать абсолютнаго невмѣшательства государства, значитъ требовать возвращенія къ дикимъ нравамъ. При этомъ экономисты воображали, будто мнимые естественные законы политической экономіи были одинаковы у всѣхъ націй и во всѣхъ странахъ. «Политическая экономія, сказалъ недавно бывшій англійскій канцлеръ казначейства, Лоу, не принадлежитъ въ частности никакому народу. Она основана на атрибутахъ человѣческой природы, и никакая власть не можетъ ее измѣнить.» Это все чистыя отвлеченности. Конечно законодатель не можетъ измѣнить ни тѣла, ни способностей человѣка: онъ не можетъ ни дать ему четырехъ рукъ, ни отнять у него любви къ самому себѣ. Но въ первыхъ, онъ можетъ научить его управлять своимъ эгоизмомъ, внушая ему чувства справедливости, благотворительности и покорности. Кромѣ того, если, какъ въ Афинахъ или Римѣ, онъ держитъ въ рабствѣ три четверти народонаселенія, то экономическіе законы будутъ имѣть совершенно другое дѣйствіе нежели тамъ, гдѣ царствуетъ свобода; и распредѣленіе имуществъ въ странѣ маіоратовъ будетъ совершенно иное, чѣмъ въ той странѣ, которая держится режима равнаго раздѣла.

Во всѣхъ обществахъ, исключая можетъ быть время первобытнаго варварства, свобода человѣка развивалась въ предѣлахъ полагаемыхъ ей юридическими законами. Кто хочетъ довольствоваться абстрактными и неопредѣленными теоріями, тотъ долженъ прежде всего изслѣдовать вліяніе этихъ законовъ и учреждений. Они не одинаковы въ различныхъ странахъ и въ различныя времена, и глубоко измѣняютъ систему производства и въ особенности систему распредѣленія богатства. Такъ сэръ-

Генри Менъ показываетъ намъ, что въ Индіи знаменитый законъ спроса и предложенія почти не имѣетъ примѣненія, потому что тамъ все регулируется обычаемъ.

Раздѣлъ продуктово́й почвы дѣлается различнымъ способомъ, смотря по тому, что существуетъ въ данной мѣстности: половничество, арендный договоръ или наслѣдственное фермерство, мелкая или крупная собственность, и наконецъ общинная или частная собственность. Различныя формы наслѣдственности производятъ въ экономическомъ порядкѣ существенныя и соотвѣтственныя измѣненія; на примѣръ во Франціи они демократизуютъ владѣніе землей, а въ Англіи концентрируютъ ее въ рукахъ нѣсколькихъ знатныхъ семействъ. Рабочая плата будетъ болѣе непостоянной въ той странѣ, гдѣ рабочіе, скученные въ извѣстныхъ промышленныхъ центрахъ, должны во что бы то ни стало отдавать въ наймы свои руки, чѣмъ въ той странѣ, гдѣ ремесленники, разбросанные по деревнямъ, какъ въ Швейцаріи, извлекаютъ изъ обработки своихъ маленькихъ полей дополнительные ресурсы. Можно ли говорить о монетѣ, не говоря о томъ, какой монетѣ, серебряной или золотой, законъ присвоиваетъ преимущество быть принимаемою во всѣхъ платежахъ и уплатахъ долга? Если мы занимаемся кредитомъ, то намъ нельзя не обращать вниманія на законы относительно банковъ, вкладовъ на проценты, банкротствъ коммерческихъ и экономическихъ обществъ. Отношенія людей къ вещамъ и людей между собой очевидно опредѣляются правомъ. Политическая экономія поэтому необходимо должна опираться на философію и на исторію права. Конечно, науки эти не должны быть смѣшиваемы, но невозможно ихъ изучать одну безъ другой. Невозможно, на примѣръ, разбирать принципы социализма, не зная естественнаго права и гражданскаго права. Дѣйствительно социалисты утверждаютъ, что экономическое положеніе работающих по найму есть слѣдствіе дѣйствующихъ учрежденій, и они требуютъ ихъ реформы; потому что, говорятъ они, учрежденія эти служатъ настоящей причиною нищеты. Кто желаетъ отвѣчать имъ не одними общими мѣстами, тотъ долженъ обра-

тяться къ гражданскимъ законамъ и изслѣдовать, что въ нихъ есть необходимаго, полезнаго или вреднаго, для національнаго процвѣтанія и для благосостоянія каждаго.

Отношеніе экономическихъ вопросовъ къ праву было систематически изложено только весьма недавно. Стюартъ Милль высказалъ по этому предмету нѣсколько весьма вѣрныхъ взглядовъ. Шмоллеръ, профессоръ страсбургскаго университета, и Германъ Реслеръ, профессоръ ростокскаго университета, превосходно доказали всю важность этой задачи. Но я знаю, что только Адольфъ Гельдъ, въ Боннѣ, и Адольфъ Вагнеръ, въ Берлинѣ, старались дать этому предмету то мѣсто въ преподаваніи науки, какого онъ заслуживаетъ *). Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о новой перестройкѣ самыхъ основъ политической экономіи, то мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на двухъ недавно появившихся сочиненіяхъ этихъ экономистовъ.

Первое изъ этихъ сочиненій есть очеркъ курса, который Гельдъ читалъ въ университетѣ (*Grundriss für Vorlesungen über Nationalökonomie*); онъ былъ изданъ въ рукописи для его слушателей. Опредѣливъ, по принятому обыкновенію, потребность, имущество, политическую экономію и ея методъ, онъ посвящаетъ спеціальную главу праву въ его отношеніяхъ къ имуществу (*Vermögensrechte*). Человѣкъ, говоритъ онъ, существуетъ и работаетъ среди общества. Каждое общество нуждается во власти для поддержанія порядка. Государство и право также древни, какъ и само человечество. Изъ этого слѣдуетъ, что воз-

*) См. также *Шмоллера*: *Offene Briefe an Treitschke* (открытыя письма къ Трейчке); *Германа Реслера*, *Ueber die Grundlagen des Semithianismus und die alte und die neue Nationalökonomie*, въ превосходномъ сборникѣ *Girta Annalen des Annalen des deutschen Reichs*. Шефе, въ своемъ любопытномъ сочиненіи *Capitalismus und Socialismus*, постоянно затрогиваетъ юридическую сторону. Въ своемъ большомъ сочиненіи *Bau und Leben des socialen Körpers* (Строеніе и жизнь социальнаго тѣла) онъ также разсматриваетъ этотъ предметъ; но первый томъ есть только попытка, и, по моему мнѣнію, неудачная найти въ развитіи общества тотъ же ходъ, какъ и въ органическихъ тѣлахъ.

возможность для человека пользоваться имуществомъ и потреблять его не зависитъ исключительно только отъ его силы; она опредѣляется тѣмъ правомъ на вещи, которое даетъ ему государство. Доля, которую получаетъ личность въ общей массѣ имуществъ, т. е. его частное состояніе и его экономическое положеніе, бываетъ пропорціональна тѣмъ дѣйствительнымъ правамъ, которыя признаны за нею. И дѣйствительно на дѣлѣ только гражданское право опредѣляетъ то, чѣмъ гражданинъ можетъ владѣть исключительно и независимо ни отъ кого другого. Гражданское право имѣетъ значительное вліяніе на сущность экономическихъ отношеній. Эти отношенія бываютъ различны, смотря по тому, какимъ образомъ онѣ регулируются пріобрѣтеніе и передачу имуществъ. Вліяніе политическаго права на экономическія условія тоже велико, но вліяніе гражданскаго права еще больше. Первое вліяніе есть непрямое; второе же дѣйствуетъ прямо и болѣе постоянно, потому что гражданскіе законы измѣняются гораздо менѣе чѣмъ политическія учрежденія.

Система дѣйствительныхъ правъ можетъ основываться или на томъ принципѣ, что личности имѣютъ относительно вещей только право пользованія, тогда какъ высшее право владѣнія остается за юридическими личностями общественнаго характера, т. е. за государствомъ, общиною, корпораціею, — это система общинной собственности; или же на томъ принципѣ, что личностямъ предоставляется относительно вещей право болѣе исключительное и болѣе постоянное, — это система личной собственности. Гражданское право цивилизованныхъ государствъ основывается въ настоящее время на системѣ частной собственности; однако и система общинной собственности проявляется во многихъ новыхъ законахъ; каковы на примѣръ отчужденія, безплатное обученіе, общественныя дороги съ безплатной ѣздой по нимъ, желѣзныя дороги построенныя и эксплуатируемыя государствомъ.

Разсмотрѣвши опредѣленія и исторію собственности, Гельдъ доказываетъ, что учрежденіе частной собственности, даже въ примѣненіи къ землѣ, отвѣчаетъ природѣ человека, обеспечи-

ваетъ максимумъ производства и слѣдовательно является необходимымъ для всего того будущаго, какое только можно предвидѣть. Но собственность, которая заключаетъ въ себѣ право пользованія, исключаетъ право злоупотребленія. Законы должны опредѣлять границы и обязанности собственности. Монополія держится на личной собственности, и наслѣдственность прямо вытекаетъ изъ нея. Затѣмъ слѣдуетъ рассмотреть отношеніе, въ какомъ находятся къ производству и распредѣленію богатствъ, способы приобрѣтенія, занятіе, давность, спецификація, продажа, невольничество, право залога, авторскія права, патенты, аренда и различныя формы общества.

Свобода договоровъ производитъ передачу имущества и устанавливаетъ личныя отношенія, наемъ услугъ опредѣляетъ цѣны. Но эта свобода не можетъ быть абсолютной; она ограничивается моралью и справедливостью, и законы должны положить границы, непремѣнно измѣняющіяся на различныхъ степеняхъ цивилизаціи.

Адольфъ Вагнеръ не удовольствовался начертаніемъ общаго плана, онъ пробовалъ осуществить его. Съ своимъ знаменитымъ коллегой Нассе, онъ предпринялъ пересмотрѣнное изданіе классическаго трактата патріарха нѣмецкихъ экономистовъ, Карла Рау; но, какъ и слѣдовало ожидать, то, что предполагалось только пересмотрѣннымъ изданіемъ, на дѣлѣ оказалось почти самостоятельнымъ трудомъ. Первый обширный томъ, — in-octavo въ 757 страницъ, — посвященъ изложенію принциповъ (Grundlegung) и содержитъ въ себѣ только одну часть. Послѣднія три главы трактуютъ о юридической сторонѣ экономическихъ задачъ. Заглавіе, которое они носятъ, показываетъ важность ихъ: «Объ экономической организаціи, «О государствѣ и его экономическомъ вліяніи», «Право разсматриваемое какъ регуляторъ экономическихъ отношеній».

Сначала Вагнеръ разсматриваетъ человѣка, по скольку онъ ищетъ въ трудѣ удовлетворенія своимъ потребностямъ. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ, а общество только тогда можетъ существовать, когда государство поддерживаетъ въ немъ порядокъ

и устанавливаетъ юридическую основу взаимныхъ отношеній между людьми. Эта юридическая основа есть гражданское право, изъ котораго вытекаетъ экономическая организація общества. Старые экономисты горячо возставали противъ всякой искусственной организаціи. Кажется они забыли, что право, управляющее нами, есть результатъ раціональной разработки первобытнаго римскаго права, производившейся поколѣніями юристовъ въ продолженіи тысячи лѣтъ. Мнимый естественный порядокъ, о которомъ безпрестанно говорятъ, далеко не есть дѣйствіе природы, а есть результатъ человѣческихъ, а слѣдовательно искусственныхъ законовъ.

По мнѣнію Вагнера экономическое развитіе народа зависитъ, съ одной стороны, отъ прогресса техническихъ процессовъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, а съ другой отъ состоянія законодательства, которое служитъ основой и регуляторомъ экономическихъ дѣйствій личностей. Великія юридическія учрежденія, вліяніе которыхъ нужно прослѣдить въ политической экономіи, по мнѣнію берлинскаго профессора, суть слѣдующія: индивидуальная свобода, собственность съ договорнымъ правомъ, наследственность и авторитетъ прибрѣтенныхъ правъ. Принципы, которыми регулируются эти учрежденія, нельзя считать неизмѣнными; они подлежатъ преобразованіямъ и историческому развитію. Измѣненія въ техническихъ процессахъ ведутъ почти всегда къ измѣненію юридическихъ учрежденій; такъ развитіе промышленности пораждаетъ новое промышленное право. Также точно и измѣненія права ведутъ къ измѣненіямъ въ процессахъ; такъ что Мингетти справедливо замѣтилъ, что всякій великій періодъ экономическаго прогресса основывается на соотвѣтствующей юридической системѣ.

Въ своемъ изслѣдованіи о свободѣ и собственности Вагнеръ показываетъ рѣшительное вліяніе оказываемое ими на производство и еще болѣе на распредѣленіе богатства. Въ различныхъ формахъ, которыя исторія послѣдовательно давала этимъ двумъ правамъ и въ особенности въ подробностяхъ аграрныхъ организацій различныхъ эпохъ и въ различныхъ странахъ, мы

ясно видимъ тѣсныя отношенія, связывающія политическую экономію съ правомъ. Вагнеръ высказываетъ здѣсь существенную истину, вообще не признаваемую, что собственность не есть право, имѣющее всегда и вездѣ одинаковые и, такъ сказать, необходимые признаки. Оно измѣнялось во всѣ времена смотря по соціальной средѣ, въ которой оно было признано, по приѣмамъ труда и даже смотря по предметамъ, къ которымъ оно примѣнялось *). Пока люди живутъ продуктами охоты или своими стадами, или пока земледѣліе бываетъ преимущественно экстенсивнымъ, до тѣхъ поръ земля составляетъ общую собственность всего племени. По мѣрѣ того какъ способы эксплуатаціи совершенствуются, дѣлаются болѣе «интенсивными», и слѣдовательно требуютъ употребленія большаго капитала, и по мѣрѣ того какъ въ тоже время скотъ занимаетъ уже менѣе мѣста въ земледѣльческой экономіи, а говядина въ пищу, — личная собственность постепенно распространяется, такъ что потомъ совершенно вытѣсняетъ общины, деревенскія commons, и поэтому уже ничего не остается для коллективнаго пользованія. Бенефиціи, лены, епископскій доходъ, владѣнія монастырей, колонаты, владѣнія мертвой руки, словомъ собственность во всѣхъ ея видахъ, во времена феодальнаго режима имѣла временный, пожизненный или по крайней мѣрѣ ограниченный характеръ, радикально отличающій ее отъ собственности абсолютной, отъ исключительно квинтескаго права принятаго новѣйшимъ правомъ.

Собственность на предметы потребленія совершенно отличается отъ собственности на орудія производства. Къ этимъ послѣднимъ должно быть примѣнено во всей своей силѣ то ограниченіе права пользованія и злоупотребленія, которое признается даже римскимъ правомъ, (*Jus utendi et abutendi re sua*

*) Я самъ пробовалъ доказать этотъ фактъ въ моемъ сочиненіи *La propriété et ses formes primitives*. Одинъ кенигсбергскій банкиръ, который находитъ время писать прекрасныя книги, Адольфъ Замтеръ, изложилъ тѣ же идеи въ своемъ не давно напечатанномъ трудѣ подъ заглавіемъ: *Privateigentum und gesellschaftliches Eigentum*.

quatenus juris ratio patitur): т. е, насколько то дозволяетъ основаніе породившее право, т. е. общая польза. Тогда какъ относительно предметовъ потребленія старыя регламентаціи, напримѣръ законы противъ роскоши, обязательная одежда, таксы продажныхъ цѣнъ, устанавливаемая властью, исчезаютъ, ограниченія стѣсняющія свободное пользованіе недвижимостями напротивъ умножаются и дѣлаются болѣе строгими. Такъ повсюду издаются все болѣе и болѣе строгіе законы касательно истребленія лѣсовъ, употребленія машинъ, пользованія проточными водами и организаціи труда на фабрикахъ. Въ городахъ собственникъ не можетъ начать постройки, прежде чѣмъ его планъ не будетъ одобренъ властями; его могутъ заставить сломать зданія признанныя опасными или вредными для здоровья; онъ не можетъ завести у себя промышленности, которая могла бы беспокоить его сосѣдей. Собственность на рудники также подлежитъ еще болѣе многочисленнымъ ограниченіямъ. Наконецъ вашу собственность отчуждаютъ противъ вашего желанія не только для общепользныхъ работъ, но, какъ напр. при отчужденіи цѣлыхъ мѣстностей, и для того чтобы дать возможность общинѣ или государству покрыть расходы, вызванныя произведенными улучшеніями. Вотъ нѣкоторыя примѣненія римской формулы: *Quatenus juris ratio patitur*.

§ 4.

Мы видѣли что юридическая организація общества опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ способы производства и распределенія богатства и что, слѣдовательно, для экономиста необходимо изученіе права. Знаніе политической экономіи неменѣе необходимо для законодателя вотирующаго законы, для судьи примѣняющаго ихъ, и для юристовъ, занимающихся истолкованіемъ ихъ. Конечно, если ограничиваться только толкованіемъ смысла текстовъ закона, тогда можно довольствоваться специальными коментаріями; но если мы хотимъ дойти до самаго источника юридическихъ постановленій, то встрѣтимъ экономическія основанія, которыя въ затруднительныхъ случаяхъ могутъ даже

дать вѣрное толкованіе. Я это докажу, обозрѣвши бѣгло главные предметы кодекса. Начнемъ съ собственности, какъ основы всего соціального строя.

Почему нѣкоторымъ личностямъ предоставляютъ, подъ именемъ собственности, исключительное право располагать извѣстными вещами? Потому, говорятъ теоретики естественнаго права, что это есть условіе для развитія личности и свободы человѣка. Ему нужно владѣніе, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать полновластно, иначе онъ рабъ. Собственность есть внѣшняя сфера свободы; она поэтому есть естественное право. Эта теорія неполна, если она не опирается на политическую экономію, и, во всякомъ случаѣ, она является слишкомъ абсолютной. Собственно вѣдь для удовлетворенія нашихъ матеріальныхъ нуждъ намъ необходимо исключительное право располагать извѣстными вещами. Для ангеловъ вовсе не нужно разграниченіе между добромъ и зломъ. Люди, глубоко проникнутые религіознымъ чувствомъ, какъ напримѣръ первые христіане, перестаютъ ли быть свободными вслѣдствіе того, что они не имѣютъ своего совершенно отдѣльнаго владѣнія и напротивъ, не въ абсолютномъ ли отрѣшеніи отъ земныхъ интересовъ заключается самая совершенная свобода? Кромѣ того не было ли бы совершенно достаточно предоставлять исключительное право только на предметы потребленія, на продукты личной дѣятельностью? И зачѣмъ распространять это право еще на землю, на капиталъ и даже на орудія производства? Очевидно этихъ вопросовъ нельзя рѣшить *a priori*. Для рѣшенія ихъ нужно обратиться къ экономическимъ основаніямъ. Рабочіе, фермеры, хозяева промышленности работаютъ при помощи капитала, и на землѣ, которая имъ не принадлежитъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что они лишены «внѣшней сферы ихъ личности»? Если собственность есть необходимое условіе свободы, то какимъ же образомъ вышло, что милліоны людей лишены собственности? Изъ этого мы видимъ, что одно естественное право, безъ политической экономіи, недостаточно, чтобы дать прочную основу собственности.

По теоріи римскаго права, повторяемой многими новѣйшими

юристами, собственность происходитъ отъ завладѣнія. Тотъ, кто первый завладѣлъ вещью, никому не принадлежащею, *res nullius*, этимъ самымъ приобрѣлъ право располагать ею, независимо ни отъ кого другаго. Это объясненіе еще недостаточнѣе предъидущаго. Чтобы изъ факта возникло право, нужно чтобы тотъ фактъ былъ законенъ самъ по себѣ и чтобы въ то же время было справедливо и полезно то, что тотъ фактъ произвелъ право. Итакъ завладѣніе далеко еще не можетъ служить основаніемъ для законности собственности; нужно доказать еще законность самого завладѣнія. Эта послѣдняя законность основывается на ложной гипотезѣ: въ дѣйствительности нѣтъ *res nullius*, т. е. ничьей вещи. Всякая территорія, со всѣмъ, что она въ себѣ заключаетъ, принадлежитъ, прежде чѣмъ установится частная собственность, племени или націи. Послѣдняя конечно можетъ рѣшить, что первый огородившій мѣсто или убившій штуку дичи дѣлается ихъ собственникомъ; но въ этомъ случаѣ, создаетъ собственность законъ, и, если онъ это дѣлаетъ, то вслѣдствіе мотивовъ общей пользы экономического порядка.

Достаточно ли, для того чтобы сдѣлаться собственникомъ, воткнуть свое копье въ поле или водрузить свое знамя на континентъ, и одна ли моя воля опредѣлить границы моего права? Очевидно, нѣтъ; только во имя справедливости, а не во имя факта можно требовать права располагать предметами. Такимъ образомъ завладѣніе можетъ быть способомъ приобретенія собственности, который санкціонуется закономъ; но оно не можетъ быть юридическимъ источникомъ ея.

Экономисты утверждаютъ, что истинная основа собственности есть трудъ. Справедливость требуетъ, говорятъ они, чтобы тотъ, кто создалъ цѣнность предмета, или кто сдѣлалъ почву плодородной, сдѣлался собственникомъ ихъ. Указываемое здѣсь основаніе есть чисто экономическое. И дѣйствительно можно считать идеаломъ достиженіе такихъ гражданскихъ учреждений, чтобы при нихъ каждый получалъ изъ общей суммы національныхъ продуктовъ часть пропорціональную той работѣ, ко-

торую онъ исполнилъ въ дѣлѣ производства. Но экономисты не предвидѣли, къ чему можетъ повести такая теорія. Она то и дала социалистамъ въ руки самое опасное оружіе. Если цѣнность создается трудомъ, говорятъ они, то продуктъ труда всецѣло долженъ принадлежать рабочему. Слѣдовательно, по вашему мнѣнію, основа собственности есть трудъ. Въ такомъ случаѣ, объясните намъ пожалуйста, почему же вышло такъ, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ трудящіеся ничѣмъ не владѣютъ, а владѣющіе не трудятся? Изъ этого видно, что если теорія экономистовъ можетъ сдѣлаться основой для будущаго юридическаго порядка, то при настоящемъ порядкѣ она не составляетъ такой основы.

Еще есть теорія договора и теорія закона. Говорятъ, люди первоначально составили договоръ для замѣны общинной собственности частною. Это очевидно воображаемый фактъ, который если бы и былъ дѣйствителенъ, то не могъ бы служить основой нынѣшнимъ учрежденіямъ. Какимъ образомъ цивилизованныя общества могли бы считать для себя обязательнымъ договоръ, заключенный ихъ предками находившимися въ дикомъ состояніи? Единственная, имѣющая важное значеніе вещь — это тотъ мотивъ, который заставилъ ихъ отказаться отъ общины. Этимъ мотивомъ было то, что внѣ общины личность стала свободнѣе и трудолюбивѣе, и слѣдовательно земля стала лучше обрабатываться. Вотъ причина, почему въ историческомъ ходѣ, путемъ послѣдовательнаго прогресса, частная собственность мало по малу замѣнила коллективную. А эта причина очевидно есть экономическій порядокъ.

Теорія договора потеряла кредитъ, но та теорія, которая выводитъ собственность изъ положительнаго закона, еще имѣетъ много послѣдователей. Дѣйствительно очевидно, что именно законъ устанавливаетъ собственность и опредѣляетъ привилегіи, обязанности, границы и способы пріобрѣтенія. Но законодатель не можетъ создать права, потому что онъ можетъ постановить правила противныя справедливости. Его постановленія могутъ быть законны только при томъ условіи, чтобы они были со-

гласны съ справедливостью и общимъ порядкомъ. Итакъ право вытекаетъ изъ этого порядка, а не изъ договора или изъ чело-вѣческой воли.

Въ каждый моментъ существуетъ для народа порядокъ или совокупность учрежденій и правилъ, которыя наиболѣе благо-пріятствуютъ благосостоянію и прогресу личности и общества. Законы, сообразные съ этимъ порядкомъ, хорошіе законы, а тѣ, которые противны ему, дурные законы. Вотъ право, т. е. пря-мая дорога, кратчайшій и лучшій путь къ усовершенствованію. Этотъ порядокъ очевидно неодинаковъ во всѣ времена и для всѣхъ народовъ. Режимъ, прекрасный для цивилизованныхъ лю-дей, привелъ бы дикарей къ гибели. Ученые должны найти это право, а законодатель долженъ провозгласить его.

Думать, что законодатель создаетъ право, значитъ сказать, что чело-вѣкъ создаетъ истину. Если частная собственность есть форма наиболѣе благопріятствующая свободѣ и благосостоянію чело-вѣка, то слѣдуетъ чтобы законъ установилъ ее. Еслибы былъ болѣе выгоденъ другой способъ владѣнія, тогда его слѣ-довало бы принять. Когда мы ищемъ истинной основы учреж-деній, то недостаточно ссылаться только на законы ихъ создаю-щія, а слѣдуетъ подняться до причинъ, дѣлающихъ эти законы справедливыми и хорошими.

Мы бѣгло очертили главныя пять теорій о происхожденіи собственности. Всѣ онѣ, въ томъ что есть въ нихъ основатель-наго, опираются на соображенія экономическаго порядка. Въ сущности мотивы, дѣлающіе законной личную собственность, очень просты. Во первыхъ, справедливо вознаграждать трудъ и жертвы личности, присвоивая ей плоды ея труда; во-вторыхъ, предоставить личности исключительное распоряженіе предметами произведенными ею и даже частью земли, это лучшее средство побудить ее производить возможно болѣе и, слѣдовательно, улуч-шить ея положеніе, этимъ самымъ способствуя увеличенію національнаго богатства. Итакъ экономическая польза состав-ляетъ истинную основу собственности; она опредѣляетъ, каковы должны быть ея привилегіи, обязанности и границы.

Какъ показали Вагнеръ, чисто отъ экономическихъ причинъ зависитъ то, что права даваемая собственностью бываютъ болѣе или менѣе обширны, смотря по различнымъ предметамъ, составляющимъ собственность: они бываютъ почти абсолютны, когда собственность составляютъ движимые предметы, но на пахатную землю эти права уже ограничены; еще менѣе полны они на дома и лѣса, и наконецъ на рудники и желѣзныя дороги они очень ограничены вмѣшательствомъ общественной власти.

Нигдѣ не выказывается такъ ясно истинное основаніе собственности, какъ въ соображеніяхъ приводимыхъ въ пользу установленія новаго права, называемаго интеллектуальной собственностью, права авторовъ, изобрѣтателей, патентовъ, фабричныхъ клеймъ и фирмъ. Указываются два мотива этого новаго права: мотивъ справедливости и мотивъ полезности. Справедливость требуетъ, чтобы сочинившій книгу или художественное произведеніе, изобрѣвшій промышленный способъ, или основавшій торговый домъ былъ вознагражденъ за свои заслуги и усилія. Это есть лучшее средство, чтобы увеличить число хорошихъ книгъ, хорошихъ картинъ, полезныхъ изобрѣтеній, которыми воспользуется все общество. При этомъ ограничиваютъ продолжительность этого права, предполагая, что извѣстное число лѣтъ монополіи достаточно для возбужденія генія, и что затѣмъ будетъ полезнѣе, если всѣ стануть пользоваться идеей, не платя вознагражденія наследникамъ того, кто ее выработалъ. Такимъ образомъ старались согласить интересъ частный съ интересомъ общимъ. Только одинъ опытъ, т. е. изслѣдованіе полученныхъ интересовъ, можетъ рѣшить достигнута ли цѣль. Тоже самое примѣнимо и къ другимъ родамъ собственности. Не философскими выводами, но только изученіемъ фактовъ, исторіи и статистики можно опредѣлить, какія ограниченія нужно наложить на частную собственность, смотря по тѣмъ предметамъ, къ которымъ она примѣняется.

Разсмотримъ нѣсколько частныхъ примѣровъ: почему учреждено совмѣстное владѣніе? Вслѣдствіе экономическихъ причинъ.

Для меня полезно, чтобы я могъ спускать мою грязную воду, или воспользоваться общеою съ сосѣдомъ стѣною, чтобы она служила опорой для моихъ построекъ. Для васъ это не выгодно; но этого требуетъ общій интересъ; и законъ даетъ мнѣ на это право. Моя земля вдается въ вашу; для меня полезно, чтобы я могъ обрабатывать мое поле, и потому васъ заставляютъ давать мнѣ проѣздъ по вашей землѣ.

Въ законѣ о давности ясно видно, что право должно уступать экономическому интересу. По своему существу всякое право вѣчно: оно не должно прекращаться за давностью времени. Между тѣмъ римское право, а вслѣдъ за нимъ и новое право, узаконяють, что тотъ, кто владѣлъ имуществомъ въ продолженіи десяти или двадцати лѣтъ честно и справедливо, приобрѣтаетъ право собственности на него противъ желанія и можетъ быть безъ всякой вины со стороны дѣйствительнаго собственника. Почему же дѣлается такое нарушеніе юридическихъ принциповъ? Послушайте юристовъ: они ссылаются на соображенія экономическаго порядка. Тотъ, кто дѣлаетъ имущество цѣннымъ, сохраняетъ его и улучшаетъ, влагаетъ въ него, такъ сказать, часть самого себя: оно есть какъ будто продолженіе и принадлежность его личности. Это очевидно теорія экономистовъ. Затѣмъ, собственность не можетъ долго оставаться въ бездѣйствіи и неопредѣленности безъ того, чтобы не пострадалъ общій интересъ. Тролонъ, въ своемъ извѣстномъ трактатѣ о давности, развиваетъ эти соображенія такъ, какъ бы это сдѣлалъ Смитъ или Ж. Б. Сей. Значитъ политическая экономія здѣсь окончательно рѣшаетъ вопросъ.

Послѣ собственности опредѣляетъ распредѣленіе имущества система наслѣдственности. Свободный договоръ, отъ котораго по мнѣнію экономиста все зависитъ, входитъ въ дѣйствіе только тогда, когда законы наслѣдственности уже опредѣлили часть каждаго. Какое же основаніе этихъ законовъ? Это не есть естественное право потомковъ, говорятъ юристы. Дѣйствительно, наслѣдники, даже дѣти, не имѣютъ абсолютнаго права на наслѣдство, потому что они могутъ быть исключены изъ наслѣд-

ства. Съ другой стороны, предполагаемая, или даже выраженная покойнымъ воля, не составляетъ закона, потому что многіе кодексы ставятъ для нея ограниченія болѣе или менѣе узкія. Очевидно, что экономическій интересъ, понимаемый такъ или иначе, служить основаніемъ для различныхъ системъ наслѣдованія.

Въ Римѣ воля человѣка рѣшала къ кому должно перейти его состояніе. Завѣщаніе имѣло неограниченную силу. *Uti legasset ita jus esto*. У германцевъ, какъ и у славянъ и какъ вездѣ въ первобытныя времена, не было завѣщанія. *Apud eos nullum testamentum*, говоритъ Тацитъ въ своей «Германіи». Дѣти были, такъ сказать, со-собственниками, или вѣрнѣе имуществомъ владѣло семейство, рассматриваемое какъ постоянная, юридическая личность. Послѣдовательныя поколѣнія только пользовались имъ. У германцевъ въ прежнее время, какъ въ Великороссіи въ настоящее время, наслѣдственность примѣнялась только къ движимости и къ дому, съ прилегающею къ нему усадьбой. Владѣніе же землей было временное или пожизненное.

Почему установилась наслѣдственность? Не вслѣдствіе мотива справедливости. По новѣйшимъ идеямъ, заслуга или безчестіе не переходятъ къ наслѣдникамъ. Теперь уже никто не признаетъ, что «проклятіе вѣчно переходитъ изъ рода въ родъ». Мой отецъ занималъ высшую должность, потому что былъ того достоинъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣ него она перешла ко мнѣ. Точно также, если онъ сдѣлалъ преступленіе, то было бы несправедливо заставить меня нести за него наказаніе. Отвѣтственность есть дѣло личное; каждый получаетъ должное за свою личную заслугу, или за свой проступокъ. Лѣнтяя должны всегда подвергаться непосредственнымъ послѣдствіямъ своей лѣности, а человѣкъ трудолюбивый пользоваться плодами своего труда. Соображенія, поведшія къ установленію наслѣдственности, и причины, исторически содѣйствовавшія ея развитію, были исключительно экономическія. Отнимите у отца увѣренность, что плоды его труда, и въ особенности плоды его сбереженій, перейдутъ къ его дѣтямъ, и тотчасъ же онъ ста-

нетъ менѣе дѣятельнымъ, и будетъ немедленно потреблять все, что онъ производитъ. Производительность уменьшится, и вовсе прекратится накопленіе капитала. Итакъ наслѣдственность полезна, какъ стимулъ къ увеличенію богатства.

До какихъ степеней должно распространяться побочное наслѣдованіе? Очевидно не дальше той степени, гдѣ оно можетъ дѣйствовать какъ стимулъ къ труду и сбереженію. Далѣе, оно служить только источникомъ процессовъ. По этой причинѣ многіе законовѣды предлагаютъ ограничить право наслѣдованія до пятой или шестой степени.

Отецъ семейства можетъ ли свободно располагать, даже послѣ своей смерти, всѣмъ своимъ состояніемъ, или слѣдуетъ установить законную часть въ пользу дѣтей? Большинство экономистовъ требуютъ абсолютной свободы завѣщанія. Леплэ, множествомъ фактовъ и доводовъ, которые убѣдили многихъ, показалъ, что эта обязательная законная часть есть одна изъ главныхъ причинъ соціальной дезорганизациі. Это гибельное ограниченіе, по его мнѣнію, подрываетъ отеческій авторитетъ, отнимаетъ послѣдовательность и непрерывность у промышленныхъ предприятий, производитъ раздробленіе земель и причиняетъ множество другихъ золъ. Авторы гражданскаго кодекса имѣли въ виду благопріятствовать прогрессу равенства и распределенію собственности между возможно большимъ числомъ рукъ. Вотъ почему они уничтожили маіораты, субституты и абсолютную свободу завѣщанія. Кто правъ, гражданскій кодексъ или Леплэ? Вопросъ трудно разрѣшимый и представляющій множество разныхъ сторонъ. Я не берусь даже разбирать ихъ здѣсь. Все, что я хочу доказать, это то, что для рѣшенія того, какая изъ двухъ системъ лучше, нужно обратиться къ экономическимъ фактамъ и рассмотреть, какая изъ нихъ болѣе содѣйствуетъ общественному благосостоянію *).

*) Доказательства, представляемыя съ обѣихъ сторонъ, были прекрасно резюмированы Тири, ректоромъ лютихскаго университета (*De la réserve et de la liberté testamentaire*). Тири, высказавшійся въ пользу законной части, выставилъ на видъ экономическую сторону вопроса. „Между гражданскими

Если разсмотрѣть такимъ же образомъ другіе отдѣлы гражданскаго кодекса, опеку, брачный контрактъ и его различныя системы, общинность легальную и общинность договорную, правила о приданомъ, контракты продажи и найма, привилегіи и ипотеки, тогда будетъ ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ законодатель имѣлъ въ виду санкціонировать все то, что обезпечиваетъ сохраненіе имущества, хорошее распоряженіе имъ и легкую передачу его; а все это и составляетъ цѣль политической экономіи. Цѣль различныхъ соціальныхъ наукъ одинакова, а именно довести человѣка до высшей степени совершенства, какого онъ только можетъ достигнуть. Только каждая изъ нихъ занимается тѣми средствами, которыя относятся къ ея области. Право опредѣляетъ отношенія людей между собой и къ вещамъ; политическая экономія, изучая дѣйствія законовъ, подсказываетъ положительному праву правила, которыя оно должно санкціонировать.

§ 5.

Торговля и промышленность, по мѣрѣ своего развитія, занимаютъ все болѣе и болѣе значительное мѣсто въ новѣйшемъ правѣ. Коммерческое и промышленное право съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Главныя дѣла, занимающія судебныя мѣста, относятся къ рудникамъ, желѣзнымъ дорогамъ, фабрикамъ, большимъ предпріятіямъ всякаго рода эксплуатирующимъ національный фондъ. Акціонерныя общества, банкротства, правила счетоводства, отвѣтственность при транспортированіи ежедневно подаютъ поводъ къ спорамъ самымъ важнымъ. Имущество, со-

---

законами относительно имущества, говоритъ онъ, ни одинъ не имѣетъ такой важности, какъ тотъ, который опредѣляетъ переходъ имущества, оставляемаго нами послѣ себя. Отъ этого закона не только зависитъ справедливое распределеніе богатствъ оставленныхъ покойнымъ, а слѣдовательно болѣе или менѣе дѣятельное созданіе новыхъ богатствъ при помощи первыхъ, но, кромѣ того, онъ еще сильно вліяетъ на устройство семъ бы, на отношенія ея членовъ, на доброе согласіе и привязанность, которыя должны царствовать между ними и, слѣдовательно, на общественный порядокъ“.

стоящее изъ всякаго рода цѣнныхъ бумагъ уже превышаетъ недвижимое имущество и такимъ образомъ въ процессахъ, имѣющихъ предметомъ цѣнности первой категоріи, дѣло идетъ объ интересахъ болѣе значительныхъ, чѣмъ интересы связанные съ недвижимымъ имуществомъ. Поэтому адвокату и судья необходимо знать политическую экономію, чтобы судить о всѣхъ этихъ вопросахъ, въ сущности своей экономическихъ.

Я дѣлаю еще одно послѣднее замѣчаніе. Юристъ не можетъ не знать главныхъ историческихъ фактовъ, потому что теперь болѣе и болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что право образовалось путемъ историческимъ. Но когда мы доходимъ до причинъ произведшихъ великія событія, на примѣръ величіе и паденіе народовъ, то всегда находимъ въ числѣ ихъ и экономическія причины. И это очень понятно: народонаселеніе и богатство составляютъ могущество государствъ, а когда они уменьшаются, то это влечетъ за собою упадокъ.

Западная цивилизація началась въ Египтѣ, потому что Ниль доставлялъ богатство, такъ сказать, совершенно готовое, и эта страна, благопріятствуемая природой, процвѣтала, несмотря на всѣ превратности, такъ какъ ея благосостояніе было дѣломъ природы, а не человѣка.

Греческія республики всѣ пали вслѣдствіе социальныхъ затрудненій, которыя и теперь волнуютъ новыя общества и грозятъ имъ опасностью. Въ началѣ, среди всеобщей умѣренности, всѣ граждане имѣли какое нибудь имущество, и законодатели разными средствами, которыя описаны Аристотелемъ, старались поддержать равенство состояній. При рабствѣ свободный человѣкъ не могъ или не хотѣлъ жить своимъ трудомъ; и потому когда у него оставались однѣ только руки, онъ становился опаснымъ для установившагося порядка. По мѣрѣ того какъ богатые захватывали самую обширную часть народнаго имущества число пролетаріевъ увеличивалось. Вслѣдствіе этого возникла борьба между бѣдными и богатыми, вспыхнувшая одновременно, но послѣдовательно повсюду. Послѣ цѣлаго ряда революцій и контръ-революцій, періодовъ анархіи и деспотизма, по-

рождающихъ другъ друга, эта борьба была причиною гибели свободы и благосостоянія и привела къ паденію государства.

Исторія римской имперіи представляетъ намъ такой же урокъ. Въ началѣ мы видимъ въ Италіи много маленькихъ республикъ, свободныхъ крестьянъ, трудолюбивыхъ, равноправныхъ, носящихъ оружіе, обрабатывающихъ свое маленькое поле и содержащихъ многочисленныя стада на общинномъ пастбищѣ. Эти республики были очень похожи на первоначальные кантоны Швейцаріи. Таковъ былъ сначала и Римъ. Въ то время, когда онъ уже достигъ могущества, его великіе люди еще сами управляли плугомъ. Но непрерывныя войны раззоряютъ плебеевъ. Патриціи захватили общественныя земли, *ager publicus*, безпрестанно увеличивавшіяся вслѣдствіе конфискаціи земель побѣжденныхъ. Война доставляла имъ невольниковъ для обработки этихъ земель. Такъ образовались латифундіи. Тиверій Гракхъ, возвращаясь изъ Испаніи, и проѣзжая Италію, видѣлъ только пустынные деревни. Свободный челоѣкъ исчезъ. Обработка полей прекратилась. Остались только огромныя пастбища, по которымъ бродятъ стада быковъ и невольниковъ.

Гракхъ понялъ причину зла; онъ захотѣлъ сдѣлать то, что сдѣлала французская революція: создать и увеличить мелкихъ собственниковъ, раздѣливши равномѣрно *ager publicus*; но, ни его аграрныя законы, ни законы Лицинія и двадцати другихъ народныхъ трибуновъ, ни раздача земель великодушными побѣдителями, не остановили хода насильнаго завладѣнія крупною собственностью и раззоренія свободныхъ людей. Неравенство постоянно усиливалось. Знатные богатѣютъ посредствомъ ограбленія провинцій. Процессъ Верра показываетъ намъ, какъ это дѣлалось. Число бѣдныхъ все возрастало. Когда республика стала добычей нѣсколькихъ олигарховъ, которые изъ за нея спорили между собою, то она уже созрѣла для деспотизма. Хотя власть иногда и попадала въ руки людей, желавшихъ добра, но имперія все таки только придавала еще большую силу причинамъ соціальной дезорганизации. Уменьшеніе народонаселенія шло быстро какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. Когда яви-

лись варвары, то они мало по малу заняли пустыя мѣста. Латифундіи и рабство погубили все.

Въ новѣйшей исторіи нѣтъ ни одного факта болѣе поразительнаго, чѣмъ быстрое паденіи Испаніи, начиная съ XVI вѣка. До Карла V она была населена, богата, очень хорошо обработана, пользовалась мѣстной свободой, большей, чѣмъ у какого либо другаго народа, и въ ней процвѣтали всѣ роды промышленности; особенно славились: кожи въ Кордовѣ, оружіе въ Толедо, сукна въ Сеговіи, шелковыя издѣлья въ Севильѣ, войлокъ въ Валенціи. Цѣлымъ рядомъ политическихъ преступленій и экономическихъ ошибокъ, евреи, т. е. банки и торговля, мавры, т. е. земледѣліе, были истреблены, трудъ былъ подвергнутъ штрафу, промышленность падавлена нелѣпыми поборами, дѣятельность, инициатива были убиты деспотизмомъ и теократіей, все разорено налогами. Богатство истощилось, народонаселеніе исчезло, фермы были покинуты, вездѣ были *despoblados*, пустыня; подобно Италіи послѣ Гракховъ, Кастилія становится пастбищемъ, по которому бродятъ бараны *mesta*. Даже дворъ обнищаль. Одни монастыри были богаты и многолюдны. Менѣе чѣмъ въ теченіи одного вѣка, Испанія, заставлявшая трепетать всю Европу, доведена была до того, что стала государствомъ третьей степени.

Въ это же время свобода и торговля возвышаютъ Голландію и затѣмъ Англію, которыя по очереди господствуютъ на океанѣ. Все это было слѣдствіемъ экономическихъ причинъ.

Прочитайте въ прекрасной книгѣ Тена, *«Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи»*, главу, гдѣ онъ рисуешь ужасающую нищету народа при старомъ режимѣ. Это точная параллель Испаніи при потомкахъ Филиппа II. И здѣсь земля также остается необработанною; самые предприимчивые граждане изгнаны религіозною нетерпимостью; браки бесплодны; народонаселеніе уменьшилось; источники богатствъ изсякли. Деспотизмъ совершилъ и здѣсь, какъ вездѣ, свое гибельное дѣло разоренія и опустошенія.

Вслѣдствіе какихъ причинъ первенство Германской имперіи перешло изъ рукъ Австріи къ Пруссіи? Одинъ Гогенцол-

лерьнъ, не богатый, но очень экономый, Нюрнбергскій маркграфъ, ссужаетъ деньгами жившаго роскошно и расточительно императора Сигизмунда. Не будучи въ состояніи уплатить своему кредитору ни процентовъ, ни капитала, онъ въ уплату долга далъ ему Бранденбургское герцогство. Такъ возникла Пруссія, которая среди своихъ сыпучихъ песковъ возвышается вслѣдствіе экономіи. Фридрихъ II, типъ расы, формуетъ націю по своему образцу. Не имѣя личныхъ потребностей, онъ жертвуетъ всѣмъ для блага страны. Онъ основалъ конскіе заводы, создалъ образцовыя фермы; построилъ школы, дороги, плотины; и такимъ образомъ, несмотря на бѣдствія войны, обогатилъ свою страну, тогда какъ Людовикъ XIV и Людовикъ XV раззорили свою страну. Въ рѣшительный день битвы при Садовой бѣдная Пруссія оказалась снабженной самыми усовершенствованными военными средствами, потому что она умѣла пользоваться съ самой строгой экономіей своими ограниченными средствами; и такимъ образомъ она побѣдила Австрію, гораздо болѣе богатую, болѣе сильную, но всегда дурно управляемую.

Посмотрите, что произошло на Востокѣ. Турція, не смотря на храбрость своихъ солдатъ, потерпѣла пораженіе не столько вслѣдствіе побѣдъ своихъ враговъ, сколько вслѣдствіе экономической неспособности. Турки сдѣлали безплодными всѣ страны, которыя имъ принадлежали. Они никогда не дѣлали ничего, чтобы благопріятствовать труду. Они даже довели до разрушенія дороги и мосты построенные до нихъ. Они не сумѣли создать капитала, а ихъ дурная податная система препятствовала и подвластнымъ имъ народамъ скопить капиталъ. Такимъ образомъ оттоманская имперія, зараженная неизлечимою экономическою болѣзнью, постоянно клонилась къ упадку. Она постепенно лишалась большей части своихъ провинцій, границы ея сѣзузились, народонаселеніе уменьшилось. Доходы растрочены, казна оказалась пустою и банкротство убило кредитъ. Желѣзныя дороги, эксплуатація рудниковъ и крупная промышленность только ухудшили-бы положеніе турокъ, потому что эти предпріятія

принесли бы пользу христіанамъ, которые такимъ образомъ приобрѣли бы господство.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно для доказательства того, что настоящая исторія, т. е. исторія величія и паденія народовъ, объясняется только политическою экономіею. Она не менѣе необходима и для того, чтобы проникнуть въ сущность права и политики.

ГЛАВА VI.

Роскошь и ея отношенія къ морали, праву и политической экономіи.

Въ XVIII вѣкѣ долго и горячо обсуждался вопросъ о роскоши. Въ настоящее же время довольствуются тѣмъ, что живутъ въ роскоши и доводятъ ее до крайности. Полезна ли роскошь? Вотъ вопросъ, который нужно рѣшить. Я читалъ, не помню гдѣ, одну фразу, которая, мнѣ кажется, отлично резюмируетъ споръ. Одинъ финансистъ и одинъ экономистъ прошлаго вѣка сильно спорили между собою объ этомъ предметѣ и высказывали совершенно противоположныя мнѣнія. Я полагаю, говорилъ финансистъ, что роскошь поддерживаетъ государства. Да, отвѣчала экономистъ, «какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго». Я согласенъ съ мнѣніемъ экономиста. Древніе философы и отцы церкви осуждали роскошь въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, и они были правы. Она вредна для личности и пагубна для общества. Первобытное христіанство отвергало ее во имя любви и человѣчества, политическая экономія во имя пользы, а право во имя справедливости.

Бодрильяръ поступилъ основательно, возбудивъ снова этотъ вопросъ *). Это современный вопросъ, потому что онъ касается самого основанія соціальной борьбы, которая въ будущемъ гро-

*) *Histoire du luxe privé et public, Бодрильяра, члена de l'Institut; 4 т. Парижъ 1878—1880; Гашеттъ.*

зить большой опасностью цивилизованнымъ обществамъ. *Исторія роскоши*, изданная Бодрильярромъ, есть образцовое произведеніе, которое никогда не потеряетъ своего значенія. Кромѣ того, что рѣдко бываетъ у экономистовъ, эта книга прекрасно написана: подъ этимъ я разумѣю, что авторъ далъ своей мысли законченную форму, какъ дѣлали классики. Что такое стиль? Все и ничто. Ничто, потому что можно сказать, что важно только самое содержаніе. Все, потому что стиль обезпечиваетъ прочное и долгое существованіе сочиненія. Не слѣдуетъ довольствоваться только импровизаціей, какъ это часто заставляютъ насъ теперь дѣлать летучія потребности настоящей минуты. Любовь къ истинѣ должна побуждать насъ формулировать ее какъ можно лучше. При исполненіи этого условія, все сказанное поражаетъ сильнѣе, и производитъ впечатлѣніе болѣе продолжительное. Именно благодаря этому, сужденія Токвиля стали изреченіями, которыя циркулируютъ въ политическихъ преніяхъ какъ ходячая монета.

Бодрильяръ былъ вполне подготовленъ къ изслѣдованію этого предмета, касающагося въ одно и тоже время нравственности, права, политики и философіи. Давно уже онъ отсталъ отъ той школы, которая ограничиваетъ изслѣдованія политической экономіи только простымъ наблюденіемъ современныхъ явленій. Въ своей превосходной книгѣ, *Rapports de l'économie politique et de la morale*, получившей премію Института, онъ указываетъ на существующую между экономіей и моралью тѣсную связь. Въ своихъ этюдахъ о политической экономіи, онъ всегда основываетъ свои сужденія на философскихъ идеяхъ. Наконецъ, въ новой книгѣ, содержащей результатъ изслѣдованій о положеніи сельскаго класса въ Нормандіи, онъ рисуетъ картину его прежняго положенія съ начала среднихъ вѣковъ, въ которой нельзя не узнать пера историка.

Бодрильяръ также воспользовался своими разнообразными познаніями и своими талантами и въ *Исторіи роскоши*, которая есть результатъ двадцати-лѣтняго прилежнаго труда. Съ самаго начала онъ излагаетъ то, что можно назвать теоріей

роскоши. Онъ показываетъ ея происхожденіе и разбираетъ, какъ слѣдуетъ ее понимать. Это нравственная и философская часть труда, къ которой я скоро возвращусь. Затѣмъ онъ описываетъ роскошь въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ: въ верхней Азіи, въ Іудеѣ, въ Египтѣ, въ Греціи, въ Римѣ, въ средніе вѣка и въ новѣйшее время. Это отдѣлъ историческій.

Картина этихъ различныхъ цивилизацій съ ихъ нравами, обычаями и изящными искусствами, представляетъ такое увлекательное чтеніе, что невозможно оторваться отъ этого сочиненія, не кончивъ послѣдняго четвертаго тома его. Бодрильяру пришла счастливая мысль привести или резюмировать сужденія о роскоши, высказанныя въ разныя эпохи, такъ что такимъ образомъ можно прослѣдить всѣ разнообразныя взгляды чело-вѣческаго ума на этотъ важный вопросъ. Изъ этого изложенія взглядовъ видно, что только въ эпоху нравственнаго расслабленія находились писатели одобрявшіе роскошь.

§ 1.

Надо во первыхъ установить смыслъ слова роскошь. Бодрильяръ не останавливается долго на ея опредѣленіи. Онъ полагаетъ, что каждый знаетъ, что такое роскошь. Я не ставлю это ему въ вину, но не мѣшало бы, еслибы въ опредѣленіи было больше точности. Итакъ, я называю предметомъ роскоши каждую вещь, которая не составляетъ первой потребности, стоитъ большихъ денегъ, а слѣдовательно труда и доступна только не многимъ. Потребленіе предметовъ роскоши уничтожаетъ продуктъ многихъ рабочихъ дней, не доставляя никакого рациональнаго удовольствія тому, кто ихъ потребляетъ *).

*) Кератри называетъ роскошью то, „что создаетъ ложныя потребности, преувеличиваетъ дѣйствительныя потребности, отдаляетъ ихъ отъ цѣли, устанавливаетъ соперничество расточительности между гражданами, однимъ доставляя удовольствія самолюбія возбуждающія гордость, но не удовлетворяющія сердца, а другимъ представляя картину счастья, котораго они не въ состояніи достигнуть“.

Эта царица бала обрываетъ въ вихрѣ вальса кружевную юбку стоящую 10,000 франковъ, что равняется продукту 50,000 часовъ утомительнаго для глазъ труда, уничтоженному въ одну минуту. И какая же польза получилась отъ этого?

Лучшее по моему опредѣленіе роскоши есть то, въ которомъ уже содержится осужденіе ея. Изъ этого слѣдуетъ также, что предметъ въ одно время будетъ роскошью, а въ другое перестанетъ ею быть, какъ только возможно будетъ пріобрѣсть его безъ большихъ издержекъ. Какъ говоритъ Рошеръ, написавшій объ этомъ предметѣ дѣльныя главы *), роскошь есть понятие совершенно относительное. Каждый народъ и каждая эпоха считаютъ излишнимъ все то, безъ чего они привыкли обходиться. Гаррисонъ, въ хроникѣ Hollinshed, приходитъ въ негодование отъ изнѣженности англичанъ его времени (1577), которые повсюду заводятъ трубы вмѣсто того, чтобы давать дыму выходъ черезъ щели крышъ, и которые замѣняютъ старинныя деревянныя чашки каменной или даже оловянной посудой. Тотъ же авторъ негодуетъ на употребленіе для построекъ дуба вмѣсто ивы. «Прежде, восклицаетъ онъ, дома строились изъ ивы, но люди были крѣпки какъ дубъ; теперь наоборотъ». Въ средніе вѣка бѣлье составляло такую рѣдкость, что принцессы давали въ подарокъ своимъ женихамъ рубашку, и что обыкновенно ложасть въ постель, снимали съ себя даже эту первую одежду. Въ настоящее время, составляло бы верхъ нищеты, если бы пришлось обходиться безъ рубашки. Когда пестрыя ткани и кисея доставлялись изъ Индіи, то ихъ могли носить однѣ богатыя дамы; теперь же и рабочіе ими пренебрегаютъ. Такимъ образомъ успѣхи механики даютъ возможность большому числу людей пользоваться разными предметами. Но опредѣленіе роскоши все-таки должно остаться тоже: предметъ роскоши все то, что въ одно и тоже время и излишне и дорого.

Бодрильяръ дѣлаетъ глубокій и въ тоже время тонкій анализъ различныхъ чувствъ человѣка, порождающихъ роскошь.

*) Die Grundlagen der Nationalökonomie, IV. 2.

Онъ находитъ три чувства, которыя считаетъ естественными и всеобщими: тщеславіе, чувственность и инстинктъ къ украшенію.

Прежде всего дѣйствуетъ тщеславіе. Хочется отличиться и казаться лучше другихъ. Такъ какъ толпа удивляется богатству и силѣ, то считается счастливымъ тотъ, кто слыветъ сильнымъ и богатымъ. Вотъ жемчужное ожерелье: женщина платитъ за него 50,000 франковъ. Для того ли она покупаетъ, чтобы имѣть красивую вещь, или она надѣется, что надѣвши его, она сама станетъ красивѣе? Нѣтъ, потому что поддѣльный жемчугъ болѣе правиленъ и также блеститъ. Но ожерелье, стоящее такъ дорого, будетъ эмблемой и вывѣской ея богатства. Увидя ее, всѣ скажутъ: она богата! — и ея соперницы, менѣе богатая, будутъ завидовать, что еще сильнѣе возбудитъ тщеславіе. Ищутъ собственнаго удовлетворенія, и, такъ сказать, искусственнаго существованія въ мнѣніи другихъ. Это общее и очень сильное чувство. Когда общественное мнѣніе преклоняется только передъ добродѣтелью, то самолюбіе или тщеславіе становится сильнымъ стимуломъ къ добру. Когда же, напротивъ, общественное мнѣніе поклоняется богатству, то самолюбіе побуждаетъ къ роскоши и разврату.

Тщеславіе и порождаемая имъ любовь къ украшенію очень сильны у дикаря, который татуируется, еще не употребляя одежды; но они бываютъ утонченнѣе у человѣка цивилизованнаго въ такъ называемомъ свѣтѣ. Впрочемъ высшая культура и сила ума умѣряютъ ихъ и даютъ имъ менѣе дурное направленіе. Прежде и мужчины носили подобно женщинамъ цвѣтныя матеріи, галуны, кружева, драгоценныя камни, что сохранилось до сихъ поръ въ Китаѣ и у дикихъ народовъ. Но, съ начала нынѣшняго вѣка, цивилизованныя націи заимствовали у англичанъ черное платье квакера. Если мужчина носитъ брильянты, хотя бы въ видѣ запонокъ на рубашкѣ, то это считается дурнымъ вкусомъ. Простота, аккуратность и крайняя чистота составляютъ все изящество мужчины. Женщины, напротивъ, любятъ еще, какъ во времена доисторическія,

или на островахъ Тихаго Океана, прокалывать себѣ уши, чтобы вставлять драгоценныя каменья, или надѣвають на шею бусы, или маленькія металлическія украшенія. Онѣ каждый годъ придумываютъ новые фасоны, чтобы дѣлать свои платья болѣе неудобными и дорогими. Какимъ средствомъ можно излечить ихъ отъ этой слабости, унаслѣдованной ими отъ первобытнаго варварства? Стюартъ Милль указалъ намъ его въ своей книгѣ о положеніи женщины. Дайте ей необходимое образованіе, чтобы она могла заняться умственными предметами, и, подобно современному мужчинѣ, она перестанетъ находить удовольствіе въ придумываніи нарядовъ и бездѣлушекъ. Все это мечта, скажутъ, женское тщеславіе недугъ неисцѣлимый. Я этого не думаю. Христіанство произвело же это чудо у квакеровъ и въ монастыряхъ; почему же чувство справедливости въ союзѣ съ умственнымъ развитіемъ не можетъ повторить этого чуда?

Еще недалеко, то время, когда Букингамъ при французскомъ дворѣ носилъ на своемъ платьѣ столько брилліантовъ, что рассыпавши ихъ по паркету, могъ любоваться, какъ фрейлины королевы становились на колѣна, чтобы ихъ подбирать. Если черный фракъ замѣнилъ шелковыя платья и кружева, то почему не можетъ произойти такая же перемѣна въ костюмѣ женщинъ? Въ классической древности люди довольствовались шерстяной туникой и хламидой изъ тонкой шерсти? Такъ какъ роскошь имѣетъ своимъ источникомъ тщеславіе, то слѣдовало бы измѣнить общественное мнѣніе. Если бы общественное мнѣніе было настолько развито, чтобы понимать, что роскошь есть вещь варварская, ребяческая, безнравственная, а главное не справедливая, то женщина, которая теперь наряжается въ дорогія платья, чтобы нравиться и импонировать, довольствовалась бы на украшеніе себя небольшими издержками, что было бы самымъ лучшимъ способомъ мило украсить себя.

Самое краснорѣчивое обличеніе роскоши, возбуждаемой тщеславіемъ, мы находимъ у церковныхъ проповѣдниковъ. У Боссюэ есть прекрасныя мѣста по этому предмету. «Посмотрите на эту женщину въ ея нарядѣ, съ надменной красотой. Она

хочетъ побѣждать, хочетъ быть обожаема какъ богиня человѣческаго рода, но прежде всего она поклоняется сама себѣ; она сама свой кумирь». Въ другомъ мѣстѣ: «мужчины выставляютъ на показъ ихъ дочерей, чтобы выказать свое тщеславіе и быть предметомъ публичной зависти. Они питаютъ свое тщеславіе, и тщеславіе другихъ». Наконецъ вотъ еще одно мѣсто: «Эта честолюбивая и пустая женщина воображаетъ, что она имѣетъ большую цѣну, нагрузивши себя золотомъ, камнями и тысячью другихъ украшеній. Чтобы нарядить ее, истощается вся природа, трудятся до пота художники и тратится промышленность».

Гораздо труднѣе бороться съ тѣмъ родомъ роскоши, который имѣетъ корень въ чувственности; потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ удовольствіями, хотя и изысканными, но въ сущности реальными, тогда какъ для искорененія роскоши, происходящей отъ тщеславія, достаточно только показать ея пустоту и ребячество. Бодрильяръ дѣлаетъ на этотъ счетъ такое замѣчаніе. «Матерія конечно по своей природѣ, и чувственность также ограничена какъ она. Но человѣкъ создаетъ себѣ иллюзію, что она неограничена: ему кажется, что никогда удовольствіе не даетъ ему всего, что оно могло бы дать, и когда онъ исчерпалъ одно, то гонится за другимъ удовольствіемъ. Утонченности совершенствуются и ведутъ къ новымъ утонченностямъ. Сколько тутъ еще фиктивныхъ удовольствій, существующихъ только въ воображеніи! Сколько тутъ придается цѣны разнымъ тонкостямъ, которыя могутъ замѣтить только знатоки! Также точно самолюбіе основываетъ собственное превосходство на пустякахъ, и есть деликатессы основанные на различіяхъ едва замѣтныхъ для незнаюка. Дороговизна еще болѣе усиливаетъ эти удовольствія, прибавляя къ прелести предмета, пріятнаго самаго по себѣ, еще пикантный вкусъ побѣжденной трудности».

Тщеславіе усиливаетъ чувственность, но этимъ оказываетъ ей дурную услугу. Чрезмѣрная изысканность и слишкомъ большое изобиліе порождаютъ пресыщеніе. Такъ въ настоящее время наши обѣденныя меню до того полны, что даже королевскій

столь ничего не находятъ къ нимъ прибавить, и при этомъ слѣдуютъ вереницей разныя тонкія вина, такъ что пресыщенный богачъ уже не различаетъ ничего и ѣсть что попало. Насколько пріятнѣе и вкуснѣе были нѣкогда небольшіе обѣды, такъ хорошо описанные Брилья Савареномъ, гдѣ подавали старое вино, для котораго устраивали торжество, и нѣсколько хорошо приготовленныхъ блюдъ, образцовъ кулинарнаго искусства, которые умѣли цѣнить по достоинству неиспорченные вкусы! Тогда ѣли все съ наслажденіемъ и за десертомъ гремѣли искренній смѣхъ, веселые разговоры и пѣсни. Куда дѣвалась кипучая веселость нашихъ отцовъ? Погоня за милліонами и роскошь убили ее. Человѣкъ имѣетъ только желудокъ, и, чтобы ни говорили, но его потребности ограничены. Можно безъ большихъ издержекъ доставить чувствамъ всѣ дѣйствительныя удовлетворенія, и если стремиться только къ комфорту, то это будетъ нераззорительно. Но напротивъ слишкомъ дорого обходится желаніе блистать и тщеславіе. Тщеславіе дѣйствительно не имѣетъ границъ. Когда Клеопатра пила изъ своей золотой чаши растворенный жемчугъ, или когда Геліогабаль ѣлъ блюдо соловьиныхъ языковъ, то ужели это была потребность чувственности? Прогрессъ въ искусствѣ производства можетъ доставить намъ въ изобиліи все полезное; но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы отличатся отъ другихъ, тогда надо во что бы то ни стало потреблять дорогое и рѣдкостное, слѣдовательно уничтожать въ одну минуту результатъ продолжительнаго труда. Вотъ въ чемъ сущность и безчеловѣчная извращенность роскоши. Будемъ надѣяться, что здравый смыслъ излечитъ этотъ видъ сумасшествія.

Бодрильяръ находитъ еще третью причину роскоши, инстинктъ къ украшеніямъ. Онъ говоритъ, что «этотъ инстинктъ нельзя смѣшивать съ тщеславіемъ, даже когда онъ соприкасается съ нимъ, ни съ чувственностью, даже когда онъ служитъ ей». Изъ этого инстинкта возникли декоративныя искусства и художественная промышленность. Онъ очень рано обнаружился въ человѣкѣ, потому что доисторическія племена, которыя въ лед-

никовую эпоху жили въ пещерахъ, вырѣзывали на обломкахъ костей изображенія сѣверныхъ оленей и бобровъ, жившихъ тогда въ среднеевропейскихъ странахъ. Постоянно развиваемый и улучшаемый, онъ сталъ эстетическимъ чувствомъ, любовью къ изящному, которая породила всѣ искусства, архитектуру, скульптуру, живопись и гончарное искусство. вмѣсто того чтобы подавлять, его слѣдуетъ поддерживать и воспитывать, потому что въ нашихъ общественныхъ памятникахъ онъ становится агентомъ цивилизаціи и источникомъ истиннаго безкорыстнаго наслажденія, доступнаго одновременно цѣлому народу. Примѣняемый въ частной жизни, къ украшенію жилищъ, мебели, домашней утвари, и вообще къ выбору во всемъ красивыхъ формъ, какъ это было въ античной древности, онъ совершенствуетъ вкусъ и такимъ образомъ становится орудіемъ цивилизаціи.

Даже животныхъ привлекаетъ яркость красокъ, а можетъ быть и красота линій. Натуралисты видятъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ совершенствованія видовъ. Любовь къ изящному произвела бы также и улучшение человѣческаго вида, если бы ей слишкомъ часто не противодействовала любовь къ богатству. Уничтожьте приданое, или установите равенство между сословіями и молодой человѣкъ, красивый и здоровый, найдетъ себѣ красивую и граціозную невѣсту и отъ этого брака будетъ сильное поколѣніе. Въ настоящее же время и безобразный карликъ, и злая горбунья, лишь бы только они имѣли милліоны, найдутъ себѣ пару и такимъ образомъ передадутъ своему потомству недостатки своего тѣлосложенія. Итакъ крайнее неравенство между сословіями портитъ расу. Любовь къ изящному и инстинктъ къ украшеніямъ сами по себѣ хороши; и они не ведутъ необходимо къ роскоши; потому что они должны проявляться не въ дороговизнѣ матеріала, но въ гармоніи красокъ и въ правильности очертаній. Статуя изъ золота или серебра, усыпанная драгоценными камнями, возмущаетъ вкусъ. Изображенія въ этомъ родѣ, находящіяся во многихъ нашихъ церквахъ, ужасны. Но что можетъ быть прелестнѣй маленькихъ

глиняныхъ статуэтокъ изъ Танагры, для которыхъ сырой матеріяль не стоилъ и копѣйки! Только къ эпохамъ упадка искусства примѣнимъ этотъ стихъ поэта: *Materiam superabat opus*, и только въ эти эпохи можно сказать скульптору. «Будучи не въ состояніи сдѣлать Венеру красивою, ты ее сдѣлалъ богатою». Бодрильяръ показалъ рѣзкую разницу, существующую между роскошью и искусствомъ. «Искусство преслѣдуетъ осуществленіе идеала красоты или воспроизведеніе извѣстныхъ формъ. Роскошь же имѣетъ одну цѣль: казаться. Цѣль искусства существенно безкорыстна; а цѣль преслѣдуемая роскошью напротивъ эгоистична. Что такое съ точки зрѣнія роскоши прекрасное само по себѣ, предметъ страстныхъ исканій настоящаго художника, стремящагося къ усовершенствованію? Только то, что блестяще. Роскошь платитъ за искусство точно за какую нибудь матерію; она покупаетъ образцовое произведеніе искусства, точно такъ же какъ расточаетъ золото на драгоцѣнныя вещи и матеріи».

Бодрильяръ показываетъ наконецъ, что къ другимъ причинамъ роскоши присоединяется еще вкусъ къ перемѣнѣ. Онъ главнымъ образомъ выражается въ прихотяхъ моды. Это дѣйствительно одинъ изъ бичей нашего времени. Прежде, каждая страна имѣла свою одежду сообразную съ климатическими условіями или съ мѣстными продуктами. Эти національные, живописные, прочные и нескоро изнашивающіеся костюмы, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Теперь во всемъ свѣтѣ одѣваются одинаково; но мода на костюмы мѣняется, особенно у женщинъ, каждую весну. Какая-нибудь знаменитая портниха изобрѣтаетъ новый покрой и онъ распространяется отъ Парижа до Шанга, и отъ Лондона до С.-Франциско, а одежда прошлаго года бросается какъ никуда негодная. Вредъ причиняемый этими измѣненіями многообразенъ, и Бодрильяръ указываетъ нѣсколько сторонъ его. Во первыхъ мода дѣлаетъ людей легкомысленными и отвлекаетъ ихъ отъ того, чѣмъ бы они должны были заниматься. «Тѣ, которые славятся щегольствомъ, принуждены серьезно заниматься своимъ одѣяніемъ и сдѣлали изъ этого науку, которая, конечно, не развиваетъ ума, и не дѣ-

лаетъ ихъ способными на что-либо поважнѣе». Въ этомъ состоитъ нравственный вредъ. А вотъ вредъ экономическій, какъ его описалъ Ж. Б. Сэй: «Мода имѣетъ привиллегію дѣлать вещи негодными еще прежде чѣмъ онѣ потеряли свою пользу, часто даже прежде чѣмъ онѣ утратили свою свѣжесть; она умножаетъ потребление и бросаетъ, какъ негодное, то, что еще красиво и удобно. Такимъ образомъ быстрая смѣна модъ дѣлаетъ государство бѣднѣе, такъ какъ оно лишается не только того, что потребляетъ, но и того, чего не потребляетъ». Чтобы выдѣлать шелковую, шерстяную или бумажную матерію новаго рисунка, нужны издержки на модное заведеніе, на образцы, рисунки, валы для тисненія и на многое другое. Что не распродается въ теченіи года, то залеживается и едва сбывается по пониженной цѣнѣ. Нѣкоторыя «новости», неугодившія на вкусъ публики, совсѣмъ не идутъ и едва продаются за полъцѣны. Всѣ эти авансы и убытки должны быть покрыты на всей продажѣ, въ противномъ же случаѣ фабрикантъ разорится и прекратитъ производство. Измѣненія моды значительно увеличиваютъ цѣну на всѣ предметы, къ которымъ они примѣняются.

Если бы существовалъ, какъ прежде, неизмѣняемый національный костюмъ, то постоянная фабрикація употребительныхъ для него матерій стоила бы дешевле этихъ тысячи различныхъ модныхъ матерій, появляющихся каждый годъ весною и зимою. На это скажутъ: вы хотите подчинить насъ скучному однообразію и лишитъ насъ прелести новизны. Но развѣ же человѣчество не можетъ сдѣлать изъ капитала, науки и вкуса какого-нибудь другого употребленія, кромѣ того, чтобы отдать ихъ въ услуженіе къ модисткамъ? Неужели женщины не найдутъ какихъ-нибудь другихъ лучшихъ занятій, кромѣ придумыванія новыхъ нарядовъ, разговоровъ о нихъ и взаимной зависти изъ-за нихъ? Можно придумать такую одежду, которая была бы самая удобная и изящная для каждаго времени года. Гигіена и эстетика рѣшили бы, какую взять матерію, какого цвѣта и какой принять покрой. Такъ потомъ и слѣдовало бы держаться разъ установленной одежды.

Я предвижу такое возраженіе: ужъ не лучше ли прямо взять власяницы и монашескія рясы? Замѣтимъ на это во-первыхъ, что мы видимъ глубокую мысль въ томъ, что духовенству дана одежда, которая сохраняется неизмѣнно въ продолженіи шестнадцати вѣковъ. Это одно изъ средствъ вывести человѣческую душу изъ мелочей, которыми тѣшится тщеславіе и поставить ее на дорогу вѣчныхъ вещей. Не забудемъ также, что начиная съ самыхъ старинныхъ греческихъ вазъ до фресковъ въ катакомбахъ III и IV вѣковъ, древніе изображали людей все въ одинаковыхъ одеждахъ. Праздность и щегольство порождаютъ пустоту, а пустота—капризы моды. Когда въ законахъ будетъ больше справедливости, въ душахъ больше высоты и въ головахъ больше здраваго смысла, то и мы послѣдуемъ примѣру древнихъ.

§ 2.

Послѣ анализа чувствъ, дающихъ начало роскоши, Бодрильяръ излагаетъ свое сужденіе о ней. Онъ держится середины между ригористическою школою, которая проповѣдуетъ ограниченіе потребностей, и школою нѣги, которая считаетъ роскошь вещью пріятною для личности и необходимою для государства и даже для прогреса цивилизаціи. Онъ различаетъ роскошь честную, дозволительную и даже похвальную, отъ роскоши переходящей въ злоупотребленіе и безнравственной. Я не признаю этого различія и полагаю, что ученіе ригоризма вполне справедливо. Осужденіе роскоши, произнесенное единодушно и краснорѣчиво древними философами и учеными, также и святыми отцами и христіанскими проповѣдниками, вполне подтверждается изслѣдованіями новѣйшей науки. Они не знали политической экономіи, но были вдохновлены чувствомъ добра и справедливости, или по ученію евангелія, чувствомъ любви и братства. Все, что дѣйствительно есть роскошь, не можетъ не быть безнравственнымъ, несправедливымъ, не гуманнымъ. Послушайте, что говоритъ одинъ изъ отцовъ политической эконо-

номіи: «Личности, говоритъ Ж. Б. Сэй, которыя, съ помощью большихъ дарованій или власти, стараются распространить вкусъ къ роскоши, посягають на счастье народовъ».

Роскошь состоитъ, сказали мы, въ потребленіи для удовольстворенія вымышленной нуждѣ предмета, стоящаго большаго труда. Если трудъ такъ необходимъ для производства предметовъ, удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, и необходимъ потому, что столько людей живутъ еще почти въ абсолютной нищетѣ, то можетъ-ли быть законнымъ и справедливымъ употреблять большую часть силъ, которыя капиталъ и рабочіе отдають въ наше распоряженіе, для производства излишествъ, безъ которыхъ иногда лучше было бы обойтись? Чтобы яснѣе показать, въ чемъ я расхожусь съ мнѣніемъ Бодрильера, я возьму примѣръ, приводимый имъ-же самимъ: брилліанты. А. Бланки писалъ по поводу «кохинура» или горы свѣта: «Брилліанты всегда казались мнѣ самой глупой и бесполезной вещью, хотя женщины предпочитаютъ ихъ, какъ лучшее украшеніе». Бодрильеръ увѣряетъ, что производство брилліантовъ представляло въ 1878 г. только за послѣдніе десять лѣтъ цѣнность въ 350 милліоновъ; что болѣе 20,000 рабочихъ были заняты отыскиваніемъ брилліантовъ въ копяхъ и болѣе 3,500 гранильщиковъ голландскихъ, бельгійскихъ и французскихъ за отдѣлку ихъ зарабатывали большую плату: 3 франка ученики и 15 или 20 мастера. «Развѣ это, заключаетъ онъ, можно назвать глупою бесполезностью?»

По моему мнѣнію, вещь можетъ стоить огромныхъ денегъ, и быть не только очень бесполезной, но даже очень вредной. Китайцы покупаютъ у англичанъ опиуму на 400 милліоновъ: но это болѣе чѣмъ бесполезность, это ядъ, и китайскій императоръ поступилъ бы очень умно, бросивъ въ море всѣ эти ящики съ отвратительнымъ наркотическимъ продуктомъ, которымъ Англія снабжаетъ Китай. Это я называю фальшивымъ богатствомъ. Утверждать, что богатство состоитъ въ трудѣ, это значитъ признавать, по выраженію Бастіа, сизифизмъ, т. е. когда трудъ имѣетъ цѣлью только трудъ, трудъ для труда. Я дѣйстви-

тельно вижу тысячи рабочихъ занятыхъ въ копяхъ и мастерскихъ, и получающихъ хорошую рабочую плату. Но если брилліанты, которые они находятъ и гранятъ, не имѣютъ другаго дѣйствія кромѣ возбужденія дурныхъ чувствъ и тщеславія въ тѣхъ, кто ими обладаетъ, и зависти въ тѣхъ, кто не въ состояніи ихъ имѣть, то не лучше ли было бы, чтобы брилліанты вмѣстѣ съ опиумомъ пошли на дно океана? Было бы гораздо лучше, если бы тѣ же самые рабочіе были употреблены на производство сапогъ, чулокъ и рубашекъ для тѣхъ, кто въ нихъ нуждается. Я не требую закона противъ роскоши, но съ удовольствіемъ смотрю на страну, въ которой, какъ на примѣръ въ Норвегіи и въ альпійскихъ кантонахъ Швейцаріи, хотя никто не покупаетъ брилліантовъ, однако всѣ имѣютъ средства доставлять себѣ необходимое.

Самый существенный пунктъ, хотя часто упускаемый изъ вида, состоитъ въ слѣдующемъ: всякій предметъ роскоши стоитъ большаго труда; между тѣмъ этотъ трудъ могъ бы быть утилизованъ раціональнѣе. Если разсматривать отдѣльную личность, то эта истина представляется ясно. Найдется-ли такой безразсудный человѣкъ, который посвятилъ-бы три года своей жизни на выдѣлку для себя игрушки, которая ни на что негодна. Нелѣпость этого маскируется обмѣномъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что носящій драгоцѣнныя вещи не самъ дѣлаетъ ихъ, а заказываетъ ихъ другому. Но если разсматривать человѣчество какъ одного человѣка, обязаннаго удовлетворять своимъ нуждамъ собственнымъ трудомъ, то станетъ ясно, какъ глупо употреблять часть драгоцѣннаго времени на граненіе брилліантовъ, когда многіе люди еще ходитъ босикомъ. Жители какого нибудь государства располагаютъ ежедневно извѣстнымъ числомъ часовъ: если они посвящаютъ половину на выдѣлку пустяковъ, то неизбежно, что половина народонаселенія будетъ нуждаться въ необходимомъ. Одинъ китайскій императоръ сказалъ: «Если одинъ изъ моихъ подданныхъ не работаетъ въ моей имперіи, то значитъ есть кто нибудь страдающій отъ голода или холода». Рыть яму для того, чтобы ее снова засыпать, вышивать передъ рубашки или оправ-

лять драгоценные камни, это в сущности не трудъ, потому что онъ не производитель.

Я ставлю въ упрекъ Бодрильяру не то, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ роскоши соединенной съ злоупотребленіемъ, какъ онъ ее называетъ; а то, что онъ допускаетъ, будто возможна роскошь безъ злоупотребленія. По моему мнѣнію, роскошь и злоупотребленіе синонимы. Въ самомъ словѣ роскошь есть уже отгѣнокъ порицанія. Что же касается злоупотребляющей роскоши, то онъ съ энергіей и краснорѣчіемъ нападаетъ на нее. «Совершенно справедливо считается аксіомой слѣдующее положеніе: роскошь изнѣживаетъ. Также справедливо было бы добавить: роскошь развращаетъ. Она уничтожаетъ мужественную энергію духа любовью къ наслажденіямъ и гордой суетности. Она убиваетъ духъ самоотверженія, безъ котораго не можетъ существовать ни одно общество; она ослабляетъ и побужденіе къ добру и сопротивленіе злу. Каждый живетъ только для удовольствій; общественныя дѣла для него не существуютъ. Историки и моралисты единодушно доказываютъ, что культъ удовольствій и утонченности производитъ общественное распаденіе тѣмъ, что понижаетъ характеры. Болѣе чѣмъ когда нибудь въ наши дни праздная и расточительная собственность кажутся оскорбительной аномаліей. Въ настоящее время не понимаютъ правъ безъ обязанностей. Поэтому роскошь морально дискредитируетъ собственность, которая расточается на вздоръ и дурныя дѣла». Стоитъ прочесть эту прекрасную страницу, въ которой Бодрильяръ резюмируетъ обвиненія Руссо противъ городовъ; но рядомъ съ обвиненіями, прибавляетъ Бодрильяръ, слѣдовало бы также помѣщать и списокъ преимуществъ, какія имѣютъ города также какъ и добродѣтелей, которыя они развиваютъ. «Города это средоточіе роскоши и разврата! Тамъ искусственно возбуждаются потребности множествомъ раздражающихъ средствъ; тамъ собраны всѣ удовольствія, которыя не ждутъ желанія, но возбуждаютъ его. Тамъ рождается заразительное соревнованіе тщеславія и всѣхъ пороковъ. Безполезныя искусства размножаются въ ущербъ полезнымъ, и этотъ излишекъ, служащій

только для нѣкоторыхъ, тѣснить и подавляеть искусства необходимыя и полезныя для всѣхъ. На каждомъ шагу насъ поражаетъ возмутительный контрастъ между чрезмѣрной пышностью и крайнею нищетою, этотъ видъ лохмотьевъ и наготы идущихъ рядомъ съ великолѣпиемъ богатства. У однихъ великолѣпныя жилища; а у другихъ нѣтъ даже угла. Тамъ изящный и веселый порокъ, здѣсь грубый порокъ и преступленіе, желающее мстить за себя и воспользоваться завиднымъ для него богатствомъ. Вездѣ искушенія: тысячи магазиновъ, наполненныхъ всѣмъ тѣмъ, чего не имѣеть бѣдный; въ нихъ выставлено золото, драгоценныя вещи и наряды. Отсюда ненависть и затаенная зависть, накопляющаяся въ душѣ бѣдняка, и отъ времени до времени производящая взрывы возмущеній, посредствомъ которыхъ неимущій требуетъ своей доли изъ богатства». Сильнѣе этого не могъ бы сказать самый ревностный поклонникъ школы ригоризма, которую однако Бодрильяръ обвиняетъ въ крайности. Онъ думаетъ, что извѣстная роскошь, конечно умѣренная и нравственная,—необходима, какъ стимулъ къ труду, а что одно исканіе только необходимаго было бы недостаточно для этого. Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ и вотъ почему.

Я признаю, съ Стюартомъ Миллемъ, что для того, чтобы вывести дикіе народы изъ состоянія животной и почти прозябаемой инерціи, въ которую они погружены, можетъ быть было бы полезно дать имъ новыя потребности, чтобы они стали работать и совершенствоваться для ихъ удовлетворенія. Но у народовъ европейскихъ, едва ли нужно возбуждать желаніе къ потребленію. «Посмотрите однако, говоритъ Бодрильяръ, на этихъ несчастныхъ скученныхъ въ подвалахъ Лилля или лачугахъ Лондона. Они находятъ удовольствіе въ этой грязи и мракѣ, и не хотятъ изъ нихъ выйти». Спрашивается, основателенъ ли этотъ упрекъ? Они однако же работаютъ, они трудятся для поддержки своего существованія. Можно ли ихъ упрекать за недостаточность получаемой ими рабочей платы, которая гонитъ ихъ въ трущобы, куда фермеръ не помѣстилъ бы своихъ собакъ или

свиной? Очень большое число людей, даже въ такой богатой странѣ какъ Франція, не имѣетъ ни жилищъ, ни мебели, ни одежды, ни пищи, предписываемой гигиеной, и конечно всѣ желали бы все это имѣть. Ужели это желаніе необходимаго недостаточно для побужденія къ труду? Это единственная побудительная причина для тѣхъ, кто работаетъ своими руками, а праздные напротивъ ищутъ излишняго.

«Но, мнимые мудрецы, восклицаетъ Бодрильяръ, что же вы сдѣлаете съ тысячами художниковъ, сотнями тѣсячъ рабочихъ, которые обрабатываютъ съ большимъ вкусомъ металлы, матеріи, слоновую кость, дерево, драгоценныя каменья? Нѣсколько страницъ далѣе этотъ знаменитый экономистъ отвѣчаетъ самъ на свой вопросъ, опровергая тѣхъ, которые полагаютъ, что «Франція производитъ слишкомъ много».

«Что же производить излишняго это счастливая Франція? Нельзя думать, что она имѣетъ излишекъ полезныхъ или пріятныхъ вещей для жизни, потому что въ ней столько бѣдныхъ! Пусть же укажутъ этотъ продуктъ производимый въ излишкѣ. Уже ли это шерсть, когда столько людей страдаютъ отъ холода? Уже ли пшеница, когда есть столько нуждающихся въ хлѣбѣ?» Ну вотъ, рабочіе, выдѣлывающіе слоновую кость и драгоценныя камни, и произвели бы эту шерсть и хлѣбъ, въ которыхъ, какъ говорите, чувствуется большой недостатокъ, и задача была бы разрѣшена. Было бы тоже количество труда, но труда полезнаго. «Но, возражаетъ еще нашъ авторъ, вы не можете отличить бесполезное, которое вы хотите изгнать, отъ необходимаго, которое вы желаете умножить». Конечно понятіе роскоши относительно, и зависитъ отъ средствъ производства; что составляетъ излишекъ сегодня, не будетъ имъ завтра, если прогрессъ механики сдѣлаетъ его доступнымъ для всѣхъ. Во всякомъ случаѣ, по моему, различіе всегда легко найти: стоитъ ли вещь труда и времени, которыя я употреблю, чтобы ее сдѣлать самому? Если да, то это не роскошь, и я въ правѣ ее приобрести; но если для того чтобы ее получить, я отвлекаю трудъ человѣческій отъ настоящаго назначенія, гдѣ бы онъ

былъ болѣе полезенъ, то я не правъ. Я жертвую необходимымъ для излишняго. Я сдѣлаю плохое употребленіе изъ моихъ силъ, или силъ моихъ ближнихъ.

Бодрильяръ озаглавилъ такъ одинъ изъ своихъ параграфовъ: *Малое развитіе потребностей признакъ малаго развитія вообще. Матеріальныя нужды въ связи съ нравственнымъ развитіемъ.* Это вѣрно въ началѣ цивилизаціи, но невѣрно при дальнѣйшемъ развитіи. Подталкиваемый нуждою, человѣкъ трудится, сначала съ помощью самыхъ грубыхъ инструментовъ, не обдѣланнаго кремня, сухой палки, рыбьей или другой заостренной кости, а потомъ уже онъ работаетъ металлическими инструментами болѣе и болѣе усовершенствуемыми. Вскорѣ онъ приводитъ въ систему наблюденія надъ естественными силами. Это даетъ начало техникѣ и наукѣ. Устанавливаются общественныя сношенія, и нравы дѣлаются болѣе мягкими. Земледѣліе требуетъ порядка и мира въ интересѣ всѣхъ занимающихся имъ. Человѣкъ перестаетъ быть плотояднымъ, все время котораго проходитъ въ исканіи добычи, въ ея пожираніи и перевариваніи. Досугъ, результатъ большей производительности труда, открываетъ для него жизнь разумную и нравственную. Какъ вѣрно говоритъ Бодрильяръ, человѣкъ, измѣняя вещи, воспитываетъ тѣмъ самаго себя. Онъ преобразовываетъ ихъ настолько, насколько преобразовалъ себя, употребляя для того свои свободныя и разумныя усилія. Трудъ создалъ новый міръ. Смѣло можно сказать, онъ создалъ новаго человѣка. Скажемъ еще болѣе: онъ создалъ человѣка. Трудиться значитъ обладать самимъ собою, трудиться значитъ предвидѣть.. Трудиться это знать отношеніе средствъ къ цѣлямъ. Все ли это? Нѣтъ: это значитъ исполнять долгъ относительно другихъ людей и требовать, чтобы и они дѣлали тоже; такъ начинается истинное общество. Оно распространится понемногу по всему земному шару, посредствомъ передачи мыслей, посредствомъ обмѣна услугъ и всякаго рода продуктовъ». Это похвальное слово труду совершенно справедливо, пока оно относится къ труду производящему необходимое. Когда трудъ обращается на производ-

ство бесполезнаго, то онъ есть преступная трата времени, которое есть матеріаль жизни и дано намъ для болѣе высокихъ цѣлей. Такой трудъ есть воровство того времени, которое было бы нужно для образованія ума и для сердечныхъ связей съ семьей и человѣчествомъ.

Развитіе потребностей вовсе не есть признакъ прогреса цивилизаціи, потому что они умножаются и утончаются всего болѣе во времена развращенія и паденія. Римская имперія служитъ примѣромъ и доказательствомъ этого. Рощеръ написалъ по этому предмету прекрасную статью. Въ такія именно времена преслѣдуется невозможное, и роскошь ищетъ въ развратѣ вышшаго наслажденія. Какъ говорить Сенека о Калигулѣ: *Nihil tam efficere concupiscebat quam, quod posse effici negaretur. Hoc est luxuriae propositum gaudere perversis.* Хотятъ насиловать природу. Какой-то императоръ соединяетъ Байи съ Пуццуоло мостомъ проведеннымъ чрезъ море только для того, чтобы проѣхать по немъ въ своей триумфальной колесницѣ. Какой-то другой приказываетъ срывать и опять насыпать горы. Актеръ Эзопъ предлагаетъ своимъ гостямъ блюдо изъ языковъ говорящихъ попугаевъ; это ему стоило 120000 франковъ. Гортензія поливала свои деревья винами. Я не стану распространяться: эта нездоровая жажда наслажденій извѣстна достаточно. Ужели здѣсь развитіе потребностей имѣетъ связь съ развитіемъ моральнымъ?

Экономисты, и общественное мнѣніе вслѣдъ за ними, обыкновенно судятъ о степени развитія страны по ея производительной силѣ. Страна признается развитою, если приходится подводить итоги миллиардамъ, чтобы сосчитать число киллограммъ желѣза, или метровъ выработанныхъ бумажныхъ тканей, или вывезенныхъ и привезенныхъ товаровъ. Въ такой странѣ богачи собираютъ дань со всей вселенной, чтобы украсить ею свои дворцы и уставить ею свои столы. Въ городахъ, при ослѣпляющемъ газовомъ свѣтѣ, въ витринахъ оконъ сверкаютъ шлифованные драгоценные каменья, чеканное золото и разноцвѣтныя шелковыя матеріи. Между тѣмъ, миллионы бѣдняковъ открыто живутъ милостыней, треть народонаселенія неграмотна, другая

треть не имѣть необходимаго, и оказывается надобность увеличить тюрьмы и вводить военное положеніе. Но на все это не обращаютъ вниманія: такая страна считается самой цивилизованной во всей вселенной! Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что частные деревенскіе жители, собственники своихъ домовъ и полей, достаютъ себѣ своимъ трудомъ все необходимое. Всѣ пользуются извѣстною степенью благосостояніи и просвѣщенія. Но роскоши нигдѣ не видно. Такая страна считается очень отсталою. Вотъ обыкновенныя сужденія настоящаго времени. Я ихъ нахожу поверхностными, невѣрными и даже пагубными по своимъ слѣдствіямъ.

Человѣкъ имѣетъ двоякую жизнь, и слѣдовательно два рода потребностей: жизнь физическую,—отсюда потребности тѣлесныя; жизнь духовную и значить потребности интеллектуальныя. Человѣкъ, живущій одною чувственностью и обладающій богатствомъ или могуществомъ и потому могущій располагать трудомъ тысячи человѣкъ, не замедлитъ употребить ихъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ фантазій, доведенныхъ до сумасбродствъ ненасытнымъ преслѣдованіемъ наслажденія, *lassata sed non satiata*. Напротивъ, живущій умственною жизнью, почти не будетъ имѣть матеріальныхъ потребностей, и не будетъ удовлетворять даже болѣе существеннымъ изъ нихъ. Возьмемъ съ одной стороны Геліогобала, или еще лучше Трималкіона, тотъ типъ чувственности и роскоши императорскаго Рима, и съ другой—Св. Іоанна Крестителя, питавшагося акридами, или Св. Павла, вяжущаго для своего существованія сѣти, или позже Спинозу, зарабатывающаго хлѣбъ полировкой стеколь для часовъ. Величайшій изъ художниковъ, Микель-Анджелло, сказалъ другу своему Кондови: «Хотя я богатъ, но всегда жилъ какъ бѣдный;—Да, отвѣчалъ ему Кондови, вы жили бѣдно, потому что всегда давали щедро». Въ чемъ состоитъ высшее нравственное развитіе?—Извѣстная степень культуры создаетъ потребности, но степень болѣе возвышенная ихъ уменьшаетъ. Все, что удовлетворяетъ раціональнымъ потребностямъ, законно и хорошо, потому что необходимо же поддерживать силы тѣла, безъ которыхъ умственный трудъ

становится труднымъ и невозможнымъ. Но то, что удовлетворяетъ ложнымъ потребностямъ, безнравственно и дурно, потому что оно похищаетъ часть полезнаго употребленія времени какъ у себя, такъ и у другихъ. Такіе великіе реформаторы, измѣнившіе въ цѣлой странѣ строй мыслей, какъ Моисей, Сократъ и Будда, довольствовались малымъ. Не среди наслажденій зажигается пламя, очищающее человѣчество. Почти можно сказать, что моральное величіе не прямо, но обратно пропорционально потребностямъ ¹⁾).

Разсмотримъ другой порядокъ идей. Бастіа, проповѣдующій во многихъ своихъ сочиненіяхъ умѣренность желаній, въ своихъ *Harmonies économiques*, какъ бы наперекоръ себѣ, старается оправдать роскошь, и приводитъ основаніе, кажущееся весьма важнымъ. «Невозможно, говоритъ онъ, найти удовлетворитель-

¹⁾ Ренанъ написалъ по этому предмету одну незабвенную страницу. „Ошибка состоитъ не въ томъ, что промышленность считаютъ хорошою и полезною, а въ томъ, что придаютъ слишкомъ большое значеніе нѣкоторымъ усовершенствованіямъ. Въ этомъ порядкѣ вещей разъ удовольствіе достигнуто, дальнѣйшая изысканность его уже мало значить; потому что если цѣль человѣческой жизни есть счастье, то прошлое время, не знавшее всякихъ этихъ тонкихъ излишествъ, его совершенно осуществило, и если, какъ справедливо думаютъ мудрецы, единственно необходимая вещь есть величіе нравственное и умственное, то эти аксессуары мало ему способствуютъ. Исторія показываетъ, что прекрасное умственное развитіе и золотые вѣка счастья возникали среди весьма грубаго матеріальнаго состоянія; Браманская раса въ Индіи возвысилась до такой системы философскихъ спекуляцій, что въ настоящее время только одна Германія имѣетъ превосходство надъ нею, и въ тоже время по внѣшней цивилизаціи она стояла на уровнѣ съ неразвитыми обществами. Несравненный идеаль Евангелія, гдѣ моральное чувство развивается съ такою удивительною тонкостью, переноситъ насъ въ среду простой жизни нашихъ деревень, гдѣ усложненія внѣшней жизни почти не имѣютъ мѣста... Прогрессъ въ искусствахъ далеко не параллеленъ тому прогрессу, который дѣлаетъ нація во вкусѣ къ комфорту (я долженъ употребить это варварское слово для выраженія мысли мало французской); напротивъ можно сказать безъ парадокса, что времена и страны, гдѣ комфортъ сдѣлался главнымъ стремленіемъ публики, были наименѣе даровиты въ искусствахъ. (*Essais de morale et de critique. La poésie de l'exposition*).

наго рѣшенія вопроса о машинахъ, о внѣшней конкуренціи, о роскоши, если мы будемъ разсматривать потребность какъ количество неизмѣняемое и когда мы не будемъ принимать въ соображеніе ея большой расширяемости». Для разрѣшенія экономическихъ вопросовъ, по мнѣнію его, нужно слѣдовательно представлять людей умножать и изощрять постоянно ихъ потребности, и политическая экономія становится поэтому въ полнѣйшее противорѣчіе съ ученіемъ о нравственности, какъ античнымъ, такъ и христіанскимъ. Бастіа это понимаетъ. «Я слышу, говоритъ онъ, какъ мнѣ кричатъ: экономистъ, ты уже спотыкаешься. Ты заявлялъ, что твоя наука согласуется съ нравственностью, а теперь уже оправдываешь сибаритство». И безъ всякаго сомнѣнія онъ это и дѣлаетъ. Что же отвѣчаетъ онъ на возраженіе? «О, строгій философъ, проповѣдующій мораль, довольствуешься-ли ты удовлетвореніемъ только тѣмъ потребностямъ, какія имѣлъ первобытный человѣкъ?» Но это вовсе не отвѣтъ. Что намъ за дѣло до того, какъ живетъ самъ философъ? Не менѣе вѣрно также и то, что Бастіа, какъ онъ самъ это говоритъ, считаетъ сибаритство необходимымъ.

Вотъ какъ онъ пришелъ къ этому печальному противорѣчію, которое, надо признаться, есть результатъ доктринъ ортодоксальной политической экономіи. Машина сокращаетъ трудъ, слѣдовательно, чѣмъ болѣе размножаются и совершенствуются машины, тѣмъ менѣе нужно часовъ для полученія одного и того же количества продуктовъ. Уменьшить часы труда, это значитъ уменьшить спросъ на руки и оставить безъ работы большое число рабочихъ. По этому, чтобы найти имъ занятіе, нужно, по мѣрѣ того какъ дѣйствительныя потребности удовлетворяются съ меньшими усилиями, создать новыя потребности, чтобы утилизировать часы труда, оказавшіеся свободными вслѣдствіе усовершенствованія механическихъ орудій и техническихъ процесовъ. Такимъ образомъ безконечная «расширимость» потребностей необходима для того, чтобы безконечный прогрессъ науки и механики не оставилъ безъ занятія, а слѣдовательно и безъ средствъ существованія, все увеличивающееся число рабочихъ. И дѣйствительно,

вотъ какую картину представляетъ намъ экономическое развитіе. По мѣрѣ того какъ становилось легче удовлетворять необходимымъ жизненнымъ потребностямъ, являлись искусственныя потребности, которыя вызвали производство безчисленнаго множества элегантныхъ и дорогихъ бездѣлушекъ, переполняющихъ наши магазины, и все болѣе и болѣе раскупаемыхъ потребителями. Слѣдовательно, если мы не хотимъ уничтожить машинъ, то должны или обратиться къ сибаритству, или рѣшиться на устраненіе все увеличивающагося числа рабочихъ. Такимъ то образомъ ортодоксальная политическая экономія становится въ противорѣчіе съ традиціонной моралью.

Такъ какъ я не могу допустить, чтобы древніе моралисты и отцы церкви были неправы, внушая намъ ограничивать наши желанія и похоти, то и думаю, что въ вопросѣ о машинахъ есть другое рѣшеніе кромѣ указаннаго Бастіа. По моему мнѣнію оно таково.

Машина, производя скорѣе, можетъ доставить намъ болѣе удобствъ, или болѣе досуга. Я утверждаю, что когда наши раціональныя нужды будутъ удовлетворены, тогда нужно отъ нея требовать не производства излишнихъ вещей для удовольствія искусственнымъ потребностямъ, но доставленія намъ досуга для образованія нашего разума, для пріятнаго препровожденія времени въ обществѣ людей и для наслажденія красотою искусства или природы. Я сравниваю человѣчество съ Робинзономъ на его островѣ. Сначала, только для того чтобы существовать, Робинзонъ долженъ работать съ утра до вечера, но потомъ, благодаря всякаго рода усовершенствованнымъ орудіямъ, онъ добываетъ въ продолженіи шести часовъ труда все, чего требуютъ его раціональныя потребности. Станетъ ли онъ потомъ трудиться еще шесть свободныхъ часовъ для того, чтобы приготовить для себя шелки, бархаты и кружева? Нѣтъ; чѣмъ онъ будетъ образованнѣе и культурнѣе, тѣмъ менѣе онъ станетъ помышлять о подобныхъ пустякахъ. Онъ захочетъ наслаждаться Богомъ, самимъ собой и природой.

Машину назвали освободительницей человѣчества. Но это не

вѣрно, если она должна еще болѣе погрузить насъ въ матерію и возбуждать нашу чувственность; это будетъ вѣрно только тогда, если она освободитъ человѣчество отъ большей части суроваго труда, цѣною котораго онъ получаетъ необходимое для своего существованія. Сомнительно, сказалъ Стюартъ Милль, чтобы всѣ наши машины уменьшили хотя бы на одинъ часъ трудъ хоть одного человѣческаго существа. Даже напротивъ, въ настоящее время трудятся больше чѣмъ прежде. Въ прежнія времена ночь приносила человѣчеству, какъ сказалъ латинскій поэтъ, «сладкій сонъ и забвеніе заботъ». Теперь, вслѣдствіе дѣятельности крупной промышленности, люди работаютъ всю ночь въ рудникахъ, на сахарныхъ заводахъ, пароходахъ и телеграфлахъ, словомъ повсюду. Жизнь въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ сдѣлалась болѣе интенсивною и трата нервныхъ силъ теперь гораздо больше. Всѣ мы, начиная съ верху и до низу соціальной лѣстницы, съ министра, изнемогающаго подъ массой дѣлъ, до рудокопа въ глубинѣ каменно-угольнаго рудника, дѣлаемся рабами гигантскаго соціальнаго механизма, движеніе котораго постоянно ускоряется. Нѣтъ, не такъ машина освободитъ человѣческій родъ. Она, удовлетворивши съ затратой все меньшихъ и меньшихъ усилій его раціональныя потребности, должна дать ему болѣе досугъ, а слѣдовательно болшую интеллектуальную культуру.

Но, скажутъ, что такое «эти раціональныя потребности», о которыхъ вы безпрестанно говорите? Кто укажетъ здѣсь границу? Вы хотите заставить насъ питаться желудями и одѣваться въ звѣриныя кожи. Подъ раціональными потребностями я разумѣю тѣ, которыя признаетъ разумъ и опредѣляетъ гигиена. Послѣдняя можетъ точно сказать, какова должна быть для cadaго климата и времени года пища, одежда, и обстановка помѣщенія сообразно климату и времени года. Прибавьте къ этому не дорогіе аксессуары, которые прогрессъ промышленности сдѣлалъ доступными для cadaго кошелька. Ж. Б. Сэй, по моему мнѣнію, справедливо опредѣляетъ, что роскошь «есть пользоваіе дорогими и рѣдкими вещами». Дорогой предметъ представ-

ляетъ собою большее количество труда и времени. Если же онъ удовлетворяетъ только ложной потребности, то напрасно его и заказывать.

Бодрильяръ видитъ роскошь преимущественно въ излишествѣ. Я болѣе согласенъ съ мнѣніемъ Ж. Б. Сэя, который видитъ ее во всемъ дорогомъ. Возьмемъ примѣры цитированные Бодрильяромъ: японскій вѣеръ въ десять сантимовъ, зеркало въ нѣсколько франковъ составляютъ можетъ быть излишество; но такъ какъ эти предметы представляютъ весьма малую сумму труда, то удовольствіе, которое они доставляютъ, стоитъ этой маленькой жертвы. Когда земледѣлецъ пьетъ свое домашнее вино, которое онъ могъ бы продать по четыре су за литръ, то это не роскошь; но когда богачъ пьетъ вино Тоганисбергъ по 40 франковъ за бутылку, то для него этотъ расходъ относительно меньше, но онъ потребляетъ цѣнность, равняющуюся не менѣе какъ двадцати рабочимъ днямъ. Эти двадцать дней взяты изъ общей суммы времени, которымъ располагаетъ человѣчество для удовлетворенія своимъ существеннымъ нуждамъ; и какая же выгода получилась отъ этого? Мимолетное вкусовое удовольствіе отъ ощущенія извѣстнаго букета, едва замѣтнаго для самаго тонкаго вкуса. Всякій не колеблясь скажетъ, что это просто потерянное время труда. Подъ прикрытіемъ усложненій обмѣна массы не замѣчаютъ этого, но тѣмъ не менѣе они, такъ сказать, инстинктивно чувствуютъ это, потому что ихъ возмущаютъ безумныя траты, производимыя даже тѣми, которые могутъ себѣ это позволить, не разоряясь. Это мотовство, взывающее къ мщенію, говорятъ они. Дѣйствительно это мотовство времени принадлежащаго человѣчеству, и въ то время еще, когда послѣднее страдаетъ отъ холода и голода.

Если бы житель другой планеты посмотрѣлъ на нашу землю и увидѣлъ бы, что миллионы людей заняты изготовленіемъ бесполезныхъ вещей, какъ напр.: драгоценностей и кружевъ и даже вредныхъ вещей, какъ опиумъ и крѣпкіе напитки, и что рядомъ съ ними существуютъ миллионы другихъ людей, живущихъ въ чрезвычайной нищетѣ, онъ навѣрное сказалъ-бы: какая глупая,

ребяческая и варварская эта порода! Она проводит свое время въ выдѣлываніи бездѣлокъ и тряпокъ, а не имѣетъ чѣмъ питаться и во что одѣться! Таково же сужденіе и отцовъ церкви, просвѣщенныхъ евангельскимъ свѣтомъ, и отцовъ политической экономіи, просвѣщенныхъ анализомъ науки еще въ то время когда софизмы, оправдывающіе роскошь, не раздавались съ кафедръ нашихъ церквей и университетовъ.

§ 3.

Роскошь можно разсматривать съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего съ точки зрѣнія отдѣльной личности: въ какихъ границахъ изысканность въ удовлетвореніи потребностей полезна для нормальнаго развитія человѣческихъ способностей? Это вопросъ моральный. Во вторыхъ, до какой степени роскошь полезна или вредна для увеличенія богатства? Это вопросъ экономическій. Въ третьихъ, совмѣстна ли роскошь съ равномернымъ распредѣленіемъ продуктовъ и съ тѣмъ принципомъ, что вознагражденіе cadaго должно быть пропорціонально исполненному имъ полезному труду? Это вопросъ права и справедливости. Эта третья сторона роскоши почти не была изслѣдована, такъ какъ не существовало убѣжденія, что юридическіе принципы должны примѣняться и къ экономическому распредѣленію продуктовъ. Однако не забудемъ, что христіанство, проповѣдуя любовь какъ строгую обязанность, всегда порицало роскошь, потому что она вызываетъ излишніе расходы и поэтому даже безнравственные расходы, часть которыхъ по его мнѣнію должна была бы достаться бѣднымъ.

Сначала разсмотримъ роскошь съ точки зрѣнія личности. Полезна ли она или вредна? При этомъ я предполагаю, что личность заботится только о себѣ, не обращая вниманія на другихъ и на то, чего отъ нея требуетъ любовь или справедливость. Чтобы разрѣшить вопросъ, нужно знать, въ чемъ заключается благо человѣка, какова его цѣль и назначеніе. Преслѣдуемая имъ цѣль есть очевидно нормальное развитіе всѣхъ его способ-

ностей, и счастье, которое должно быть результатомъ развитія. Пессимисты можетъ быть тутъ остановать меня, чтобы сказать, что чѣмъ болѣе наши способности развиты, тѣмъ болѣе они служатъ источниками страданія, что «мыслящій человѣкъ есть извращенное животное», что звѣрь счастливѣе нежели мнимый царь творенія, что растеніе счастливѣе звѣря, а минераль—растенія, и что вообще верхомъ блаженства было бы несуществованіе, буддистская нирвана ¹⁾).

Я не буду останавливаться на разборѣ доктрины пессимизма. Что бы ни говорили Шопенгауеръ и Гартманъ, но трудно повѣрить, чтобы та безконечная эволюція, которая начинается съ матеріи первоначально разсѣянной и аморфной и потомъ послѣ безконечнаго ряда преобразованій заканчивается возникновеніемъ человѣческаго разума и сознательной личности, была непрерывнымъ прогресомъ несчастія и путемъ къ окончательному отчаянію. Каждое существо, какъ только въ немъ началась жизнь, стремится самосохранять себя, размножаться, увеличиваться и распространяться. Это общій законъ жизни, и потому сама собою является мысль, что исполненіе его должно сопровождаться удовольствіемъ. Итакъ мы должны стремиться къ усовершенствованію, и даже если-бы было справедливо, что наше счастье не увеличивается по мѣрѣ приближенія къ совершенству, то нельзя-ли было-бы видѣть въ этомъ доказательство того, что наше назначеніе не вполне осуществляется здѣсь на землѣ.

Совершенство человѣка заключается въ полномъ развитіи всѣхъ его силъ, силъ физическихъ, силъ интеллектуальныхъ и всѣхъ его чувствъ: привязанности къ семьѣ и человѣчеству, чувства къ прекрасному въ природѣ и искусствѣ.

---

¹⁾ Мнѣ разсказывалъ нашъ великій художникъ Галле, что въ началѣ своей художественной карьеры онъ приходилъ въ отчаяніе вслѣдствіе своихъ неудачъ. Одинъ изъ его друзей, отчаявавшійся также какъ и онъ, сказалъ ему: Я желалъ бы умереть.—А у, тебя не дурной вкусъ, отвѣтилъ Галле. Шекспиръ сказалъ „счастье это не родиться“. Анакреонъ находилъ, что кузнечикъ счастливѣе человѣка.

Тутъ представляются два различныхъ типа человѣческаго совершенства: типъ христіанскій и типъ античной древности. Христіанское совершенство мнѣ кажется болѣе возвышеннымъ въ томъ, что оно внушаетъ намъ относительно себѣ подобныхъ, относительно нашихъ братьевъ, какъ оно прекрасно выражается, долгъ справедливости и любви, который древніе философы представляли себѣ очень сбивчиво и запутанно. Но первые христіане очень мало занимались личностью, потому что вѣря въ близкую кончину міра, только имѣли въ виду «приближающееся царствіе небесное». Отсюда вытекалъ тотъ аскетическій характеръ въ пониманіи жизни, за который столько порицали христіанство, и который очень естественно объясняется его эсхатологическими идеями. Если этотъ міръ долженъ скоро кончиться, какъ полагали послѣдователи Христа, и если Господь долженъ придти въ свое царство раньше чѣмъ кончится одно поколѣніе, какъ говоритъ евангеліе, т.-е. добрая вѣсть о предстоящемъ возрожденіи, то предусмотрительный человѣкъ не долженъ дѣлать ничего другого, какъ только приготовляться къ этому близкому пришествію небеснаго царства. Поэтому у аскетическаго христіанства мы должны заимствовать правила для отдѣльной личности. Понятый въ буквальномъ смыслѣ, онъ приведетъ насъ къ жизни анахорета или даже столпника.

Греція служить въ этомъ случаѣ примѣромъ для подражанія. Молодой грекъ развивалъ, посредствомъ упражненія, мускулы своего тѣла и силы своего разума. Утро свое онъ проводилъ въ гимнастикѣ, а послѣобѣденное время въ бесѣдѣ на открытомъ воздухѣ съ людьми учеными и умными. Такимъ образомъ онъ достигалъ своего идеала: *Mens sana in corpore sano*. Въ превосходномъ сочиненіи о воспитаніи, Гербертъ Спенсеръ очень справедливо говоритъ: что существенная вещь «установить хорошее здоровье; иначе къ чему послужать рангъ, почести и богатство больному или хилому»? Жизнь грековъ, которой подражаютъ молодые англичане въ своихъ университетахъ, будетъ также и нашимъ идеаломъ. Грекамъ недоставало лишь ручнаго труда, который въ древности былъ возложенъ на

рабовъ. Это великая ошибка; скажемъ лучше, великое преступленіе, потому что это было нарушеніемъ закона природы, которое и было наказано неизбѣжнымъ упадкомъ. Сама природа побуждаетъ человѣка къ труду. Мы имѣемъ потребности и въ тоже время разсудокъ, который при помощи органовъ даетъ намъ возможность добывать необходимое для удовлетворенія этимъ потребностямъ. Всѣ организованныя существа живутъ такимъ образомъ личнымъ трудомъ. Если мы возложимъ на другихъ весь трудъ необходимый для нашего существованія, то будемъ наказаны анеміей, худымъ пищевареніемъ, ипохондріей, сплиномъ, однимъ словомъ, всѣми болѣзнями и отвращеніями являющимися вслѣдствіе празднои скуки и пресыщенія. Человѣкъ, желающій повиноваться законамъ природы и надолше сохранить свои силы и здоровье, долженъ заставлять себя совершать нѣкоторыя тѣлесныя упражненія. Древніе исполняли это правило: они посвящали добрую часть дня на приданіе гибкости тѣлу и на укрѣпленіе своихъ мускуловъ въ баняхъ или на марсовомъ полѣ. Для новѣйшаго человѣка не замѣняемаго невольникомъ, гимнастическія упражненія, не имѣющія экономической цѣли, должны дополняться упражненіями во владѣннн оружіемъ и какимъ-нибудь дѣйствительно полезнымъ ручнымъ трудомъ. Это предупредить вялость и чрезмѣрную изнѣженность.

Древняя жизнь была изящна, но проста. Въ Аѳинахъ и Римѣ даже зажиточный и богатый человѣкъ не загромождалъ своего жилища той массой предметовъ, которые теперь считаются необходимостью. Войдите въ помпейскій домъ: вы тотчасъ же поймете, какъ древніе понимали жизнь. Прежде всего стремленіе къ прекрасному занимало въ ней главное мѣсто. Искусство украшало все: форумы, бани, храмы, всѣ отдѣлы частныхъ жилищъ, дворы, сады, стѣны, мебель и до самой простой кухонной посуды. Но потребности ихъ были болѣе ограничены и средства ихъ удовлетворенія менѣе многочисленны. Спальни были похожи на монастырскія кельи; тамъ можно было помѣстить только кровать, стулъ и маленькій сундукъ. Мебель нынѣшняго мастераго не помѣстилась бы тамъ. Одежды похо-

дили на одежду нашихъ монаховъ: полотняная тога и шерстяной плащъ безъ всякаго фасона, простой кусокъ матеріи сдрапированный на плечахъ. Понятно, отчего тогда не существовало гардеробовъ. Измѣненія моды были неизвѣстны; въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ костюмы оставались неизмѣнными. Въ своей пищѣ древній человѣкъ былъ умѣренъ. Вспомните ужинъ Горація, который однако былъ эпикурейцемъ:

Vivitur parvo bene, cui paternum
Splendet in mensa tenui salinum.

Въ Аѳинахъ люди высокаго положенія довольствовались малымъ, какъ въ настоящее время неаполитанецъ. Каждый изъ нихъ могъ бы повторить слова философа: *Omnia mea mecum porto*. Эти чудовищныя обѣды à la Тримальсіонъ, эти сумасбродные расходы нѣкоторыхъ императоровъ были безуміемъ всемогущества. Ничего подобнаго не встрѣчается въ Греціи, ни даже въ Римѣ въ обыкновенной жизни. Древній человѣкъ, имѣя мало потребностей, могъ посвящать все свое время на развитіе своихъ способностей, на эстетическія удовольствія или государственныя заботы, гимнастику, на философію, литературу, театръ и политику.

Новѣйшая роскошь и тысячи прихотей комфорта представляютъ двойное неудобство. Прежде всего они поглощаютъ время необходимое для пріобрѣтенія денегъ на покупку этихъ пустяковъ, и затѣмъ остающійся досугъ употребляется на трату ихъ. Человѣкъ всецѣло поглощенъ такимъ образомъ погоней за матеріальной наживой, и у него не остается времени для жизни ума и сердца. Посмотрите на жизнь этого финансиста, который считаетъ свои милліоны сотнями: его дѣла, его расчеты, его кліенты или его компаньоны занимаютъ весь его день и даже вечеръ; среди удовольствій, которыхъ онъ ищетъ, но которыми не пользуется, онъ еще обдумываетъ операціи, могущія увеличить это состояніе, доходъ съ котораго и такъ даже превосходить въ тысячу разъ всѣ потребности, о какихъ только онъ можетъ мечтать. Онъ какъ бы подавленъ массой своего богатства. Безъ сомнѣнія, онъ можетъ быть полезнымъ коле-

сомъ въ общемъ дѣлѣ производства; но стоитъ-ли онъ на пути, ведущемъ къ усовершенствованію и счастью? «Вы видите въ Парижѣ, говорить Монтескье (*Lettres persanes*), человѣка, имѣющаго чѣмъ жить до дня страшнаго суда, а между тѣмъ онъ постоянно работаетъ, рискуя укоротить свою жизнь и все для того, чтобы копить средства для жизни». Такъ жили эти богачи въ Нью-Йоркѣ, Асторъ, Вандербильтъ и Стьюартъ, оставившіе каждый по полъ-милліарда.

Человѣкъ, не имѣющій потребностей, не имѣетъ и заботъ. Онъ веселъ какъ жаворонокъ или бѣдный сапожникъ, поющій съ самой зари. Благодаря чудесамъ науки и техники, мы производимъ столько богатствъ, что когда статистика ставитъ цифры измѣряющіе его, то они даже смущаютъ и затрудняютъ насъ; и при всемъ томъ нашъ вѣкъ озабоченъ, напряженъ и печаленъ. Теперь уже не смѣются и не веселятся такъ, какъ бывало когда-то. Повсюду видно только усиліе и разочарованіе.

Боссюэ касается этого вопроса въ своемъ *Traité de la concupiscence* и говоритъ о немъ удивительно сильнымъ и величественнымъ языкомъ. «Тѣло понижаетъ высоту нашихъ мыслей и привязываетъ насъ къ землѣ, насъ, которые должны возноситься къ небу». Послушайте великаго оратора: онъ однимъ словомъ указываетъ намъ, куда должны стремиться наши усилія. «Зачѣмъ, продолжаетъ онъ, обращаете вы ваши необходимыя въ тщеславіе? Вамъ нуженъ домъ какъ необходимая защита отъ суровости воздуха: это слабость. Вамъ нужна пища для возстановленія вашихъ силъ, теряемыхъ и расточаемыхъ ежеминутно: другая слабость. Вамъ нужна постель для отдыха въ изнуреніи и въ ней вы предаетесь сну, который сковываетъ и затуманиваетъ вашъ разумъ: еще одна плачевная слабость. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтелей и всѣхъ этихъ уликъ вашихъ слабостей вы дѣлаете выставку для вашего тщеславія и, кажется, будто вы хотите торжествовать надъ немощью, которая окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ». По временамъ Боссюэ доводитъ доктрину умѣренности до аскетизма, но въ сущности развѣ онъ не правъ? Каждая изъ нашихъ потребностей не есть-ли слабость,

порабощеніе и искушеніе жертвовать благомъ и справедливостью ради чувственности? Достоинство жизни, гордость поведенія, вѣрность своимъ убѣжденіямъ часто зависятъ отъ простоты жизни. Чѣмъ менѣе вы будете имѣть потребностей, тѣмъ болѣе вы будете свободны дѣлать то, что повелѣваетъ вамъ долгъ, и тѣмъ менѣе, во всѣхъ важныхъ случаяхъ—какъ въ выборѣ карьеры, товарищества и политической партіи,—вы будете подчиняться внушеніямъ алчности.

Въ Англіи, рассказываетъ намъ Гельвеціусъ, въ своемъ сочиненіи *Esprit*, министръ отправился къ одному члену палаты общинъ, принадлежавшему къ оппозиціи, чтобы купить его голосъ, какъ это практиковалось въ то время. Членъ палаты ѣлъ въ это время баранью лопатку и запивалъ простой водой. «Я думалъ, сказалъ онъ ему, что простота моего обѣда предохранить меня отъ вашихъ оскорбительныхъ предложеній». Память одного изъ великихъ ораторовъ французской революціи опозорена его продажностью. Почему Мирабо согласился принять пенсіонъ изъ кассы короля? Потому что ему нужны были средства для роскошной и безпорядочной жизни. Что бы ни говорили, но я уважаю Жанъ-Жака, отказавшагося отъ всѣхъ предложенныхъ ему подарковъ и продолжавшаго жить въ своей комнаткѣ перепиской ноть. Діогенъ, видя чловѣка пьющаго воду горстью, бросаетъ свою чашку и подражаетъ ему. Съ экономической точки зрѣнія онъ не правъ, потому что гораздо пріятнѣе и требуется менѣе усилий пить изъ стакана, нежели изъ горсти; но чувство руководившее имъ, по моему мнѣнію, было разумно.

Разсматривая когда-то вопросъ о роскоши, я пожелалъ имѣть вмѣсто ногъ, которыя надо предохранять отъ камней, колючекъ и сырости, лошадиные копыта, которые сдѣлали бы излишними чулки и обувь, и избавили-бы насъ отъ непріятностей причиняемыхъ ими. Систему мою назвали *копытною* и нашли ее смѣшной. Но я утверждаю съ Боссюэ, что наши потребности суть слабости, отвлекающія насъ отъ неба и погружающія въ земные интересы. Не имѣя потребностей, мы были бы подобны тѣмъ евангельскимъ лиліямъ, «которыя не ткутъ и не прядутъ» или

богачамъ, которые отыскиваютъ лучшія мѣста въ мірѣ, чтобы наслаждаться великолѣпіемъ этой вселенной.

Я не забываю, что человѣкъ сотворенъ такъ, что трудъ на землѣ составляетъ условіе его здоровья физическаго и моральнаго; но этотъ трудъ долженъ быть распределенъ равномернѣе, не долженъ быть слишкомъ продолжительнымъ и оупляющимъ. Воздержаніе не должно доходить до того, чтобы содѣйствовать грубости нравовъ и инерціи разума, и не должно выражаться въ прославленіе грязной жизни какъ святаго дѣла, или въ изувѣченіе себя, какъ у факировъ; но не бойтесь, не въ эту сторону направляется нашъ вѣкъ. Все въ немъ стремится къ утонченной чувственности. Вотъ съ этой-то тенденціей и слѣдуетъ бороться. Мы бы смѣло поставили за образецъ Сократа, который закаливши свое бодрое тѣло, переносилъ въ походѣ холодъ, жаръ и всякую усталость лучше чѣмъ ветераны, и безъ всякихъ потребностей жилъ только для философіи и справедливости; или св. Павла, который претерпѣлъ за истину всѣ пытки, тюрьму, розги, крушенія, бѣдность, «тысячу смертей». Апостольскія души въ желѣзныхъ тѣлахъ, вотъ идеаль, которому должно бы было удивляться наше время и подражать наше юношество, вмѣсто того чтобы стремиться къ утонченной роскоши, которая расслабляетъ органы и пресыщаетъ чувства.

Во вторыхъ, какъ я сказалъ, можно разсматривать роскошь съ точки зрѣнія благосостоянія народовъ и задать вопросъ, благопріятствуетъ ли она этому благосостоянію, какъ то иногда утверждаютъ.

Въ этой области заблужденіе относительно этого предмета представляется въ самой опасной формѣ. Тѣ, которые тратятся на роскошь, воображаютъ, будто они оказываютъ услугу другимъ, особенно рабочимъ, и правительства кажется также вѣрять этому, потому что они назначаютъ спеціальныя суммы для извѣстныхъ сановниковъ, чтобы они подавали примѣръ этого рода расточительности, называемой представитель-

ствомъ. Самыя элементарныя свѣдѣнія политической экономіи показываютъ, насколько ложна эта идея.

Успѣхъ промышленности зависитъ отъ увеличенія капитала, а капиталъ составляется сбереженіемъ. Расточительность роскоши, которая противоположна сбереженію, не только не благоприятствуетъ, но еще останавливаетъ движеніе промышленности. Здѣсь слѣдуетъ припомнить справедливое замѣчаніе Стюарта Милля: требовать предметъ еще не значитъ дать средства для его производства. Я хочу этотъ годъ купить бархату; но чтобы его сдѣлать, нужны машины и всякаго рода матеріалы. Мой спросъ не дастъ этого капитала. Его долженъ дать тотъ, кто вмѣсто того чтобы все потреблять, дѣлалъ сбереженія. Итакъ мы приносимъ пользу рабочимъ и даемъ имъ возможность работать не тогда, когда потребляемъ сами, но тогда когда даемъ имъ возможность потреблять въ теченіи того времени, пока они производятъ орудія, машины и сырые матеріалы, необходимые для новой фабрикаціи.

Роскошь не только не способствуетъ повышенію рабочей платы, но напротивъ препятствуетъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, когда повышается вознагражденіе рабочихъ? Когда капиталъ увеличивается скорѣе, чѣмъ размножаются рабочіе, или, какъ дѣльно замѣчаетъ Кобденъ, когда два хозяина перебиваютъ другъ у друга одного рабочаго. Но для того чтобы эти два хозяина могли наперерывъ стараться нанять одного рабочаго на рынкѣ труда, нужно чтобы каждый изъ нихъ составилъ себѣ капиталъ посредствомъ сбереженія. Итакъ сбереженіе, а не расходы на роскошь позволяютъ создавать новыя фабрикаціи и употреблять въ дѣло больше рабочихъ. Безъ сомнѣнія, въ странахъ очень богатыхъ, роскошь не мѣшаетъ увеличенію капитала, потому что доходъ настолько значителенъ, что его достанетъ на то и на другое. Рядомъ съ тѣми, которые расточаютъ, есть и такіе, которые сберегаютъ. Кто обладаетъ тремя или четырьмя милліонами ренты, тотъ можетъ позволить себѣ нѣкоторыя фантазіи и всетаки онъ можетъ дѣлать каждый годъ еще небольшія сбереженія. До послѣдняго кризиса въ Англіи

ежегодное увеличеніе капитала составляло около трехъ милліардовъ. Они употреблялись на созданіе новыхъ предпріятій, не только въ странѣ, но и въ цѣломъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если бы сбереженій было еще больше, то утилизованіе всеобщаго производительнаго фонда и увеличеніе общаго производства возрастали бы еще быстрѣе. Мнѣ могутъ сказать: вы не станете по крайней мѣрѣ отрицать того, что роскошь «даетъ ходъ торговлѣ». Это истина признанная всѣми. Ж. Б. Сэй рассказываетъ по этому поводу анекдотъ. Когда онъ былъ въ гимназій, то по воскресеньямъ ходилъ къ своему дядѣ, весельчаку и филантропу. Однажды за десертомъ, весело опорожнивъ бутылку стараго вина, дядя разбилъ стаканы, говоря: «Нужно же чтобы и другіе жили хорошо». Эта фраза заставила задуматься молодаго Сэя. Если мой дядя, говорилъ онъ себѣ, хочетъ дать рабочимъ возможность жить, то почему онъ не бьетъ также свою столовую посуду, свою мебель и окна? Онъ бы далъ еще болѣе работы. Если такъ смотрѣть на дѣло, то тогда значить и Неронъ, когда онъ пѣлъ при видѣ плававшего Рима, былъ вдохновленъ истинными экономическими принципами. Экономистъ времени реставраціи, защитникъ покровительственной системы, Сень-Шаманъ, предполагалъ случай, что Парижъ вдругъ весь сгорѣлъ. Какъ гражданинъ онъ оплакивалъ бы это горе, но какъ экономистъ онъ радовался бы ему. Онъ находить, что это было бы очень выгодно для труда и сообщило бы ему необыкновенный толчокъ. И къ такому заключенію нельзя не придти, если разсматривать не результатъ труда, но самый трудъ. Это все «сизифизмъ», какъ выражался Бастиа. По этому взгляду политическая экономія была бы наукой не о производствѣ, а объ истребленіи богатства. Здѣсь очевидно есть какое-то грубое заблужденіе, которое слѣдуетъ разоблачить и опровергнуть.

Здѣсь уместно повторить слова Бастиа: «Слѣдуетъ строго различать то, что видно, отъ того, что не видно». Видимое, это тотъ рабочій, который снова производитъ то, что было истреблено; а невидимое это другой рабочій, который сдѣлалъ бы

какойнибудь другой предметъ, и этотъ предметъ могъ бы быть заказанъ ему именно на тѣ деньги, которыя теперь платятся первому рабочему. Англійская пословица говоритъ: тотъ дурной вѣтеръ, который не приноситъ пользы никому; другая пословица также говоритъ: самое темное облако имѣетъ свѣтлую полосу. Конечно, когда дядя Сэя билъ стаканы, то онъ давалъ работу стеклянной фабрикѣ, выдѣлывавшей ихъ. Но еслибы онъ не сдѣлалъ этой издержки, то могъ бы купить стулья, столъ или другіе болѣе тонкіе стаканы, и такимъ образомъ онъ доставилъ бы рабочимъ рабочую плату, и самъ могъ бы имѣть болѣе предметовъ. Его имущество, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и имущество страны увеличилось бы. Въ Парижѣ вновь строили общественныя зданія, сгорѣвшія въ 1871 году; дѣйствительно, здѣсь было много работы для разнаго рода мастеровыхъ; но на милліоны истраченные такимъ образомъ можно было бы построить множество другихъ зданій, на примѣръ, школъ или нѣсколько километровъ желѣзныхъ дорогъ. Въ конечномъ результатѣ Парижъ сохранилъ бы свои дворцы и Франція имѣла бы сверхъ того помѣщенія для училищъ или удобные пути для транспортировки, а теперь чтобы имѣть ихъ, она должна будетъ дѣлать новыя затраты.

Все это прекрасно, возразятъ мнѣ, но съ вашими прекрасными теоріями, происходящими по прямой линіи отъ стоиковъ, эваидскихъ пустынниковъ или даже отъ бочки Діогена, вы заставите умереть съ голоду толпу коммерсантовъ и ремесленниковъ! Разсмотримъ возраженіе на живомъ примѣрѣ. Богачъ банкиръ тратитъ на обѣды, балы, и всякаго рода празднества по милліону ежегодно и тѣмъ подбиваетъ своихъ гостей тратить втрое или вчетверо больше. Модистки, портные, кондитеры, куафѣры, фруктовые магазины обдѣлываютъ золотыя аферы. Публика въ восторгѣ: «торговля идетъ хорошо». Является проповѣдникъ, пропитанный не снисходительными теоріями нынѣшней церкви, но святой строгостью древнихъ отцовъ. Онъ гремитъ противъ роскоши. Его слушаютъ, всѣ тронуты и каждый рѣшился исправиться. Нѣтъ болѣе баловъ, нѣтъ болѣе празднествъ, вездѣ

царствует суровость: можно подумать, что мы находимся среди квакеров. Какой будетъ результатъ этой великой перемѣны? Вѣроятно, банкиръ и все его общество не станутъ бросать денегъ въ рѣку. Какъ же они ихъ употребятъ? Конечно они захотятъ получить отъ нихъ прибыль. А какимъ образомъ? Одинъ улучшаетъ землю, которая долгое время оставалась въ пренебреженіи: разводитъ растенія, осушаетъ, открываетъ дороги и исправляетъ постройки. Другой увеличиваетъ свою фабрику, третій беретъ акціи желѣзныхъ дорогъ и такимъ образомъ строить на свою часть нѣсколько километровъ пути. Однимъ словомъ всѣ вызываютъ трудъ полезный и производительный, потому что рассчитываютъ получить прибыль на свои затраченныя деньги. Истрчено тоже число миллионновъ, потому что теперь ихъ уже не зарываютъ въ землю; они питаютъ тоже количество труда и даютъ возможность жить тому же числу рабочихъ, только послѣдніе трудятся въ деревняхъ, гдѣ ихъ не видно, а не въ мастерскихъ куафѣра, кондитера и модистокъ, гдѣ они постоянно у всѣхъ на глазахъ. Здѣсь значить произошло не уничтоженіе, но перемѣщеніе занятій.

Вотъ въ чемъ состоитъ различіе относительно обогащеній страны. Когда бальныя свѣчи погашены у нашего амфитріона, что осталось отъ бала? Ничего, а часто только уязвленное тщеславіе, обремененные желудки и раздраженные нервы. Общественный капиталъ уменьшился вдвойнѣ: истрчены съѣстные припасы и человѣческія силы. Напротивъ, когда окончены полезныя работы, доставившія столько работы труду, остается осушенное и лучше удобренное поле, которое принесетъ больше хлѣба, лѣсъ лучше содержимый и дающій больше дерева, заведенная новая машина, которая произведетъ больше фабричныхъ предметовъ, новый построенный участокъ желѣзной дороги дешевле будетъ перевозить людей и товары. Страна обогатится и станетъ болѣе производительной. Итакъ, на слѣдующій годъ, рабочіе будутъ лучше снабжены. Съѣстные припасы понизятся въ цѣнѣ, и чтобы пустить въ дѣло приросшій капи-

таль, явится бѣльшій спросъ на руки, и тогда повысится рабочая плата. Для рабочаго будетъ значить двойная выгода.

Вотъ еще другія выгоды. Я предполагаю, что одна и та же сумма отвлеченная отъ издержекъ на роскошь къ полезнымъ издержкамъ будетъ содержать одно и тоже число рабочихъ какъ въ деревняхъ такъ и въ городахъ. Но въ деревнѣ эта сумма дастъ возможность существовать большому числу рабочихъ, потому что рабочая плата въ деревнѣ менѣе высока, а жизнь не такъ дорога, и потому тою же суммою денегъ можетъ быть оплачено большее число рабочихъ. Во-вторыхъ, производство необходимыхъ и полезныхъ предметовъ болѣе постоянно нежели производство предметовъ роскоши, потому что легче обойтись безъ послѣднихъ чѣмъ безъ первыхъ. Вообразите, что кризисъ политическій или экономическій поколеблетъ довѣріе и уменьшить доходы: тогда всѣ стануть экономить прежде всего на предметахъ удовлетворяющихъ мнимымъ потребностямъ и потому останутся безъ занятія рабочіе производящіе предметы роскоши. Измѣненія моды въ области роскоши также причиняютъ много страданій. Я знаю въ нашихъ фландрскихъ деревняхъ дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ, выдѣлывающихъ извѣстный родъ кружевъ, называемыхъ валансьенскими. Мода стала предпочитать брюссельскіе, алансонскіе или венеціанскіе: вслѣдствіе этого рабочая плата валансьенскихъ кружевницъ сильно упала и онѣ страдаютъ отъ голода. Ничего нѣтъ грустнѣе, какъ видѣть, что капризъ какой нибудь модной портнихи разбиваетъ коклюшки (на чемъ плетутъ кружево) въ этихъ пальцахъ столь нѣжныхъ, искусныхъ и проворныхъ. Такимъ образомъ роскошь, останавливающая развитіе капитала, доставляетъ рабочимъ менѣе труда и даетъ имъ занятія менѣе вѣрныя чѣмъ производство предметовъ полезнаго потребленія.

Говорятъ еще, будто роскошь заставляетъ деньги циркулировать. Это еще новая нелѣпость. Циркуляція сама по себѣ не приноситъ никакой пользы. Нигдѣ деньги не циркулируютъ такъ дѣятельно какъ на зеленомъ сукнѣ рулетки. Одни проигрываютъ, другіе выигрываютъ миллионы; но гдѣ же выгоды

для страны? Если только деньги не закопаны въ землю въ старомъ горшкѣ, то они циркулируютъ всегда; но при этомъ нужно обращать вниманіе главнымъ образомъ на то, что дѣлаютъ деньги, переходя изъ рукъ въ руки, производятъ ли онѣ прочныя улучшенія и удовлетворяютъ ли истиннымъ человѣческимъ потребностямъ, или же напротивъ рожаютъ массу бесполезностей, которыя удовлетворяютъ чувственности, тщеславію и легкомыслію.

Истрчено положимъ на фейерверкъ 200,000 франковъ: философъ, теологъ и экономистъ порицаютъ это. Напротивъ, зѣваки рукоплещутъ: вѣдь деньги остаются все таки въ странѣ? Новая глупость. Конечно деньги остаются, но богатство выразившееся въ этихъ деньгахъ исчезло вмѣстѣ съ фейерверкомъ. Въ странѣ было два капитала, одинъ въ видѣ денегъ, другой въ видѣ пороха, который могъ бы служить для добыванія изъ земли каменнаго угля и минераловъ или для пробиванія горъ и перешейковъ, чтобы устроить проходъ кораблямъ и локомотивамъ. Когда фейерверкъ сожженъ, то остаются только деньги. Второй капиталъ разлетѣлся дымомъ. Потреблять значить всегда уничтожать. И при этомъ нужно обращать вниманіе на то, дало ли это уничтоженіе, въ обмѣнъ за себя, удовлетвореніе реальнымъ нуждамъ, или создало новое средство производства. Всякое потребленіе составляетъ въ сущности обмѣнъ. Вы отдаете существующую цѣнность; что же вы получите въ обмѣнъ? Если вы получите то, что можетъ укрѣпить тѣло и возвысить душу, то это хорошее дѣло. Если же вы получите то, чѣмъ возбуждается гордость и тщеславіе, т. е. нѣчто худшее даже чѣмъ ничто, то это дурная сдѣлка.

Изъ предъидущаго вытекаетъ, что государство поступаетъ безразсудно и преступно, когда посредствомъ суммъ отпускаемыхъ «на представительство» даетъ своимъ чиновникамъ возможность служить примѣромъ роскоши; потому что оно этимъ препятствуетъ увеличенію капитала, а слѣдовательно прогрессу промышленности и повышенію рабочей платы. Желательно бы было, напротивъ, чтобы эти представители общественной вла-

сти вели жизнь простую и даже строгую. Вслѣдствіе этого, въ демократіяхъ, какъ напр. въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, разница между окладами жалованья менѣе велика нежели у насъ. Нисшіе чиновники получаютъ самое лучшее содержаніе, а высшіе относительно меньшее. Городскія субсидіи, назначаемыя театрамъ, вполнѣ заслуживаютъ того порицанія, которому онѣ подвергаются со стороны экономистовъ. Я допускаю болѣе широкія издержки на просвѣщеніе, на распространеніе здравыхъ, моральныхъ понятій или на развитіе вкуса къ прекрасному. Но кто осмѣлится сказать, что настоящая сцена, за исключеніемъ Théâtre-Français, способствуетъ развитію вкуса или возвышаетъ душу? Какъ говоритъ Руссо, въ своемъ письмѣ къ д'Аламберу о театрахъ, общественные деньги употребляются для открытія очаговъ дурныхъ нравовъ и школы дурныхъ примѣровъ. Справедливо ли, чтобы бѣдный платилъ за удовольствія богатаго и чтобы взимались налоги для того, чтобы абоненты на ложи могли платить половинную цѣну? Очень часто, вмѣсто субсидій, слѣдовало бы преслѣдовать театры судомъ за оскорбленіе общественной морали. Обыкновенно также и здѣсь указываютъ на то, что театральныя представленія «заставляютъ циркулировать деньги и даютъ ходъ торговлѣ». Мы видѣли, что въ этихъ аргументахъ содержатся гибельныя заблужденія.

Вотъ эти идеи, ложность которыхъ еще не была раскрыта экономическимъ анализомъ, и объясняютъ противорѣчія у писателей XVIII столѣтія по этому предмету. Во многихъ мѣстахъ, Вольтеръ порицаетъ роскошь, но вдохновленный знаменитой въ то время апологіей роскоши въ *Баснѣ о пчелѣхъ*, онъ восхваляетъ ее въ *Mondain* и въ другихъ сочиненіяхъ. У Монтескье мы встрѣчаемъ еще болѣе поразительныя несообразности и колебанія, хотя онъ проникъ въ самую сущность предмета. Онъ видѣлъ ясно, что роскошь есть причина деморализаціи и упадка, а между тѣмъ онъ не рѣшался порицать ее, думая вмѣстѣ съ своимъ вѣкомъ, что роскошь есть источникъ богатства. Онъ выражается такъ: «Мода есть важный

предметъ. Человѣкъ, занимаясь ею и служа лекомыслию, постоянно расширяетъ отрасли своей торговли». Вольтеръ въ защитѣ *Mondain*, выразилъ ту же идею.

Sachez surtout que le luxe enrichit
Un grand Etat, s'il en perd un petit
.....
Le pauvre y vit des vanités des grands.

Самъ Руссо думаетъ, что «роскошь можетъ быть необходима, чтобы доставить заработокъ бѣднымъ». Впрочемъ, онъ прибавляетъ: «но если бы вовсе не было роскоши, то не было бы и бѣдныхъ». Экономисты должны употребить всѣ усилія, чтобы вырвать съ корнемъ то основное заблужденіе, будто роскошь экономически полезна, потому что она питаетъ трудъ. Они должны были бы втолковать всѣмъ, что тщеславіе, праздность и развратъ растрачиваютъ ресурсы, которые можно было бы съ пользою употребить на другое. Еще не скоро мораль заставитъ исполнять свои правила; но пусть по крайней мѣрѣ никто не воображаетъ, что поглощая капиталъ въ его источникѣ, т. е. срѣзывая не зрѣлый хлѣбъ, онъ оказываетъ услугу ближнимъ.

Роскошь можно разсматривать и съ третьей стороны, т. е. съ юридической. Дѣйствительно, можно себѣ задать вопросъ, совмѣстна ли роскошь съ правомъ и справедливостью? Христіанская традиція прямо отвѣчаетъ отрицательно. Въ евангеліи есть много мѣстъ въ этомъ смыслѣ. Лазарь принятъ въ лоно Авраама, тогда какъ богатый ввергнуть въ гѣнну огненную. Удобнѣе верблюду, или канату изъ верблюжей шерсти, — пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царство небесное. «Горе вамъ, богатымъ, ибо находите счастье на землѣ!» Роскошь, которая составляетъ эгоистическое и неправильное пользованіе богатствомъ, безусловно осуждается христіанскою моралью. Отцы церкви допускаютъ нѣкоторое равенство по праву. Тѣ, которые имѣютъ излишекъ, не могутъ законно распорядиться имъ только въ свою пользу. Они должны его раздѣлить съ неимущими. Какъ говорить Сальвѣнъ, богатый есть только экономъ бѣднаго. Бодрильяръ цитируетъ мѣсто изъ про-

повѣди Бурдалу о милостынѣ, въ которой эта доктрина изложена ясно: «Согласно естественному закону, говоритъ ораторъ, всѣ имущества должны быть общими. Такъ какъ всѣ люди одинаково люди, то одинъ кто нибудь самъ по себѣ и по своимъ средствамъ не имѣеть правъ болѣе прочныхъ и болѣе обширныхъ, чѣмъ всѣ другіе. Такимъ образомъ кажется естественнымъ, что Богъ предоставилъ людямъ владѣніе землей для того, чтобы они пользовались плодами ея, каждый смотря по своимъ потребностямъ... Когда богатый даетъ милостыню, то пусть онъ не хвастается своей щедростью, потому что эта милостыня есть долгъ, который онъ уплачиваетъ; это законная часть принадлежащая бѣдному и отказать ему въ ней было бы несправедливостью». Противъ неравенства и роскоши составляющей его послѣдствіе, церковь указала только одно лекарство: милостыня и всегда милостыня. Но что же остается дѣлать, когда политическая экономія, опираясь на факты, доказываетъ, что милостыня порождаетъ праздность, нищенство, неподвижность, пониженіе характеровъ и что, наконецъ, она несправедлива, потому что она взимается, тѣмъ или другимъ способомъ, посредствомъ ренты или налога съ тѣхъ, которые работаютъ въ пользу не работающихъ?

Монтескье допускаетъ, подобно Бурдалу, что «частныя богатства увеличились только посредствомъ отнятія у одной части гражданъ того, что имъ физически необходимо; поэтому слѣдуетъ возвратить имъ отнятое». А какимъ образомъ? Путемъ тратъ, которыя дѣлаютъ богачи и къ которымъ, въ случаѣ надобности, правительство должно принуждать ихъ. Рѣшеніе великаго политическаго писателя еще хуже чѣмъ рѣшеніе великаго оратора каеэдры. Истинное средство было понято и примѣнено на дѣлѣ французской революціей и авторами французскаго гражданскаго кодекса, но только можетъ быть недостаточно логично. Оно состоитъ въ томъ, чтобы дать собственность возможно большому числу гражданъ. Сдѣлайте такъ, чтобы каждый имѣлъ частичку земли, одну промышленную акцію или облигацію, словомъ маленькій капиталъ; демократизируйте соб-

ственность, и тогда, такъ какъ каждый будетъ пользоваться полнымъ продуктомъ своего труда, исчезнетъ эта несправедливая роскошь, порицаемая политическою экономіею и христіанствомъ и составляющая неизбѣжный результатъ чрезмѣрнаго неравенства, и если успѣхи механики позволятъ увеличить продукты и дѣлать ихъ красивѣе, то они по крайней мѣрѣ будутъ доступны для всѣхъ. Таковую картину и представляютъ намъ тѣ страны, гдѣ гражданскіе законы, феодальная и королевская узурпація не истребили аграрнаго режима и формъ собственности первобытныхъ временъ.

Вольтеръ, который насчетъ роскоши сказалъ много нелѣпостей, какъ большинство писателей его времени, написалъ однако объ ней въ своемъ *Философскомъ Лексиконѣ* слѣдующее: «Если разумѣть подъ роскошью все, что излишне противъ необходимаго, то роскошь есть естественное слѣдствіе прогреса человѣческаго рода, и чтобы быть послѣдовательнымъ въ своихъ разсужденіяхъ, каждый врагъ роскоши долженъ думать, вмѣстѣ съ Руссо, что верхъ счастья и добродѣтели для человѣка есть возвращеніе къ состоянію даже не дикаря, а орангутана. Всякій сознаетъ, что было бы нелѣпостью считать удобства, которыми пользовались бы всѣ люди, дурнымъ дѣломъ; поэтому и названіе роскоши дается только излишествамъ, которыми можетъ пользоваться только ограниченное число личностей. Въ этомъ смыслѣ, роскошь есть необходимое слѣдствіе собственности, безъ которой не можетъ существовать никакое общество, и большого неравенства состояній, которое есть слѣдствіе не права собственности, а дурныхъ законовъ. Дурные законы порождаютъ роскошь, а потому хорошіе могутъ уничтожить ее. Моралисты должны обращаться съ своими проповѣдями къ законодателямъ, а не къ частнымъ людямъ, потому что въ порядкѣ вещей возможно, чтобы просвѣщенный и добродѣтельный человѣкъ имѣлъ въ своихъ рукахъ власть издать разумные законы, тогда какъ вовсе несообразно съ человѣческой природой, чтобы всѣ богатые отказались, по добродѣ-

тели, доставляют себѣ за деньги удовольствія или удовлетвореніе тщеславію.

§ 4.

По моему мнѣнію, только одинъ родъ роскоши можетъ быть оправданъ; это общественная роскошь, но съ условіемъ однако чтобы она была понимаема разумно. Бодрильяръ написалъ по этому поводу превосходныя страницы. Вотъ одна выдержка: «То она приглашаетъ массы наслаждаться нѣкоторыми пріятными вещами, какъ напр. публичными садами, фонтанами или театрами. То открываетъ сокровища прекраснаго для большинства, которое не можетъ пріобрѣтать произведеній скульптуры и живописи. Она имѣетъ для искусства музеи, точно также какъ для наукъ и литературы библіотеки, и для промышленности выставки. Во всѣхъ видахъ эта коллективная роскошь, если она разумно направлена, приноситъ пользу всѣмъ. Она возвышаетъ уровень и оплодотворяетъ геній промышленности. Эта общественная роскошь кромѣ того имѣетъ еще великую заслугу: она уничтожаетъ тотъ эгоизмъ и изолированность, которые свойственны роскоши частныхъ лицъ. Она дѣлаетъ доступными цѣлой массѣ тѣ удовольствія, которыми наслаждается обыкновенно только одинъ богачъ, или повременамъ позволяетъ наслаждаться ими немногимъ личностямъ».

Глава, заканчивающая трудъ Бодрильяра и разсматривающая реформы, которыя слѣдуетъ ввести въ общественную роскошь, заключаетъ въ себѣ самыя вѣрныя и полезныя взгляды. Чѣмъ болѣе общество дѣлается демократическимъ, тѣмъ болѣе государство вправѣ участвовать въ томъ покровительствѣ, какое оказывается великому искусству, т. е. единственной роскоши, которую можно себѣ позволить. Въ Афинахъ во время Перикла, двѣ трети доходовъ тратились на общественные монументы. Пиндаръ говоритъ въ 7 олимпіадѣ: «Въ тотъ день, когда родосцы воздвигли храмъ Минервѣ, на островъ полился золотой дождь». Золотой дождь падаетъ на народъ тогда, когда народъ разумно поощряетъ литературу и искусства; это есть

дождь чистыхъ и безкорыстныхъ удовольствій. Феликсъ Равесонъ въ своемъ *L'art dans l'école* *) говоритъ: «Если воспитаніе должно начинать съ реальныхъ предметовъ и образцовъ, то это для того, чтобы пользоваться ими какъ крыльями для полета въ самыя высшія сферы ума. Было ли бы столько излишествъ, столько грубыхъ и унижительныхъ злоупотребленій предметами потребленій, если бы массы были развиты, хотя бы въ слабой степени, настолько, чтобы находить удовольствіе въ этомъ божественномъ и благотворномъ опьяненіи, которое производятъ чрезъ посредство слуха и зрѣнія пропорціи формъ и гармонія? Человѣкъ народа, надъ которымъ тяготѣетъ такая тяжелая матеріальная фатальность, могъ бы найти самое лучшее облегченіе своего суроваго положенія, еслибы глаза его способны были видѣть то, что Леонарда де-Винчи называетъ *belezza del mondo*, еслибы и онъ такимъ образомъ былъ въ состояніи наслаждаться также этими величественными прелестями, которыя разсѣяны по всему обширному міру, и которыя сдѣлавшись доступными для его сердца, какъ выражается Паскаль, облегчили бы его печаль и дали бы ему возможность предъощутить и предвкусить лучшую судьбу». Объ этомъ вопросѣ, затрогивающемъ столько различныхъ интересовъ, слѣдовало бы написать цѣлую книгу. Поэтому здѣсь я не буду распространяться объ немъ. Я совершенно согласенъ въ этомъ пунктѣ съ заключеніями Бодрильера, и думаю, что правители государства или администраторы общинъ найдутъ въ его книгѣ много хорошихъ совѣтовъ.

Я скажу только еще нѣсколько словъ по поводу роскоши и ея отношеній къ формамъ правленія. Но предметъ этотъ слишкомъ обширенъ, и я могу только слегка коснуться его. Бодрильеръ посвятилъ ему цѣлую главу, въ которой высказываетъ глубокія истины. Но и здѣсь я склоненъ быть не много болѣе «ригористомъ» чѣмъ онъ. Онъ допускаетъ для монархіи необходимость извѣстной роскоши. «Нельзя утверждать, говоритъ онъ,

---

*) Dictionnaire de pedagogie et d'instruction primaire.

чтобы она отвергала всякій внѣшній блескъ. Есть часть, въ которой нужно чисто монархическое учрежденіе». Далѣе онъ думаетъ, что Монтескье теперь не написалъ бы слѣдующаго мѣста: «Въ республикахъ, гдѣ богатства раздѣлены равно, не можетъ быть роскоши, и такъ какъ это равенство распредѣленія составляетъ достоинство республики, то чѣмъ менѣе роскоши въ этой республикѣ, тѣмъ она совершеннѣе. Въ республикахъ, гдѣ равенство не совсѣмъ исчезло, духъ торговли, труда и добродѣтели даетъ возможность каждому жить въ ней своимъ собственнымъ состояніемъ, а слѣдовательно, тамъ мало роскоши». Я же думаю, напротивъ, что Монтескье, увидавши картину современнаго состоянія вещей, нашелъ бы много причинъ вовсе не измѣнять своего мнѣнія. Роскоши не должно быть ни въ республикѣ, ни въ монархіи. «Дѣло идетъ о человѣчествѣ, каково оно есть, а не о человѣческой природѣ, какова она могла бы быть» говоритъ Бодрильяръ. Конечно, слѣдуетъ брать точкой отправленія то, что существуетъ; но въ наукахъ моральныхъ несомнѣнно нужно искать и то, что можетъ быть и собенно то, что должно быть. Нужно искать идеаль; а экономисты, по моему мнѣнію, слишкомъ забыли его.

Прежде внѣшній блескъ и роскошь королей могли быть полезны, но не народамъ, а для поддержанія королевскаго достоинства, потому что подобно торжественной пышности богослуженія этотъ блескъ внушалъ толпѣ родъ суевѣрнаго благоговѣнія. Государь въ блескѣ великолѣпія, окружающаго его тронъ, являлся какъ бы божественнымъ. Роскошь была одной изъ основъ власти. Въ настоящее время этотъ блескъ величія не внушаетъ благоговѣйнаго почтенія, а только раздражаетъ; это доказываютъ отвѣты недавнихъ цареубійць въ Берлинѣ, Мадридѣ и Неаполѣ. «Почему вы хотѣли убить короля? спрашиваютъ Пассананте.—Потому что, отвѣчалъ онъ, король есть глава хищниковъ народа, который доведенъ налогами до нищеты. Я не имѣю никакой вражды противъ короля Гумберта, который добръ и самоотверженъ».

Монтескье думаетъ, что для монархіи нужна роскошь и

испорченность, чтобы народъ не сожалѣлъ о свободѣ. Но на такой аргументъ едва ли стануть ссылаться приверженцы монархіи. Современные короли напротивъ понимаютъ, что преданность общему дѣлу и простота жизни составляютъ лучшее средство, чтобы заслужить любовь своей страны. Король Гумбертъ, также какъ его отецъ Викторъ Эмануилъ, солдатъ и охотникъ, и имѣетъ отвращеніе къ блеску роскоши и представительству. Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ повсюду возвышаются на Ring великолѣпные дворцы, австрійскій императоръ продолжаетъ жить въ старомъ замкѣ своихъ предковъ, и онъ правъ, не желая другаго. Я видѣлъ въ Бабельсбергѣ спальню и рабочій кабинетъ императора Вильгельма. Все тамъ просто, какъ будто въ комнатѣ поручика. Мебель въ немъ сосновая, а кровать желѣзная, покрытая дорожнымъ одѣяломъ. Ни ковра, ни роскошныхъ занавѣсокъ. Король бельгійскій Леопольдъ дѣлаетъ сбереженія въ своей шкатулкѣ для великодушнаго поощренія литературы, искусствъ, земледѣлія и для поддержки великаго филантропическаго дѣла цивилизаціи центральной Аффрики. Королеву Викторію глупо укоряютъ за то, что она подаетъ примѣръ экономіи. Народъ еще менѣ простилъ бы роскошь сановникамъ республики, чѣмъ королямъ. Республиканская роскошь шокировала бы какъ скандалъ, потому что народъ видѣлъ бы въ ней чванство выскочки, который пользуется излишками взятыми изъ необходимаго у рабочаго. Распространилась пагубная идея, что счастье состоитъ въ богатствѣ. Главамъ республиканскаго государства слѣдуетъ показать, что высшія мѣста и должности совмѣстны съ наибольшей простотой, и что они нѣчто иное, а не просто средства для того, чтобы доставлять себѣ утонченныя удовольствія чувственности и тщеславія.

Монтескье былъ правъ, утверждая, что демократія исключаетъ роскошь, потому что она не допускаетъ крайняго неравенства. «Если, говоритъ онъ, въ государствѣ богатства распредѣлены равномѣрно, то въ немъ вовсе не будетъ роскоши, потому что она основывается на удобствахъ, получаемыхъ посредствомъ труда другихъ». — «Исторія, говоритъ Курсель-Се-

нейль, показываетъ намъ достаточно, что роскошь развивается только у тѣхъ, которые приобрѣтаютъ богатство не трудясь, а посредствомъ игры, войны или интриги». Не забудемъ, что всѣ древнія демократіи погибли въслѣдствіе соціальной борьбы. Также опасность угрожаетъ и намъ и по временамъ разражается ужасными катастрофами. Наученный фактами, Аристотель лучше всѣхъ понялъ страшную проблему, которую ставить учрежденіе демократическаго режима. Въ своей превосходной книгѣ *Политикъ*, онъ показываетъ и опасность и средство противъ нея. Опасность происходитъ отъ неравенства, а средство состоитъ въ распространеніи собственности.

Демократизованная собственность есть единственно прочная основа демократіи. Когда всякій отецъ семейства сдѣлается собственникомъ небольшого поля, дома, акціи, облигаціи, ренты, тогда не нужно будетъ бояться соціальныхъ революцій. Поэтому нужно внушать рабочимъ классамъ съ дѣтства и въ школахъ привычку къ сбереженію, облегчать насколько возможно приобрѣтеніе собственности, измѣнять законы содѣйствующіе концентрированію собственности въ немногихъ рукахъ, и, напротивъ, вводить всякіе законы, которые дадутъ участіе въ собственности большинству. Что касается до зажиточныхъ классовъ, то ихъ обязанность содѣйствовать этому эмансипационному движенію. Усердіе къ труду, любовь къ полямъ, простота жизни, высшая моральная и интеллектуальная культура: такъ вы примѣры, которые они должны подавать народу.

Христіанство было право: богатство налагаетъ на человѣка обязанности. Тѣ, которые располагаютъ чистымъ доходомъ страны, должны употреблять свои излишки, не на изысканныя матеріальныя наслажденія и не на возбужденія вредныхъ страстей тщеславія и гордости, но на общепользныя дѣла, какъ это и дѣлаютъ уже многіе американскіе граждане, и нѣкоторые европейскіе государи. Евангеліе принесло спасеніе даже въ этомъ мірѣ. Древнія демократіи погибли въ развратѣ и въ гражданскихъ войнахъ, потому что, основанныя на рабствѣ, они не могли организовать справедливости. Новѣйшая демократія

избѣжить этихъ опасностей, если ей удастся осуществить идеаль предписанный Христомъ, осуществленіемъ котораго въ первые вѣка служила братская вечеря, т. е. идеаль истиннаго братства людей.

Такимъ образомъ, какъ сказалъ Вольтеръ, роскошь уничтожать не проповѣди проповѣдниковъ, ни разсужденія экономистовъ, но медленный и непрерывный прогрессъ учреждений и законовъ.

360881

2